

Арзуманян Р.В.

Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения

**Теоретические и стратегические проблемы концептуализации,
религиозные и военно-политические отношения
в операционной среде иррегулярных военных действий**

*Под общей редакцией доктора военных наук,
профессора, генерал-лейтенанта
Михайловского А.Б.*

Москва
2015

УДК355/359

ББК 68

А80

Серия «Новая стратегия». Книга 4

АРЗУМАНЯН Р.В.

А80 Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий / Под общ. ред. А.Б. Михайловского. — М.: АНО ЦСОиП, 2015. — 334 с. (— Новая стратегия, 4)

ISBN 978–5–906661–09–8

В монографии излагаются основные черты и характеристики иррегулярных военных действий (иррегулярных войн) в среде безопасности 21 века, а также теория и концепции иррегулярных военных действий в современной военной доктрине США. Рассмотрение опыта вооруженных сил США и ряда западноевропейских стран позволяет оценить основные проблемы, с которыми сталкивается военная организация государства и система НБ в целом при проведении такого рода военных действий. Они, в частности, оказываются связаны с необходимостью переосмысления роли религиозных и военно-политических отношений, а также теоретическими и стратегическими проблемами концептуализации вызовов национальной безопасности. Иррегулярные военные действия наглядно показывают важность соединения военной сферы с прочими элементами национальной мощи, оркестрирования всех инструментов национальной мощи для достижения стратегических целей нации.

Книга адресована курсантам и студентам, научному и экспертному сообществу, государственным служащим, занимающихся проблемами войны и национальной безопасности.

© АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов», 2015

© Арзуманян Р.В., 2015

ISBN 978–5–906661–09–8

© Воробьев А.В., оформление, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора.....	8
Введение	12
В1. Эволюция иррегулярных военных действий.....	12
В2. Иррегулярные военные действия и среда безопасности XXI века.....	20
В3. Основные черты и характеристики иррегулярных военных действий ..	24
ГЛАВА I. Теория и концепции иррегулярных военных действий в современной военной доктрине США	32
1.1. Эволюция термина «иррегулярные военные действия»	34
1.2. Иррегулярные военные действия как операционная среда. Типы военных действий	43
1.3. Типы иррегулярных противников.....	49
1.4. Источники мощи повстанческих движений и движений сопротивления	52
1.5. Описание факторов успеха в операционной среде иррегулярных военных действий.....	60
1.5.1. Факторы операционной среды	60
1.5.2. Факторы организационной среды	65
1.6. Перспективы концепции иррегулярных военных действий.....	70
1.6.1. Иррегулярные военные действия и проблемы западной военной культуры и организации.....	70
1.6.2. Дебаты касательно будущего термина «иррегулярные военные действия».....	74
ГЛАВА II. Иррегулярные военные действия в родах войск и служб вооруженных сил США.....	92
2.1. Силы специального назначения в среде иррегулярных военных действий.....	92

2.1.1. Контекст, ресурсы и возможности сил специального назначения в операционной среде иррегулярных военных действий.....	92
2.1.2. Сбалансированный подход сил специального назначения в операционной среде иррегулярных военных действий.....	97
2.1.3. Опыт участия сил специального назначения в иррегулярных военных действиях в Афганистане и Ираке.....	100
2.2. ВМС в операционной среде иррегулярных военных действий.....	107
2.2.1. Определение, характеристика и применение морских иррегулярных военных действий.....	108
2.2.2. Типы операционной активности морских иррегулярных военных действий.....	111
2.2.3. Принципы институционализации и проведения иррегулярных военных действий ВМС.....	116
2.3. ВВС в операционной среде иррегулярных военных действий.....	123
2.3.1. Цикл феникса.....	124
2.3.2. Требования к операциям в среде иррегулярных военных действий.....	126
2.3.3. Рекомендации по использованию ВВС в операционной среде иррегулярных военных действий.....	128
2.4. Фрейм для производства и анализа разведывательной информации в операционной среде иррегулярных военных действий.....	130
2.4.1. Общий контекст создания фрейма.....	130
2.4.2. Фрейм для оценки разведывательной информации в операционной среде иррегулярных военных действий.....	133

ГЛАВА III. Религиозные и военно-политические отношения в среде иррегулярных военных действий 153

3.1. Религия в операционной среде иррегулярных военных действий..	153
3.1.1. Общий контекст.....	153
3.1.2. Мировоззрение, идеология и политическая теология.....	154
3.1.3. Религия в доктрине контрповстанческих операций.....	156
3.1.4. Духовное повстанчество.....	159
3.1.5. Насильственные новые религиозные движения и духовное повстанчество.....	160
3.2. Военно-политические отношения в среде иррегулярных военных действий.....	165
3.2.1. Политические отношения в военной сфере.....	166
3.2.2. Военные в политической жизни.....	175

3.2.3. Ситуационное исследование вовлечения военных в политический процесс.....	182
--	-----

ГЛАВА IV. Опыт европейских стран в проведении иррегулярных военных действий 195

4.1. Опыт проведения иррегулярных военных действий в XVIII–XIX вв. .	196
4.1.1. Восстание Вандеи.....	196
4.1.2. Пиренейская война.....	197
4.1.3. Франко-прусская война.....	199
4.1.4. Вторая бурская война.....	200
4.2. Лоуренс Аравийский и опыт Великобритании в Первой мировой войне.....	201
4.2.1. Арабское восстание.....	203
4.2.2. Крах политического проекта и надежд.....	210
4.2.3. Теоретическое наследие Лоуренса Аравийского.....	211
4.3. Опыт Великобритании в проведении иррегулярных военных действий после Второй мировой войны.....	218

ГЛАВА V. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации вызовов национальной безопасности ... 234

5.1. Проблемы ошибочной концептуализации и категоризации вызовов национальной безопасности.....	234
5.2. Теоретические вызовы использования термина иррегулярные военные действия.....	236
5.2.1. Трудности в проведении иррегулярных военных действий регулярными силами.....	238
5.2.2. Проблемы использования термина «иррегулярные военные действия».....	241
5.3. Стратегические проблемы категориального аппарата для классификации вызовов национальной безопасности.....	244
5.3.1. Контексты проблемы применительно к сообществу НБ США.....	245
5.3.2. Стратегические проблемы существующей системы классификации вызовов национальной безопасности.....	249
5.3.3. Общая теория стратегии и проблема категориального аппарата для классификации вызовов национальной безопасности.....	261
5.4. Выводы и рекомендации.....	264

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Будущее иррегулярных военных действий	271
6.1. Основные черты иррегулярных военных действий.....	271
6.2. Тренды и стратегии противодействия иррегулярным вызовам.....	275
6.3. Концепции и исторические уроки асов иррегулярных военных действий.....	281
6.4. Будущее иррегулярных военных действий	287
ПРИЛОЖЕНИЕ	291
П1. Применение мультимасштабного анализа сложных систем при рассмотрении сетевых сил и противоборств	291
П1.1. Введение.....	291
П1.2. Сложность и масштаб. Основные понятия.....	292
П1.3. Профайл сложности и мультимасштабный анализ сложных систем.....	294
П1.4. Иерархические и распределенные принципы управления сложными системами.....	299
П1.5. Военное противоборство и Сеть	301
П1.6. Выводы.....	305
Литература.....	307
Список сокращений.....	333

Посвящение

*Моей семье, любовь, терпение и поддержка
которой сделали возможной данную работу.*

Предисловие редактора

Развитие геостратегической обстановки в последние годы, определенное такими фундаментальными сдвигами, как истощение эффективных запасов полезных ископаемых, глобальное потепление (и связанные с ним процессы миграции, опустынивания плодородных земель, недостаток питьевой воды и др.), а также субъективные проблемы развития цивилизации (конфессиональные, этнические, проблемы глобальной финансовой системы, появление большого числа надгосударственных и негосударственных субъектов и др.) привели к резкому обострению международной напряженности. В таких условиях все чаще встает вопрос о необходимости применения жестких мер реагирования на возникающие угрозы с целью защиты государственных интересов. Традиционным инструментом решения встающих проблем является применение военной силы.

Вместе с тем в сегодняшнем в высшей степени глобализованном мире даже само намерение применить военную силу ведет к росту нестабильности многих сфер жизни (причем даже в той стране, которая запланировала применение силы, а не только в той, против которой сила применяется).

С другой стороны, нынешнее состояние как мировой, так и национальной экономики, общее замедление темпов инновационной активности уже не позволяет поддерживать рост военных расходов на прежнем уровне. Да в этом и нет смысла, поскольку применение накопленных арсеналов без последствий, в том числе и для страны, его применившей, практически невозможно. Более того, сегодня маловероятны конфликты, в которых будут воевать между собой две и более высокотехнологичных армий. В этом и заключается фундаментальный разрыв, противоречие современной эпохи: с одной стороны, глубокий системный кризис современной цивилизации, охвативший многие сферы жизни, требует жестких мер, вплоть до применения военной силы (другими словами — нужна война для разрешения накопившихся противоречий), а с другой — накопленные арсеналы по типам вооружений и их огневой мощи в большинстве случаев не могут быть применены без серьезных последствий, в том числе и для страны, их применившей.

На этом фоне нарастающий виток глобальной инфляции, удорожание всех видов деятельности уже не позволяет содержать вооруженные силы и оборонно-промышленный комплекс исключительно на случай широкомасштабных военных действий. Сегодня у государства не остается возможности содержать армию только на тот небольшой промежуток времени, когда она может оказаться востребованной.

Конфликты последних лет на примере Югославии, Ирака, Ливии и Сирии показывают, что копившийся годами военный потенциал в том виде, в котором он создавался, в большинстве случаев в условиях обострения обстановки либо не работает вообще, либо оперативно требуется его перестройка и адаптация к условиям, которые, как правило, кардинально отличаются от тех, к которым готовилась армия. Как результат – крайне низкая эффективность боевого применения сил и средств для решения стоящих задач.

С другой стороны, попытка государства применить военную силу для решения задач обеспечения безопасности и наведения порядка (как это было в России в ходе трех чеченских кампаний, либо в событиях на Украине и в Крыму), т.е. для решения именно тех задач, для которых, в том числе, и создавался многие годы военный потенциал, на деле упирается в крайне отрицательное «общественное мнение» и последующие международные санкции.

Также необходимо учитывать, что широкомасштабному применению военной силы предшествует этап наращивания сил, а с началом применения необходимо заботиться и о поддержании группировки (особенно это важно, если войска привлекаются для решения долгосрочных задач на оккупированной территории). Эти шаги крайне дороги и могут быть оправданы лишь на очень короткий период времени, либо только в условиях ведения широкомасштабной войны и перевода экономики на мобилизационный план.

Анализ показывает, что Запад первым осознал происходящие изменения. Формирование и поддержание группировки сил и средств, к примеру, по той же Югославии или по Ираку обошлись американским и европейским налогоплательщикам в очень значительную сумму. При этом необходимо учитывать, что от всей мощи созданных группировок эффективно применялись лишь несколько процентов (как правило, это авиация и силы специального назначения).

Понимание происходящих изменений отразилось в усиленном развитии невоенных средств и методов борьбы (включая экономические, информационные и др.). Сегодня Госдепартамент США в сфере ведения противоборства занимает гораздо более весомую позицию, чем Пентагон, поскольку координирует и интегрирует все элементы национальной мощи для решения стоящих задач.

Результатом такой работы стала, к примеру, концепция «цветной революции», когда поставленные политические цели достигаются за счет использования внутреннего протестного потенциала без широкомасштабного применения военной силы.

Сегодня наиболее перспективной концепцией на Западе является концепция иррегулярных военных действий, подразумевающая широкое применение партизанских, диверсионных и специальных форм и способов борьбы.

Уже во второй иракской кампании (а также в Афганистане) коллективные силы США и НАТО стали активно привлекать для решения стоящих задач такие структуры, как частные военные компании. Этот механизм позволял, используя лишь финансовый ресурс без дополнительной инфраструктуры, привлекать значительные силы профессионалов для решения конкретных задач. Силы ЧВК применялись для решения задач мирного времени (сопровождение опасных грузов, охрана инфраструктурных объектов, проводка караванов, помощь местной полиции и др.), а при необходимости эти же силы решали и боевые задачи. Высокая конкуренция среди ЧВК позволяла проводить отбор наиболее пригодных исполнителей, причем с узкой специализацией по условиям выполнения задачи (климатическая зона, уровень военной подготовки, проф. специализация и др.). Но, что самое главное, в случае каких-либо противоправных действий представителями ЧВК в районе их применения никогда тень не ложилась на государство. В случае огласки произошедшего всегда вступали в действие существующие нормы и правила юридической ответственности, которые автоматически выводили государство из-под удара негативного общественного мнения.

Что касается систем вооружения и военной техники, то афганская кампания для США также стала в этом вопросе весьма показательной. Так, армия США начала отказываться от систем вооружения избыточной огневой мощи в пользу интеллектуальных высокоточных систем вооружения. Было принято решение, что многие задачи в условиях современного конфликта должны решаться не системами залпового огня или мощными артиллерийскими системами, а высокоточным оружием.

Важно отметить, что большинство из традиционных средств вооружения для своего применения должны быть передислоцированы на театр военных действий, должна быть налажена система их технического обеспечения и обслуживания (причем сколько будет разных ТВД, столько инфраструктуры и надо создавать). Кроме того, всегда сохраняется возможность того, что противостоящая сторона предпримет действия с целью выведения развернутых средств поражения из строя либо их захвата (что наиболее критично для развернувшей их стороны).

Современные средства поражения, такие, к примеру, как боевые беспилотные летательные аппараты, базируются далеко от места их непосредственного применения. Этим они не только защищены от возможных диверсий, но и дают возможность применять одни и те же средства на разных ТВД, что влечет существенную экономию на вспомогательной и обеспечивающей инфраструктуре. Кроме того, беспилотные летательные аппараты могут длительное время находиться в зоне боевого применения, решая при необходимости задачи по огневой поддержке наземных сил.

Все вышеизложенное указывает на то, что современные подходы к ведению военных действий продолжают изменяться. Применение сил специального назначения, активное использование партизанской войны (т.е. все,

что в специальной литературе получило название «иррегулярных военных действий») становятся одними из главных форм противоборства. В этих условиях важно знать и понимать теоретические основы и исторический опыт зарождения и развития этого вида вооруженной борьбы. Советская военная школа имела богатый опыт организации и ведения партизанской войны; что касается армии российской, то в ней за последние годы этот опыт был не востребован. Текущая ситуация показывает, что настало время восполнять этот пробел.

Надеемся, что представленная монография послужит в качестве одного из источников, который даст возможность оценить текущее состояние развития концепции иррегулярной борьбы в западной военной школе, понять ее достоинства и недостатки и взять все лучшее для совершенствования и развития отечественной военной науки.

МИХАЙЛОВСКИЙ А.Б.
*доктор военных наук, профессор,
генерал-лейтенант*

Введение

В1. Эволюция иррегулярных военных действий

Как академические исследования, так и СМИ зачастую рассматривают методы ведения иррегулярных военных действий (ИВД), такие как террористические, партизанские или повстанческие, как «неправильные». Однако такой взгляд оторван от реальности, так как на протяжении большей части истории человечества военные действия имели иррегулярный характер и происходили между плохо организованными и легко вооруженными группами бойцов, отдающих предпочтение не открытым сражениям, а засадам и рейдам (вылазкам). Военная активность, которую демонстрировали как воины доисторической эпохи, так и террористы, повстанцы и прочие иррегулярные бойцы XXI века — это и есть иррегулярные военные действия¹.

Конвенциональные войны — относительно новая форма ведения боевых действий, которая стала возможна с появлением аграрных обществ, способных производить достаточное количество дополнительного продукта и населения, чтобы выстроить оборонительные сооружения, производить оружие, содержать постоянную армию и профессионалов, способных создавать, поддерживать и использовать военную организацию государства. Процесс формирования государства и его важнейшего атрибута военной организации занял относительно долгое время и разворачивался неравномерно. Например, в некоторых частях мира народы стали обладателями государства и государственного мышления только в прошлом веке. Способность таких государств выполнять свои базисные функции, в том числе такие как создание и поддержание в надлежащем виде военной организации, системы НБ в целом, оказалась в лучшем случае слабой и неразвитой.

Если рассматривать общую историю человечества, то необходимо признать, что эра конвенциональных войн представляет собой очень короткий момент исторического времени. Тем не менее, начиная как минимум с Древней Греции и Римской империи, роль иррегулярных военных действий недооценивалась, несмотря на всю актуальность последних. В 512 до н.э. персидский царь Дарий организовал поход против скифов и, перейдя Дунай, двинулся вглубь скифских земель. Греческий историк Геродот говорит, что скифы смогли сорвать планы персидской армии, заставив ее идти через всю страну и избегая открытого сражения. Уступавшая в численности и хуже вооруженная скифская армия использовала партизанские методы, в том числе и тактику выжженной земли.

Александр Македонский также столкнулся с партизанскими методами ведения военных действий во время кампании против персидского генерала Бесса (**Bessus**), убийцы Дария III. Военные действия развернулись на территории персидских сатрапий современного Афганистана перед вторжением в Индию².

Можно также вспомнить ранние победы Ганнибала над Римом и поход через Альпы, поставивший римлян на грань поражения и вынудивший Фабия Максима (**Quintus Fabius Maximus**) перейти к иррегулярным военным действиям. Вооруженные силы римлян стали тенью маршей Ганнибала, уничтожая фураж и продовольствие, оставших и патрули. При этом Максимус тщательно избегал полномасштабного сражения³.

Тем не менее, Запад относился к применению ИВД в межгосударственных конфликтах между собой скорее как к недостойным и варварским методам ведения войны. Это хорошо видно, например, в работе британского историка Джона Кигана (**John Keegan**), в которой партизаны характеризуются как «жестокие по отношению к слабым и трусливые перед лицом храбрых»⁴. Другим словами, демонстрируют поведение, противоположное тому, какое требует западная военная этика.

Некоторые исследователи считают, что иррегулярные военные действия не являются «настоящей» войной. Сложно согласиться с данной точкой зрения, если помнить, что на протяжении всей истории человечества ИВД были более кровавыми и приводили к несравненно большим потерям, нежели конвенциональные войны. Речь идет об относительных оценках, а не абсолютных, так как количественное сравнение городских цивилизаций и войн индустриальной эпохи с обществами предыдущих эпох является не совсем корректным и не позволяет увидеть тенденции. Однако если брать во внимание процентное соотношение убитых к общему числу населения, то картина становится более четкой. Как замечает Макс Бут, археологические данные говорят в пользу того, что в среднем племенное общество теряло ежегодно 0,5% своего населения в военных действиях. Для США такие потери должны расцениваться как 1,5 миллиона или 500 трагедий 9/11 в год⁵.

Иррегулярные военные действия, уходя корнями в доисторическую эпоху, изменялись со временем. До появления государств и постоянных армий такие действия велись исключительно между иррегулярными акторами. Затем ряд ИВД проходили уже между иррегулярными бойцами и государством — тип военных действий, который можно назвать первыми повстанческими и контрповстанческими.

Как говорит Чарльз Коллуэл (**Charles Callwell**) в классическом пособии «Малые войны» 1906 года: «Условия малых войн настолько разнообразны, способы борьбы противника зачастую так своеобразны, театры операций имеют такие уникальные свойства, что иррегулярные военные действия должны в целом проводиться методами, которые тотально отличаются от стереотипной системы [регулярной войны]. Искусство войны, как обычно оно понимается, должно быть модифицировано, чтобы соответствовать об-

стоятельствам каждого отдельного случая. Проведение малых войн в определенных аспектах — это само по себе искусство, широко отличающееся от тех, что адаптированы для условий регулярных военных действий, но не так широко, чтобы не было точек ветвления (пересечения), которые позволяют провести сравнение»⁶.

В Новые времена у ИВД появляется новая — идеологическая — размерность, которая ранее в большинстве случаев отсутствовала. Причем идеологические тренды также изменялись со временем и если с конца XVIII до начала XIX веков это были идеи либерализма и национализма, то в 20 веке к ним добавляются социалистические и коммунистические идеи, а в конце 20 века сформировалась идеология радикального исламизма⁷.

Парадоксы малых войн. Пытаясь объяснить жизнеспособность ИВД и успехи иррегулярных акторов, некоторые историки говорят о «номадическом парадоксе». «В истории военных действий, в целом, военное превосходство находится на стороне богатейших государств и тех, у кого более развитая администрация», пишет Хью Кеннеди (**Hugh Kennedy**) в монографии «Монголы, гунны и викинги»⁸. Тем не менее, даже во времена древнейших государств Месопотамии номады оказывались в состоянии разрушить более богатые и передовые империи. Кеннеди объясняет кажущееся противоречие военным преимуществом и мобильностью номадических племен. Кроме того, каждый взрослый мужчина племени был также воином, а вожди выбирались главным образом на основе военного мастерства и заслуг, в то время как оседлые общества назначали командующих исходя из политических аргументов, а в качестве солдат призывались крестьяне с ограниченными боевыми навыками.

Указываемые Кеннеди аргументы и закономерности остаются справедливыми и для Новых времен, когда иррегулярные акторы и уже партизанские национально-освободительные движения зачастую наносили чувствительные поражения империям и сверхдержавам. Достаточно вспомнить унижительные поражения Великобритании, СССР и США в Афганистане. Это позволяет Кеннеди расширить «парадокс номадов» и на новый период истории и сформулировать вопрос: почему сторона, обладающая меньшим потенциалом, оказывается в состоянии нанести поражение более сильному противнику? Ответ автор формирует в терминах тактического преимущества иррегулярных акторов и, в частности, тактики коротких ударов (булавочных уколов) (**hit-and-run tactics**), когда более мобильная иррегулярная сторона, избегая прямых столкновений, раз за разом ставит противника перед неожиданным развитием событий. Как следствие, качественно более сильному противнику и государству не удается использовать всю свою мощь для формирования отклика.

История ИВД позволяет говорить еще об одном парадоксе, когда иррегулярные акторы, достигнув поставленных целей или большого военного успеха, стремятся перейти к конвенциональной тактике и построению регулярной армии. Об этом, в частности, говорит история татаро-монгольских завоева-

ний, когда монголы, в конечном счете, пришли к полурегулярной армии и империи Чингиз-хана. Аналогичную трансформацию претерпели и арабы, когда, придерживаясь иррегулярной тактики бедуинских племен, они распространили Ислам по Ближнему Востоку и пришли к построению Халифата. Османская империя, также выросшая из номадической культуры степей, смогла выстроить империю и блестящую конвенциональную армию, завоевав Константинополь в 1453 году и достигнув ворот Вены.

Переход к конвенциональной тактике объясняется изменением масштаба военных целей и задач, которые ставили перед собой завоеватели. Всадники-лучники османы не были в состоянии взять Константинополь. Для этого требовались осадные машины, артиллерия, соответствующие военные профессионалы и военная организация. Кроме того, кочевники оказывались не в состоянии заниматься администрированием и проведением политики в завоеванных государствах. Реализация таких функций требовала опоры на профессиональную регулярную армию, вынуждая трансформировать иррегулярную военную организацию. Причем процесс сопровождался деградацией былого военного мастерства номадов. Стиль и тактика борьбы всадников-лучников требовали постоянной практики с детских лет, чтобы воин мог набрать необходимую сноровку и опыт. При переходе к оседлой жизни они «легко теряли свои превосходные индивидуальные таланты и сплоченность подразделений», пишут историки Месут Уяр (**Mesut Uyar**) и Эдвард Эриксон (**Edward Erickson**) в книге «Военная история османов»⁹. Оседлая жизнь была намного более легкой и безопасной, и вчерашние номады с удовольствием шли на компромисс, соглашаясь разменять военное превосходство на государство и регулярную военную службу.

Тем не менее, качественный скачок и переход к оседлым формам жизни оказывается довольно сложным и должен рассматриваться скорее как исключение. За исключением арабов, тюрков, монголов и маньчжуров номадические культуры оказывались не в состоянии выстроить длительно функционирующие государственные институты, и обширные империи, как правило, рушились после одного-двух поколений.

ИВД в Новые времена. Разделительная линия между регулярными и иррегулярными военными действиями становится более четкой после Тридцатилетней войны, когда происходит переход к новой парадигме системы международных отношений, национальным государствам и постоянным армиям. Процесс, который достигает критической стадии ко второй половине XVII века и приводит к появлению казарм, боевой и строевой подготовки, профессиональных офицеров и различных видов обеспечения.

В XVIII веке новый западный способ ведения войны стал наиболее эффективным и перенимался, в том числе, и монархическими армиями. Отдельно стоит отметить внедрение стандартной военной формы, которая позволила проводить четкое различие между солдатами и гражданским населением. Бойцы, ведущие боевые действия без униформы, в таких условиях легко выявлялись и преследовались скорее как бандиты, нежели сол-

даты, и не защищались появляющимися законами ведения войны¹⁰. На некоторое время война в Европе стала регулярной.

Однако довольно скоро ИВД вернулись. Возвращение состоялось во время войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.), в которой участвовали Австрия, Великобритания, Ганновер, Гессен с одной стороны, и Бавария, Франция, Пруссия, Саксония и Испания с другой. На первом этапе войны Австрия терпела поражения, позволив иностранным войскам оккупировать значительную часть своей территории. Однако ей удалось выправить ситуацию, благодаря так называемым «бешеным», которых она рекрутировала со всей империи, привлекая дополнительным льготам. Речь идет о гусарах из Венгрии, пандурах* из Хорватии, других христианских народах Балкан, которые веками вели иррегулярные военные действия против Османской империи.

Первоначально Фридрих Великий, другие генералы называли рейдеров «дикими» и осуждали применяемые ими методы ведения боевых действий. Однако довольно скоро эффективность ИВД заставила их начать копировать австрийский опыт. В 1770-е годы легкие войска, которые не могли быть использованы в боевой линии основных сражений, составляли до 20% в большинстве европейских армий. Британская армия в Северной Америке все чаще сталкивалась и использовала сама легкую кавалерию, а предшественники современных сил специального назначения (СН) — рейнджеры — набирали все больший вес и широко использовались для проведения ИВД против французских колониальных войск¹¹.

Один из мифов американской истории рассказывает, как отважные янки завоевали независимость от Великобритании, воюя против английских солдат, которые были не в состоянии отойти от традиционных методов ведения войны. На самом деле к началу американской революции 1775 года Великобритания уже имела опыт проведения ИВД в Европе, на Карибах и Северной Америке. Британская армия обладала достаточным опытом и умела отходить от традиционной должностной субординации и жесткой вертикали управления войсками. Проблемы, скорее, были аналогичны проблемам армии США перед началом военных кампаний в Афганистане и Ираке, когда были прочно забыты большая часть уроков ИВД, которые были приобретены за поколение до этого во вьетнамской войне.

Еще одним ранее не встречавшимся элементом борьбы стало распространение грамотности и печатной продукции, что позволило американским повстанцам использовать методы пропаганды и пси-войны. Можно сказать, что понятие и термин «общественное мнение» появился в 1776 году и использовался американскими повстанцами для обращения к британскому электорату. Речь идет о таких документах, как памфлет Томаса Пейна (**Thomas Paine**) «Здравый смысл» (**Common Sense**) и «Декларации независимости». Исход американской революции оказался предreshен в 1782 году, когда Палата об-

* Пешие войска, известные своей жестокостью.

щин Великобритании проголосовала за прекращение наступательных операций. Британская армия была готова воевать, но после потери поддержки парламента военные действия потеряли смысл¹².

В дальнейшем многие национально-освободительные движения успешно использовали американский опыт проведения «информационных операций», позволяющий манипулировать общественным мнением. Национально-освободительные движения греков в 1820-е, кубинцев в 1890-е, алжирцев в 1950-е достигли значительного успеха в мобилизации зарубежного общественного мнения. Повстанцы под либеральными лозунгами достигли впечатляющих побед в Новом Свете, вызывая волну уже на территории самих метрополий, которые оказывались не такими успешными. Можно вспомнить чартистское движение в Великобритании или декабристов в России. Тем не менее, в XX веке большая часть Европы и Северной Америки находилась под влиянием либеральных идей, вынуждая даже абсолютные монархии, такие как Австро-Венгрия, Германия и Россия, прилагать значительные усилия, чтобы обуздать свои народы и общественное мнение.

Несмотря на популярность и распространение либеральных идей, западные государства расширяли свою влияние по миру решительно нелиберальными колониальными методами. Процесс колонизации и сопротивление ему оказал решающее влияние на оформление современного мира и позволил Западу разработать наиболее влиятельную контрповстанческую доктрину всех времен. Речь идет о доктрине «нефтяного пятна» французского маршала Луи Лиотея (**Louis Lyautey**), которую начали применять с конца XIX века в Индокитае, Мадагаскаре и Марокко¹³. Элементы доктрины также применялись США во вьетнамской войне. Доктрина включала в себя медленное расширение армейских постов, напоминающее распространение нефтяного пятна до тех пор, пока не будет сломлено сопротивление повстанцев. При этом в работе с местным населением широко использовались политические и экономические инструменты, при помощи которых колонизаторы старались нейтрализовать сопротивление и переманить на свою хотя бы часть населения. Метод, который предвосхитил американскую контрповстанческую доктрину, ориентированную на население (**population-centric COIN**), которую США пытались применять в Афганистане и Ираке в XXI веке.

Неевропейские народы сопротивлялись колониализму, добиваясь временных успехов в неумолимой вестернизации мира. К 1914 году «белый человек» контролировал 84% территории Земли, начав с 33% в 1800 году¹⁴. Неспособность неевропейских народов сопротивляться колониализму была во многом следствием преимуществ западных военных технологий и методов ведения войны. Последние оказывались не в состоянии успешно адаптировать западные методы войны, а попытки прямого копирования приводили к вполне предсказуемому поражению. Покоряемые общества не обладали необходимым интеллектуальным и военно-экономическим потенциалом для ведения войны западными методами. В долгосрочной перспективе успеш-

ными могли быть партизанские и прочие иррегулярные методы ведения войны. Будучи не очень успешными в краткосрочной перспективе, они могли бы привести к поражению колонизаторов на протяжении многих лет или десятилетий, через нанесение неприемлемого ущерба. Однако большинство неевропейских народов выбирали хорошо знакомые европейцам конвенциональные методы ведения войны, не имевшие шансов на успех.

Хотя Запад считал, что большая часть завоеванных народов являются «примитивными», колонизируемые территории обладали своими собственными формами государственной организации, такие как Зулусская империя на юге Африки или Маратхская империя в Индии. Местные правители опирались на постоянные армии и уже воздерживались от племенных тактик и иррегулярных методов ведения войны. Столкновение двух конвенциональных форм ведения войны — западной и местной — оказывалось катастрофическим для последних. Попытки местных властей скорректировать тактику ведения войны, в том числе через приглашение европейских военных советников, давали противоположный результат, так как армии становились более конвенциональными и «европейскими». Эрзац-европейские туземные армии оказывались обреченными при столкновении с европейскими.

Почему местные режимы не обращались к партизанской войне? Инициирование затяжной партизанской войны требовало идеологической основы, которой не было. Национализм был относительно новой идеологией, не получившей пока широкого распространения, а формы и методы управления, а также степень угнетения населения со стороны местных правителей зачастую превосходили все то, что предлагали европейские завоеватели. Кроме того, строители местных империй считали, что методы, применяемые ими для завоевания соседних племен и построения государства, будут так же хорошо работать против белых завоевателей, что не соответствовало действительности. Местная власть понимала действительную мощь Запада и ее армии, когда было уже поздно.

Также стоит отметить тот факт, что большинство колониальных войн проходили на периферии европейских империй против «нецивилизованных варваров», и европейский кодекс ведения войны в таких случаях разрешал применять неограниченную жестокость по отношению к местному населению. Как пишет профессор истории университета ДеПаул (**DePaul University**) Томас Москетис (**Thomas Mockaitis**), западные колониальные администрации «рассматривали гражданские волнения и беспорядки скорее как войну»¹⁵. В XX веке колониальные администрации и войска были уже не так свободны в своих действиях, будучи вынуждены принимать во внимание общественное мнение метрополий. Колонии стало труднее усмирять и по ряду других причин. В частности, создавая школы и газеты, которые провозглашали западные идеи и ценности, такие как национализм и марксизм, западные администраторы, в конечном счете, формировали идейный базис сопротивления. Распространение в Третьем мире западных идеологий и оружия создавало необходимые условия, чтобы оппоненты ев-

ропейцев в XX веке оказались намного лучше подготовлены к войне, создавая неразрешимые для колониальной системы проблемы.

История иррегулярных войн говорит о критической важности человеческого измерения конфликта, который включает в себя большее, нежели знания культуры противника. Даже глубокое погружение в культуру и социальную динамику не является достаточным, чтобы одержать победу в иррегулярной войне. И в то же время отсутствие таких знаний оказывается достаточным, чтобы потерпеть поражение. Выстраиваемая стратегия должна сосредоточить внимание и акценты не только на уровне государства в целом, но включить в процесс планирования и субгосударственный уровень локальных общин. Хотя государство остается базисным элементом мировой политической системы, контекст иррегулярных войн требует принятия во внимание нижних уровней общественной жизни¹⁶.

ИВД после Второй мировой войны. Успех деколонизации в конце 40-х годов объясняется также слабостью двух самых больших колониальных держав — Франции и Великобритании. Оказавшись банкротами после Второй мировой войны, они не могли вести затяжные контрповстанческие операции в условиях, когда СССР, а позже и Китай были готовы обеспечить оружием, боевой подготовкой и финансированием национально-освободительные движения под марксистскими знаменами¹⁷.

Как следствие, процессы деколонизации в большинстве своем оказались относительно мирными. Когда Великобритания сталкивалась с решительным сопротивлением, таким как в Индии, она не тратила много сил для удержания колонии и старалась сохранить только базы, имевшие стратегическое значение, как это имело место с Кипром. При этом британцы чаще всего оказывались успешны, когда выбирали военные методы. Некоторые из контрповстанческих кампаний Великобритании, например в Малайе, вошли в анналы военной стратегии.

Партизанские и террористические методы ведения войны не пошли на спад вместе с распадом колониальной системы, и период времени между 50-ми и 70-ми годами оказался золотым веком повстанческих движений, разворачивавшихся под левыми знаменами, когда главной движущей силой была социалистическая идеология. Никогда до этого или позже престиж иррегулярных воинов не был так высок, что нашло свое отражение и в художественном творчестве. Достаточно вспомнить Альберто Корда (**Alberto Korda**) и его известную фотографию Че Гевары, которая до сих пор украшает майки и постеры по всему миру¹⁸.

Тем не менее, некоторые государства достигли определенного успеха в подавлении повстанческого движения. В 60-е годы были опубликованы ряд влиятельных текстов и уставов, такие как «Контрповстанческая война»¹⁹ французского офицера и ветерана Алжира Дэвида Галула (**David Galula**), и «Нанести поражение коммунистическому повстанчеству»²⁰ британского государственного деятеля и «учтливового ветерана» Малайи и Вьетнама сэра

Роберта Томсона (**Robert Thompson**)*. Галула и Томсон, другие исследователи достигли консенсуса касательно того, что конвенциональные методы ведения военных действий оказываются неэффективны в борьбе с повстанцами. Также было достигнуто согласие вокруг другого фундаментального принципа, который отличает иррегулярные операции от конвенциональных методов ведения войны. Речь идет о необходимости использования «минимального огня», когда «солдат должен быть готов стать пропагандистом, социальным работником, гражданским инженером, школьным учителем, медсестрой, бойскаутом», пишет Галула²¹.

Формирование биполярного мира позволило СССР и США и военным блокам НАТО и Варшавского договора сфокусироваться следующие десятилетия на глобальном масштабе, широкомасштабных военных действиях и ядерном сдерживании. Сталкиваясь с иррегулярным противником, сверхдержавы стремились применять подавляющий конвенциональный отклик, предполагающий массивный огонь и физические потери, который, тем не менее, не позволял достичь победы.

К 1980-м годам классический колониализм стал уже частью истории, а неумеренность постколониальных режимов, в том числе поднимающих социалистические лозунги, становилась все более очевидной. Окончание холодной войны и новый курс в Китае привели к урезанию субсидий и военной помощи, что оказало прямое воздействие на активность национально-освободительных и повстанческих движений. Процессы наложились на подъем капиталистической системы при президенте США Рональде Рейгане. Как следствие, левые движения двигались к закату, а ее бойцы теряли ореол героев и спасителей угнетенных.

В2. Иррегулярные военные действия и среда безопасности XXI века

Уход в тень левых повстанческих движений не означал сход со сцены самого повстанчества. Место потерпевших поражение социалистических и коммунистических идеологов заняли старые идейные формы расы и религии. Переход от политически мотивированного повстанчества к религиозному стал результатом процессов, которые разворачивались десятилетиями и даже веками. Например, идейные основания исламистских движений можно проследить к работам египетского агитатора Сайида Кутба (**Sayyid**

* Дэвид Галула (1919–1967) опирался на собственный опыт участия в алжирской войне. Роберт Томсон (1916–1992) был военным офицером и экспертом по контрповстанческим операциям. Короткий период времени возглавлял британскую миссию советников во Вьетнаме.

Qutb) в 50-е и 60-е годы²², активности основавшего движение «братев-мусульман» в Египте в 1928 году Хасана Аль-Банна (**Hasan al-Banna**)²³, приверженцам Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (**Muhammad ibn Abd al-Wahhab**) XVIII века и ваххабизму, ставшего впоследствии официальной теологией Саудовской Аравии²⁴. Однако религиозные идеи и лидеры оставались в тени до конца XX века и переломного 1979 года, когда состоялась исламская революция в Иране, а СССР вошел в Афганистан, инспирировав мобилизацию исламского мира и муджахединов на священную партизанскую войну. Нарастающая на протяжении десятилетий угроза исламистского экстремизма и терроризма приобрела новое качество 11 сентября 2001 года, когда Аль-Каида провела глобальную террористическую атаку на США.

Адмирал в отставке Эрик Олсон (**Eric T. Olson**), возглавлявший «Командование специальных операций» (KCO) США (**U.S. Special Operations Command (USSOCOM)**) с июля 2007 г. по август 2011 г., считает, что в среде безопасности XXI века приходится говорить о «новой нормальности», когда происходит пересмотр базисных понятий системы международных отношений, в том числе и понятия суверенитета. В новых условиях угрозы НБ исходят не только от террористических организаций, но также от несостоявшихся государств, не желающих или не умеющих обеспечить базисные нужды своих граждан. В такой ситуации попытки разработать классификацию форм войны оказываются малопродуктивными, что вынуждает объединять некоторые из них, такие как контрповстанческие операции, неконвенциональные и партизанские войны под зонтиком иррегулярных военных действий²⁵.

Хотя в новой среде безопасности конвенциональная война между большими государствами, региональными и геополитическими центрами силы выглядит маловероятной, «растущее число все более неорганизованных пространств» приводит к росту конфликтов малой интенсивности²⁶. Избавившись от опасности больших войн, глобальный мир может погибнуть от тысячи «небольших порезов» повстанческих движений, гражданских войн и пр., являющихся следствием разрушительных политических, экономических и социальных проблем. Около 80% случаев вооруженного насилия за последние десятилетия имели место в рамках периодических конфликтов и разворачивались уже после активной фазы регулярных военных действий в период постконфликтного перехода, который должен рассматриваться как интегральная часть любой интервенции или внешнего вмешательства²⁷.

Три из четырех международных конфликтов после окончания холодной войны являются конфликтами малой интенсивности и происходят чаще в несостоявшихся (или близких к такому состоянию) государствах, находящихся в состоянии анархии, или заблоченных режимах (**purgatory-style regime**), которые смешивают элементы демократии и автократии, без стабилизирующей выгоды обоих²⁸. Согласно «Индексу несостоявшихся государств», подготовленному совместно «Фондом мира» и журналом «Форин полиси», число стран, имеющих «тревожный статус», последние годы постепенно растет²⁹. Благодаря нестабильности и вооруженным конфликтам

число государств с анократичным режимом (**anocratic regime**)^{*} увеличилось более чем в два раза³⁰.

В серых зонах мирового сообщества приходят к власти ставленники криминальных и террористических групп, использующие имеющиеся в распоряжении средства для военного, тылового и прочих видов обеспечения военных действий. Формируется среда, в которой происходит сращивание криминалитета и террора³¹. В вооруженное насилие включаются не ограниченные конвенциональными «законами войны» этнические группы, неформальные военизированные организации, полевые командиры, транснациональные сети и пр. Военные действия принимают усложненную, сложную или даже хаотическую форму и имеют тенденцию длиться многие годы³². Такие конфликты сложно завершить и тем более определить, кто является победителем. Насилие имеет неразборчивый характер и преследует цель сломить волю противника, в том числе через разрушение гражданских институтов, инфраструктуры и пр., что ведет к формированию мышления «никогда не забудем», подпитывающего насилие³³. В такой среде некоторые из сторон конфликта оказываются заинтересованы в его продолжении, так как он дает им власть, статус и деньги, невозможные других условиях. Для других война и вооруженная борьба — это единственное, что они знают и умеют делать хорошо. Длительность конфликтов приводит к формированию поколений, которое умеет только воевать, что приводит к явлению, которое ряд исследователей называют «ориентированной на предложение войной» (**supply-side war**)³⁴.

Формируя отклик, США были вынуждены пересмотреть систему обеспечения НБ и объявить глобальную войну с террором, в рамках которой разворачивались военные кампании в Афганистане и Ираке. В других государствах, таких как Филиппины или Саудовская Аравия, США ограничились обеспечением подготовки местных кадров, поставками оружия, разведкой, другими видами обеспечения для оказания помощи правительствам в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Термин «глобальная война с терроризмом» оказался не совсем удачным, вызывая сложности при его переводе на другие языки³⁵. По мнению министра обороны США Роберта Гейтса (2006–2011 гг.): «То, что получило название войны с терроризмом, в суровой действительности является длительной, общемировой иррегулярной кампанией — борьбой между силами насильственного экстремизма и теми, кто его гасит»³⁶.

* Анократия — тип режима, в рамках которого власть принадлежит не общественным институтам, но распределена между соперничающими элитными группами. Анократия расположена между автократией и демократией и признается «**Polity V Project**» в качестве категории правления. Согласно классификационным признакам проекта страна признается анократией, если ее полития не оценивается достаточно высоко, чтобы быть признанной как демократия, и не достаточно низко, чтобы оцениваться как автократия. **Marshall, Monty G. and Benjamin R. Cole. Global Report 2014: Conflict, Governance, and State Fragility.** Center for Systemic Peace, Vienna, May 2014. 1 November 2014. <<http://www.systemicpeace.org/globalreport.html>>

В 2010 году главный советник Обамы по контртерроризму, впоследствии директор ЦРУ Джон Бренанн, представляя стратегию НБ США, заявил о намерении Президента исключить из политического лексикона некоторые некорректно определенные термины: «Стратегия президента касательно угроз, перед которыми мы стоим, абсолютно ясна. Наш противник не «терроризм», так как терроризм — это всего лишь тактика. Наш противник не «террор», так как террор — это состояние разума, и как американцы, мы отказываемся жить в страхе. Мы также не описываем нашего противника как «джихадистов» или «исламистов», так как джихад — это священная борьба, легитимная основа Ислама, означающая очищение себя или общины, и не имеется ничего священного или легитимного или исламского в убийстве невинных мужчин, женщин и детей...»³⁷

За исключением первой войны в Заливе в 1991 году, США на протяжении последнего десятилетия сталкивались, в целом, с вызовами ИВД, причем американский опыт трудно назвать успешным. В Афганистане к началу 2012 года американская коалиция включала в себя 432 000 личного состава (приблизительно 90 000 американских солдат, 30 000 солдат НАТО, 300 000 сил НБ Афганистана и 120 00 афганской местной полиции)³⁸. Кроме того, США тратят свыше \$100 миллиардов в год для разворачивания и поддержания сложных платформ и систем³⁹. Талибан, с другой стороны, опирается на вооруженные силы численностью 20 000 — 40 000 (коэффициент соотношения сил составляет приблизительно 11:1) и имеет прибыль в \$100—\$200 миллионов в год (соотношение 500:1)⁴⁰.

Сомнительные успехи Запада в борьбе с Аль-Каидой имели неожиданное следствие в виде Арабской весны, эскалации старых и новые конфликты на Ближнем Востоке, насильственный и террористический потенциал которых оказывается не меньшим. Аль-Каида также демонстрирует впечатляющую способность адаптироваться и восстанавливаться. Ее сторонники сегодня оперируют от Западной Африки и Ближнего Востока до Юго-Восточной Азии. Исламистские группы остаются сильными в Афганистане и Пакистане, Хамас контролирует сектор Газа, Хезболла влиятелен и силен в Ливане, Аль Шаббаба принимает участие в борьбе за власть в Сомали, Бoko Харам успешен в Нигерии, а Ансар Дин (**Ansar Dine**) и «Движение за единство и Джихад» (**Movement for Unity and Jihad**) в Западной Африке фактически контролируют север Мали. Военные успехи и рост влияния «Исламского государства Ирака и Леванта», впоследствии просто «Исламского государства», заявляющего о намерениях построить халифат, стали, вероятно, наиболее ярким свидетельством провала политики и стратегии Запада в исламском мире.

В3. Основные черты и характеристики иррегулярных военных действий

Необходимо признать правоту высказывания Стивена Меца (**Steven Metz**), что «когда США убрали Саддама Хуссейна от власти весной 2003 года, американская политика и военные лидеры не ожидали, что они будут втянуты в длительную контрповстанческую кампанию. Однако сегодня она стала основополагающим конфликтом текущей эры и будет служить парадигмой для будущих стратегических решений»⁴¹. Профессор истории Томас Москетис говорит, что Ирак «это повстанчество из ада»⁴². Однако тот же Уильям Шерман (**William Sherman**)^{*} как-то сказал, что «война — это ад». Другими словами, разрабатывая теоретический, методологический и доктринальный аппарат иррегулярной войны, важно помнить, что речь идет о форме военных действий, неотъемлемым элементом которых является смерть и прочие ужасы войны⁴³. Когда Ральф Петерс (**Ralph Peters**) аргументировал в пользу кровавого, изнурительного подхода к войне⁴⁴, он говорил языком римских генералов времен Флавия Веспасиана, его сына Тита Флавия и жестокого подавления еврейского восстания в Палестине в 66–77 гг. до н.э.⁴⁵. ИВД стары как мир, равно как и методы, которые применяются для ее проведения с обеих сторон.

Сложность среды безопасности XXI века и разнообразие форм ИВД толкают некоторых исследователей в сторону спекуляций о «новых войнах», которые противопоставляются «старым»⁴⁶. Тем не менее, природа войны остается неизменной, равно как и справедливость известного высказывания Фукидида о «страхе, гордости и интересе», как первичных мотивах любого политического поведения, включая войну⁴⁷. Рассматривая ИВД, необходимо помнить, что речь идет о политически мотивированном поведении и активности, имеющей целью контроль населения и территории, но не изменения цивилизационных основ или культуры общества. С данной точки зрения крестоносцы были плохими политиками, которые относились с безразличием к вопросам стратегии⁴⁸.

Так как все войны, как регулярные, так и иррегулярные, имеют одну и ту же природу, то исследование ИВД должно сводиться к рассмотрению его аспектов и форм, не более. Ряд академических исследований и теоретиков рассуждают об изменении природы войны, вследствие качественных изменений в среде безопасности, военных технологиях и пр., однако такие изыскания остаются сугубо теоретическими. Более того, выделение отдельного понятия «иррегулярная война» должно рассматриваться как некорректное, так как имеется только одна война, которая может принимать различные формы в зависимости от складывающегося контекста и прочих условий.

^{*} Уильям Шерман (1820–1891) американский политик, писатель и один из наиболее талантливых генералов Гражданской войны 1861–1865 гг.

Одна и та же военная кампания может проводиться различными методами, включая и те, которые сегодня принято называть иррегулярными.

Таким образом, ИВД не имеют особой природы, но обладают резко отличающимся от регулярных войн характером и широким разнообразием форм. Это военная реальность, которую китайские военные теоретики называют «неограниченными военными действиями» (**unrestricted warfare**), включающими в себя любые методы, позволяющие достичь поставленных целей⁴⁹. В этом заключается и суть практических стратегий, которая хорошо отражена Бернардом Броди (**Bernard Brodie**): «Стратегическое мышление или «теория», как предпочитают говорить некоторые, есть ни что иное, как прагматизм. Стратегия исследует проблему, «как это сделать», и представляет собой руководство по выполнению чего-то и выполнению этого эффективно. Как и во многих других частях политической жизни, вопрос, который здесь важен и имеет смысл, выглядит следующим образом: работает ли эта идея?»⁵⁰

Колин Грей говорит еще об одном важном аспекте, который зачастую не замечается. Речь идет о различии терминов *война (war)* и *военные действия (warfare)*, порой используемых как синонимы⁵¹. Определение войны дается Клаузевицем на первых страницах «О войне»: «*Война, таким образом, это акт силы с целью принудить противника выполнять нашу волю*» (выделено в оригинале)⁵². Здесь не говорится о регулярной или иррегулярной войне. Такое различие относится уже к формам, когда можно говорить о регулярных или иррегулярных военных действиях, которые могут использоваться сообразно складывающимся стратегическим обстоятельствам.

Таким образом, нет никакой необходимости исследовать природу иррегулярной войны, так как она идентична общей природе войны. Действительная мощь классических произведений стратегического мышления — «О войне» Клаузевица⁵³, «Искусства войны» Сунь-Цзы⁵⁴ и «Пелопонесской войны» Фукидида⁵⁵ в том, что они говорят о неизменной природе войны. Апеллирование к авторитету классиков, говорит Колин Грей, должно помочь «демитифицировать аморфную бестию «иррегулярной войны»⁵⁶.

Методологическая ошибка, приводящая к материализации «иррегулярной войны» в качестве отдельного явления, а не характерной формы, — «иррегулярных военных действий», — приводит к более серьезной ошибке, когда теоретики предпринимают усилия по четкому разделению военной реальности на регулярную и иррегулярную. Однако военная история недвусмысленно говорит о том, что многие войны включают в себя как регулярные, так и иррегулярные военные действия. Более того, сторона, использующая только иррегулярные методы борьбы и не готовая перейти к регулярным, определенно потерпит поражение. Иррегулярные военные действия не могут привести к победе, если применяющие его не смогут транслировать иррегулярные возможности в преимущество, которое дало бы им военный, стратегический и, в конечном счете, политический эффект. Сторона, использующая ИВД, должна стремиться добиться психологического надлома и политического коллапса противника, будучи готова сме-

нить иррегулярные методы на регулярные и выстроить (или вернуться) к регулярным формам борьбы⁵⁷.

Повстанческие и национально-освободительные движения редко добиваются победы через достижение военного стратегического успеха, так как чаще всего не обладают необходимым масштабом, военной мощью и сложностью. Успех становится результатом асимметричной стратегии, физического и психологического изнурения противника. Вне зависимости от истории, мотивации, идеологических целей и задач, которые ставят перед собой повстанческие и национально-освободительные движения, они сталкиваются с фундаментальными проблемами, которые характерны для любых ИВД⁵⁸.

Энтони Винчи (**Anthony Vinci**) говорит о трех базисных проблемах мобилизации: повстанцы нуждаются в народе, который хочет воевать (мотивация); необходимы средства, позволяющие вооруженным силам выживать и воевать (логистика и вооружение); и способность осуществлять руководство (руководство, организация и коммуникации). Сами базисные задачи выглядят очевидными, однако то, как военизированные группы подходят к их решению, определяет, насколько они будут успешными в политической и психологической сферах конфликта. Именно данные сферы являются точкой опоры, позволяющей повстанцам приводить в действие асимметричные механизмы аккумуляции мощи и власти⁵⁹.

Если нет причин утверждать или опасаться, что ИВД включают в себя нечто, чего нет в стандартном множестве ингредиентов, представленных в любой войне, пусть даже характерным образом смешанных, то что тогда должно исследоваться в рамках изучения иррегулярных форм ведения военных действий? Военная наука уже наработала два методологических подхода, позволяющих разделить регулярные и иррегулярные военные действия. Первый касается характера комбатантов. Уже сто лет назад полковник британской армии Чарльз Коллуэл использовал термин «малая война» (**small war**), которую определил следующим образом: «С практической точки зрения можно сказать, что она включает все кампании, кроме тех, когда противостоящие стороны состоят из регулярных войск»⁶⁰. Другими словами, малая война может проводиться как между государствами, так и негосударственными противниками и только легальный и политический статус воюющих сторон определяет иррегулярность военной кампании. Второй подход фокусируется на методах проведения военной операции. Например, ИВД ведутся такими методами, как партизанская война. Таким образом, в практических терминах ИВД является насильственной борьбой между негосударственными и/или государственными акторами за легитимность и влияние над населением и территориями. Иррегулярные угрозы реализуются акторами, которые применяют такие методы, как партизанская война, терроризм, саботаж, диверсии, криминальная активность и повстанчество⁶¹.

Теоретики любят дискуссии вокруг концептуальных категорий и классификаций. Например, должны ли выделяться партизанские войны в от-

дельный от иррегулярных военных действий класс⁶²? Термин ИВД в силу своей широты вводит порой в искушение, подталкивая исследователя к обобщению, когда говорится скорее о войне, нежели военных действиях. Однако порой само выделение состояния войны и военных действий и их противопоставление миру и стабильности может вводить в заблуждение, и в ряде районов мира более уместным является говорить об условиях перманентной войны *и* мира. Этот тот самый случай, когда концептуальные шоры и классификации, выстроенные теоретиками, вместо помощи сбивают с толку и еще больше запутывают и без того сложную реальность, в которой мир, кризис и война разворачиваются в одном непрерывном континууме, деления в котором являются условными и теоретическими⁶³.

Безусловно, в ряде случаев более узкие термины, такие как партизанская война или повстанческие войны, являются более точными и уместными, нежели ИВД. Например, в случае повстанческого движения термин отсылает к цели, — дестабилизации и нанесению поражения правительству, а также взятию власти посредством военной кампании и вооруженного насилия. Термин ИВД привлекателен своей широтой и позволяет охватить такие случаи, как действия регулярных вооруженных сил, демонстрирующих иррегулярное поведение. Выбор в пользу более узкого или широкого термина должен диктоваться условиями его применения и исследовательскими задачами. Такой подход представляется продуктивным и позволяет дать определение и идентифицировать параметры (характеристики) ИВД, не забывая при этом, что природа войны остается неизменной, и избегая интеллектуальной и практической дезориентации⁶⁴.

В качестве «утешения» и оправдания сложности исследовательской задачи можно сослаться на факт, что только несколько армий мира одинаково компетентны в проведении регулярных и иррегулярных военных действий, и причина такого состояния дел очевидна. Регулярные армии в целом организованы, экипированы и обучены для проведения военных действий против других регулярных армий, а победа достигается через нанесение решающего поражения силам противника. Хотя война является продолжением политики, поведение на поле боя при этом оказывается исключительно военным. Командующий оперативного уровня может участвовать в национальном дискурсе вокруг вопросов стратегии наряду с политическими и государственными деятелями, однако непосредственно военная машина и ее командиры, подразумевается, должны заниматься исключительно войной и военными действиями⁶⁵.

Проблема ИВД заключается в том, что нанесение военного поражения или уничтожение противника, будучи жизненно важным, не является главной задачей кампании, и это входит в противоречие с военной культурой и образом, вызывая дискомфорт и фрустрации. Столь тяжело доставшиеся уроки проведения ИВД, получившие отражение, в том числе, и в теоретических работах, оказались проблематичными для усвоения военными офицерами, воспитанными на идеях блицкрига, больших конвенцио-

нальных сражений и с презрением относившихся к легковоруженным и плохо одетым бойцам ИВД⁶⁶.

Успехи исламского терроризма и экстремизма в XXI веке являются предупреждением и напоминанием, что попытки оперирования только традиционными конвенциональными методами обеспечения НБ могут приводить к шокирующим неожиданностям, когда сталкиваешься с противником, использующим иррегулярные методы борьбы на глобальном масштабе. В отличие от географически ограниченных повстанцев прошлого, международные террористические группировки в XXI веке могут действовать на глобальном масштабе и наносить удар практически везде⁶⁷.

Накопленный США опыт позволил высветить вызовы ИВД и сформулировать вопросы, на которые должны дать ответы будущие исследования:

- с какого типа вызовами ИВД, скорее всего, столкнутся США в будущем?
- какая стратегия наилучшим образом соответствует будущим вызовам?
- какие из существующих примеров или моделей позволяют эффективно управлять вызовами ИВД⁶⁸?

Чтобы справиться с угрозами среды безопасности XXI века, вооруженные силы должны быть в состоянии быстро адаптироваться к стратегии и тактике противника, перемещаясь по всему спектру конфликта и одновременно участвуя в противоборстве на нескольких уровнях. Способность осуществлять такие действия требует холистического подхода, который позволяет как уничтожить противника, так и разрушать условия и контекст, оформляющий его поведение⁶⁹. Развитие данной линии аргументации в рамках исследования происходит через рассмотрение эволюции термина ИВД. Рассмотрение определений, как ИВД, так и ее подзадач в доктринальных документах, отдельных родах войск и служб позволяет прийти к заключению, что речь идет о среде, в которой активность министерства обороны должна быть синхронизирована с прочими заинтересованными министерствами и ведомствами, а также правительством страны пребывания (**host nation**). Только в этом случае можно достичь и обеспечить легитимность и влияние местного правительства на соответствующей территории и по отношению к соответствующему населению⁷⁰. Проведенный анализ позволяет объяснить, почему среда ИВД является сложной и ориентированной на население (**population-centric**), эффективное оперирование в которой является долгосрочным и требует организационных форм, отличающихся от тех, что используются при проведении конвенциональных военных действий.

¹ **Boot, Max.** "The Evolution of Irregular War." *Foreign Affairs*. 5 Feb. 2013. 1 November 2014. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/138824/max-boot/the-evolution-of-irregular-war>>.

² **Asprey, Robert.** *War in the shadows: The Guerrilla in history*. Lincoln, NE: Universe of Nebraska Press, 2002, p. 4.

³ **Aboul-Enein, Basil and Youssef Aboul-Enein.** "A Theoretical Exploration of Lawrence of Arabia's Inner Meanings on Guerrilla Warfare." *Small Wars Journal*. July 5, 2011. 1 November 2014. <<http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/804-aboul-enein.pdf>>

- ⁴ Цит. по. **Boot, Max.** «The Evolution of Irregular War.» *Foreign Affairs*, 5 February. 2013. 1 November 2014. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/138824/max-boot/the-evolution-of-irregular-war>>.
- ⁵ **Boot, Max.** «The Evolution of Irregular War.» *Foreign Affairs*. 5 Feb. 2013. 1 November 2014. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/138824/max-boot/the-evolution-of-irregular-war>>.
- ⁶ **Callwell, Charles E.** *Small Wars: A Tactical Textbook for Imperial Soldiers* (1906; repr., Novato, CA: Presidio Press, 1990).
- ⁷ **Boot, The Evolution of Irregular War.**
- ⁸ **Kennedy, Hugh.** *Mongols, Huns, and Vikings: Nomads at War.* London: Cassell, 2002.
- ⁹ **Uyar, Mesut and Edward J. Erickson.** *A Military History of the Ottomans: From Osman to Atatürk.* Santa Barbara, CA: Praeger Security International, 2009, p. 5. 1 November 2014. <http://psi424.cankaya.edu.tr/uploads/files/Uyar%20and%20Erickson%20%28eds_%29,%20A%20Military%20Hist%20of%20the%20Ottomans.PDF>
- ¹⁰ **Boot, The Evolution of Irregular War.**
- ¹¹ **Boot, The Evolution of Irregular War.**
- ¹² **Boot, The Evolution of Irregular War.**
- ¹³ **Rid, Thomas.** “The Nineteenth Century Origins of Counterinsurgency Doctrine.” *Journal of Strategic Studies*, Vol. 33, Issue 5, 2010, pp. 727–758. 1 November 2014. <<http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01402390.2010.498259#.U7-iV0CJmSo>>
- ¹⁴ **Boot, The Evolution of Irregular War.**
- ¹⁵ **Mockaitis, Thomas R.** *British Counterinsurgency, 1919–60.* New York: St. Martin's Press, 1990, p. 18.
- ¹⁶ **Borum, Randy.** “Seven Pillars of Small War Power.” *Military Review*, Vol. 91, No. 4, 2011, pp. 35–45. 1 November 2014. <http://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=mhlp_facpub>
- ¹⁷ **Boot, The Evolution of Irregular War.**
- ¹⁸ **Jeffries, Stuart.** “The Man who gave Che to the World.” *The Observer*, May 27, 2001. 1 November 2014. <<http://www.theguardian.com/world/2001/may/27/cuba.stuartjeffries>>
- ¹⁹ **Galula, David.** *Counterinsurgency Warfare: Theory and Practice.* Westport, Connecticut: Praeger Security International, 1964.
- ²⁰ **Thompson, Robert.** *Defeating Communist Insurgency: Experiences in Malaya and Vietnam.* Study in International Security, London: Chatto&Windus, 1966.
- ²¹ **Galula, Counterinsurgency Warfare,** p. 13.
- ²² **Khatab, Sayed.** *The Political Thought of Sayyid Qutb: The Theory of Jahiliyyah.* London and New York: Routledge Studies in Political Islam, 2006.
- ²³ **Mitchell, Richard P.** *The Society of the Muslim Brothers.* London: Oxford University Press, 1993.
- ²⁴ **Abualrub, Jalal.** *Muhammad ibn Abdil Wahhab: his life-story and mission.* Madinah Publishers and Distributors, 2003.
- ²⁵ **Olson, Eric T. Admiral U.S. Navy.** “A Balanced Approach to Irregular Warfare”, *The Journal of International Security Affairs*, No. 16, Spring 2009.
- ²⁶ **Mitchell, Katharyne.** “Ungoverned Space: Global Security and the Geopolitics of Broken Windows,” *Political Geography*, Vol. 29, 2010, pp. 289–97.
- ²⁷ **Hewitt, J. Joseph, Jonathan Wilkenfeld, and Ted Robert Gurr.** *Peace and Conflict 2010.* Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2010.
- ²⁸ **Moodie, Michael.** “Conflict Trends in the 21st Century”, *Joint Force Quarterly*, Vol. 53, No. 2, 2009, pp. 19–27.
- ²⁹ **Foreign Policy Magazine and Fund for Peace.** «The Failed States Index 2013.» *Foreign Policy*, 1 November 2014. <http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/06/24/2013_failed_states_interactive_map>
- ³⁰ **Borum, Seven Pillars of Small War Power.**
- ³¹ **Shelley, Louise.** “The Nexus of Organized Crime and International Criminals and Terrorism”, *International Annals of Criminology*, Vol. 40(1–2), 2002, pp. 85–92.
- ³² **Johnson, Neil F.** “Complexity in Human Conflict,” in *Managing Complexity: Insights, Concepts, Applications*, **Dirk Helbing (Ed)**, Heidelberg: Springer, 2008, pp. 303–320.
- ³³ **Moodie, Conflict Trends in the 21st Century.**

- ³⁴ **Hadar, Leon T. et al.** “In the Wake of War: Geostategy, Terrorism, Oil and Domestic Politics,” *Middle East Policy*, Vol. 10, No. 1, 2003, pp. 1–28.
- ³⁵ **Olson, Eric T. Admiral.** “A Balanced Approach to Irregular Warfare”, *JINSA*, No. 16, Spring, 2009.
- ³⁶ **Gates, Robert M.** “A Balanced Strategy,” *Foreign Affairs*, Vol. 88, No. 1, January-February, 2009.
- ³⁷ “Remarks by Assistant to the President for Homeland Security and Counterterrorism John Brennan at CSIS,” *The White House, Office of the Press Secretary*, May 26, 2010. July 2014. 1 November 2014. <<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-assistant-president-homeland-security-and-counterterrorism-john-brennan-csis>>
- ³⁸ **U.S. Department of Defense.** *Report on Progress and Stability in Afghanistan*. Washington, DC: U.S. Department of Defense, October 2011. July 2014. 1 November 2014. <http://www.defense.gov/pubs/pdfs/October_2011_Section_1230_Report.pdf>
- ³⁹ **Belasco, Amy.** *The Cost of Iraq, Afghanistan, and Other Global War on Terror Operations Since 9/11*. Washington, DC: Congressional Research Service, March 29, 2011. July 2014. 1 November 2014. <<http://fas.org/sgp/crs/natsec/RL33110.pdf>>
- ⁴⁰ **Jones, G. Seth.** *The Future of Irregular Warfare*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, CT-374, March 2012, p. 1. July 2014. 1 November 2014. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/testimonies/2012/RAND_CT374.pdf>
- ⁴¹ **Metz, Steven.** *Learning from Iraq: Counterinsurgency in American Strategy*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, January 2007, p. v.
- ⁴² **Mockaitis, Thomas R.** *The Iraq War: Learning from the Past, Adapting to the Present, and Planning for the Future*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, 2007, p. 1. July 2014. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub754.pdf>>
- ⁴³ **Gray, Colin S.** “Irregular Warfare One Nature, Many Characters,” *Strategic Studies Quarterly*, Winter, 2007, p. 36. July 2014. 1 November 2014. <<http://www.au.af.mil/au/ssa/2007/Winter/gray.pdf>>
- ⁴⁴ **Peters, Ralph.** *Wars of Blood and Faith: The Conflicts That Will Shape the 21st Century*. Mechanicsburg, PA: Stackpole Books, 2007.
- ⁴⁵ **Иосиф Флавий.** Иудейская война / Пер. с древнегреч. М. Финкельберг и А. Вдовиченко. Под ред. А. Ковельмана. (Серия «Библиотека Флавиана»). М.: Мосты культуры — Иерусалим: Гешарим, 1992.
- ⁴⁶ **Kaldor, Mary.** *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. 3rd edition (first edition: 1999; 2nd edition: 2006), Cambridge: Polity Press, 2013.
- ⁴⁷ **Strassler, Robert B. (eds.).** *The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to "The Peloponnesian War"*. Trans. **Richard Crawley**, New York: Free Press, 1996, p. 43.
- ⁴⁸ **Gray, Irregular Warfare One Nature, Many Characters**, p. 36.
- ⁴⁹ **Liang, Qiao and Wang Xiangsui.** “Unrestricted Warfare: Assumptions on War and Tactics in the Age of Globalization,” trans. *Foreign Broadcast Information Service*, Beijing: People’s Liberation Army Literature and Arts Publishing House, February 1999.
- ⁵⁰ **Brodie, Bernard.** *War and Politics*. New York: Macmillan, 1973, p. 452.
- ⁵¹ **Gray, Irregular Warfare One Nature, Many Characters**, p. 40.
- ⁵² **Clausewitz, Carl von.** *On War*. trans. **Peter Paret and Michael Howard**, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1976, p. 75.
- ⁵³ **Clausewitz, On War**.
- ⁵⁴ **Sun Tzu.** *The Art of War*. Trans. by **S. B. Griffith** with a foreword by **Basil H. Liddell Hart**, London: Oxford University Press, 1963.
- ⁵⁵ **Strassler, The Landmark Thucydides**.
- ⁵⁶ **Gray, Irregular Warfare One Nature, Many Characters**, p. 40.
- ⁵⁷ **Gray, Irregular Warfare One Nature, Many Characters**, p. 41.
- ⁵⁸ **Borum, Seven Pillars of Small War Power**.
- ⁵⁹ **Vinci, Anthony.** “The ‘Problems of Mobilization’ and the Analysis of Armed Groups,” *Parameters* Vol. 36, No. 1, U.S. Army War College Quarterly, Spring, 2006, pp. 49–62. July 2014. 1 November 2014. <<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/articles/06spring/vinci.pdf>>
- ⁶⁰ **Callwell, Small Wars**, p. 21.
- ⁶¹ **U.S. Department of Defense.** *Irregular Warfare (IW) Joint Operating Concept (JOC)*. Version

2.0, Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, May 17, 2010b.

⁶² **Metz**, *Learning from Iraq*, pp. 62–63.

⁶³ **Gray**, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, p. 42.

⁶⁴ **Gray**, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, p. 43.

⁶⁵ **Cohen, Eliot A.** *Supreme Command: Soldiers, Statesmen, and Leadership in Wartime*. New York: The Free Press, 2002.

⁶⁶ **Boot**, *The Evolution of Irregular War*.

⁶⁷ **Boot**, *The Evolution of Irregular War*.

⁶⁸ **Jones**, *The Future of Irregular Warfare*, p. 1.

⁶⁹ **Olson**, *A Balanced Approach to Irregular Warfare*.

⁷⁰ **Painter, David J. Mark C. Weaver and Scott C. White.** *Reorganizing for Irregular Warfare*.

Thesis, Naval Postgraduate School, Monterey, California, December 2009. July 2014. 1 November 2014. <<http://handle.dtic.mil/100.2/ADA514365>>

ГЛАВА I

Теория и концепции иррегулярных военных действий в современной военной доктрине США

Процессы глобализации приводят к формированию сложной и турбулентной среды безопасности, вызывая стресс у развивающихся и слаборазвитых стран и обществ, что, в свою очередь, становится источником региональной нестабильности и политической напряженности. Томас Фридман (**Thomas Friedman**) описывает данные тренды, как «флаттеринг» (**flattening**) мира, в результате которого традиционные иерархии будут замещаться глобализирующими эффектами, которые с трудом принимаются традиционными государственными институтами¹. Трафикинг, миграция, экстремизм и соперничество за ресурсы приводят к перемещению населения, раздувают конфликты, формируя новую и незнакомую для традиционных государственных и региональных систем безопасности среду. В глобальной среде безопасности такие термины, как одно- или многополярный мир, скорее вводятся в заблуждение, так как апеллируют к территориальному суверенитету государств. Однако термин «суверенитет» в XXI веке уже не отражает тот смысл, который в нем был изначально заложен. Новая реальность суверенитета определяется не только географическими границами. Хотя территориальный суверенитет может быть определен и защищен, культурный, экономический и информационный — уже с трудом².

Как уже говорилось во введении, природа войны остается неизменной, но постоянно меняется ее характер. Почти все военные теоретики, политологи и стратеги говорят о преобладании в среде безопасности 21 века внутрисударственных конфликтов или международных с участием негосударственных акторов*. В условиях асимметричной диффузии власти и мощи необходимо задуматься об изменении «центра гравитации» традиционного военного и политического анализа, когда рассматриваются множество сфер власти (**sphere of authority**) и центров гравитации†.

Некоторые исследователи высказываются в пользу «гибридных войн», подчеркивая сложность и потенциальную связность различных угроз. Термин наилучшим образом фокусируется на понимании гибридных подходов и угроз, а также их потенциальном применении в объединенных операци-

* Исследования в рамках «Программа Упсалы по данным о конфликтах» (**Uppsala Conflict Data Program**) говорят о том, что из 121 конфликтов за период времени 1989–2005 гг., 90 были внутрисударственными, 24 — интернационализированными внутрисударственными и только 7 — межгосударственными. **Harbom, Lotta, Stina Hogbladh, and Peter Wallensteen**. “Armed Conflict and Peace Agreements,” *Journal of Peace Research*, Vol. 43, No. 5, 2006, Table II, p. 618.

† См. монографию **Арзуманян, Р. В.** *Кромка хаоса. Парадигма нелинейности и среда безопасности 21 века*. Издательский дом «Регнум», Серия Selecta XIX, Москва, 2012.

ях³. Другие выступают против выделения отдельной формы войны, указывая на то, что все войны являются гибридными и включают, в той или иной степени, как традиционные, так и иррегулярные военные действия. Генерал Джеймс Мэттис (**James Mattis**) считает, что выбор между конвенциональным и иррегулярными военными действиями является ложным. Вооруженные силы США сталкиваются с обоими типами военной активности, причем порой одновременно в форме «гибридной войны»⁴.

В любом случае, практически все исследователи говорят об иррегулярных военных действиях как неотъемлемой компоненте операционной среды войн XXI века. Вне зависимости от того, каким образом будет выглядеть определение войны, маловероятно, чтобы противоборство региональных и геополитических центров силы в XXI веке протекало исключительно в рамках традиционных военных действий. Скорее всего, противники будут прибегать к иррегулярным формам борьбы, к которым военная организация и система безопасности больших государств наименее подготовлена. Массированное военное присутствие в XXI веке более не является решением проблем безопасности, равно как физическое присутствие, не опирающееся на поддержку народа страны пребывания, оказывается обреченным и воспринимается как оккупация.

Участие в активной фазе конфликта в среде безопасности XXI века требует от вовлекающейся стороны долгосрочных обязательств и отношений с государствами, на территории которых он развивается. Хотя США гордятся своей способностью формировать быстрый отклик на вооруженное нападение, надежным методом достижения победы над иррегулярным противником является нанесение ему поражения до того, как начнется активная фаза вооруженного противоборства. Такая стратегия возможна в рамках холистического подхода к военным действиям и формированию отклика с использованием всех элементов национальной мощи, когда применение военной силы предполагает не только уничтожение возможностей противника вести боевые действия, но и изменение условий, формирующих враждебное поведение⁵.

Таким образом, вес иррегулярных военных действий в общей военной политике остается большим, что является результатом стратегического императива противодействия угрозам среды безопасности. Как следствие, ИВД должны оставаться в фокусе политического и стратегического внимания. РЭНД и ряд других мозговых центров США характеризуют глобальную войну с террором как глобальную контрповстанческую операцию. «Такой подход позволяет... связать вместе равным образом критические политические, экономические, дипломатические и развивающиеся стороны, являющиеся неотъемлемой составляющей успешного проведения контрповстанческих операций, в дополнение к существующей доминантной военной составляющей уравнения»⁶.

Появление таких терминов, как «иррегулярные военные действия» или «гибридная война», являются попыткой лучше описать и классифицировать военные действия в среде безопасности XXI века. При этом необходимо помнить, что концепция войны сама по себе, в отрыве от интеллектуальной и культурной среды, в которой она была разработана, часто приобретает дру-

гой смысл. Например, можно говорить об общеизвестном и порой наивном допущении, когда мир воспринимается как норма и нормальное состояние, которое можно различить и отличить от войны, которая есть что-то временное. Во многих частях мира такой подход является неадекватным⁷.

1.1. Эволюция термина «иррегулярные военные действия»

Интерес к ИВД в XXI веке затемняет тот факт, что данная форма военных действий не является новой. Несмотря на популярность термина, такие конфликты стали «иррегулярными» только последние несколько веков преобладания межгосударственных войн. В своем исследовании американской военной истории Эндрю Биргл (**Andrew Birtle**) замечает, что армия США большую часть своей истории проводила операции, которые относились не к конвенциональным, но иррегулярным военным действиям⁸. США обладают богатым историческим опытом участия во внутригосударственных конфликтах, проведения операций в среде, в которой военные и политические факторы тесно переплетены. Можно привести примеры Филиппин и Китая на рубеже XX века, Вьетнама в 60-е, Ливана в 80-е, Сомали в 90-е, Афганистана и Ирака в XXI веке⁹.

В разгар холодной войны в 1962 году Пентагон ввел в оборот термин «специальные операции» (**special warfare**), призванный отразить боевые действия с применением специальных методов и средств. Данная форма военных действий была призвана операционализировать в рамках геополитического противоборства двух сверхдержав непрямой подход к войне. Стратегия СССР в те годы включала, в том числе, оказание поддержки повстанческим движениям и движениям сопротивления, придерживающихся коммунистической или социалистической идеологии в третьем мире с использованием неконвенциональных (специальных) методов ведения военных действий (**unconventional warfare**). Стратегия США по противодействию опиралась на специальные операции, к которым относились контрповстанческие операции, неконвенциональные военные действия и методы пси-войны¹⁰.

В XXI веке США вновь стоят перед иррегулярными вызовами, но уже транснациональных террористических организаций, криминальных сетей и прочих негосударственных акторов, способных влиять на баланс сил на региональном и глобальном уровнях. Правительственные и неправительственные источники в целом согласны, что текущий период истории, характеризуется иррегулярными, асимметричными, сетевыми угрозами в слабых или распадающихся государствах¹¹. Госдеп США замечает: «Слабые или распадающиеся государства представляют собой серьезный вызов для США. Они могут стать почвой для терроризма, распространения оружия, трафикинга людей и

наркотиков, организованной преступности и гуманитарных катастроф. Начиная с конца холодной войны, США были вовлечены или тратили значительные ресурсы в более чем семнадцати операциях по реконструкции и стабилизации. РЭНД докладывает, что в тот же период времени темп военных интервенций США рос, увеличиваясь на одну операцию каждые два года»¹².

Национальная стратегия обороны США и Национальная военная стратегия США от марта 2005 года разделяют угрозы на четыре категории: традиционные, иррегулярные, разрушительные и катастрофические¹³. Главным иррегулярным вызовом США объявлялось «нанесение поражения террористическому экстремизму». В ряд иррегулярных вызовов также включалась контрповстанческая активность. Документ описывает иррегулярные угрозы как вызовы, идущие «от тех, кто применяет «неконвенциональные» методы, чтобы противостоять *традиционным* преимуществам сильных оппонентов»¹⁴ (подчеркнуто в оригинале. — Прим. Р.А.). Национальная военная стратегия США разделяет большую часть точек зрения, изложенных выше¹⁵. Четырёх-летний прогноз Министерства обороны от 2006 года говорит: «Мы находимся... в затяжной войне... которая является иррегулярной по своей природе. Противниками в таких военных действиях являются не традиционные конвенциональные вооруженные силы, но скорее рассеянные, глобальные террористические сети. ... Эта война требует от военных США адаптировать неконвенциональный и непрямой подходы. США должны быть готовы вести такую войну во многих районах одновременно и в течение грядущих лет»¹⁶.

Выстраивание отклика на данные угрозы привело к появлению термина «иррегулярные военные действия» (**irregular warfare**), призванного отразить новые аспекты среды безопасности XXI века. Под зонтиком термина ИВД оказались все старые определения и типы военных действий и войн, не относящиеся к межгосударственным конвенциональным войнам¹⁷. Уже в 2006 году в исследовании «Командования вооруженными силами США» (**United States Forces Command (USFORSCOM)**), говорилось, что термин ИВД используется как всеобъемлющий для нетрадиционных методов войны:

иррегулярная война используется в широком смысле как синоним неконвенциональных военных действий, асимметричных военных действий, десантно-диверсионных действий, гериллы, партизанской войны, нетрадиционных военных действий, конфликтов малой интенсивности, контрповстанческой активности, восстаний и мятежей, гражданской войны, подрывной деятельности (insurrection), революционных действий, внутренней войны, подрывных войн (subversive war), войны среди населения, внутригосударственной войны, мер по обеспечению «внутренней обороны и развития» (internal defense and development), внутренней безопасности, внутренней обороны, стабилизации, законности и правопорядка, национального строительства, государственного строительства, малых войн, миротворческих операций, военных действий четвертого поколения (4GW), глобальной войны с террором»¹⁸.

Термин был введен в широкий оборот в рамках операций «Свобода Ираку» (**Operation Iraqi Freedom (OIF)**) и «Несокрушимая свобода» (**Operation En-**

during Freedom (OEF)). Формируя отклик на вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются США в Ираке и Афганистане, министр обороны опубликовал в ноябре 2005 года «Директиву МО 3000.05. Военная поддержка операций по обеспечению стабильности, безопасности, переходного периода и реконструкции». Директива стала базовым документом, который определял такие операции как «ключевую военную миссию США, которую МО должно быть готово проводить и поддерживать», указывая, что «они должны обладать приоритетом по сравнению с боевыми операциями»¹⁹. Развивая данный тренд, Президент США в декабре 2005 в рамках «Директивы Президента по НБ — 44» назначил Госдеп ведущим ведомством по активности в области «стабилизации и реконструкции», поставив задачу «Координатору по реконструкции и стабилизации... координировать отклики правительства США по реконструкции и стабилизации с министром обороны с целью обеспечения гармонизации с любой планируемой или проводимой военной операцией США»²⁰.

Несмотря на продолжающиеся дебаты внутри военного и экспертного сообщества, а также признание, что термин «плохо назван», он вошел в директивы и доктринальные документы МО США²¹. Трудности определения ИВД наглядно видны в форме альтернативных определений, циркулирующих внутри МО*. Первое появилось как результат работы рабочей конференции по иррегулярным военным действиям (**IW workshop**) в сентябре 2005 года, организованной КСО США и Офисом помощника министра обороны по специальным операциям и конфликтам малой интенсивности (**Office of the Assistant Secretary of Defense for Special Operations and Low-Intensity Conflict**)²².

Попытка ввести определение ИВД в оборот через формальное включение в объединенную доктрину вынудило «Командование объединенных сил» (КОС) США (**United States Joint Forces Command (USJFCOM)**) инициировать в 2006 году «Специальное исследование по ИВД». После всесторонних и глубоких исследований КОС США выступило против использования термина ИВД в доктрине, утверждая, что «базируясь на анализе, представленном в данном исследовании, имеющиеся на сегодняшний день концепция и описания ИВД, с практической точки зрения, чересчур незрелы для развития концепта объединенной доктрины, а потенциал для будущего развития сомнителен»²³.

* Наиболее полный список официальных усилий определить ИВД — равно как и критику ИВД как организационной концепции — можно найти в **U.S. Joint Forces Command. Irregular Warfare Special Study**. Дополнительно в предварительном руководстве (**Tentative Manual**) **U.S. Marine Corps Combat Development Command** говорится, что «термин «иррегулярный» используется в широком, инклюзивном смысле для обращения ко всем типам неконвенциональных методов насилия, применяемых для противостояния возможностям оппонента. Иррегулярные угрозы включают акты военной, политической, психологической и экономической природы, проводимые как местными, так и негосударственными акторами с целью уничтожить или ослабить власть местного правительства или влияние внешней силы, и используют в основном асимметричные методы. В эту широкую категорию включаются активность повстанцев, партизан, террористов и аналогичных иррегулярных групп и организаций, оперирующих в и/из множества существующих сегодня слабых или падающих государств». **U.S. Marine Corps Combat Development Command. June 2006 Tentative Manual for Countering Irregular Threats: An Updated Approach to Counterinsurgency Operations**. Quantico, Va., June 7, 2006, p. 1.

Центр ведения объединенных военных действий (**Joint Warfighting Center**) опубликовал в 2006 году обзор литературы, рассматривающий неясности, связанные с ИВД. Обзор пришел к заключению, что термин должен быть выведен из оборота, так как чересчур неясен и плохо определен²⁴. В военных журналах в те годы появилось множество статей, придерживающихся данной точки зрения*. Общая неудовлетворенность была связана с тем, что ИВД оказывалась чересчур широкой концепцией, чтобы быть полезной. Министерство обороны, столкнувшись с критикой, с неохотой, но сузило широкое поле ИВД. В конечном счете, определение ИВД ниже было принято заместителем министра обороны Гордоном Ингладном (**Gordon England**) 17 апреля 2006 года. ИВД — *это форма военных действий, задачей которых является доверие и/или легитимность соответствующей политической власти, а целью — подрыв или поддержка данной власти. ИВД предпочитают непрямые подходы, хотя они могут применять полный спектр военных и прочих возможностей, выбирая асимметричные подходы, с целью разрушить мощь, влияние и волю противника*²⁵.

В апреле же 2006 года Гордон Ингладн поручил «Корпусу морской пехоты» и КСО США разработать «Объединенную концепцию ведения боевых действий в рамках ИВД» (ОКБД ИВД) (**Irregular Warfare Joint Operating Concept (IW JOC)**), с целью «широко описать, как командиры объединенных сил должны проводить затяжные ИВД, выполняя национальные задачи на региональном уровне или в глобальном масштабе»²⁶. ОКБД ИВД имеет целью обеспечить концептуальный базис (фрейм) для развития боевых возможностей через решение следующих подзадач:

*концепция ИВД будет применяться на всем диапазоне военных операций, имея в качестве результата лучший баланс в подходах МО к конфликтам. Концепция также обеспечивает руководство для развития вооруженных сил. Результатом станут изменения в доктрине, организации, процессе боевой подготовки, обеспечении, подготовке командного состава и образовании*²⁷;

*ОКБД ИВД будет направлять развитие и интеграцию военных концепций и возможностей МО для ведения затяжной ИВД на глобальном или региональном масштабах против враждебных государств и вооруженных групп. ОКБД ИВД обеспечит базис для дальнейших дискуссий по ИВД, дебатам и экспериментов, имеющих целью влиять на будущую концепцию ИВД и возможности развития. Она также будет влиять на процессы развития боевых действий (**combat development processes**) объединенных сил и родов войск, помогая объединенным силам лучше справляться с вызовами ИВД. Результаты будут отражены в изменениях в доктрине, организации, процессе боевой подготовки, обеспечении, руководстве и образовании, личном составе и способностях (**doctrine, organization, training, materiel, leadership and education, personnel, and facilities (DOTM-LPF)**)²⁸.*

* В качестве примера таких работ см. **Stevenson, William, Marshall Ecklund, Hun Soo Kim, and Robert Billings**. "Irregular Warfare: Everything Yet Nothing." *Small Wars Journal*, December 2008. 1 November 2014. <<http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/irregular-warfare-everything-yet-nothing>>

Уточненная версия проекта ОКБД ИВД от сентября 2006 г. была опубликована в январе 2007-го (ОКБД ИВД 1/07)²⁹ и признавала многие из концептуальных и прочих трудностей, связанных с ИВД*. Например, ОКБД ИВД 1/07, как и последующий от сентября 2007 года (ОКБД ИВД 9/07), считают, что «повстанчество и контрповстанчество являются сердцевиной ИВД»³⁰. Также важно отметить, что контртеррористические операции в рассматриваемых документах могут быть элементами контрповстанческих операций или проводиться самостоятельно³¹.

К концу октября 2006 г. в финальном координационном проекте «Объединенных военных действий вооруженных сил США» (**Coordination Draft of Joint Warfare of the Armed Forces of the United States**)[†], окончательная версия которого была опубликована в мае 2007 года, появилось определение иррегулярной войны/ИВД, также вошедшее в объединенный словарь терминов. ИВД — *это насильственная борьба между государством и негосударственными акторами за легитимность и влияние над соответствующим населением. Иррегулярные войны предпочитают не прямые и асимметричные подходы, хотя они могут применять и полный спектр военных и других возможностей с целью подорвать мощь, влияние и волю противника. Это в своей основе затяжная борьба, которая тестирует решимость нашего народа и наших стратегических партнеров*³².

Определение вытеснило более ранние и является влиятельным и авторитетным внутри военного и экспертного сообщества на фоне того, что МО до сих пор не сформулировало доктринального определения. Попытки определить термин и дискуссии вокруг него продолжаются. В проекте ОКБД ИВД 1/07 признаются проблемы с определением:

*иррегулярная война, являясь сложным «беспорядочным, грязным» (messy) и двусмысленным социальным явлением, не предполагает сама по себе ясное, четкое и точное определение. Данная объединенная концепция ведения боевых действий использует термин в двух контекстах. Первый: иррегулярная война — это форма вооруженного конфликта. В качестве таковой она заменяет термин «конфликты малой интенсивности» (low-intensity conflict). Второй: иррегулярная война это форма военных действий. В качестве таковой она включает в себя повстанчество, контрповстанчество, терроризм и контртерроризм, поднимая их над пониманием, что они являются некоторой малой формой конфликта, находящегося ниже порога военных действий*³³.

Тем не менее, в соответствии с «Директивой МО 3000.07» (**Department of Defense Directive (DoDD) 3000.07**) и «ОКБД ИВД, Версия 2» (**IW JOC Version 2**), ИВД были формально включены в доктрину МО³⁴.

* См. IW JOC 1/07, в частности, страницы 4–5. На странице 6 документа также обсуждается «неряшливая» природа ИВД.

† Предыдущее название «Объединенной публикации 1» (**JP 1**). **U.S. Joint Chiefs of Staff. Joint Publication 1 (JP1), Doctrine for the Armed Forces of the United States**. Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, 25 March, 2013. 1 November 2014. <http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp1.pdf>

На Рисунке 1, взятом из «ОКБД ИВД, Версия 1», показаны различия между ИВД, операциями по стабилизации и боевыми действиями большого масштаба (**major combat operations**)³⁵.

В статье «Иррегулярные военные действия — это военные действия» Кеннет Кунс (**Kenneth Coons**) и Глен Харнд (**Glenn Harned**) подчеркивают факт изначального несогласия внутри руководства МО касательно того, как должны быть определены ИВД. Ряд старших должностных лиц защищали точку зрения, что акцент должен быть сделан на том, *кто* проводит ИВД, в то время как другие — *как* они проводятся³⁶. В результате определение представляло собой компромисс между различными мнениями касательно того, что должно описывать термин ИВД³⁷.

ОКБД ИВД 9/07 аргументирует, что ИВД, вероятнее всего, станут возрастающей угрозой для правительства США:

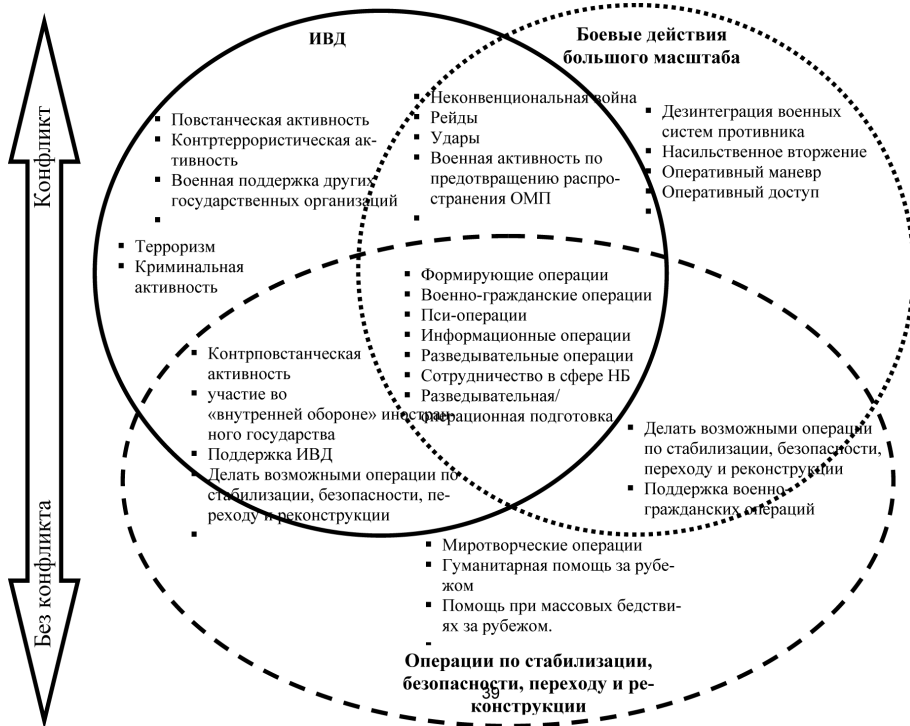
*наши противники будут придерживаться стратегий иррегулярной войны, включающих гибрид иррегулярных, разрушительных, традиционных и катастрофических возможностей с целью подорвать и разьесть (эродировать) влияние и волю США и наших стратегических партнеров. Столкновение с такими вызовами и сопротивление в рамках данного подхода требует согласованных усилий всех имеющихся инструментов национальной мощи США. ... Концепция описывает иррегулярные войны как форму военных действий и считает, что они становятся доминантной формой ведения военных действий, не только со стороны наших противников, но также США и его партнеров*³⁸.

ИВД имеют как наступательные, так и оборонительные аспекты:

*множество факторов могут сделать невозможными или ограничить объединенные силы в проведении конвенциональных военных кампаний. Такие ситуации могут потребовать или сделать предпочтительными иррегулярный военный подход, использующий не прямые и зачастую нетрадиционные методы достижения стратегических целей и задач США. Иррегулярная война будет становиться все более привлекательной стратегической опцией и порой предпочтительным средством влияния, устрашения или нанесения поражения враждебным государствам, оккупационным силам и негосударственным противникам. И в то же время использование иррегулярной войны в оборонительных целях может помочь держать в узде тех, кто имеет намерения нанести вред нам или нашим партнерам или альянсам*³⁹.

Приведенное выше понимание ИВД нашло свое отражение в «Объединенной публикации 3–0» (**Joint Publication 3–0**): «Что делает иррегулярную войну «иррегулярной», это фокус ее операций — соответствующее население — и ее стратегические цели — достичь или обеспечить контроль или влияние над ним, а также поддержка соответствующего населения посредством политических, психологических или экономических методов. Военные действия, которые имеют в «фокусе операций» население, требуют другого склада мышления и других возможностей, нежели военные действия, которые фокусируются на одержании победы над противником с применением военной силы»⁴⁰.

РИСУНОК 1. Различия между иррегулярными военными действиями, операциями стабилизации и боевыми действиями большого масштаба

Определение объединенной доктрины ИВД выглядит следующим образом:
...насиленная борьба между государством и негосударственными акторами за легитимность и влияние на соответствующее население. ИВД предпочитают непрямым и асимметричным подходам, хотя они могут применять и полномасштабные боевые действия и другие возможности, с целью разредить (эродировать) мощь, влияние и волю противника⁴¹.

Определение вызывает скептицизм у тех, кто считает, что оно должно идентифицировать, *кто* проводит ИВД или *каким* образом, какими методами он это делает, но не описывать, *почему* страны и общества вовлекаются в иррегулярные военные действия⁴². Противоречивости термину добавляет тот факт, что он конкретизирует форму и уровень насилия, — «военные действия», что вызывает проблемы при организации межведомственного взаимодействия, без которого невозможно проводить успешные кампании в среде ИВД. Как замечает полковник Джозеф Осборн (**Joseph Osborne**), бывший начальник управления ИВД в КСО США (**USSOCOM J10 (Irregular Warfare)**), наши межведомственные партнеры «не ведут военных действий»⁴³.

Таким образом, конфликты в среде ИВД оказываются ориентированными на население, холистическими и затяжными, требуя соответствующего подхода со стороны вооруженных сил. Как показывает опыт американской армии, в XXI веке разработка и имплементация стратегии, которая могла бы успешно справляться с вызовами среды ИВД, является нетривиальной задачей, требующей времени и ресурсов. Аккумуляция необходимых знаний и опыта оказывается дорогостоящим во всех смыслах⁴⁴. Нежелание и неумение признавать специфику ИВД делает достижение успеха в такой среде проблематичной. Кроме того, традиционно МО ориентировано на нейтрализацию конвенциональных военных угроз, в то время как иррегулярные требуют другой организационной структуры, методов боевой подготовки и экипировки и пр. Вооруженные силы пытаются развивать доктрину, адаптировать организационную структуру, процесс боевой подготовки, экипировку, чтобы быть готовыми к реалиям ИВД. По мнению Фрэнка Хоффмана (**Frank Hoffman**), «мы медленно принимаем линии тренда, берущие свое начало еще в Бейруте 1983 года, и признаем, что наиболее часто встречающейся формой войны сегодня является война «среди населения», и мы очень медленно оформляем наше множество институциональных инструментов» (для противоборства в таких войнах. — Прим. Р.А.)⁴⁵.

Признавая, что иррегулярные военные действия отличаются от конвенциональных, признанные эксперты, такие как Дэвид Галула, Дэвид Килкаллен (**David Kilcullen**), Гордон МакКормик (**Gordon McCormick**), подчеркивают необходимость разработки соответствующих подходов для успешного оперирования в среде ИВД. В известной книге «Контрповстанческие военные действия» Дэвид Галула говорит о четырех законах проведения успешных контрповстанческих военных действий:

- поддержка населения является ключевым фактором, как для повстанцев, так и для проводящих контрповстанческие военные действия;
- поддержка достигается посредством воздействия на активное меньшинство;
- поддержка населения является условной; и
- интенсивность усилий и безусловное обилие (**vastness**) средств и ресурсов является критически важным⁴⁶.

Дэвид Килкаллен в книге «Случайная герилья» (Непредумышленная партизанская война) в рамках дискуссии вокруг глобальной войны с терроризмом подчеркивает важность данных законов, делая вывод, что «это будет долгий конфликт», в рамках которого необходимо придерживаться «крайне скупого использования военной силы». И далее «необходимо сделать больший акцент на невоенных средствах», и «мы должны подчеркивать примат достоинства, морального авторитета и доверия»⁴⁷.

Во время своего пребывания в РЭНД, а также в качестве главы «Управления военных исследований Школы усовершенствования офицерских кадров ВМС США» (**Defense Analysis Department of the Naval Postgradu-**

ate School), профессор Гордон МакКормик предложил модель «Алмаз» (**Diamond**), в рамках которой предусматривалось применение рассмотренных выше законов и подходов. Полученные результаты подчеркивали важность, в первую очередь, обеспечения безопасности населения. Решение данной задачи позволяет государству справиться с информационным преимуществом повстанцев до того, как они будут в состоянии преодолеть преимущество государства в силе⁴⁸.

Принимая во внимание мнение признанных экспертов, КСО США опубликовало свою версию законов и факторов, обсужденных выше, согласно которым действия в среде ИВД являются в большинстве случаев непрямыми, длительными, упорными, проактивными и ориентированными на население. Кроме того, они должны уважать легитимность и суверенитет страны пребывания и протекать в рамках общей стратегии США.

Согласно заявлению от сентября 2006 года на слушаниях «Комиссии палаты представителей по делам ВС» (**House Armed Services Committee**) относительно дорожной карты, суть ИВД является невоенной:

хотя определение продолжает уточняться, имеется широкое согласие внутри МО касательно природы и размаха ИВД. Что отличает ИВД от других форм военных действий, это акцентирование на использовании иррегулярных сил и непрямых методов и средств для подрыва, изнурения и изматывания противника. Противник скорее становится иррелевантным, нежели ему наносится поражение через прямую, конвенциональную военную конфронтацию. В отличие от конвенциональных военных действий, которые фокусируются на нанесении поражения военным силам противника или захвате ключевых позиций на физической местности, фокусом ИВД является разъедание (эродирование) мощи, влияния и воли противника, его способности осуществлять политическую власть над местным населением. Общие характеристики иррегулярных военных действий включают растянутость во времени, переплетение военных и невоенных методов, участие личностей и групп, не принадлежащих к регулярным вооруженным силам или политике какого-либо государства, а также усилия по достижению контроля или влияния над населением страны пребывания. Операции в среде иррегулярных военных действий могут быть частью традиционных военных действий или проводиться независимо⁴⁹.

В целом львиная доля нагрузки в терминах ИВД не является чисто военной. Она другая. Это информация. Это дипломатия. Это другие элементы национальной мощи⁵⁰.

Ряд экспертов считают, что данные усилия должны стать частью более широкой стратегии, которая должна «сделать развивающимся обществам прививку от экстремизма, тем же способом, каким план Маршалла послужил прививкой Западной Европе от коммунистического экстремизма»⁵¹. Джеймс Бэйтс (**James Bates**) аргументирует в «Репорте 05–8» «Университета объединенных специальных операций» (**Joint Special Operations Uni-**

versity (JSOU) Report 05–8): «Если мы хотим подавить или уничтожить транснациональных и традиционных повстанцев, то должны переобучить и перетренировать новое поколение советников и инструкторов, помогающих странам пребывания разработать и выполнить план, позволяющий противостоять данной угрозе»⁵². Среди военных и политических кругов идут дебаты касательно доктрины и точного определения ИВД. Признавая отсутствие ясности, термин ИВД используется только один раз в «Четырехлетнем прогнозе МО США» от 2010 года, хотя многие типы военной активности зачастую рассматриваются как таковые и обсуждаются в документе⁵³.

Таким образом, несмотря на различия в определениях и неудачу в охвате смутной природы ИВД, мнения сходятся в одном. Решающей характеристикой ИВД является сложность, и характеристики и атрибуты операционной среды ИВД резко отличаются от тех, что ассоциируются с успехом в конвенциональной войне. Во-первых, угрозы в целом являются скорее асимметричными и иррегулярными, нежели конвенциональными. Во-вторых, успех, в широком смысле, связывается со способностью не нанести поражение противнику, но завоевать поддержку или лояльность населения (или сломить его волю к сопротивлению). Определения подчеркивают, что такие психологические концепции, как доверие, легитимность и воля населения, являются центральным фокусом ИВД. Они также подчеркивают важность таких политических концептов, как власть, мощь и влияние в борьбе за симпатии, поддержку и мобилизацию различных сегментов населения. При этом предпочтение отдается скорее непрямым и невоенным, нежели военным методам и подходам. И наконец, определения согласны с тем, что использование насилия должно быть тщательно калибровано, так как непропорциональное применение военной силы может скорее навредить, нежели оказаться полезным при решении задач в операционной среде ИВД.

В определении ИВД можно выделить три критических элемента ИВД: операционную среду, типы военной активности и акторов⁵⁴. Среда ИВД оказывается сложной и нестабильной. Сложность является следствием воздействия множества факторов, включая (но не ограничиваясь) политическое, экономическое, социальное соперничество и борьбу за ресурсы, нестабильность — динамичность среды⁵⁵.

1.2. Иррегулярные военные действия как операционная среда. Типы военных действий

Операционная среда в доктринальных документах США определяется как «композиция (смесь) условий, обстоятельств и влияний, которые

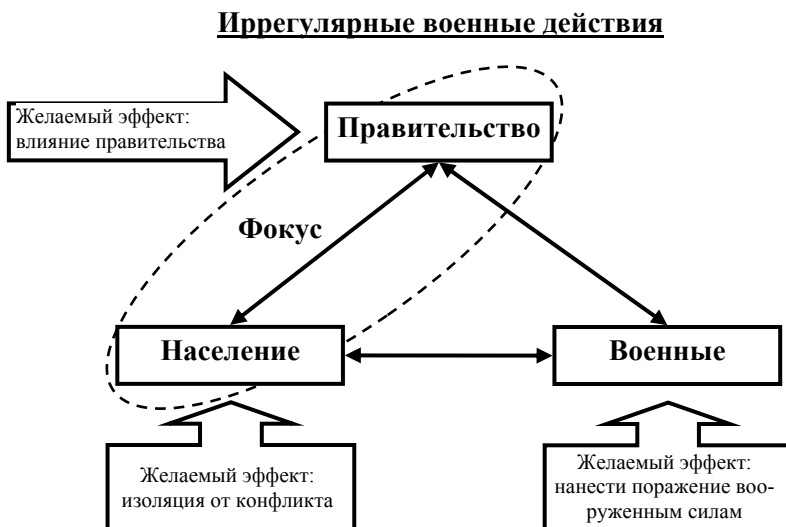
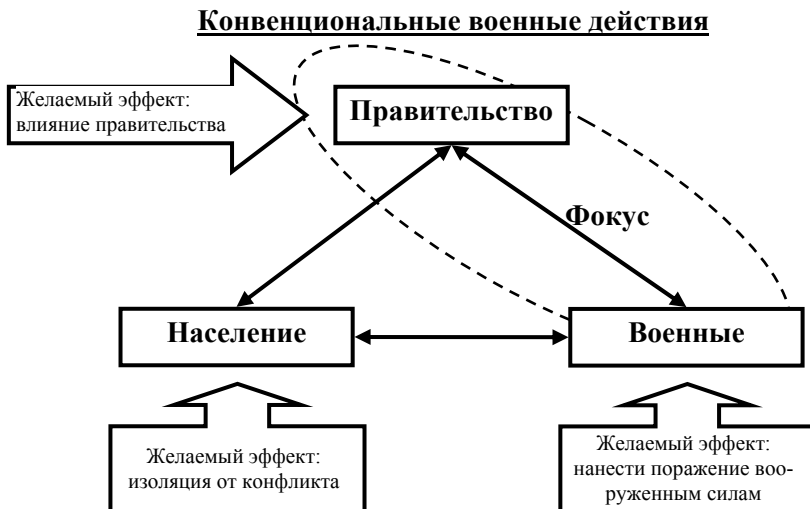
воздействуют на применение возможностей и имеют отношение к решению командующего»⁵⁶. Среда ИВД обычно включает множество соперничающих государственных и негосударственных акторов, преследуемые цели и интересы которых являются преимущественно политическими. Руперт Смит (**Rupert Smith**), британский генерал в отставке, описывает ИВД как «войны среди населения»⁵⁷. Это означает, что в операционной среде ИВД доминирует политическая активность, когда необходимо обеспечить безопасность населения, работу основных социальных служб и функционирование структур гражданского управления. Хотя военная активность является необходимой составляющей, роль вооруженных сил в данном случае оказывается обеспечивающей, а не ключевой. В такой среде, по словам Руперта Смита, «больше не имеется чисто военных или политических ситуаций»⁵⁸ и необходимо говорить о сложных операциях, требующих плотной координации усилий, как военных, так и гражданских структур⁵⁹.

Между МО и государственными структурами и министерствами имеются разногласия относительно того, являются ли ИВД средой или операцией. Первоначально ОКБД ИВД от 2007 года отмечала, что иррегулярные военные действия проводятся, то есть являются операцией. Однако в рамках последующего анализа КСО и «Объединённое командование ВС» США пришли к выводу, что ИВД — это среда, в которой проводятся операции, но не операции сами по себе*. Концепция ИВД, как операционной среды, затем была усилена в определении «Объединенной публикации 3–0 (Объединенные операции)», где говорится о фокусировании ИВД «на своих операциях» и «своих стратегических целях»⁶⁰.

Данное утверждение можно акцентировать, если сравнить его с определением среды регулярных военных действий. Командир не «проводит» традиционные военные действия. Речь идет о среде, которая «...обычно включает операции вооруженных сил малого и большого масштаба против других сил, в которых противники применяют различные конвенциональные военные средства друг против друга в физическом домене, в воздухе, на земле, море и космосе, а также информационной среде»⁶¹. Различия между средой конвенциональных и иррегулярных военных действий связаны с фокусами операций, которые проводятся в них. В среде ИВД в фокусе находится население, что отличает ее от традиционных «конвенциональных» подходов к военным действиям (см. Рис. 2). Если успех конвенциональных военных действий зависит в основном от военных факторов, то иррегулярных, в первую очередь, — от широкого диапазона иррегулярных характеристик и свойств операционной среды, которые считаются маловажными или вовсе отсутствуют в конвенциональной войне⁶².

* См. материалы **United States Army John F. Kennedy Special Warfare Center and School. Unconventional Warfare Definition Working Group.** Fort Bragg, NC, April 9, 2009.

РИСУНОК 2. Различие между конвенциональными и иррегулярными военными действиями*

* Рисунок взят из **U.S. Department of Defense. Irregular Warfare (IW) Joint Operating Concept (JOC)**. Version 1.0, Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, September 2007. Первоначально он появился в работе, посвященной «Модели алмаза» МакКормика **McCormick, G.H., S.B. Horton, and L.A. Harrison**. "Things fall apart: The endgame dynamics of internal wars," *Third World Quarterly*, Vol. 28, No. 2, 2007, pp. 327–328.

Предикат «непрямой» в среде ИВД относится к подходам, которые «фокусируются на лежащих в основе экономических, политических, культурных условиях или условиях безопасности, которые подпитывают недовольство населения... дезорганизуют, срывают атаку и наносят поражение противникам, атакуя физически и психологически в точках, где он наиболее уязвим и не ожидает нападения... дают возможность, позволяют, поддерживают или привлекают межведомственных и других партнеров для атаки противника военными или невоенными методами... предпринимают действия со (или против) сторонними государствами или вооруженными группами с целью воздействовать на противников... и подрывают мощь и влияние противников на соответствующее население»⁶³.

Таким образом, в рамках данной работы в основном будет говориться не об «иррегулярных войнах», но о среде иррегулярных военных действий, в которой проводятся операции, ориентированные на население (**population-centric operations**). Объединенная концепция ведения боевых действий в рамках ИВД подчеркивает, что среда ИВД может существовать внутри дружественных, враждебных или невоюющих государств, и описывает ключевые элементы ИВД через применение непрямого подхода на глобальном масштабе, фокусирующегося на воле людей и совместных действиях. Среда ИВД требует непрерывного присутствия, базирующегося на межличностных отношениях, сборе и обобщениях разведанных и информации об операциях, расширении роли вооруженных сил общего назначения и разработке альтернативных систем командования и управления⁶⁴.

Если ИВД — это среда, то существует множество видов военных действий, которые проводятся внутри нее. По аналогии с традиционными военными действиями, которые имеют операционные и тактические задачи, ОКБД ИВД выделяет 14 видов действий, проводимых внутри среды ИВД⁶⁵:

- повстанческие действия;
- контрповстанческие действия (**Counterinsurgency (COIN)**);
- неконвенциональные (специальные) методы ведения военных действий;
- терроризм;
- контртерроризм;
- участие во внутренней обороне иностранного государства (**foreign internal defense (FID)**);
- стабилизация, безопасность, переход и реконструкция (**stabilization, security, transition, and reconstruction (SSTR)**);
- стратегические коммуникации (**strategic communications**)^{*};
- психологические операции (**psychological operations (PSYOP)**)[†];
- информационные операции (**information operations (IO)**);
- военно-гражданские операции (**civil-military operations (CMO)**);

^{*} Термин выведен из употребления.

[†] Термин выведен из употребления.

- разведывательные и контрразведывательные действия;
- международная криминальная активность, включая наркотрафикинг, незаконный оборот оружия и незаконные финансовые транзакции, которые поддерживают или способствуют ИВД; и
- действия по обеспечению законности и правопорядка (**law enforcement activities**), фокусирующиеся на противодействии иррегулярным противникам.

Для данных типов действий «Директива МО 3000.07» определяет пять основных типов иррегулярных военных действий⁶⁶:

- участие во внутренней обороне иностранного государства;
- контрповстанческие действия;
- контртерроризм;
- операции по обеспечению стабилизации, безопасности перехода и реконструкции; и
- неконвенциональные (специальные) методы ведения военных действий.

Определения каждого из типов активности в «Объединенной доктрине» (**Joint definitions**) даны ниже⁶⁷.

Участие во внутренней обороне иностранного государства. Участие гражданских и военных министерств, ведомств и агентств в каких-либо мероприятиях по реализации программ действий (**action programs**), проводимых другим правительством или назначенной организацией (**designated organization**) для освобождения или защиты своего общества от подрывной деятельности, беззакония и повстанческой активности.

Контрповстанческие действия. Военные, военизированные (**paramilitary**), экономические, психологические и гражданские действия, предпринимаемые правительством для нанесения поражения повстанчеству.

Контртерроризм. Операции, включающие наступательные меры, имеющие целью предотвратить, сдержать, упредить и среагировать на терроризм.

Стабилизация, безопасность, переход и реконструкция. Всеобъемлющий термин, охватывающий различные типы военных миссий, задач и активности, проводимых за пределами США в координации с другими инструментами национальной мощи для обеспечения или восстановления надежной и безопасной среды, ключевых государственных структур и услуг, восстановления инфраструктуры по реагированию на чрезвычайные ситуации (**emergency infrastructure**) и операций по оказанию гуманитарной помощи.

Неконвенциональные (специальные) методы ведения военных действий. Действия, проводимые с целью позволить движению сопротивления или повстанцам принудить, дезорганизовать или свергнуть правительство или оккупационные власти, действуя подпольно или с использованием подполья, вспомогательных (**auxiliary**) и партизанских сил в запретной зоне (**denied area**).

Четыре первых вида действий представляют собой способы, при помощи которых США противостоят существующим или потенциальным угрозам повстанческих движений в странах пребывания. Такие действия предпола-

гают развертывание ограниченных воинских контингентов, защищающих или усиливающих легитимность правительства страны пребывания. Неконвенциональные методы ведения военных действий являются единственными, не предполагающими защиту или усиление легитимности существующего правительства, и проводятся с целью «принудить, дезорганизовать или свергнуть правительство или оккупационные власти»⁶⁸.

Фактически первые четыре типа действий используются в среде ИВД для противоборства с противником, применяющим неконвенциональные методы ведения военных действий. Это означает, что неконвенциональные методы ведения военных действий следует рассматривать как критически важные. Понимание того, каким образом планируются и проводятся такие действия в операционной среде ИВД, позволит эффективно использовать другие виды ИВД, так как знание противника, его методов ведения военных действий является ключевым элементом достижения успеха в военной кампании и войне.

В дальнейшем ИКБД ИВД начал сужать список типов иррегулярных военных действий. Версия 2010 года определяет пять основных типов: контртерроризм, неконвенциональные или специальные методы ведения военных действий, участие во «внутренней обороне» иностранного государства, контрповстанческие действия (активность) и операции по стабилизации. К ИВД, однако, продолжали относить такие виды военной активности, как стратегические коммуникации, информационные операции всех типов, пси-операции, военно-гражданские операции и действия по обеспечению законности и правопорядка. Как уже говорилось ранее, такое расширение несет с собой риск получить концепцию, которая аналитически является бесполезной⁶⁹.

Согласно ряду источников секретная версия дорожной карты идентифицирует около 30 задач для повышения возможностей МО в ИВД. Выделялись пять главных инициатив для внедрения в программы МО в 2008–2013 гг.:

- изменить способы управления личным составом вооруженных сил, поддерживающих ИВД;
- ребалансировать войска общего назначения для лучшей поддержки ИВД;
- увеличить возможности и способности войск специального назначения по поддержке ИВД;
- увеличить способность проводить контрсетевые операции; и
- изменить системы объединенного образования и образования в родах войск, а также программы тренировки (боевой подготовки) по проведению ИВД⁷⁰.

Таким образом, МО включает в операционную среду ИВД широкий диапазон типов военной активности, принимающих разнообразные формы, которые могут быть классифицированы по двум категориям, что представляет большой политический интерес.

Первая категория — это ИВД против «распределенных глобальных террористических сетей, которые используют ислам для продвижения радикаль-

ных политических целей»⁷¹ и фокусируются на идеологически связанных, обладающих ячеистой структурой группах. Данная форма ИВД имеет в качестве целей отдельные личности или малые группы, распределенные по земному шару, и требует исключительного уровня точности и синхронизации по разведке, целеполаганию и нанесению ударов. Это во многом тактическая и техническая по своей природе форма и в целом не имеет отношения к войскам общего назначения. Основное применение военной силы включает прямые действия малыми силами войск специального назначения и точечные удары БПЛА. В операциях также могут участвовать невоенные партнеры, включая силы правопорядка или жандармские части прямого действия.

Вторая категория — это ориентированные на население контрповстанческие операции, которые могут включать широкий спектр типов военной активности, потенциально проводимых или синхронизированных с конвенциональными силами большого масштаба. Тем не менее, действительный успех больше зависит от политических усилий по достижению стабильного политического равновесия в стране пребывания, с повышением безопасности населения, восстановлением критически важных служб первой необходимости, экономическим развитием и хорошим государственным управлением⁷². Фокус и усилия такого рода ИВД оказываются по большей части политическими, психологическими, информационными, а не военными. Целью является не нанесение поражения силам противника, но убеждение тех, кого можно убедить, быть лояльными или поддержать правительство страны пребывания.

1.3. Типы иррегулярных противников

Можно говорить о трех категориях иррегулярных акторов: повстанческие группы, насильственные экстремистские организации и криминальные сети. Приводимая категоризация акторов в данном случае не претендует на полноту и законченность. Она была бы возможна при наличии консенсуса среди полисмейкеров, военного сообщества, прочих заинтересованных кругов, которого на сегодняшний день нет. Кроме того, окончательность определений несет с собой риск поощрения интеллектуальной жесткости в концептуализации и идентификации иррегулярных угроз. Также возникают проблемы с разработкой курсов действий, призванных смягчить, сдержать или воспрепятствовать действиям иррегулярных противников или нанести им поражение⁷³.

Повстанческие группы (или повстанчество). Являются организованными движениями, имеющими целью низвержение или отделение от действующего правительства или достижение определенных прав через исполь-

зование диверсий или вооруженного конфликта. Повстанчество является следствием глубинных причин, создающих столь значительную почву для народного недовольства, которая вынуждает население подняться на вооруженную борьбу для достижения поставленных целей.

Хотя можно выделять категории причин, такие как религиозная или этническая дискриминация, экономические ошибки или коррупция, повстанческая активность становится результатом их комбинации, а личности, присоединяющиеся к нему, могут иметь различные мотивы. Дэвид Килкаллен утверждает, что повстанцы могут иметь личные причины, и борьба в группе не обязательно отражает их верования или убеждения. Килкаллен называет таких личностей «случайными (непредумышленными) партизанами» (**accidental guerrillas**).

Чтобы обеспечить стратегическое и операционное единство усилий, повстанческие группы стремятся выстроить иерархические структуры, вовлекая в военные действия большое количество бойцов. Рост повстанческого движения требует создания надежного убежища (тихой гавани, зоны безопасности, безопасного района) (**safe havens**). Такие зоны должны поддерживаться значительной частью местного населения или быть терпимыми для географически смежного государства.

Насильственные экстремистские организации (*violent extremist organizations*). Часто рассматриваются как террористические группы. Однако, так как тактика террора зачастую используется и повстанческими группами, более целесообразным представляется использование именно данного термина, позволяющего провести различие между двумя типами организаций. Насильственные экстремистские организации (НЭО) стараются внести страх в общество и правительство через акты насилия, направленные, в первую очередь, против гражданских целей.

В отличие от повстанческих групп, которые также могут атаковать гражданские цели в рамках кампании по дестабилизации и ослабления легитимности действующего правительства, НЭО прибегают к таким атакам как главному методу борьбы. Мотивация может быть политической, этнической, религиозной или идеологической. Они зачастую переступают границы государства, а мотивация является достаточно сильной, чтобы оправдать повторяющиеся массовые убийства. Так как НЭО стремятся сфокусироваться на операционном, а не стратегическом уровне войны, они обладают более «плоской» и «сетевой» организационной структурой, а не иерархической, к которой стремятся повстанческие группы.

Криминальные сети. В отличие от повстанческих групп и насильственных экстремистских организаций криминальные сети идеологически не мотивированы и открыто не ставят целью низвержение существующего правительства или контроль государственных институтов. В качестве мотивации выступает получение прибыли, для обеспечения которой используется насилие, целью которого является защита или расширение сферы влияния на рынке, запугивание гражданского населения или государствен-

ных структур для создания контролируемого пространства и осуществления незаконной активности.

Важно понимать, что линии между данными категориями не всегда ясно очерчены, что является следствием зачастую взаимозаменяемой и взаимозависимой природы иррегулярных акторов и операционной среды ИВД, которая исключает черно-белые определения. Попытки использования жестких определений и классификации скорее будут мешать, нежели помогать в понимании процессов в операционной среде ИВД⁷⁴. Например, как уже говорилось выше, повстанческие группы порой используют терроризм как тактику достижения стратегических целей. Некоторые из них вовлекаются в криминальную активность с целью получить средства для идеологически мотивированной военной активности. Порой, как это было, например, с «Революционными вооруженными силами Колумбии» (**Revolutionary Armed Forces of Colombia**), повстанческие группы находят криминальную активность столь выгодной, что она начинает преобладать над идеологически мотивированным поведением. Можно также привести пример исламистских НЭО, которые активно участвуют в производстве опиума или трафикинге, хотя религиозные предписания выступают резко против такой активности. И наконец, как показывает опыт колумбийских наркокартелей, криминальные синдикаты порой прибегают к терроризму, чтобы запугать государственные власти, или пытаются создать общий безопасный район с повстанческими группами.

В операционной среде повстанческих движений могут иметь место быстрые широкомасштабные изменения. Вокруг партизанского конфликта могут происходить массовые перемещения или бегство населения, этнические или сектантские чистки, социальная революция или даже геноцид. Императивом в такой ситуации становится понимание среды конкретной ИВД, которая должна быть описана с пониманием уникальной специфики и деталей и способами, которые будут поняты местным населением. Аналогии с другими конфликтами, предыдущими войнами или в рамках некоторой универсальной модели и стандартизированного набора правил должны использоваться осторожно⁷⁵.

Чтобы определиться с ресурсами и стратегией, необходимыми для участия в противоборстве с будущими иррегулярными противниками, необходимо добиться фундаментального понимания применяемых ими методов. В исследовании «Иррегулярные противники и гибридные угрозы» «Объединенного центра иррегулярных военных действий» рассматриваются иракское повстанческое движение 2003–2006 гг., Аль-Каида и аффилированные с ней насильственные экстремистские организации, а также два типа криминальных сетей — банды «Мара Салватруча» (**Mara Salvatrucha (MS-13)**) Латинской Америки и современные пираты Южной Азии и Африканского рога. Рассматриваемые случаи призваны проиллюстрировать, но не дать определение или всеобъемлющее объяснение природы определенной категории иррегулярных угроз. Скорее они имеют целью служить примером, как иррегулярные противники оперируют против региональных или глобальных центров силы (американских интересов)⁷⁶.

Одними из наиболее опасных аспектов иррегулярных угроз является способность ее компонентов трансформироваться и адаптироваться. Иррегулярные вооруженные формирования, например, могут снять униформу и знаки отличия и смешаться с местным населением. Повстанцы могут отложить оружие и выйти на гражданские протесты, а криминалитет — надеть форму местных полицейских сил и действовать от ее имени. Потенциальная комбинация регулярных и иррегулярных сил и возможностей, а также способность акторов переходить от одного типа военных действий к другим, с целью использовать уязвимости противоположной стороны, делает такие угрозы особенно эффективными.

Кроме того, необходимо принимать во внимание способность акторов демонстрировать поведение, относящееся к различным типам иррегулярных действий. В Ираке все повстанческие группы используют те или иные формы терроризма в качестве тактики, а некоторые НЭО демонстрируют территориальные амбиции. Некоторые криминальные группы, занимающиеся грабёжом и похищениями, часто становятся источником финансирования действий повстанческих групп. Аль-Каида, будучи насильственной экстремистской организацией, соединяет террористические методы с иракским повстанческим движением. Значительная часть операций Аль-Каиды в Ираке финансируется за счет ограбления банков и другой криминальной активности⁷⁷. Хотя на сегодняшний день не имеется данных о связи между пиратством и терроризмом, оба типа иррегулярной активности зачастую разворачиваются в одних и тех же зонах, и некоторые террористические группы имеют намерение развивать морские возможности. Как следствие, нельзя исключать того, что террористы начнут использовать тактику и возможности пиратов, прибегая к морским террористическим атакам.

Такая изменчивость и смешивание методов и возможностей различными типами иррегулярных акторов становится серьезным вызовом для попыток классификации и обобщения. Иррегулярные акторы и угрозы демонстрируют высокую адаптивность и способность обучаться, в качестве отклика на изменения в операционной среде, тактике и стратегии противоположной стороны⁷⁸.

1.4. Источники мощи повстанческих движений и движений сопротивления

В статье «Семь столпов мощи малой войны»⁷⁹ Рэнди Борума (**Randy Borum**) приводятся базисные элементы мощи повстанческих движений и движений сопротивления:

- мощь возрастающих ожиданий;
- мощь неудачника (**the power of the underdog**);

- мощь проворности и стремительности;
- мощь народа;
- мощь сопротивления;
- мощь принадлежности (причастности) (**the power of belonging**);
- мощь безопасности.

Понимание базисных элементов может помочь объяснить, как и почему некоторые из повстанческих движений оказываются успешными, а другие — нет, что, помимо всего прочего, является полезным при разработке стратегии противостояния такой активности. Автор статьи подчеркивает, что полученные результаты являются скорее эвристическими, нежели историографическими, и для каждого из принципов можно найти исключения в истории.

Мощь возрастающих ожиданий. Повстанческое движение обязано быть амбициозным и дает надежду на улучшение социально-экономической ситуации, независимость или свободу. Психология повстанцев не является оборонительной, а ментальность — «блиндажной», предполагающей возможность «отсидеться в обороне». Революционный дух зовет к действию, чтобы сделать жизнь лучше и достичь основных свобод. «Без растущих стремлений и ожиданий общество не будет прилагать усилия и идти на риски для получения новых форм поведения и достижения больших результатов»⁸⁰.

В течение столетий социально уязвимые и подавляемые слои общества стремились и хотели другой жизни, тем не менее оставаясь покорными судьбе и не имея представления о жизни господствующего класса, особенно в третьем мире. Желая чего-то, что *отличается* от существующего положения дел, такие слои зачастую не имеют знаний о мире за пределами своих общин, социальной ниши. Не знают, как может выглядеть это другое и еще меньше — как его можно достигнуть.

Однако процессы глобализации изменили общую ситуацию, позволив социальным низам и замкнутым общинам получить доступ к большому миру, его знаниям и технологиям. Как следствие, растущие ожидания общин и социальных слоев на субгосударственном уровне становятся существенным фактором операционной среды ИВД наравне с традиционными государственными акторами. Мощь растущих ожиданий подпитывает конфликт на ранних стадиях разворачивающегося конфликта и только на этапе его разрешения может стать стабилизирующим фактором.

Ранние теории конфликтов придерживались взгляда, что плохие социально-экономические условия являются «коренными причинами» политического насилия. Однако история ясно показывает, что только бедность не может служить ни веской причиной, ни надежным индикатором напряженности в обществе⁸¹. Исследования не поддерживают и точку зрения, что недовольство является достаточным фактором для инспирирования коллективного политического насилия⁸². Чего нельзя сказать о чувстве социальной несправедливости. Оформление общественных проблем в терминах социальной несправедливости позволяет повстанцам трансформировать ожидания народа в действие⁸³.

Большинство теорий радикализации и экстремистские идеологии используют социальное недовольство как фундаментальный элемент⁸⁴. Но почему в ряде случаев недовольство инициирует действие, а в других нет? Один из ключевых факторов успеха заключается в том, чтобы недовольство стало следствием социальной несправедливости, контраста в общественном восприятии между тем, как обстоят дела в обществе и как они должны выглядеть⁸⁵. Растущие ожидания усиливают этот разрыв, когда относительная деградация и лишения ведут к ощущению абсолютной несправедливости⁸⁶.

Когда обделенные слои общества видят благополучие других или чересчур страдают — порой благодаря революционному насилию — то, что когда-то было просто раздражающим, начинает восприниматься как несправедливость. Поскольку чувство несправедливости не рассматривается как результат случайных событий, его нетрудно направить и связать с определенной целью — политикой, личностью или народом. Обвиняемая сторона затем очерняется, зачастую демонизируется, подталкивая недовольных перейти к действиям, под лозунгом исправления несправедливости⁸⁷.

Мощь неудачника. Участники повстанческого движения почти всегда рассматриваются как аутсайдеры и неудачники, а обществу нравится подбадривать проигравших, особенно если есть хотя бы небольшая надежда на успех. С другой стороны, большое количество исследований показывает, что люди не любят идентифицировать себя с неудачниками⁸⁸. Тогда какие социальные механизмы делают возможным поддержку и даже присоединение к неудачникам? Явление пока плохо изучено, и социологи только в последнее время вплотную занялись данной проблемой⁸⁹. Ниже приводятся некоторые из результатов, большая часть которых, однако, посвящена феномену фанатов спортивных команд или потребителей определенного продукта, то есть социальной и рыночной психологии, а не психологии повстанцев.

Большинство людей старается видеть себя в позитивном свете и стремятся к положительной оценке в обществе. Поддерживающие находящиеся у власти «альфа-самцов» фокусируются на результатах действий, в то время как поддерживающие неудачников — на позитивных и привлекательных качествах самих «игроков», готовых рисковать собственной жизнью⁹⁰. Кроме того, для достижения устойчивой поддержки в обществе от аутсайдера не требуется постоянно быть «звездой» и «сверкать на небосклоне». Достаточно обеспечить прерывистый «тусклый свет» и надежду на успех. Другими словами, «аутсайдеры нуждаются в том, чтобы приблизиться при случае или, как минимум, показать вспышку возможности, потенциальной вероятности (успеха), чтобы заслужить поддержку. В противном случае они будут просто неудачниками (лузерами), от которых никто ничего не ожидает»⁹¹.

Важно отметить два момента, касающиеся аутсайдера. Он должен восприниматься как настойчивый и цепкий перед лицом противника, — качество, которым восхищаются и с которым многие хотели бы себя идентифицировать. И второе, поддержка аутсайдера должна ассоциироваться в

восприятии людей, общества с поддержкой честности, законности и справедливости⁹². Аутсайдер изначально находится в невыгодном положении в своей конкуренции с «кальфа-самцами», однако должна быть надежда, что невыгодное положение может измениться, а достижение успеха приведет к более открытому и справедливому обществу.

За последние 35 лет психологи исследовали феномен «греться в лучах славы»⁹³, когда личность ассоциирует себя с группой или институтом, который имеет статус и репутацию популярности или успеха (даже если сама личность ничего не сделала для этого). Возможно, данный феномен является важным фактором,двигающим к успеху «бренд» повстанца или террориста, и объясняет, почему так много сторонних людей хотят ассоциировать себя с такими группами на фоне нежелания самих групп видеть такое поведение.

Мощь проворности и стремительности. Одним из серьезных вызовов повстанческих движений является подвижность и стремительность последних, способность быстро изменять как организационную структуру, так и тактику. Повстанческие движения, как организации, постоянно адаптируются и видоизменяются. Хотя некоторые из них исторически имеют централизованную, военизированную структуру, повстанчество XXI века в основном децентрализовано, динамично и подвижно⁹⁴. Подвижность — это способность вооруженных сил своевременно адаптироваться и обучаться, сталкиваясь с угрозами⁹⁵. Эффективное повстанческое движение является как структурно, так и культурно подвижным. Если оставить в стороне дебаты, является ли Аль-Каида глобальным повстанческим движением, то она без сомнения является подвижной и эволюционирующей. Начавшись, как «бюро по видам обеспечения» афганских моджахедов, сопротивляющихся СССР, она затем стала оперативной «базой» террористических групп. Впоследствии Аль-Каида превратилась в умозрительный центр глобальной сети новых «аффилированных» организаций, затем типом социального движения и, в конце концов, «брендом» или вдохновляющим центром опасной насильственной идеологии⁹⁶.

Быть подвижным и адаптивным означает обладать преимуществом. Подвижность зачастую наиболее важный фактор в организационном обучении. ВС США инвестируют миллионы долларов в «обучение и извлечение уроков», выявляя и оценивая критические изменения, необходимые для адаптации к глобальной среде безопасности⁹⁷. Однако столь большие усилия не гарантируют успех⁹⁸. Организационная структура вооруженных сил общего назначения имеет тенденцию быть большой и медленной, что является адекватным для конвенциональных операций на традиционном ТВД, но не подходит для ИВД и малых войн⁹⁹. Простая, децентрализованная организация гораздо быстрее двигается от идеи к действию, перемещая ресурсы, мобилизуя личный состав и восполняя потери в командном составе. Проводящие контрповстанческие операции вооруженные силы, формируя отклик, обнаруживают, что как контекст, так и акторы изменились, что обесценивает или делает ненужными действия войск. Подвижность являет-

ся эффективным мультипликатором вооруженных сил, особенно в противоборстве с большим, медленным и тяжелым противником.

Мощь народа. Современные повстанцы обладают явным преимуществом домашнего очага. Используя идею сопротивления, они заявляют, что именно они представляют интересы народа, и готовность населения воспринимать данную риторику как реальность определяет уровень оказываемой поддержки¹⁰⁰. Мао Цзэдун говорил о малых войнах как «народных войнах». Как уже говорилось выше, в операционной среде ИВД в фокусе усилий находится население, и многие рассматривают контрповстанческую активность как «борьбу за сердца и умы»¹⁰¹. Хотя это не очевидно, но противоборство начинается не в равных условиях. Преимущество на первом этапе находится на стороне повстанцев, которые провозглашают себя голосом справедливости и представителями народа. Сторона, проводящая контрповстанческую операцию, должна перетянуть на свою сторону население, действуя всеми доступными методами. Повстанцы чаще всего уже имеют такую поддержку и нуждаются лишь в удержании имеющихся позиций, не отрываясь и не становясь чужими и чуждыми населению.

Социальная наука рассматривает динамику взаимоотношений в социуме, исходя из разделения его на две категории — «внутри группы» и «вне группы» («мы» и «они»)¹⁰². Для социума характерен *фаворитизм внутри группы (in-group favoritism)*, то есть тенденция оценивать и вести себя более дружелюбно по отношению к членам своей группы», и *подрыв репутации вне группы (out-group derogation)* и тенденция оценивать и относиться более негативно к членам, не принадлежащим группе¹⁰³. Народная поддержка не только «богатейший источник мощи», но также источник энергии и вдохновения для повстанчества. Тем не менее, ее наличие оказывается необходимым, но не достаточным условием, если повстанческое движение не добивается того, чтобы население идентифицировало себя с ним, как со своей группой¹⁰⁴. Для достижения такой идентификации повстанчество разрабатывает нарратив «внутреннего голоса» (*insider voice*), естественно и ненавязчиво располагаясь внутри гражданского населения и следуя максиме Мао Цзэдуна, что «партизанская война должна двигаться среди народа как рыба в море».

Цели движения должны быть неотличимы от народа, усиливая тем самым угрозу, которую они представляют для находящихся вне группы контрповстанческих сил. При этом активно используются пропаганда и прочие методы информационной войны. Такая работа дает двойной эффект — начинают работать механизмы фаворитизма внутри групп, и сплачивается население, тем самым усиливая сопротивление государственному режиму. Обеспечить и добиваться поддержки народа является как главной задачей, так стратегией повстанческого движения. Мао Цзэдун говорил: «Оружие важный фактор на войне, но не решающий; народ, а не вещи, являются решающим. Военная и экономическая мощь непременно находятся в руках народа».

Мощь сопротивления. Повстанцы не только используют асимметричную тактику, но реализуют ее в контексте асимметричной стратегии. Фундамен-

тальной задачей повстанцев является разрушить цели и задачи стороны, проводящей контрповстанческую операцию. Речь идет о форме саботажа, целью которого является создание хаоса и беспорядка, который становится стратегическим ресурсом повстанцев. Повстанческие движения зачастую имеют целью не одержание решающей победы, но, скорее, не дать противной стороне достигнуть такой победы. Чтобы добиться успеха, повстанцам не обязательно быть победоносными. Достаточно через сопротивление разрушать планы противной стороны. Чаще всего повстанческие движения не решают проблемы строительства, достижения или обеспечения стабильности, и в этом смысле задачи повстанцев несравненно более легки. Генри Киссинджер заметил: «Партизаны выигрывают, если они не проигрывают. Конвенциональная армия проигрывает, если не побеждает»¹⁰⁵. Данная асимметрия является критически важной, и она дает повстанцам огромное преимущество.

Асимметрия ограничений также усиливает мощь повстанцев. Тактика повстанцев ограничивается только этикой и народной поддержкой, и, пока она имеется, — они могут широко использовать любые средства и возможности. Стратегия повстанческого движения сводится к максиме «не проиграть» и включает постоянные провокации, разрушение инфраструктуры и изнурение вооруженных сил противника. Провоцируя государство, они надеются на непропорциональную реакцию, которая затем используется для мобилизации народной поддержки. Каждый шаг активного сопротивления показывает населению, что государство не в состоянии обеспечить его безопасность, подрывая тем самым легитимность режима.

Повстанцы подтачивают правящий режим, присваивая фискальные и кадровые ресурсы, вынуждая его защищать «все» и восстанавливать разрушенный потенциал и инфраструктуру. Параллельно правительство должно разрушать способность повстанцев капитализировать свои успехи и достижения. Только некоторые из государств обладают политической волей, вооруженными силами и государственным аппаратом, который в состоянии достигнуть успеха в столь длительном противоборстве.

Мощь принадлежности, причастности. Повстанческие движения дают возможность ощутить свою принадлежность к чему-то большому, получить опыт членства в общем деле и исполнять роль, которая имеет смысл и значение¹⁰⁶. Это большая — пусть и неосязаемая — награда для большинства будущих членов движения. Обещание обеспечить такую принадлежность, если оно правильным образом применяется, приводит к вовлечению в движение новых членов или делает их хотя бы лояльными¹⁰⁷. Лояльность в целом выстраивается на основе традиционных социальных связей, сопричастности общему делу, совместной идентичности и ощущении принадлежности к группе.

Наблюдение за поведением новобранцев внутри террористических или насильственных экстремистских организаций показывает, что многие присоединяются к организации из чувства солидарности с семьей, друзьями или знакомыми¹⁰⁸. «Для личностей, которые становятся активными террористами, первоначальное притяжение испытывается зачастую к группе или

общине верующих, а не абстрактной идеологии или насилию»¹⁰⁹. В данном случае можно говорить об общем правиле для многих форм применения коллективного насилия — от терроризма до конвенциональных военных действий. Личность гораздо чаще мобилизуется действием, обязательствами перед другими людьми, а не идейными причинами и абстрактными идеалами. Несмотря на существование идейных личностей, участвующих или поддерживающих повстанчество, для большинства принадлежность движению дает ощущения цели и идентичности, возможность перестать ощущать себя одиноким¹¹⁰. Другими словами, психологические мотивы вовлечения в повстанчество следует признать главными, а идеологические/политические — вторичными. Тем не менее, даже для тех, кто «действительно верит», чувство принадлежности и сопричастности является притягательным и мощным аргументом и стимулом¹¹¹.

Таким образом, можно говорить о закономерности, когда рост большинства движений сопротивления оказывается связан с объединением отчужденной и злой молодежи. Современные малые войны капитализируют угрозы безопасности, базирующиеся на идентичности, которые становятся легко воспламеняющей темой для данной демографической категории¹¹². Стивен Мец и Раймонд Миллен (**Raymond Millen**) из «Института стратегических исследований военного колледжа Армии США» замечают: «Повстанцы внушают идею сопротивления и проводят вербовку, игнорируя все и вся, особенно среди молодых мужчин с изменчивой комбинацией скуки, злости и отсутствия цели. Повстанчество может обеспечить ощущение приключения, возбуждения и смысла, переступающее пределы политических целей и задач»¹¹³. Глобальный демографический «молодежный бугор», когда около 87% мирового населения в возрасте от 10 до 19 лет живут в развивающихся странах, приводит к тому, что данные страны оказываются подвержены политической нестабильности, которая подпитывается этикой негосударственной принадлежности и сокращением роли границ¹¹⁴. Как следствие, наибольшие риски восстаний и повстанческих движений — демографически и психологически — концентрируются именно в таких регионах.

Мощь безопасности. Лица, находящиеся внутри движения, зачастую находятся в большей физической, социальной и эмоциональной безопасности. Физическая безопасность, обеспечиваемая «принадлежностью к стае», социальная взаимная ответственность и доверие в конечном счете приводят к лояльности. А эмоциональные связи, идеология, доктрина и правила внутри движения обеспечивают обнадеживающее ощущение социальных структур.

Фактически все исследования и статьи последних лет по ИВД апеллируют к пирамиде Маслоу, являющейся графической иллюстрацией «иерархии потребностей». В первой половине XX века психолог Абрахам Маслоу (**Abraham Maslow**) разработал теорию для понимания человеческой мотивации, базирующуюся на иерархической группе человеческих потребностей. Наиболее фундаментальные — это базисные физические потребности, такие как еда и вода. Выше лежит категория «потребность в безопасности»¹¹⁵.

В комбинации данные категории описывают суть человеческой безопасности — свободу от нужды (физические потребности) и свободу от страха (потребность в безопасности)¹¹⁶.

Повстанцы, создавая атмосферу хаоса и страха, затем используют данные факторы для мобилизации собственной поддержки и подрыва доверия в способность режима защитить граждан¹¹⁷. Причем беспорядки способствуют появлению чувства страха даже в большей степени, чем рост преступности или действительные риски получения вреда¹¹⁸. Гражданские конфликты, этническая/религиозная напряженность, наркотрафикинг и пр. вносят свой вклад в ощущение обществом страха. «Ощущение незащищенности и отсутствия безопасности ведет к растущему осознанию того, что обеспечение безопасности, которое само по себе является общественным продуктом — и непосредственным *делом государства (raison d'etre)*, государственной системы — не может больше гарантироваться системой»¹¹⁹.

Страх часто работает как тактика, когда вызывающий страх мессидж включает в себя также и пути решения или опцию по обеспечению безопасности¹²⁰. Контролирующий ситуацию режим или сторона, проводящая контрповстанческую кампанию, должны одержать верх в менеджменте климата безопасности общества и безопасности населения¹²¹. Государство, которое не управляет и не обеспечивает безопасность или не заботится о народе, отрекается от власти в пользу тех, кто берет на себя такие заботы.

Новым элементом стратегии современного повстанческого движения можно считать выбор ими не только манипулирования и доминирования в вопросах угроз безопасности, но также предложение услуг и решений¹²². Хезболла является ярким примером такого подхода, хотя это не единственная организация, использующая данную стратегию¹²³. Помимо применения насильственных методов, Хезболла также имеет большие сети социальных и медицинских услуг, созданные и сопровождаемые в зонах со слабой социальной инфраструктурой. При возникновении проблем или кризиса многие зачастую не имеют другого выхода, кроме как обратиться к Хезболле и ее возможностям. Помощь оказывается без требования преданности или взаимности. Хезболла не навязывает свои социальные услуги населению и не говорит гражданам, в чем они нуждаются. Скорее она идентифицирует нужды и провалы в деятельности государства, которые заполняет, притягивая к себе людей. Хезболла понимает, что обеспечить безопасность населения означает добиться его лояльности и поддержки и решить проблему собственной безопасности.

1.5. Описание факторов успеха в операционной среде иррегулярных военных действий

В исследовании «Реорганизация для иррегулярных военных действий» вышеприведенные базисные элементы, законы, факторы и подходы обобщаются с данными других публикаций и формулируются семь факторов операционной среды (**operational-environmental factors**) и десять факторов организационной среды (**organizational-environmental factors**) (см. Таблицу 1), являющиеся критически важными для успеха в среде ИВД. Факторы позволяют понять, как выглядит среда ИВД и какие задачи должна решать организация, оперирующая внутри нее¹²⁴.

ТАБЛИЦА 1. *Критически важные факторы успеха в среде иррегулярных военных действий*

Факторы операционной среды	Факторы организационной среды
Учет политической ситуации в США и стране пребывания	Фокусироваться на усилении легитимности властей страны пребывания
Способствовать (foster) решениям, опирающимся на местные возможности и ресурсы	Развивать региональные фокусы
Развивать подход, ориентированный на население	Усиливать строительство взаимоотношений
Регион требует долгосрочных обязательств	Обеспечивать долгосрочное фокусирование
Увеличивать возможности и потенциал сил безопасности страны пребывания	Влиять через множество методов
Увеличивать возможности и потенциал основных видов обслуживания страны пребывания	Действовать вместе и через силы страны пребывания
Не полагаться исключительно на военную силу для достижения успеха	<ul style="list-style-type: none"> – Усиливать, улучшать операции малыми силами; – Децентрализованное принятие решений; – Способствовать инновациям и креативности; – Фокусироваться на системе поощрений и долгосрочных эффектах;

1.5.1. Факторы операционной среды

Факторы демонстрируют различие операционной среды иррегулярных и конвенциональных военных действий. Чтобы быть успешными, организации, оперирующие в среде ИВД, должны понимать и интегрировать данные факторы в свои операции.

Учет политической ситуации в США и стране пребывания. Решение дислоцировать вооруженные силы в стране пребывания или позволить вооруженным силам других государств сделать это требует достижения определенного уровня политической и общественной поддержки в обоих государствах. Наличие такой поддержки позволяет разработать и имплементировать стратегию, которая будет приемлема для обеих сторон. Чувствительность общества к проведению традиционных военных действий общеизвестна. Причем обычно в расчет не принимается состояние и реакция общества противника. В случае ИВД необходимо принимать в расчет состояние как своего общества, так и населения страны пребывания. ИВД имеют шанс быть успешными, если они опираются на поддержку в обоих обществах.

Способствовать решениям, опирающимся на местные возможности и ресурсы. Помимо оценки политической ситуации в обеих странах активность в рамках ИВД должна создавать местному правительству и населению возможности принимать участие в выработке решений, которые затем воспринимались бы как собственные. Так как активность в среде ИВД фокусируется на долгосрочном вовлечении и участии через не прямые подходы, выстраиваемые как военными, так и прочими агентствами и ведомствами, только родившиеся в стране пребывания решения имеют шанс быть длительными и успешными. Попытки экспортировать готовые решения или, еще хуже, навязать готовые решения оказываются обречены на провал.

Понимание данного фактора должно позволить терпеливо создавать и поддерживать местные социальные, политические или правительственные структуры, которые со временем позволили бы стране пребывания справиться с проблемами. И наоборот, пренебрежение социальными, политическими и государственными структурами страны пребывания при проведении операций в среде ИВД приводит к провалу, так как предлагаемые решения будут рассматриваться как навязанные извне. Примером такой ситуации может служить оказание иностранным государством прямой гуманитарной помощи населению без вовлечения в процесс местной системы государственного управления. Хотя такая помощь может преследовать благие намерения и проводиться от имени правительства страны пребывания, это редко воспринимается именно таким образом местным населением. Когда вооруженные силы и различные неправительственные организации Запада осуществляли такую помощь в Афганистане, предполагалось, что тем самым они увеличивают поддержку афганскому правительству. Однако вожди племен, чтобы продемонстрировать свою непричастность к шагам центрального правительства, были вынуждены демонстрировать лояльность Талибану, который использовал карательные методы, но обеспечивал «порядок и предсказуемость в крайне угрожающей, неопределенной среде повстанческих действий»¹²⁵.

Подход «местных» решений находится в полном соответствии с рекомендациями Лоуренса Аравийского: «Не делай и не старайся делать много собственными руками. Лучше арабы сделают это сносно, нежели ты блестяще. Это их война, и ты помогаешь им одержать победу, а не выигрыва-

еще ее за них»¹²⁶. Когда внешние силы отказываются от полного контроля над процессами и решениями, приходит понимание, что «местные инициативы требуют меньшего контроля, но имеют большую вероятность успеха»¹²⁷. Такой подход позволяет местному правительству «послать мощный мессидж своему народу»¹²⁸, что является крайне важным для достижения и обеспечения длительной устойчивой стабильности¹²⁹.

Хотя необходимость внешних военных сил для обеспечения безопасности очевидна, ОКБД ИВД рекомендует воздерживаться от широкого использования прямых военных действий в среде ИВД, так как это наносит ущерб легитимности и доверию правительства страны пребывания¹³⁰. С другой стороны, периодическое использование военной силы является все же необходимым, так как позволяет укрепить моральный дух и волю правительства страны пребывания продолжать борьбу.

Описанный выше подход к применению сил в среде иррегулярных военных действий отличается от традиционной тактики конвенциональных сил. Последние не предполагают участие местного населения и власти в выработке и реализации решений и особенного фокусирования на населении. Предполагается, что «местное население внутри оперативной зоны не является воюющей стороной и должно ожидать политических результатов, которые будут навязаны правительству, приняты в рамках решений арбитражного суда или путем переговоров»¹³¹.

Развивать подход, ориентированный на население. Как уже отмечалось выше, в традиционных военных действиях население в целом игнорируется, однако «ИВД фокусируются на контроле населения, а не контроле сил противника или территории»¹³². Дэвид Килкаллен в книге «Случайная герилья» показывает, что понимание нужд населения является ключом для его контроля. Не обладая поддержкой населения, повстанцы будут не в состоянии вести длительное противоборство. Когда внутри среды ИВД применяются подходы, ориентированные на противника, они зачастую оказываются контрпродуктивными и имеют тенденцию отвергаться населением. Поняв, что против них ведутся прямые военные действия, повстанцы скрываются или уходят, а «невинное» население становится жертвой сопутствующих потерь и разрушений, что вызывает неприятие и в конечном счете усиливает повстанческую активность¹³³.

При использовании ориентированного на население подхода особое внимание должно быть уделено географическим зонам и социальной структуре общества страны пребывания. Каждая этническая, религиозная, племенная, провинциальная и пр. социальная группа требует своего подхода, который должен быть отражен в общем плане проведения кампании. При этом важную роль играет понятие важного (господствующего) участка местности, которое в Объединенной доктрине определяется как «любая местность или район, захват или удержание которого дает явное преимущество воюющим сторонам»¹³⁴. В традиционных военных действиях господствующая местность — это позиция, с которой легко контролировать или

наносить поражение противнику. Однако в среде ИВД господствующая местность — это население, так как именно его поддержка обеспечивает сторонам преимущество.

Регион требует долгосрочных обязательств. С ростом транснациональных террористических организаций, оперирующих на глобальном масштабе и фокусирующихся на неуправляемых или плохо управляемых регионах, долгосрочные интересы США заключаются в том, чтобы нейтрализовать потенциальные угрозы до того, как они проявились открыто. В статье, посвященной повышению эффективности войск специального назначения, генерал Беннет Саколик (**Bennet Sacolick**) говорит, что солдаты спецназа «помогают местным силам безопасности проблемных стран и выстраивают их возможности нанести поражение терроризму до того, как он станет угрозой для нашей страны»¹³⁵.

Неспособность справиться с латентными угрозами и проблемами несет с собой риск роста до точки, когда нейтрализация становится уже жизненно необходимой. Потеря контроля над угрозами может привести к тому, что опции по использованию малых сил в рамках долгосрочного подхода становятся неприемлемыми, в том числе и из-за давления внутри американского общества, которое вынуждает политиков ориентироваться на конвенциональную войну, в надежде на «быстрое достижение результата».

Традиционные военные действия имеют целью нанести поражение противнику в кратчайшие сроки через использование превосходящей военной мощи, когда имеется точка, прохождение которой предполагает окончание боевых действий. В среде ИВД такая точка выглядит по-другому, и лучшим способом нейтрализовать угрозу является применение местных, ориентированных на население, решений, опирающихся на непрямые подходы. Последние предполагают долгосрочные усилия, когда успех достигается через выстраивание отношений и кооперацию с местным населением.

Увеличивать возможности и потенциал сил безопасности страны пребывания. Для легитимизации правительства страны пребывания в глазах собственного народа и международного сообщества императивом должно быть максимально широкое использование собственных сил безопасности, решающих задачи обеспечения целостности страны, защиты границ и населения. Вне рамок такого подхода говорить о долгосрочном успехе, эффективном государственном управлении не приходится. Однако в среде безопасности XXI века, в которой присутствует международный терроризм, криминальные организации, оперирующие на региональном и глобальном масштабах, система безопасности отдельных стран может не справиться с данными угрозами. Как поясняет ОКБД ИВД, «многие страны неспособны или не желают обеспечивать контроль своей территории или границ, оставляя их открытыми для использования»¹³⁶. В некоторых случаях такая неспособность или нежелание становится следствием потери легитимности или слабости сил безопасности, или же, как это было в случае Ирака, демонтажа системы безопасности.

Когда система безопасности страны пребывания «не способна или не желает» решать свои задачи, оказывающая помощь страна должна быть готова к данному сценарию и предпринять меры, которые позволили бы подавить иррегулярную военную активность. Параллельно должны быть предприняты меры, которые позволили бы стране пребывания повысить эффективность собственных сил безопасности. Это позволит последним со временем наносить поражение акторам среды ИВД, в том числе и международным террористическим и криминальным сетям на своей территории. Мероприятия должны быть развернуты «до того, как эти условия станут угрозой для нашей страны»¹³⁷. Такая стратегия является более предпочтительной опцией, нежели прямая интервенция.

Ситуация, когда местные силы безопасности «не желают» пресекать иррегулярную активность, является более сложным случаем, так как любые действия внешних сил будут трактоваться как попытка вмешательства с целью навязать неприемлемые для местного правительства решения. Как показывает опыт США и международной коалиции в Ираке, решение по демонтажу существующей системы безопасности и построение новой должно рассматриваться как крайняя и нежелательная мера, приводящая к большому количеству негативных эффектов, многие из которых не поддаются просчету.

И если в традиционных военных действиях цель заключается в разгроме вооруженных сил противника, в среде ИВД приходится решать более сложные и долгосрочные задачи. В частности, необходимо добиться того, чтобы система безопасности страны пребывания оказалась в состоянии обеспечить защиту своих границ и населения, а структуры государственного управления были функциональными и рассматривались собственным населением в качестве легитимных. Метрикой успеха при этом выступает степень, с которой страна пребывания в состоянии решать данные задачи.

Увеличивать возможности и потенциал структур страны пребывания, обеспечивающих основные службы (виды обслуживания) населения. Общественная жизнь нуждается в службах, обеспечивающих основные нужды населения, и ожидается, что правительство должно взять на себя обеспечение приемлемого для региона стандарта жизни для своего народа. К таким нуждам относятся продовольствие, питьевая вода, энергия, утилизация отходов, санитарная и медицинская служба, образование, законность и правопорядок и пр.¹³⁸.

Когда государство оказывается не в состоянии обеспечить адекватный уровень работы основных служб, оно создает движению сопротивления условия для наращивания своей поддержки. Более того, повстанцы могут взять на себя организацию работы таких служб, выигрывая борьбу за поддержку и легитимность в глазах населения. В традиционных военных действиях такие службы не рассматриваются в качестве основных целей и атакуются, если они непосредственно включаются в обеспечение военных действий, например медицинские учреждения. Однако в среде ИВД такие

службы становятся основными рубежами операции (**key line of operation**), достижение успеха на которых позволяет добиться поддержки населения и обеспечить легитимность той или иной стороне конфликта.

Не полагаться исключительно на военную силу для достижения успеха. В среде ИВД «решающие усилия редко бывают военными»¹³⁹, и, как показывает опыт Афганистана и Ирака, акцент на военной силе может даже помешать успеху, так как военные рассматриваются как оккупационные силы, а не освободители¹⁴⁰. В основе среды ИВД лежат социальные и политические проблемы, которыми может манипулировать противник с целью достижения преимущества. Роль вооруженных сил является решающей на первом этапе, когда необходимо обеспечить начальный уровень безопасности и уничтожить способность противника вести военные действия. Однако только вооруженные силы и действия сами по себе не достаточны для решения проблем, которые могут быть использованы повстанцами для получения поддержки населения.

Самой большим вызов связан с переходным периодом, который должен быть пройден как можно быстрее, когда вслед за начальным этапом решения сугубо военных задач начинается основной, в рамках которого решаются главные задачи долгосрочной кампании в операционной среде ИВД. Это критически важный момент смены акцентов, — какой инструмент национальной мощи (военный, экономический, информационный и пр.) каким образом должен применяться. Если переход реализуется ненадлежащим образом, то он может рассматриваться местным населением как инициированные извне мероприятия, а не решения, выработанные на месте. Следствием может стать провал миссии в целом или временные решения, «так как многие правительства... возмущены вмешательством США в их внутренние дела или не могут принять прямую контртеррористическую помощь США из-за внутреннего общественного мнения, что делает невозможной реализацию открыто управляемых или финансируемых США подходов»¹⁴¹.

1.5.2. Факторы организационной среды

Фокусироваться на усилении легитимности страны пребывания. Оперирующая в среде ИВД организация должна понимать, что фокусом ее активности должны стать поддержка правительства страны пребывания, разработка и имплементация местных решений, улучшающих или поддерживающих работу служб, обеспечивающих основные нужды. Это предполагает приложение основных усилий на невоенных направлениях, поддерживающих долгосрочные интересы, как США, так и страны пребывания. Генерал Джордж Кейси (**George Casey**), бывший начальник штаба Армии, развивает данную концепцию, подчеркивая, что большинство стран, с которыми сотрудничают США, «не хотят оказаться в ситуации, когда они открыто видят, как американские солдаты передвигаются по стране»¹⁴².

Устав Армии США «Операции», описывая контрповстанческие операции, подчеркивает, что «операции должны отражать и способствовать власти и авторитету правительства страны пребывания. Это предполагает подрыв и разрушение попыток повстанцев установить альтернативную власть. Это также означает уменьшение тенденций населения рассматривать подразделения, проводящие контрповстанческие действия, в качестве оккупационных сил»¹⁴³. Успех оказывается связан с пониманием данной концепции и принципов, которые хотя и не новы, но «их эффективная реализация может быть таковой (новой)»¹⁴⁴.

Развивать региональные фокусы. Сфокусированные на регионе организации, понимающие и инкорпорирующие в свою работу локальные и региональные нормы, лучше подходят для работы в среде ИВД. Как говорит Дэвид Килкаллен: «Имеется множество форм интервенции, и выбор того, как ее осуществлять — в идеале таким образом, чтобы минимизировать локальные стычки, — является не менее критичным, чем принятие решения на интервенцию»¹⁴⁵.

Армия США в концептуальном документе «Операции стабилизации в эру постоянных конфликтов» признает необходимость повышения роли языка и культуры. Концепция, среди прочего, рекомендует рассматривать традиционные бригадные тактические группы (**Brigade Combat Teams (BCT)**) как соединения по сотрудничеству в области безопасности (**Security Cooperation BCTs (SC BCT)**). Такие группы, «когда формируются, должны быть регионально дислоцированы для обеспечения необходимой боевой подготовки, фокусирующейся на культуре и институтах региона, внутри которого они будут оперировать»¹⁴⁶. Организация боевой подготовки таких бригад в рамках только одного цикла развертывания в регионе оказывается проблематичной. Цикл оказывается чересчур коротким, чтобы можно было получить действительные знания. Глубокие знания региона, его культуры и языка приходят только через годы обучения и могут быть достигнуты через долгосрочное фокусирование и организацию множества циклов развертывания.

Бывший председатель «Объединенного комитета начальников штабов» (ОКНШ) (**Joint Chiefs of Staff (JCS)**) адмирал Майк Маллен (**Mike Mullen**) признает, что подразделения должны понимать сложную среду племен, если они хотят быть успешными¹⁴⁷. Приобретение необходимых знаний по культуре для взаимодействия со сложной сетью племен требует времени. Тренировка и предварительная подготовка важны, однако действительный опыт непосредственно «на земле», погружение в среду является критически важным для достижения действительного понимания и формирования эффективных и долгосрочных решений.

Во многих регионах мира власть и престиж связаны не только с занимаемой позицией и должностью, но и личными связями и взаимоотношениями. Порой важным является не что ты знаешь, но кого ты знаешь. Дэвид Килкаллен рассматривает, каким образом происходил поиск эффективных местных лидеров, на конкретном примере операции «Суннитское возрождение». Он показывает,

как шейхи, имеющие ту или иную сферу влияния (религиозную, племенную, криминальную, в бизнесе и пр.) в провинциях страны, оказываются более полезными, нежели государственные лица национального масштаба¹⁴⁸.

Обеспечивать долгосрочное фокусирование. Требование обеспечить долгосрочное фокусирование на решениях, базирующихся на выстраивании отношений с местным населением и правительством, может быть достигнуто, если подготовка решений осуществляется в терминах длительных процессов. Западные подходы в большинстве своем ориентированы на быстрый успех и немедленные отклики и эффекты, как это имело место, например, во время второй иракской кампании 2003 года, когда военная мощь США создала иллюзию возможности «скороспелого успеха» в рамках конвенциональных военных действий. Однако достигнутая победа оказалась контрпродуктивной с изменением среды, в которой стали превалировать гражданская война и повстанческие действия. Для достижения успеха в новых условиях необходимо было понимание, что «ИВД исторически требовали продолжительных и непрерывных усилий как минимум в течение десятилетий для достижения политических результатов»¹⁴⁹.

Долгосрочный подход базируется отчасти на концепции длительного конфликта Мао, в рамках которой повстанческое движение стремится достичь победы и превосходства, используя фактор времени, а не стремясь нанести военное поражение более сильному противнику. Гордон МакКормик поясняет, что партизанская война должна «выдерживать до конца» (перетерпеть), так как конвенциональная сторона терпит поражение, если не может победить, а повстанцы одерживают победу, если не проигрывают¹⁵⁰.

Влиять через множество методов. Разрабатываемые организацией решения в среде ИВД должны быть оформлены как местные, ставя, в первую очередь, перед собой задачу улучшить или наладить службы, представляющие основные услуги населению. Такой подход требует интеграции усилий министерств и ведомств, неправительственных организаций, оказывающих помощь стране пребывания, а следовательно, налаживания межведомственного взаимодействия. «Чтобы быть лучше и сильнее, необходима межведомственность, позволяющая согласовывать наши возможности в контексте и терминах целей и задач целостного подхода к правительству (**whole-government objectives**)»¹⁵¹.

Крис Ламб (**Chris Lamb**) поясняет, что исторически США пытались решать проблемы НБ через применение вооруженных сил или других элементов национальной мощи. Тем не менее, элементы национальной мощи редко оркестровались и применялись вместе для достижения большей эффективности. Однако в среде безопасности XXI века «стало общезвестной истиной, что использующие силу краткосрочные меры войны требуют тесной координации всех инструментов национальной мощи». И далее, существует «почти единогласное согласие, что межведомственное сотрудничество является важным для национальной безопасности, и в особенности войны с террором, так как проблемы НБ требуют применения всех элементов национальной мощи для эффективного решения задач в свою пользу»¹⁵².

Действовать вместе и через силы страны пребывания. В среде ИВД критически важным является развитие военных возможностей и сил безопасности страны пребывания, опираясь на которые она оказывается в состоянии выполнять свои обязательства в рамках системы международной безопасности. Однако, как уже отмечалось ранее, внутри страны широкое применение военной силы на первоначальном этапе, будучи необходимым, является недостаточным для достижения долгосрочной стабильности.

Главной целью США и его вооруженных сил на первом этапе заключается в оказании помощи силам безопасности, — как военным, так и полиции, — для решения задач защиты границ и населения. Хотя такая помощь может сводиться к построению практически с нуля сил безопасности, она должна проводиться с подчеркиванием роли командного состава и руководства страны пребывания в принятии решений, с целью обеспечить легитимность правительства в глазах населения. Неспособность мыслить категориями политической и легитимной чувствительности, доверия по отношению к местному населению при оказании такой помощи быстро приводит к провалу.

После решения задач первого этапа силы безопасности страны пребывания должны развиваться под пристальным вниманием и наставлениями со стороны США. Целью должна стать помощь в становление независимых сил безопасности, способных самостоятельно проводить операции. Единственным эффективным способом такого обучения и подготовки является проведение совместных операций, в организации и проведении которых участвуют различные министерства и ведомства США. Привлечение всех инструментов национальной мощи, экспертных знаний для оказания помощи стране пребывания в рамках уже гражданских структур требует определенной подготовки со стороны сил безопасности. Оказание помощи стране пребывания в становлении сил безопасности должно осуществляться организацией, которая «четко выделяется в подготовке, ведении и мотивации местного населения беспокойной зарубежной страны с целью предотвратить появление следующего повстанческого движения или несостоявшегося государства»¹⁵³.

Усиливать и улучшать операции, проводимые малыми подразделениями. Как отмечалось ранее, чтобы избежать рассмотрения США в качестве оккупантов, необходимо оставлять как можно меньше следов. Организации должны иметь регионально сфокусированную подготовку и быть в состоянии выстраивать взаимоотношения с местным населением. Широкое присутствие, помогая обеспечить логистическую и военную защиту местного населения усилиями США, может создать гораздо больше проблем, чем решить. Большой контингент и широкое вовлечение создают почву для информационных операций противника, когда США представляются оккупантами, а местное правительство в качестве ставленников. Как следствие, правительство и силы безопасности страны пребывания теряют жизненно важное доверие и легитимность в глазах населения.

Концепция команды посольства страны (**embassy country teams**) демонстрирует способность малой команды фокусироваться на стратегическом парт-

нерстве. Работа в рамках малых команд помогает выстроить близкие взаимоотношения с местным населением и силами безопасности. Также применяется термин «малые силы» (**smaller force**), используемый как антитеза «бригадной тактической группе». Термин призван подчеркнуть, что помощь оказывается вместе и через силы безопасности страны пребывания. Тем не менее, малые силы должны быть достаточно состоятельны, чтобы решать задачи обеспечения безопасности, оперируя в условиях минимальной поддержки и отсутствия постоянного руководства со стороны вышестоящего руководства¹⁵⁴. Используя свое превосходство в военной выучке, опираясь на выстроенные отношения с местным населением, малые силы оказываются более эффективными в оказании помощи стране пребывания и ее силам безопасности.

Децентрализованное принятие решений. Организация в среде ИВД должна быть в состоянии осуществлять операционный контроль над своими подразделениями, когда большое значение приобретают методы управления. Когда подчиненные подразделения имеют возможность действовать самостоятельно, без привлечения механизма жесткого иерархического командования и управления, прямых директив командующего, они становятся более эффективными¹⁵⁵.

Хотя такой стиль управления сложен в организации, ряд исследователей аргументируют в пользу адаптивных сил, использующих «децентрализованную структуру командования и управления»¹⁵⁶. Разрешение подразделениям самостоятельно принимать ключевые решения приводит к сдвигу от жестко иерархичных «сверху-вниз» организаций (**top-down organization**) к децентрализованным, выстроенным снизу-вверх (**bottom-up organization**).

В своей книге «Морская звезда и паук» Брафман Ори (**Brafman Ori**) и Бекстром Род (**Beckstrom Rod**) приводят примеры эффективности применения для борьбы с децентрализованными организациями организаций с аналогичной структурой¹⁵⁷. Принимая во внимание, что большинство угроз в среде ИВД исходят от акторов с децентрализованной организацией управления, способность оперировать на основе децентрализованных принципов управления является критически важной*.

Способствовать инновациям и креативности. Малые подразделения, оперирующие децентрализованно и выстраивающие отношения с местным населением и правительством, должны быть изобретательными, креативными и использовать нестандартные подходы. Их применение позволяет идентифицировать проблемы и находить работающие решения на местном уровне, без обращения за поддержкой и ресурсами вышестоящих инстанций.

Организации, оперирующие в среде ИВД, должны быть способны инкорпорировать культурные атрибуты местного населения. Как уже говорилось выше, подготовленные решения не будут работать, если они задевают легитимность страны пребывания, и организации могут интегрировать в

* См. более подробно проблемы децентрализованного управления и масштаба сил в Приложении А.

свою активность как элементы национальной мощи, так и международные и местные неправительственные организации. Такой подход помогает стране пребывания повысить свою легитимность и добиться возрастающей поддержки со стороны населения.

Фокусироваться на системе поощрений и долгосрочных эффектах. Одним из наиболее важных факторов успеха организаций в среде ИВД является система поощрений и вознаграждений, которая должна быть способна распознавать и поощрять усилия, результаты которых будут видны через длительное время. Система оценки и продвижения по службе должна быть спроектирована на основе оценок эффективности военнослужащего и организации в «выполнении миссии» и уверенности, что наиболее квалифицированный и эффективный персонал будет продвигаться по службе. Однако долгосрочное фокусирование находится в прямом противоречии с существующей системой вознаграждения и продвижения по службе военных США, спроектированной на основе 12-месячных циклов оценочных докладов, 6–18-месячных циклов развертывания и 2–4-летних циклах прохождения службы в частях и подразделениях.

Используемые МО меры эффективности имеют тенденцию быть ориентированными на противника, конвенциональные военные действия и тяготеют к количественным метрикам (числу убитых, взятых в плен и пр.), не отражающих качественную природу и не соответствующих требованиям среды ИВД. Понимая это, командующие операции «Несокрушимая свобода — Филиппины» разработали схему оценок, ориентированную на население (**population-centric rating scheme**). Схема ориентируется не на количественные показатели, но оценивает эффекты операций, связанные с населением. Наибольший акцент делается на восприятии населением правительства и проведенных операциях. Дополнительно оценивается общая легитимность правительства с использованием стандартов, разработанных с учетом культурных норм и поведения. Создание такой метрики и ее внедрение было нетривиальным по сложности, но они оказались критически важными для достижения конечного успеха.

1.6. Перспективы концепции иррегулярных военных действий

1.6.1. Иррегулярные военные действия и проблемы западной военной культуры и организации

Сложная природа ИВД приводит к неопределенности и драматическим эффектам внутри военных и прочих государственных структур. Военная доктрина США опирается на политикоцентричную концепцию ИВД, в которой пре-

имущество отдается невоенным возможностям, когда командиры должны отдавать предпочтение влиянию и контролю гражданского населения страны, а не боевым действиям. Как следствие, поведение и действия военных акторов в среде ИВД оказываются преимущественно политическими по форме¹⁵⁸.

Многие из возможностей, необходимых в среде ИВД, находятся вне пределов ответственности и компетенции военных, такие как политическое руководство и взаимодействие с правительством страны пребывания, государственное администрирование, инициирование или поддержка социально-экономических процессов и пр. Привлечение, распределение и интеграция ресурсов множества государственных структур является по своей сути политическим процессом, так как неизбежно сопровождается столкновением интересов акторов, создавая почву для межведомственных конфликтов¹⁵⁹. Кроме того, США ожидают вовлечения в процессы множества акторов страны пребывания, таких как военные и политические, религиозные и светские, этнические и племенные группы, среди которых также имеет место соперничество за власть. Противник оценивает данную ситуацию как положительный для себя фактор, и США «потерпят неудачу, если будут применять только военные средства»¹⁶⁰.

По мнению Колина Грея, военная история США показывает, что несмотря на богатый опыт ее вооруженные силы с трудом справляются с проведением ИВД. Вооруженные силы США, ее военная культура тяготеют к способам ведения военных действий, которые в долгосрочной перспективе оказываются дисфункциональными в среде ИВД. Даже признавая различия между регулярными и иррегулярными военными действиями, вопрос, в состоянии ли американская военная культура и институты подготовить эффективный отклик на иррегулярные вызовы, остается открытым¹⁶¹.

С некоторой долей преувеличения можно сказать, что практически все, что рассматривается как «наилучшие методы» проведения ИВД, вступает в противоречие с американской путем войны (**American way in warfare**)¹⁶². Когда вооруженные силы созданы и экипированы в рамках военной культуры, предполагающей проведение традиционных военных действий и подавляющий огонь, а не выстраивание долгосрочных отношений, культуры, которая проводит жесткое различие между политической и военной аренами, кампании в операционной среде ИВД будут источником бесконечных фрустраций и проблем. Если армия блестяще проводит конвенциональные военные действия, маловероятно, чтобы она была сильна в проведении ИВД.

Колин Грей рассматривает четыре основных принципа, которые в настоящее время имеют статус полезных и обладающих большими возможностями при рассмотрении ИВД. Речь идет о культуре, доктрине контрповстанческих операций, использовании сил специального назначения и доминировании политического поведения над военным¹⁶³.

Культура. Столкнувшись с ИВД в XXI веке, военное сообщество США открыло для себя заново культуру, осознав, что знание местной культуры является ключом к победе¹⁶⁴. Однако попытки практической реализации

данного понимания достаточно быстро упираются в серьезные проблемы. Можно достичь некоторого понимания местной культуры и, соответственно, симпатии со стороны населения. Однако приобретение чего-то большего, чем неглубокое и внешнее знание местных нравов и обычаев, социальной структуры общества и пр., требует многолетних усилий, если не всей жизни.

Существующие методы быстрой ротации контингентов на боевом дежурстве, о чем говорилось выше, несовместимы со стремлением приобрести экспертные знания по культуре региона. Кроме того, сама проблема погружения в культуру народа, находящегося в состоянии войны, является более чем проблематичной¹⁶⁵. Если даже предположить, что американское экспертное сообщество в состоянии разработать хорошие метрики для проведения культурных экспертиз, то остается вопрос, каким образом военнослужащие в среде ИВД смогут с ними оперировать? Даже имея в распоряжении необходимые знания, оперирующие в среде ИВД военные и прочие организации неизбежно сталкиваются с одним из ключевых вопросов практической, прикладной стратегии, — ну и что? Да, сегодня военный истеблишмент США понимает важность культуры, и это хорошо. Но что он может сделать с тем объемом знаний, который он должен усвоить, чтобы данное понимание стало чем-то операционным?¹⁶⁶

Доктрина контрповстанческих операций. Военнослужащие и официальные лица, находящиеся непосредственно в зоне поведения ИВД, должны решать множество каждодневных проблем, и экспертное сообщество предлагает им решения. Эндрю Крепиневич (**Andrew Krepinevich**) в актуальной в свое время статье «Как победить в Ираке» говорил, что военные ожидали услышать в 2005 году¹⁶⁷. В статье сжато даются рекомендации по применению методов ИВД в условиях Ирака на основе исторического опыта проведения контрповстанческих операций. Эндрю Крепиневич, будучи тогда сторонником военной «хирургии», говорил фактически о быстрых ответах на злободневные проблемы того времени, становясь ярким примером стратегии Антуана Жомини, обещавшего победу тем, кто применяет правильную доктрину¹⁶⁸. Результатом такого подхода и взгляда на войну становится убежденность, что решение проблем ИВД лежит в разработке и адаптации «правильной» контрповстанческой доктрины. Однако такой вывод и подход в лучшем случае является полуправдой. Военная история говорит о том, что каждый случай ИВД является уникальным, и, хотя имеются некоторые правомерные принципы проведения ИВД, не имеется надежной базы для всех контекстов.

Использование сил специального назначения. Признание роли сил специального назначения может только приветствоваться. Однако каковы ожидания и роль таких сил в ИВД? Являются ли они ключевым элементом успеха? Дать адекватный ответ невозможно, если не принимать во внимание общий контекст длительных военно-гражданских усилий, необходимых для достижения успеха в среде ИВД.

Силы специального назначения могут быть эффективными, если позволяют обстоятельства и имеется воля командования координировать усилия конвенциональных и специальных сил. Всегда есть опасность, что высшее военное командование, в котором глубоко внедрена культура конвенциональной маневренной войны и решений, основанных на применении огня, будет использовать возможности сил специального назначения для повышения эффективности конвенциональных операций. Если реализуется в целом ошибочная стратегия, такие силы не в состоянии исправить ситуацию. Основная проблема, таким образом, заключается в том, что в среде ИВД не существует решений, ориентированных исключительно на силы специального назначения, и они могут быть жизненно важной, но частью решения, если оно возможно.

На фоне большого количества работ, посвященных оценкам потенциала сил специального назначения, достаточно мало работ, в которых рассматривались бы вопросы стратегической эффективности данных сил. Наблюдается явный недостаток в стратегической литературе по применению таких сил и специальным операциям. Колин Грей рекомендует книгу «Специальные операции и стратегия» Джеймса Кираса (**James Kiras**) в качестве одной из немногих по данной тематике¹⁶⁹, а также работу «Бросать вызов и завоевывать: Специальные операции и судьбы наций от Ахиллеса до Аль-Каиды» Дерекка Либерта (**Derek Leebaert**)¹⁷⁰.

Доминирование политического поведения над военным. Военный истеблишмент США, осознав преобладание политической составляющей над военной в ИВД, порой приходит к переоценке роли невоенных факторов, что может стать источником опасных ошибок. Да, традиционный подход к военным действиям дисфункционален в операционной среде ИВД, и повстанческое движение невозможно победить исключительно военным путем, если оно не совершит действительно стратегических ошибок. Однако недооценка военной размерности также является недопустимой, и успехи в среде ИВД возможны только в контексте обеспечения физической безопасности населения.

Для населения страны пребывания и собственной общественности критически важно видеть регулярные войска, участвующие в контрповстанческих операциях и добивающиеся успеха в сражениях. Общество должно верить, что повстанцам наносится и будет наноситься военное поражение. Чтобы достичь успеха в военной кампании в среде ИВД, необходимо проводить политические мероприятия дома и заручиться поддержкой общества. Если общество теряет доверие или терпение относительно прилагаемых усилий, военная кампания оказывается обреченной. ИВД являются длительными, их трудно понять в деталях, наглядный успех неуловим, а будущее почти невозможно предсказать. Нежелание страны и общества принимать данные структурные факты делает невозможным достижение успеха в ИВД¹⁷¹. Кампания в среде ИВД не может быть успешной, если не сможет обеспечить безопасность населения, вне зависимости от того, насколько

продуманной и эффективной является применяемая доктрина, насколько хорошо координируются усилия, направляемые политиками.

Таким образом, операционная среда ИВД оказывается сложной, включающей множество акторов и типов активностей, порождающих стратегическую неопределенность. Кроме того, иррегулярные конфликты являются в большинстве своем тактическими по своей природе, что создает трудности при формировании политики и стратегии и требует, со временем, адаптации при неизбежных изменениях в операционной среде. Дополнительная сложность оказывается связана с четкой границей, которая проводится между военными и политиками в западной военной и политической культуре. Как замечает один из исследователей воздействия ИВД на военно-гражданские отношения, такие конфликты демонстрируют «сложность при планировании и выполнении [которые] находятся вне понимания большинства гражданских лиц, принимающих решение»¹⁷².

Хотя вооруженные силы на операционном и нижних уровнях войны сосредоточиваются на применении военной силы для решения задач в среде ИВД, тем не менее, требуется привлечение и других средств и возможностей. Однако оперативные командующие и командиры частей и подразделений, оказывая преобладающее влияние и неся основную ответственность в зонах конфликта, не имеют формально достаточно полномочий для оперирования невоенными методами. Неопределенность политики и стратегии в операционной среде ИВД приводит к тому, что оперативные командующие нуждаются в поддержке, в том числе и в форме возможности оказывать влияние на привлекаемые к проведению операций невоенные ресурсы. Как следствие, они имеют как побудительные стимулы, так и возможность вовлекаться в политические процессы, так как барьеры между политическими и военными процессами оказываются неопределенными и во многом искусственными.

Перечисленные выше аспекты ИВД в комбинации со сложностью военно-политических отношений становятся важными факторами, способствующими непосредственному вовлечению оперативных командующих в процесс формирования политики и стратегии. Кроме того, оперативные командующие оказываются скорее полноценными акторами политических процессов, нежели ограниченными профессионализмом аполитическими акторами, что приводит к необходимости формулирования требований к командному составу оперативного звена¹⁷³.

1.6.2. Дебаты касательно будущего термина «иррегулярные военные действия»

Принимая во внимание актуальность и неоднозначность понятия ИВД, «Центр Армии США по иррегулярным военным действиям» (**Army Irregular Warfare Center (AIWC)**) и «Центр подготовки и переподготовки (командный пункт) командного состава Армии к миссиям» (**Mission Com-**

mand Center of Excellence (MCCoE) инициировали в конце 2013 года дискуссию касательно определения ИВД и ее правильной диспозиции в объединенной доктрине и доктрине Армии США. По словам инициировавших дискуссию, целью являлось исследование всего комплекса проблем в области разработки всеобъемлющей стратегии и выработки рекомендаций по внедрению в доктрину, организацию, материальную часть, обеспечение руководства и образования, подготовку личного состава, возможности и политику (**DOTMLPF-P**) решений, институционализирующих ИВД¹⁷⁴. Несмотря на консенсус по стратегическим целям в среде ИВД, отсутствие согласия касательно того, что описывает термин, привели к его неправильному пониманию и несогласованному использованию, что негативно воздействует на формирование стратегии и доктрины для XXI века.

По мнению исследователей, применение некорректно определенного термина и понятия при формулировке доктрины и стратегии для описания форм военных действий, которая, вероятно всего, будет наиболее часто встречающейся в XXI веке, является недопустимым, и предлагается четыре сценария и пути решения проблемы определения ИВД:

- сохранить и поддерживать статус-кво;
- модифицировать существующее определение;
- разработать новое определение;
- исключить термин ИВД.

Сохранить и поддерживать статус-кво. Нет какой-либо необходимости менять существующее определение ИВД. «Объединенная публикация 1» доктрина ВС США говорят о двух формах военных действий (войн) — традиционных и иррегулярных¹⁷⁵, различающихся по стратегическим целям и задачам. В традиционных военных действиях акторы стремятся повлиять на правительства национальных государств, в то время как в иррегулярных — на население. При этом «Объединенная публикация 1» четко говорит, что война является единым целым¹⁷⁶. То, что определяется и описывается в объединенной доктрине, является спектром военных действий (войн), когда традиционные и иррегулярные военные действия представляют собой крайние значения. В современной операционной среде чаще всего встречается обе формы военных действий, и конфликты в XXI веке требуют внимательного и осторожного смешивания традиционных и иррегулярных возможностей на стратегическом, операционном и тактическом уровнях войны, а также во времени и пространстве.

Концепция «трехблочной войны» «Корпуса морской пехоты» обеспечивает простейшую концептуализацию идеи смешивания иррегулярных и регулярных ВД. Как объясняет генерал Чарльз Крулак (**Charles Krulak**)¹⁷⁷, в одном блоке такой войны морские пехотинцы выполняют гуманитарные операции, включая, например, помощь местному населению. В другом — разделяют локальные противоборствующие группировки, стремясь поддержать хрупкий локальный мир. И в третьем блоке они должны вести жесткие боевые действия. Дополнительная сложность заключается в том, что вы должны действовать

одновременно во всех трех блоках и зачастую на одной и той же местности или даже населенном пункте. В этом случае все три блока оказываются переплетенными и влияющими друг на друга, а переход от одной формы боевых действий к другой может происходить внезапно. Это создает тактические и даже операционные проблемы, так как командиры всех звеньев вынуждены принимать быстрые и зачастую нестандартные решения. Описанная выше сложность привела к появлению понятия «стратегический капрал», когда молодой боец на передовой вынужден порой принимать тактические решения, оказывающие влияние на стратегическом уровне¹⁷⁸.

Слияние двух форм военных действий варьируется в пространстве и времени, а также по уровням командования. Командующий может вести традиционные военные действия во время первой фазы операции и затем сдвинуться к иррегулярным. Он также может проводить иррегулярные военные действия с несколькими из подчиненных командиров, в то время как с другими — конвенциональные. Данный подход применяется как к оперативному тактическому соединению и «Корпусу морской пехоты» в целом, так и подразделениям нижнего уровня вплоть до отдельных рот.

Доктрина говорит, что в любой другой точке диапазона военных действий (войн), кроме крайних полюсов, командир будет проводить операции, комбинируя ориентированные на население и традиционные боевые действия¹⁷⁹. Определение и характеристика иррегулярных военных действий в объединенной доктрине призваны подчеркнуть их отличие от традиционных, в том числе и по целям и задачам. Расширение или сужение определения или добавление новых типов иррегулярных угроз не решит доктринальных проблем с ИВД. Более конструктивным следует признать правильное встраивание ИВД в доктрину.

Вместе с тем, исключение ИВД из операционной тематики сделает трудным понимание того, как типы военной активности, относящиеся сегодня к ИВД, будут встраиваться в объединенные наземные операции (**unified land operations**), что будет приводить к увеличению неясностей и проблем, которые уже присутствуют в доктрине. Например, «Стратегическое руководство по обороне» (**Defense Strategic Guidance**) 2012 года относит контртерроризм, операции стабилизации и контрповстанческие операции к главным миссиям Армии США, отделяя их от ИВД. Однако действующие ОКБД ИВД 9/07 и «Директива МО 3000.07» утверждают, что данные миссии являются основными типами активности в рамках ИВД¹⁸⁰. Такого рода противоречия являются опасными и недопустимыми для доктринальных документов. Помещение данных операций под фрейм ИВД является неточным и вводит в заблуждение. Кроме того, сегодня в доктрине не рассматривается, каким образом комбинация наступления, обороны и стабилизации применяется к основополагающим типам военной активности, относящимся к ИВД согласно ОКБД ИВД 2.0*.

* Основные типы действий (**core activities**) включают контртерроризм, контрповстанчество, помощь силам безопасности, операции по стабилизации и неконвенциональные (специаль-

В статье «Иррегулярные военные действия: операционная тема или операция на полном спектре?» Ричард Педерсен (**Richard Pedersen**) предложил отнести ИВД к элементам решающих действий (**decisive action**), тем самым сделав их соразмерными наступлению, обороне, стабилизации и оборонительной поддержке гражданских властей¹⁸¹. В этом случае ИВД описывают и подчеркивают стратегические цели и задачи, а не тип угроз. Решающие действия применяются в различной комбинации для нанесения поражения традиционным, иррегулярным или гибридным угрозам, и ИВД могут расширить данный список и также применяться к каждому из видов угроз.

Модифицировать существующее определение. Существующее определение ИВД чересчур ограничено, так как требует вести борьбу «за легитимность и влияние над соответствующим населением», исключая многие типы военных действий, в которых население может быть, например, комбатантом. Так как в доктрине определяется только две формы военных действий, то иррегулярные должны охватывать все, что не входит в определение традиционных. Большая часть исторических примеров ИВД относятся, главным образом, к контрповстанческим операциям, когда конфликт имеет целью достичь государственной легитимности и влияния на население. Однако возможны ИВД, когда негосударственный актор не ставит перед собой цель достичь легитимности, государственной или политической власти. Определение ИВД должно быть расширено, чтобы включить все типы возможных конфликтов.

«Сеть Хаккани» (**Haqqani Network**) является примером организации, которая не ставит перед собой цель достижения легитимности в глазах населения. Ни одно из государственных или академических структур не дало точного определения целей и задач сети, и большая часть из них классифицируют организацию как повстанческую группу¹⁸². В сентябре 2012 Госдеп США включил «Сеть Хаккани» в список иностранных террористических организаций¹⁸³. Сеть не ставит перед собой цель выдворение из Афганистана иностранных сил, но ставит ли целью ниспровержение афганского правительства остается неясным¹⁸⁴. Организация не является частью альянса Талибан, но в конечном счете она достигла согласия с ним касательно контроля нелегальной контрабанды в южной части страны¹⁸⁵. Будет логичным предположить, что конечной целью организации является поддержание сети криминального патронажа, которая не нуждается в легитимности и не ставит перед собой цель влияния на население, но нуждается в свободе действий и передвижения внутри зоны влияния. Другие примеры акторов, у которых отсутствуют намерения достичь легитимности или влияния на население, включают пиратов, транснациональные криминальные организации и полевых командиров, оперирующих в неуправляемых зонах.

ные) методы ведения военных действий. Ключевые типы действий (**key activities**) включают стратегические коммуникации, информационные операции, пси-операции, военно-гражданские операции, действия по обеспечению законности и правопорядка, разведку и контрразведку. **U.S. Department of Defense. JOC, Version 2.0**, p. 5.

Модифицированное определение ИВД, объясняющее их природу, расширяющего список иррегулярных угроз и потенциальных целей и задач, может выглядеть следующим образом:

ИВД — это насильственная борьба между государством и негосударственными акторами. Борьба может вестись для достижения легитимности и влияния над соответствующим населением, принуждения режима измениться или придерживаться политического решения проблем, изгнания иностранных завоевателей или для извлечения прибыли. ИВД предпочитают не прямые и асимметричные подходы, хотя могут применять полный спектр военных и прочих возможностей, с целью разъедания мощи, влияния и воли противника.

Разработать новое определение. Существующее определение ИВД является неточным, не позволяет успешно отличить их от традиционных и достичь стратегических целей и задач. Кроме того, многие исследователи и государственные деятели считают, что ИВД являются только типом военных действий внутри диапазона военных операций. Более того, ИВД имеют тенденцию быть скорее военно-политическими по своей природе. Новое определение должно обеспечить лучшее понимание иррегулярных действий, среды, ситуаций и противников, зачастую являющихся уникальными.

Существующее определение включает «весь спектр военных и других возможностей», что делает неясным, каким образом разделять иррегулярные и традиционные военные действия. Определение ИВД должно быть уточнено и включить в себя все типы военной активности, находящиеся вне традиционных военных действий. Также должен быть отражен тот факт, что ИВД требуют совершенно другого понимания противника, который не может быть надлежащим образом выявлен и оценен на основе традиционных методов сбора и анализа информации. ИВД могут сопровождаться очевидными и ясно наблюдаемыми признаками, однако они могут также выглядеть как нейтральные и быть ненаблюдаемыми с точки зрения традиционных систем выявления угроз. Системы мониторинга и последующие действия в операционной среде ИВД должны быть проактивными и упреждающими, позволяющими выявить и нейтрализовать иррегулярные угрозы на этапе зарождения.

Существующее определение идентифицирует ИВД как «насильственную борьбу», хотя некоторые типы активности, такие как операции по стабилизации и участие во «внутренней обороне» иностранного государства, не обязательно являются насильственными. Определение включает термин «военные действия», который обозначает конфликт противников, применяющих вооруженное насилие. Однако, например, стихийные бедствия могут привести к формированию операционной среды, в которой требуются действия по недопущению или предотвращению насилия. Выражение «государственные и негосударственные акторы» является неясным и, скорее, отсылает к двум противоборствующим сторонам. Однако во многих случаях ИВД разворачиваются между различными типами акторов, например, государственными акторами,

спонсирующими негосударственных акторов государствами, негосударственными акторами, которых никто не спонсирует и пр. Существующее определение заявляет в качестве цели достижение «легитимности и влияния над соответствующим населением». Однако это скорее «средство», нежели «цель» или «результат». Конечные цели иррегулярного противника могут быть не связаны с населением, как главным фокусом, и сосредотачиваться на свержении правительства или политических оппонентов, изгнании оккупационных сил из страны, демонтаже региона и пр.

Анализ, который позволил бы оформить и сдержать будущие угрозы, требует разработки доктрины, которая фокусировалась бы на иррегулярности, особенно на доконфликтных этапах, когда отсутствуют конвенциональные противники и, следовательно, конвенциональные методы анализа малоэффективны. Одним из ключевых факторов ИВД является их применение в качестве стратегической опции, вне зависимости от масштаба и интенсивности. Соперничающие государства часто проводят ИВД дистанционно, опираясь на другие страны и народы. Причем, несмотря на то, что военные действия разворачиваются внутри государства на суб-государственном уровне, эффекты оказываются региональными и глобальными. Новое определение ИВД должно подчеркивать такую возможность, чтобы обеспечить глубокое погружение в природу иррегулярных противников.

Анализ иррегулярных противников, обладающих особой природой, применяющих особую стратегию и тактику, требует методологий, явно отличающихся от тех, что применяются к традиционным противникам. Также различаются методы боевой подготовки, образования и проведения операций, которые должны адекватно обращаться с иррегулярными угрозами. Неудача в принятии ясного и окончательного определения ИВД, которое обращается к стратегическим последствиям и условиям, будет ограничивать попытки институционализировать данное понятие.

Недостаточно связанная стратегия уже привела к возникновению разрывов в доктрине Армии и профессиональном образовании. Сложившаяся ситуация «может привести к игнорированию и пренебрежению к существующей системе боевой подготовки и военным возможностям США в пользу неконвенциональных военных действий. Пренебрежение, которое может противоречить интересам НБ США»¹⁸⁶. Приведенная выше цитата Эрнста Эванса (**Ernest Evans**), взятая из статьи, опубликованной в 1997 году в «Журнале по международным делам», является провидческой и предупреждает, что если будут забыты уроки Вьетнама и Сальвадора, это может привести к проблемам в эпоху, наступившую после окончания холодной войны. Эванс продолжает: «Коллапс Советской империи ускорил процесс, который уже развивался, а именно, рост насильственных конфликтов среди расовых, религиозных и этнических групп»^{*}. События, приведшие к падению режима в Ираке, являются примером

^{*} Цит. по **Evans**, *Ethnicity and Politics*, p. 43.

того, к чему приводят потерянные уроки, касающиеся анализа иррегулярных противников и условий нестабильности.

Чтобы избежать повторения ошибок, связанных с плохим диагностированием причин, вызывающих ИВД, необходимо разработать определение, которое станет основой для анализа и оценки военных действий и активности, не относящихся к традиционным. Доктрина, система боевой подготовки и образования по операционной среде ИВД должны улучшить понимание иррегулярных противников, условий и угроз, что позволит нейтрализовывать их до того, как они наберут размах и силу среди населения. Всеобъемлющее определение позволит разработать методы и средства для ясной идентификации фундаментальных принципов, необходимых для разработки всеобъемлющей стратегии, которая позволит институционализировать ИВД.

Предлагаемое новое определение ИВД может быть следующим:

ИВД являются идеологически мотивированной конфронтацией между борющимися государствами и/или негосударственными акторами, которые часто используют не прямые подходы, находящиеся на диапазоне от нестабильности до диверсий, прибегают к использованию вооруженной силы через применение политического, социального, экономического, информационного, психологического, военного и военизированного инструмента.

Нарратив: ИВД часто проходят внутри государства ниже уровня традиционной войны и выше уровня общепринятого мирного соперничества, хотя могут быть поддерживающими силами и средствами в традиционной войне. ИВД могут быть ранжированы от ограниченной нестабильности до регионального противоборства, зачастую с региональными и стратегическими последствиями.

Исключить термин ИВД. И наконец, ряд теоретиков, военных и др. считают, что термин «ИВД» создает проблемы и смятение на всех уровнях войны и должен быть исключен из доктрины и лексикона. Иррегулярные концепции ведут к противопоставлению и сравнению с традиционными, поддерживая линейное мышление высшего военно-политического руководства в оценках операционной и военно-политической среды. Когда военная активность называется иррегулярной, она когнитивно и социально отделяется от конвенциональных вооруженных сил.

Полковник в отставке Армии США Дэвид Максвелл (**David Maxwell**) в рамках дебатов вокруг объединенного определения неконвенциональных военных действий говорит: «Что означает [неконвенциональность] для многих вне сил специального назначения, так это то, что участие во «внутренней обороне» иностранного государств и неконвенциональные войны являются исключительно активностью данных сил»¹⁸⁷. Выделяя отдельную категорию военных действий, доктрина негативно влияет на военное руководство в вопросах оценки ценности и важности ИВД для конвенциональных сил. В соответствии с «Оценкой объединенных сил для ИВД» 2013 года «объединенные силы борются с тенденцией ошибочно характеризовать возможные решения в терминах «или-или» выбора: или конвенциональные, или иррегулярные»¹⁸⁸.

Многонациональные союзники также обескуражены применением термина. «Союзная объединенная публикация 1 НАТО» (**NATO Allied Joint Publication 1**), «Союзная объединенная доктрина» (**Allied Joint Doctrine**), отказались от доктринального моделирования дискретных типов конфликта. Любой критерий традиционной войны против равноценного ведет к бинарности, линейности, последовательному взгляду, уменьшающему параллелизм и сложность конфликтов с различными характеристиками¹⁸⁹. Британская «Публикация 1 объединенной доктрины» (**Joint Doctrine Publication 1**) признает возрастающую сложность вызовов иррегулярных угроз, но считает бесполезным вводить отдельную категорию военных действий (войны) для усилий, призванных противостоять иррегулярным угрозам и акторам¹⁹⁰.

«Доктринальная публикация 3–0, Объединенные наземные операции» Армии США обеспечивает фрейм для поддержки Армией объединенных действий государственных и негосударственных акторов посредством наземных операций. Армия США проводит решающие и поддерживающие наземные операции через одновременную комбинацию наступательных, оборонительных операций, операций по стабилизации или оборонительной поддержки гражданских властей. Армия проводит традиционные и иррегулярные военные действия, как против конвенциональных, так и гибридных угроз. То есть логика диктует, что Армия проводит *военные действия*, вне зависимости от доктринального определения ИВД¹⁹¹.

Как пример точки зрения на военные действия потенциального противника можно сослаться на полковников Цяо Лян (**Qiao Liang**) и Ван Сянсуй (**Wang Xiangsui**) Китайской народно-освободительной армии, предложивших понятие неограниченных военных действий (**unrestricted warfare**). Военные действия требуют привлечения множества средств и возможностей, включая (но не ограничиваясь) компьютерный хакинг, целеполагание финансовых институтов, терроризм, использование медиа, вооруженную борьбу в городских условиях¹⁹². Полковник Цяо Лян пишет: «первым правилом неограниченных военных действий является, что нет каких-либо правил, — ничего не запрещено»¹⁹³.

Противники понимают, что они должны атаковать США путями, которые позволяют обойти ее подавляющее военное преимущество, создавая операционную среду, которая использует нестыковки в системе НБ, правительстве и обществе США. Это вынуждает США не только быть готовым распознавать традиционные военные угрозы, противопоставляя им военный отклик из имеющегося в распоряжении диапазона возможных военных операций, но также вырабатывать и применять решения, опирающиеся на межведомственную координацию и общеправительственный подход, позволяющие достичь общенациональных координированных и синергетических усилий.

И наконец, понятие ИВД оказывается малопродуктивным для привлечения ресурсов и власти в Конгрессе. За исключением периодических оценок военного руководства, можно констатировать отсутствие устойчивого национального фокуса, который позволил бы обеспечить ресурсы для ИВД.

Из \$631 миллиардов первоначального требования по военному бюджету в 2013-м «Закона о национальной обороне» типы активности, являющиеся компонентами ИВД, финансируются приблизительно в объеме \$400 миллионов¹⁹⁴. ИВД и операции по стабилизации как отдельные всеобъемлющие концепции не фондируются.

Чтобы изменить ситуацию, МО во взаимодействии с законодательными органами должно кодифицировать определения и концепции ИВД в международном и государственном праве (**public law**), а не полагаться на противоречивые определения объединенной доктрины и доктрины родов войск. Такая активность по изменению законодательства требует влияния на законодателей, что предполагает сильные и прочные политические аргументы, позволяющие защитить ИВД. Однако ИВД требуют меньше сложных и дорогостоящих военных систем, платформ и технологий, разработка и сопровождение которых способствовало бы развитию технологий, производства, появлению новых рабочих мест и, как следствие, голосов для конгрессменов. Оценки долларowego эквивалента ИВД показывают, что у них нет политического или финансового потенциала.

Ряд исследователей считают, что говорить об ИВД в XXI веке как некоей новой форме и эволюции способов ведения военных действий является некорректным. В Белой книге начальника штаба Армии США от апреля 2009 года данная точка зрения изложена следующим образом: «Армия не рассматривает [ИВД] как отдельную уникальную категорию конфликта: военные действия это военные действия. Те же возможности, которые были развиты по отношению к регулярным, симметричным противникам, могут и должны быть адаптированы для использования против нерегулярных «иррегулярных противников»¹⁹⁵.

Майкл Горовиц (**Michael Horowitz**) и Дэн Шалмон (**Dan Shalmon**) также выступают против смещения фокуса МО США с традиционных военных действий на иррегулярные и ратуют за создание отдельных структур и подразделений, специализирующихся на выполнении миссий в операционной среде ИВД. «Парадоксально, но вне зависимости от того, что акцентируется, военные угрозы, которые США могут или скорее всего будут способны нейтрализовать, маловероятны, так как, благодаря стратегии сдерживания, потенциальные противники будут их обходить, находя другие способы конфронтации. Однако, через ряд умных и успешных инвестиций, включая признание того, что не все сегменты военной сферы должны быть оптимизированы под одну задачу, военные США могут как удержать свое конвенциональное доминирование, так и продолжать улучшать свои возможности по достижению успеха в иррегулярных военных действиях, которые с большой вероятностью будут доминировать на ландшафте в кратко- и среднесрочной перспективе»¹⁹⁶.

Таким образом, идея реформировать существующие конвенциональные силы, чтобы они наилучшим образом могли бы быть использованы в среде ИВД, которая будет доминирующей, представляется для части военных

кругов США порочным подходом. Такая стратегия ведет к потере общевоинских навыков и возможностей, создавая предпосылки для нанесения подготовленным противником удара, который вооруженные силы окажутся не в состоянии отразить¹⁹⁷.

Понятие ИВД уменьшает доктринальную ясность, когнитивно и профессионально отделяя конвенциональные силы от проблем, воспринимаемых как иррегулярные. Определения ИВД в объединенных публикациях не имеют аналогов в межведомственном сообществе, доктринах союзников и альянсах и не совпадают с точкой зрения вероятных противников на военные действия. Неясная природа и определение ИВД не в состоянии поддерживать дебаты национального уровня и участвовать в распределении ресурсов, власти и полномочий. Для достижения ясности и следуя принципу лезвия Оккама, ясность требует исключения термина, так как он не добавляет ничего нового к существующему пониманию операционной среды и среды безопасности XXI века¹⁹⁸.

¹ **Friedman, Thomas L.** *The World Is Flat: A Brief History of the 21st Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005.

² **Snyder, Neil N.** *Political Generals in Irregular War: A Necessary Evil or Just Plain Evil*. Fort Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies, Army Command and General Staff College, 2010, p. 27.

³ **Hoffman, Frank G.** *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid War*. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007, pp. 8–9. July 2014. 1 November 2014. <<http://www.potomacinstitute.org/publications/PotomacHybridWar0108.pdf>>

⁴ **Mattis, James N. and Frank Hoffman.** “Future Warfare: The Rise in Hybrid Wars,” *Proceedings*, November 2005, pp. 18–19

⁵ **Olson, Eric T. Admiral.** “U.S. Special Operations: Context and Capabilities in Irregular Warfare,” *Joint Force Quarterly (JFQ)*, Issue 56, First Quarter, 2010, pp. 64–70.

⁶ **Weems, Max C.** *An Air Force for the Long War and Beyond*. Air University, Air Command and Staff College, Maxwell Air Force Base, AL: Air University Press, 2008.

⁷ **Olson, U.S. Special Operations.**

⁸ **Birtle, Andrew J.** *U.S. Army Counterinsurgency and Contingency Operations Doctrine 1860 - 1941*. Washington, D.C.: United States Army Center of Military History, 2004, p. 3.

⁹ **Hoffman, Frank G.** “Small Wars Revisited: The United States and Nontraditional Wars,” *The Journal of Strategic Studies*, Vol. 28, No. 6, December 2005, pp. 913–940.

¹⁰ **Decker, G. H. General.** “Special Warfare: A Progress Report,” *Small Wars Journal*, March 11, 2009. July 2014. 1 November 2014. <<http://smallwarsjournal.com/documents/swpart1.pdf>>

¹¹ **Saul, John R.** “A New Era of Irregular Warfare?,” *Canadian Military Journal*, Vol. 5, No. 4, 2004.

¹² **Herbst, John E. (Ed.).** “Stabilization and Reconstruction Operations: Learning from the Provincial Reconstruction Team Experience,” *Coordinator for Office of Reconstruction and Stabilization*, U.S. Department of State, 2007.

¹³ **U.S. Department of Defense.** *National Defense Strategy of the United States of America*. Washington, D.C., March 2005, pp. 2–4; **U.S. Department of Defense.** *National Military Strategy of the United States of America: A Strategy for Today. A Vision for Tomorrow*. Washington, D.C., March 2005, p. 4.

¹⁴ **U.S. Department of Defense,** *National Defense Strategy*, p. 2.

¹⁵ **U.S. Department of Defense,** *National Military Strategy*, p. 4, 23.

¹⁶ **U.S. Department of Defense.** *Quadrennial Defense Review Report*. Washington, D.C., 2006, pp. 1, 36. Документ 41 раз упоминает термин «иррегулярный» и 19 раз — «иррегулярная война».

¹⁷ **Coons, Kenneth C. Jr and Glenn M. Harned.** “Irregular Warfare is Warfare,” *Joint Force Quarterly (JFQ)*, Issue 52 First Quarter, 2010, p. 97.

¹⁸ **Joint Warfighting Center.** *Irregular Warfare Special Study*. Norfolk, Washington D.C.: U.S. Joint Forces Command, August 4, 2006, pp. II-3. 1 November 2014.

<<http://www.history.navy.mil/library/online/irregwarfarespecialstudy.htm>>

¹⁹ **England, Gordon.** *Military Support for Stability, Security, Transition, and Reconstruction (SSTR) Operations.* DoD Directive 3000.05, November 28, 2005, p. 2.

²⁰ **Bush, George W.** “National Security Presidential Directive/Nspd-44,” ed. *Office of the President of the United States.* The White House, 2005. pp. 2–3.

²¹ **Osborne, Joseph E.** “Beyond Irregular Warfare: A Strategic Concept for Countering Irregular Adversaries and Engagement in Complex Security Environments». *Small Wars Journal*, 2009. 1 November 2014. <<http://smallwarsjournal.com/mag/docs-temp/184-osborne.pdf>>

²² **Joint Warfighting Center,** *Irregular Warfare Special Study*, Enclosure L.

²³ *Ibid.*, p. vi.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Ibid.*, p. II-2.

²⁶ Statement of Vice Admiral Eric T. Olson, Deputy Commander, United States Special Operations Command, Before the House Armed Services Committee, Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities, On Irregular Warfare, September 27, 2006. 1 November 2014. <<http://www.dod.mil/dodgc/olc/docs/TestOlson060927.pdf>>

²⁷ **Olson,** *Statement of Vice Admiral Eric T. Olson.*

²⁸ **U.S. Department of Defense.** *Irregular Warfare (IW) Joint Operating Concept (JOC).* Version 1.0, Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, September 2007, p. 5. В литературе документ имеет аббревиатуру IW JOC 9/07. 1 November 2014.

<http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/iw-joc_v1_2007.pdf>

²⁹ **U.S. Department of Defense.** *Irregular Warfare (IW) Joint Operating Concept (JOC).* Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, January 2007. В литературе документ имеет аббревиатуру IW JOC 1/07

³⁰ **IW JOC 9/07,** p. 10.

³¹ **IW JOC 1/07,** p. 8; **IW JOC 9/07,** p. 10.

³² **IW JOC 9/07,** p. 1; **U.S. Department of Defense.** *Doctrine for the Armed Forces of the United States, JP 1.* Washington, D.C., May 14, 2007, p. I-1 1 November 2014.

<<http://www.bits.de/NRANEU/others/jp-doctrine/jp1%282007%29.pdf>>.

³³ **IW JOC 1/07,** p. 4; **IW JOC 9/07,** p. 6.

³⁴ **Kiper, Richard L.** “Future of Irregular Warfare (IW) in the Army,” *Information Paper*, Fort Leavenworth, KS: Army Irregular Warfare Center, 2013, p. 7–9;

U.S. Department of Defense. *Joint Operating Concept, Irregular Warfare: Countering Irregular Threats, Version 2.0.* Washington D.C.: Department of Defense, 2010, p. 9; **Coons,** *Irregular Warfare is Warfare.*

³⁵ **U.S. Department of Defense,** *Irregular Warfare (IW) Joint Operating Concept (JOC).* Version 1.0, p. 15, Figure 3.

³⁶ **Coons,** *Irregular Warfare is Warfare,* p. 99.

³⁷ **US Army Irregular Warfare Center.** “Irregular Warfare: A Clear Picture of a Fuzzy Objective,” *Small Wars Journal*, October 22, 2013. 1 November 2014.

<<http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/irregular-warfare-a-clear-picture-of-a-fuzzy-objective>>

³⁸ **IW JOC 9/07,** p. 1.

³⁹ **Olson,** *Statement of Vice Admiral Eric T. Olson.*

⁴⁰ Цит. по **Painter,** *Reorganizing for Irregular Warfare,* p. 9.

⁴¹ **U.S. Joint Chiefs of Staff.** *Joint Publication 1–02: Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms.* Washington, D.C.: Department of Defense, 12 April 2001. As Amended through 17 October 2008, pp. 282.1 November 2014. <http://www.bits.de/NRANEU/others/jp-doctrine/jp1_02%2810-08%29.pdf>

⁴² **Coons,** *Irregular Warfare is Warfare,* p. 99

⁴³ **Osborne, Joseph.** *Beyond Irregular Warfare: A Strategic Concept for Countering Irregular Adversaries and Engagement in Complex Security Environments.* *Small Wars Journals*, February, 2009. 1 November 2014. <<http://smallwarsjournal.com/mag/docs-temp/184-osborne.pdf>>

⁴⁴ **Painter,** *Reorganizing for Irregular Warfare,* p. 4.

⁴⁵ **Hoffman,** *Conflict in the 21st Century,* p. 12.

⁴⁶ **Galula,** *Counterinsurgency Warfare,* pp. 52–55.

- ⁴⁷ **Kilcullen, David.** *The Accidental Guerilla*. New York: Oxford University Press, 2009, pp. 284–286.
- ⁴⁸ **McCormick, G.H., S.B. Horton, and L.A. Harrison.** “Things fall apart: The endgame dynamics of internal wars,” *Third World Quarterly*, Vol. 28, No. 2, 2007, pp. 327–328.
- ⁴⁹ Statement of Brigadier General Otis G. Mannon, U.S. Air Force, Deputy Director, Special Operations, J-3, Joint Staff, Before the 109th Congress Committee on Armed Services, Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities, United States House of Representatives, September 27, 2006.
- ⁵⁰ Federal News Service, Comments of Mario Mancuso, Deputy Assistant Secretary of Defense for Special Operations and Combating Terrorism, Hearing of the Terrorism and Unconventional Threats Subcommittee of the House Armed Services Committee, Subject: Irregular Warfare Roadmap, September 27, 2006, September 30, 2006.
- ⁵¹ **Morgenstein, Jonathan and Eric Vickland.** “The Global Counterinsurgency: America’s New National Security Foreign Policy Paradigm,” *Small Wars Journal*, February 18, 2008. 1 November 2014. <<http://smallwarsjournal.com/jrn/art/the-global-counter-insurgency>>
- ⁵² **Bates, James A (Ed.)**. “The War on Terrorism: Countering Global Insurgency in the 21st Century,” *JSOU Strategic Studies Department*, Hurlburt Field, FL: Joint Special Operations University 2005, p. 6. 1 November 2014. <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2005/0512_jsou-report-05-8.pdf>
- ⁵³ **U.S. Department of Defense.** *Quadrennial Defense Review Report*. Washington, D.C., February 2010. 1 November 2014. <http://www.defense.gov/qdr/images/QDR_as_of_12Feb10_1000.pdf>
- ⁵⁴ **Osborne, Beyond Irregular Warfare.**
- ⁵⁵ **Moodie, Conflict Trends in the 21st Century**, p. 23.
- ⁵⁶ **United States Joint Chiefs of Staff, Joint Publication 1–02**, pp. 398.
- ⁵⁷ **Smith, Rupert.** *The Utility of Force: The Art of War in the Modern World*. New York: Vintage Books, 2005, p. 5.
- ⁵⁸ *Ibid.*, p. 377.
- ⁵⁹ **Cronin, Patrick and Hans Binnendijk.** *Civilian Surge: Key to Complex Operations*. Washington, D.C.: National Defense University, 2008, p. 6.
- ⁶⁰ **U.S. Joint Chiefs Staff.** *Joint Publication 3–0, Joint Operations*. Washington, DC: U.S. Department of Defense, 17 September 2006, Incorporating Change 1, 13 February 2008, pp. I-6. 1 November 2014. <http://www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp3_0.pdf>
- ⁶¹ **U.S. Joint Chiefs Staff, Joint Publication 3–0**, pp. I-5.
- ⁶² **Larson, Eric V., Derek Eaton, Brian Nichiporuk, Thomas S. Szayna.** *Assessing Irregular Warfare. A Framework for Intelligence Analysis*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008, p. 20.
- ⁶³ **IW JOC 9/07**, p. 20.
- ⁶⁴ *Ibid.*, p. 2.
- ⁶⁵ *Ibid.*, pp. 9–10.
- ⁶⁶ **U.S. Department of Defense.** *Department of Defense Directive 3000.07: Irregular Warfare (IW)*. Washington D.C.: United States Department of Defense, 2008, pp. 2. 1 November 2014. <<http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/300007p.pdf>>
- ⁶⁷ **U.S. Army John F. Kennedy Special Warfare Center and School.** *Unconventional Warfare Definition Working Group*. Fort Bragg, NC April 9, 2009.
- ⁶⁸ *Ibid.*
- ⁶⁹ **U.S. Department of Defense, Irregular Warfare (IW) Joint Operating Concept (JOC). Version 2.0.**
- ⁷⁰ **Mancuso, Mario.** “Statement by Mr. Mario Mancuso, Deputy Assistant Secretary of Defense for Special Operations and Combating Terrorism, Before the 109th Congress, Committee on Armed Services, Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities,” United States House of Representatives, September 27, 2006. 1 November 2014. <<http://www.dod.mil/dodgec/olc/docs/TestMancuso060927.pdf>>
- ⁷¹ **U.S. Department of Defense, Quadrennial Defense Review Report.**
- ⁷² **Larson, Assessing Irregular Warfare**, p. 51.
- ⁷³ **U.S. Joint Forces Command Joint Irregular Warfare Center.** *Irregular Adversaries and Hybrid Threats. An Assessment*. July 12, 2011, pp. 5–6. 1 November 2014. <<http://info.publicintelligence.net/USJFCOM-IrregularThreats.pdf>>
- ⁷⁴ *Ibid.*, p. 6.

- ⁷⁵ **Kilcullen, David.** *Counterinsurgency*. NY: Oxford University Press, May 19, 2010.
- ⁷⁶ **USJFCOM Irregular Warfare Center,** *Irregular Adversaries and Hybrid Threats*, p. 7.
- ⁷⁷ **Michaels, Jim.** "Al-Qaeda in Iraq Relying More on Heists," *USA Today*, September 7, 2010, p. 7.
- ⁷⁸ **USJFCOM Irregular Warfare Center,** *Irregular Adversaries and Hybrid Threats*, p. 21.
- ⁷⁹ **Borum, Seven Pillars of Small War Power.**
- ⁸⁰ **Jacobs, Garry and Harlan Cleveland** "Social development theory," *International Commission on Peace and Food (ICPF)*, November 1 1999, 1 November 2014.
<http://www.icpd.org/development_theory/SocialDevTheory.htm>
- ⁸¹ **Webber, Craig.** "Revaluating Relative Deprivation Theory," *Theoretical Criminology*, Vol. 11, 2007, No. 1, pp. 97–120; **Lichbach, Mark Irving.** "An evaluation of 'does economic inequality breed conflict' studies," *World Politics*, Vol. 41, No. 4, 1989, pp. 431–71.
- ⁸² **Brush, Stephen G.** "Dynamics of Theory Change in the Social Sciences: Relative Deprivation and Collective Violence," *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 40, No. 4, 1996, pp. 523–45.
- ⁸³ **Smith, Dan.** "Trends and Causes of Armed Conflict," in **Berghof.** *Handbook for Conflict Transformation*. Berlin: Berghof Research Center for Constructive Conflict Management, 2000, 1 November 2014. <<http://www.berghof-handbook.net/cf.htm>>
- ⁸⁴ **Burgess, Mark, Neil Ferguson, and Ian Hollywood.** "From Individual Discontent to Collective Armed Struggle: Personal Accounts of the Impetus for Membership or Non-Membership in Paramilitary Groups," in **William Andrews Myers (Ed.)** *The Range of Evil: Multidisciplinary Studies of Human Wickedness*, Oxford, UK: Interdisciplinary Press, 2006, pp. 29–39. 1 November 2014. <<http://www.inter-disciplinary.net/publishing-files/idp/eBooks/Range%20v1.5.pdf>>
- ⁸⁵ **Felson, Richard B. and James T. Tedeschi.** *Aggression and Violence: Social Interactionist Perspectives*. Washington, DC: American Psychological Association, 1993.
- ⁸⁶ **Smith, Heather J. and Daniel J. Ortiz.** "Is It Just Me? The Different Consequences of Personal and Group Relative Deprivation," in **Iain Walker and Heather J. Smith (Ed.)**. *Relative Deprivation: Specification, Development and Integration*, Cambridge: Cambridge University Press, 2002, pp. 91–118.
- ⁸⁷ **Moghaddam, Fathali M.** "The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration," *American Psychologist*, Vol. 60, No. 2, 2005, pp. 161–169; **Borum, Randy.** "Understanding the Terrorist Mind-Set," *FBI Law Enforcement Bulletin*, Vol. 72, No. 7, July 2003, pp. 7–10. 1 November 2014. <<https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/grants/201462.pdf>>
- ⁸⁸ **Tajfel, Henri and John C. Turner.** "The Social Identity Theory of Intergroup Behavior," in **Stepjen Worchel and William G. Austin (Ed.)**. *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson Hall, 1986, pp. 7–24; 1 November 2014. <http://www.sozialpsychologie.uni-frankfurt.de/wp-content/uploads/2011/10/Tajfel_Turner.pdf>
- Campbell, Jennifer D. and Abraham Tesser.** "Self-Evaluation Maintenance Processes in Relationships," **Steve Duck and Daniel Perlmán (Ed.)**. *Understanding Personal Relationships: An Interdisciplinary Approach*. Beverly Hills, CA: Sage, 1986, pp. 107–135;
- Snyder, C.R., MaryAnne Lassegard, and Carol E. Ford,** "Distancing after Group Success and Failure: Basking in Reflected Glory and Cutting Off Reflected Failure," *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 51, No. 2, 1986, pp. 382–388;
- Schimmel, Jeff et al.** "Running from the Shadow: Psychological Distancing from Others to Deny Characteristics People Fear in Themselves," *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 78, No. 3, 2000, pp. 446–462. 1 November 2014.
<<http://www.psych.ualberta.ca/~jschimmel/PersonalTemplate/schimmel2000runningfromshadow.pdf>>
- ⁸⁹ **Goldschmied, Nadav P. and Joseph A. Vandello.** "The Advantage of Disadvantage: Underdogs in the Political Arena," *Basic and Applied Social Psychology*, Vol. 31, No. 1, 2009, pp. 24–31.
- ⁹⁰ **Fisher, Robert J. and Kirk Wakefield,** "Factors leading to group identification: A field study of winners and losers," *Psychology and Marketing*, Vol. 15, No. 1, January 1998, pp. 23–40.
- ⁹¹ **McGinnis, Lee Phillip and James W. Gentry.** "Underdog Consumption: An Exploration into Meanings and Motives," *Journal of Business Research*, Vol. 62, No. 2, 2009, pp. 191–199 at p. 192. 1 November 2014. <<http://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=marketingfacpub>>
- ⁹² **Vandello, Joseph A., Nadav P. Goldschmied, and David A.R. Richards.** "The Appeal of the Underdog," *Personality and Social Psychology*, Vol. 33, No. 12, 2007, pp. 1603–1616.
- ⁹³ **Cialdini, Robert B. et al.** "Basking in Reflected Glory: Three (Football) Field Studies," *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 34, No. 3, 1976, pp. 366–375; 1 November 2014.

<<http://www.bps.org.uk/system/files/images/cialdinietal1976.pdf>>

Cialdini, Robert B. and Maralou E. de Nicholas. "Self-Presentation by Association," *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 57, No. 4, 1989, pp. 626–631.

⁹⁴ **Cohen, Eliot, Conrad Crane, Jan Horvath, and John Nagl.** "Principles, Imperatives, and Paradoxes of Counterinsurgency," *Military Review*, March-April 2006, pp. 49–53 1 November 2014. <<http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/milreview/cohen.pdf>>; **Vinci, Anthony.** *Armed Groups and the Balance of Power*. NY: Routledge, 2009; **Johnson, Neil.** "Complexity in Human Conflict," in *Understanding Complex Systems* Heidelberg: Springer, 2008, pp. 303–320.

⁹⁵ **Atkinson Simon and James Moffat.** *The Agile Organization: From Information Networks to Complex Effects and Agility*. Washington, DC: CCRP Publications Series, 2005, p. 164, 1 November 2014. <http://www.dodccrp.org/publications/pdf/Atkinson_Agile.pdf>.

⁹⁶ **Borum Randy and Michael Gelles.** "Al-Qaeda's Operational Evolution: Behavioral and Organizational Perspectives," *Behavioral Sciences and the Law*, Vol. 23, 2005, pp. 467–83. 1 November 2014. <http://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1539&context=nhlp_facpub>

⁹⁷ **Sewall, Sarah.** "Modernizing U.S. Counterinsurgency Practice: Rethinking Risk and Developing a National Strategy," *Military Review*, Vol. 86, September-October 2006, pp. 107–109. 1 November 2014. <http://www.hks.harvard.edu/cchpr/Sewall%20-%20military%20review%2010_2006.pdf>; **Headquarters Department of the Army and Headquarters Marine Corps Combat Development Command, Department of the Navy (joint publication).** *Field Manual 3–24 and Marine Corps Warfighting Publication 3–33.5, Counterinsurgency*. Washington, DC: Headquarters Department of the Army, 15 December 2006. 1 November 2014. <<http://usacac.army.mil/cac/repository/materials/coin-fm3–24.pdf>>; **Metz, Steven and Raymond Millen** "Insurgency and Counterinsurgency in the 21st Century: Reconceptualizing Threat and Response," *Special Warfare*, Vol. 17, February 2005, pp. 6–21; **Manwaring, Max.** *Shadows of Things Past and Images of the Future: Lessons for the Insurgencies in Our Midst*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2004. 1 November 2014. <<http://www.carlisle.army.mil/ssi/pdffiles/PUB587.pdf>>; **Hoffman, Frank.** "Principles for the Savage Wars of Peace," in **Anthony McIvor.** *Rethinking the Principles of War*. Annapolis: Naval Institute Press, 2006, pp. 299–322. 1 November 2014. <http://www.knowingemergencies.com/uploads/2/4/4/2/24428883/savage_wars_of_peace.pdf>

⁹⁸ **Barnett, Thomas.** *The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century*. NY: Putnam, 2004; **Gray, Colin.** *Irregular Enemies and the Essence of Strategy: Can the American Way of War Adapt?* Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2006. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub650.pdf>>

⁹⁹ **Record, Jeffrey.** *The U.S. Isn't Good at Winning or Supporting Irregular Warfare*. Washington, DC: Cato Institute, 19 October 2006. 1 November 2014. <http://www.cato.org/pub_display.php?pub_id=6723>; **Kilcullen, David.** "Counterinsurgency Redux," *Survival*, Vol. 48, No. 4, Winter 2006–2007, pp. 111–130. 1 November 2014. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/uscoincounterinsurgency_redux.pdf>

¹⁰⁰ **Record, Jeffrey.** "External Assistance: Enabler of Insurgent Success," *Parameters*, Vol. 36, No. 3, Autumn 2006, pp. 36–49. 1 November 2014. <<http://www.carlisle.army.mil/usawc/Parameters/06autumn/record.pdf>>

¹⁰¹ **Mockaitis, Thomas R.** "Winning Hearts and Minds in the 'War on Terrorism,'" *Small Wars & Insurgencies*, Vol. 14, Spring 2003, pp. 21–38.

¹⁰² **Hewstone, Miles, Mark Rubin, and Hazel Willis.** "Intergroup Bias," *Annual Review of Psychology*, Vol. 53, 2002, pp. 575–604. 1 November 2014. <http://www.researchgate.net/publication/11603902_Intergroup_bias/file/d912f508862c6ad593.pdf>

¹⁰³ **Brewer, Marilynn B.** "The Psychology of Prejudice: Ingroup Love or Outgroup Hate?" *Journal of Social Issues*, Vol. 55, No. 3, 1999, pp. 429–444; **Haslam, S. Alexander et al.** "The Group as a Basis for Emergent Stereotype Consensus," *European Review of Social Psychology*, Vol. 8, No. 1, 1997, pp. 203–39. 1 November 2014. <http://www.researchgate.net/publication/233107831_The_Group_as_a_Basis_for_Emergent_Stereotype_Consensus/file/9c960525dbb77b2074.pdf>

¹⁰⁴ **Hewstone, Intergroup Bias.**

¹⁰⁵ **Kissinger, Henry.** "The Vietnam Negotiations," *Foreign Affairs*, Vol. 48, No. 2, January 1969, p. 214.

¹⁰⁶ **Luckabaugh, Robert, E. Fuqua, J. Cangemi, and C. Kowalski.** "Terrorist Behavior and US Foreign Policy: Who Is the Enemy? Some Psychological and Political Perspectives," *Psychology*, Vol. 34, No. 2, 1997, pp. 1–15.

- ¹⁰⁷ **Marsella, Anthony J.** "Terrorism: Reflections on Issues, Concepts, and Directions," in **Fathali Moghaddam and Anthony J. Marsella (Ed.)** *Understanding Terrorism: Psychosocial Roots, Consequences, and Interventions*, Washington, DC: American Psychological Association, 2003, pp. 11–48.
- ¹⁰⁸ **Porta, Donatella Della.** *Social Movements, Political Violence, and the State: A Comparative Analysis of Italy and Germany*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; **Porta, Donatella Della.** "Political Socialization in Left-Wing Underground Organizations: Biographies of Italian and German Militants," *International Social Movement Research*, Vol. 4 1992, pp. 259–290.
- ¹⁰⁹ **Crenshaw, Martha.** "The Subjective Reality of the Terrorist: Ideological and Psychological Factors in Terrorism," in **Robert O. Slater and Michael Stohl (Ed.)** *Current Perspectives on International Terrorism*. Hampshire: Macmillan, 1988.
- ¹¹⁰ **Taylor Donald M. and Winnifred Louis.** "Terrorism and the Quest for Identity," in **Fathali Moghaddam and Anthony J. Marsella (Ed.)** *Understanding Terrorism: Psychosocial Roots, Consequences, and Interventions*, Washington, DC: American Psychological Association, 2003; **Taylor, Max and John Horgan.** "A Conceptual Framework for Addressing Psychological Processes in the Development of the Terrorist," *Terrorism and Political Violence*, Vol. 18, 2006, pp. 585–601; **Drury, John and Steve Reicher.** "Collective Action and Psychological Change: The Emergence of New Social Identities," *British Journal of Social Psychology*, Vol. 39, 2000, pp. 579–604 1 November 2014. <<http://www.st-andrews.ac.uk/itsold/papers/public/miscellaneous/printingproblems/ldchange-webct.doc>>; **Drury, John and Steve Reicher.** "Explaining enduring empowerment: A comparative study of collective action and psychological outcomes," *European Journal of Social Psychology*, Vol. 35, 2005, pp. 35–58 1 November 2014. <http://www.uni-kiel.de/psychologie/ispp/doc_upload/drury_reicher.pdf>.
- ¹¹¹ **Crenshaw, Martha.** "An Organizational Approach to the Analysis of Political Terrorism," *Orbis*, Vol. 29, No. 3, 1985, pp. 465–89.
- ¹¹² **Aydin Mustafa and Sinem Akcimek,** "Identity-based Security Threats in a Globalized World: Focus on Islam," in **Hans Günter Brauch, et al. (Ed.)** *Globalization and Environmental Challenges*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2008, pp. 413–420.
- ¹¹³ **Metz, Steven and Raymond Millen.** *Insurgency and Counterinsurgency in the 21st Century: Reconceptualizing Threat and Response*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College 2004, p. 4. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files/pub586.pdf>>
- ¹¹⁴ **Bull, Hedley.** *The Anarchical Society*. London: Macmillan, 1977, pp. 254–55; **Cerny, Philip G.** "Neomedievalism, Civil War and the New Security Dilemma: Globalisation as Durable Disorder," *Civil Wars*, Vol. 1, No. 1, 1998, pp. 36–64 1 November 2014. <<http://www.pols.boun.edu.tr/uploads%5Cfiles%5C1086.pdf>>; **Rapley, John.** "The New Middle Ages," *Foreign Affairs*, Vol. 83, No. 3, 2006, pp. 95–103 1 November 2014. <http://www.ecusd7.org/ehs/ehsstaff/jparkin/Academics/Medieval_World_History/Introduction/Rapley-The_New_Middle_Ages.pdf>.
- ¹¹⁵ **Maslow, Abraham H.** *Motivation and Personality*, 3rd ed., revised by **R. Frager, J. Fadiman, C. McReynolds, and R. Cox**, NY: Harper & Row, 1987.
- ¹¹⁶ **King, Gary and Christopher J.L. Murray.** "Rethinking Human Security," *Political Science Quarterly*, Vol. 116, 2002, pp. 585–610. 1 November 2014. <<http://euroakadeemia.ee/materjalid/King%20Murray%20-%20Rethinking%20Human%20Security.pdf>>.
- ¹¹⁷ **Beckett Katherine and Steve Herbert.** "Dealing with Disorder: Social Control in the Postindustrial City," *Theoretical Criminology*, Vol. 12, No. 1, 2008 pp. 5–30 1 November 2014. <http://faculty.washington.edu/kbeckett/articles/Theoretical_Criminology.pdf>;
- Graham, Stephen.** *Cities Under Siege: The New Military Urbanism*. London: Verso, 2010.
- ¹¹⁸ **Xu, Yili. Mora L. Fiedler and Karl H. Flaming,** "Discovering the Impact of Community Policing: The Broken Windows Thesis, Collective Efficacy, and Citizens' Judgment," *Journal of Research in Crime and Delinquency*, Vol. 42, No. 2, 2005, pp. 147–186 1 November 2014. <<http://www.sagepub.com/haganstudy/abstracts/pdfs/Xu.pdf>>;
- Kelling, George and Catherine Coles.** *Fixing Broken Windows: Restoring Order And Reducing Crime in Our Communities*. NY: Free Press, 1996; **Skogan, Wesley.** *Disorder and Decline: Crime and the Spiral Decay in American Neighborhoods*. NY: Oxford University Press, 1990.
- ¹¹⁹ **Cerny, Philip G.** "Neomedievalism, Civil War and the New Security Dilemma: Globalisation as Durable Disorder," *Civil Wars*, Vol. 1, No. 1, 1998, pp. 36–64, at p. 39.

- ¹²⁰ **Witte, Kim and Mike Allen.** “A Meta-Analysis of Fear Appeals: Implications for Effective Public Health Campaigns,” *Health Education and Behavior*, Vol. 27, No. 5, 2000, pp. 591–615. 1 November 2014. <<http://www.mntt.ee/public/Fear.pdf>>
- ¹²¹ **Dillon, Michael.** “The Security Of Governance,” in **Wendy Larner and William Walters (Ed.)** *Global Governmentality: Governing International Spaces*. London: Routledge, 2004, pp. 76–96.; **Valverde, Mariana and Michael Mopas.** “Insecurity and the Dream of Targeted Governance,” in **Wendy Larner and William Walters (Ed.)** *Global Governmentality: Governing International Spaces*. London: Routledge, 2004, pp. 233–250; **Huysmans, Jef, Andrew Dobson, and Raia Prokhovnik** *The Politics of Protection: Sites of Insecurity and Political Agency*. London: Routledge, 2006; **Mitchell Katharyne and Katherine Beckett** “Securing the Global City: Crime, Consulting, Risk, and Ratings in the Production of Urban Space,” *Indiana Journal of Global Legal Studies*, Vol. 15, No. 1, 2008, pp. 75–99 1 November 2014. <<http://www.repository.law.indiana.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1367&context=iijls>>
- ¹²² **Laqueur, Walter.** “Postmodern Terrorism,” *Foreign Affairs*, Vol. 75, No. 5, September/October 1996, pp. 24–36.1 November 2014. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/52432/walter-laqueur/postmodern-terrorism-new-rules-for-an-old-game>>;
- Grynkeiwich, Alexis.** “Welfare as Warfare: How Violent Non-State Groups Use Social Services to Attack the State,” *Studies in Conflict & Terrorism*, Vol. 31, No. 4, 2008, pp. 350–370.
- ¹²³ **Harik, Judith Palmer.** *Hezbollah: The Changing Face of Terrorism*. London: I.B. Tauris, 2006.
- ¹²⁴ **Painter, Reorganizing for Irregular Warfare**, pp. 18–36.
- ¹²⁵ **Kilcullen, The Accidental Guerilla**, pp. 68–69.
- ¹²⁶ **Lawrence, T.** “Twenty-seven Articles,” *Arab Bulletin*, 20 August 1917. 1 November 2014. <http://www.telstudies.org/writings/works/articles_essays/1917_twenty-seven_articles.shtml>
- ¹²⁷ **Kilcullen, The Accidental Guerilla**, p. 16.
- ¹²⁸ **Sacolick, Bennet S. Brigadier General.** “SOF vs. SOF-like.” *Special Warfare*, Vol. 22, No. 4, April 2009, pp. 9–10. 1 November 2014. <<https://ronna.apan.org/Lists/Submitted%20Content/Attachments/3256/Special%20Warfare%20Magazine%20Enlisting%20Afghanistan%27s%20Tribes.pdf>>
- ¹²⁹ **IW JOC 9/07**, pp. 9.
- ¹³⁰ *Ibid.*, pp. 18.
- ¹³¹ *Ibid.*, pp. 22.
- ¹³² **U.S. Joint Chiefs Staff, Joint Publication 3–0**, p. I-6.
- ¹³³ **Kilcullen, The Accidental Guerilla**, p. 32.
- ¹³⁴ **U.S. Joint Chiefs Staff, Joint Publication 3–0**, p. 303.
- ¹³⁵ **Sacolick, SOF vs. SOF-like.**
- ¹³⁶ **IW JOC 9/07**, p. 11.
- ¹³⁷ **Sacolick, SOF vs. SOF-like.**
- ¹³⁸ **IW JOC 9/07**, p. C — 4
- ¹³⁹ **United States Department of State Bureau of Political-Military Affairs.** *U.S. government Counterinsurgency Guide*. Washington, D.C.: Department of State. 2009, pp. Preface. 1 November 2014. <<http://www.state.gov/documents/organization/119629.pdf>>
- ¹⁴⁰ **U.S. Department of the Army.** *Stability Operations in an Era of Persistent Conflict*. Washington, DC: Headquarters, Department of the Army, 2008, pp. 2–11.
- ¹⁴¹ **Kilcullen, The Accidental Guerilla**, p. 26.
- ¹⁴² **Casey, G. W. General.** “An interview with George W. Casey, Jr.,” *Joint Force Quarterly (JFQ)*, Issue 52 1st Quarter, 2009 pp. 15–19. 1 November 2014. <<http://ndupress.ndu.edu/portals/68/Documents/jfq/jfq-52.pdf>>
- ¹⁴³ **U.S. Department of the Army.** *Stability Operations in an Era of Persistent Conflict*, p. 22.
- ¹⁴⁴ **Kilcullen, The Accidental Guerilla**, p. 114.
- ¹⁴⁵ **Kilcullen, The Accidental Guerilla**, p. 37.
- ¹⁴⁶ **U.S. Department of the Army.** *Stability Operations in an Era of Persistent Conflict*, p. 22
- ¹⁴⁷ **McMichael, W. H.** “Shorter Afghan Tours — But More Of Them,” *Army Times*, May 2009, p. 8.
- ¹⁴⁸ **Kilcullen, The Accidental Guerilla**, p. 158.
- ¹⁴⁹ **IW JOC 9/07**, p. 20.
- ¹⁵⁰ **McCormick, G. H.** *Seminar in Guerrilla Warfare*. CA, Monterey: Naval Postgraduate School. July 2008.

- ¹⁵¹ **Kruzal, J. J.** “Stability Operations Require More U.S. Focus, Gates Says,” *DefenseLink News*, April 2009. 1 November 2014. <<http://www.defenselink.mil/news/newarticle.aspx?id=53930>>
- ¹⁵² **Lamb, C. J.** “Prepared Statement of Christopher J. Lamb Before the Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities Subcommittee on Implementing the Global War on Terror “Overcoming Inter-agency Problems,” *House Armed Services Committee, U.S. House of Representatives*, March 15, 2006. 1 November 2014. <http://www.globalsecurity.org/security/library/congress/2006_h/060315-lamb.pdf>
- ¹⁵³ **Sacolick, Bennet S. Brigadier General.** “Character and the Special Forces Soldier,” *Special Warfare*, Vol. 22 No. 1, 2009, pp. 8–9.
- ¹⁵⁴ **Sacolick, Character and the Special Forces Soldier.**
- ¹⁵⁵ **McMichael, W. H.** “Mattis: Hybrid skills a must in future wars,” *ArmyTimes*, June 1, 2009. 1 November 2014. <http://www.armytimes.com/news/2009/06/military_mattis_futurewar_060109w/>
- ¹⁵⁶ **Wilner, Alex. S.** *An Evolution in Military Affairs: Civil-Military Relations in an Age of Unconventional Warfare & Catastrophic Terror*. 2005, p. 15. 1 November 2014. <http://www.academia.edu/2350222/An_Evolution_in_Military_Affairs_Civil-Military_Relations_in_an_Age_of_Unconventional_Warfare_and_Catastrophic_Terror>
- ¹⁵⁷ **Brafman, Ori, and Beckstrom, Rod A.** *The Starfish and the Spider: The Unstoppable Power of Leaderless Organizations*. NY: Penguin Group. 2007.
- ¹⁵⁸ **Snyder, Political Generals in Irregular War**, p. 30.
- ¹⁵⁹ **Hatch, Mary Jo and Ann L. Cunliffe.** *Organization Theory: Modern, Symbolic, and Post-modern Perspectives*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2006, p. 286.
- ¹⁶⁰ **IW JOC 9/07**, p. 1.
- ¹⁶¹ **Gray, Irregular Warfare One Nature, Many Characters**, p. 48.
- ¹⁶² **Gray, Irregular Enemies and the Essence of Strategy**.
- ¹⁶³ **Gray, Irregular Warfare One Nature, Many Characters**, pp. 51–54.
- ¹⁶⁴ **Scales Robert H. Jr.** “Culture-Centric Warfare,” *US Naval Institute Proceedings*, Vol. 130, No. 10, October 2004, pp. 32–36. 1 November 2014. <http://www.military.com/NewContent/0,13190,NI_1004_Culture-P1,00.html>.
- ¹⁶⁵ **Booth, Ken.** *Strategy and Ethnocentrism*. London: Croom Helm, 1979.
- ¹⁶⁶ **Gray, Irregular Warfare One Nature, Many Characters**, p. 52.
- ¹⁶⁷ **Krepinevich Andrew F. Jr.** “How to Win in Iraq,” *Foreign Affairs*, Vol. 84, No. 5, September/October 2005, pp. 87–104. 1 November 2014. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/61024/andrew-f-krepinevich-jr/how-to-win-in-iraq>>
- ¹⁶⁸ **Jomini, Antoine Henri de.** *The Art of War*. 1838; reprint, Novato, CA: Presidio Press, 1992, pp. 271, 325.
- ¹⁶⁹ **Kiras, James D.** *Special Operations and Strategy: From World War II to the War on Terrorism*. London: Routledge, 2006.
- ¹⁷⁰ **Leebaert, Derek.** *To Dare and to Conquer: Special Operations and the Destiny of Nations, from Achilles to Al Qaeda*. NY: Little, Brown and Company, 2006.
- ¹⁷¹ **Gray, Irregular Warfare One Nature, Many Characters**, p. 51.
- ¹⁷² **Davis, Vincent.** *Civil-Military Relations and the Not-quite Wars of the Present and Future*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, 1996, p. 4. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubid=323>>
- ¹⁷³ **Snyder, Political Generals in Irregular War**, p. 32.
- ¹⁷⁴ **U.S. Army Irregular Warfare Center, Irregular Warfare: A Clear Picture of a Fuzzy Objective**.
- ¹⁷⁵ **U.S. Joint Chiefs of Staff. Joint Publication 1 (JP1), Doctrine for the Armed Forces of the United States**. Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, 25 March, 2013, p. x. 1 November 2014. <http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp1.pdf>
- ¹⁷⁶ *Ibid.*, pp. x, I-4 — I-6.
- ¹⁷⁷ **Krulak, Gen. Charles C., USMC.** “The Three Block War: Fighting in Urban Areas.” *Vital Speeches of the Day*. Vol 64, No 5, New York, December 15, 1997, pp. 139–142.
- ¹⁷⁸ **Krulak, Gen. Charles C., USMC.** “The Strategic Corporal: Leadership in the Three Block War.” The Commandant’s Page, *Marines Magazine*, January 1999; 1 November 2014. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/usmc/strategic_corporal.htm> **Dorn, A. Walter and Michael Varey.** “The Rise and Demise of the ‘Three Block War,’” in *Canadian Military Journal*, Vol. 10, No. 1, October, 2009. 1 November 2014. <<http://www.journal.forces.gc.ca/vol10/no1/07-dornvarey-eng.asp>>

¹⁷⁹ **U.S. Joint Chiefs of Staff**, *JPI*, pp. x, I-4 — I-6.

¹⁸⁰ **U.S. Department of Defense**. *Department of Defense Directive 3000.07*. **U.S. Department of Defense**. *JOC, Version 2.0*, p. 17.

¹⁸¹ **Pedersen, Richard**. “Irregular Warfare: Operational Theme or Full Spectrum Operation?” *Small Wars Journal*, 2009, pp. 6–7. 1 November 2014. <<http://smallwarsjournal.com/mag/docs-temp/210-pedersen.pdf>>

¹⁸² **Dressler, Jeffrey A.** *Afghanistan Report 6: The Haqqani Network, From Pakistan to Afghanistan*. Washington DC, Institute for the Study of War, October 2010, p. 9. 1 November 2014. <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/Haqqani_Network_Compressed_0.pdf>

¹⁸³ **U.S. State Department**. *Foreign Terrorist Organizations*. Washington DC: Bureau of Counterterrorism, September 28, 2012. 1 November 2014. <<http://www.state.gov/j/ct/rls/other/des/123085.htm>>

¹⁸⁴ **Mapping Militant Organizations**. *Haqqani Network*, Stanford University, July 23, 2012. 1 November 2014. <<http://www.stanford.edu/group/mappingmilitants/cgi-bin/groups/view/363>>

¹⁸⁵ **Rashid, Ahmed**. *Taliban*. NY: Yale University Press, 2010, p. 60.

¹⁸⁶ **Evans, Ernest**. “Ethnicity and Politics,” *World Affairs*, Vol. 160, No. 1, Summer 1997, p. 43.

¹⁸⁷ **Maxwell, David**. “Unconventional Warfare Does Not Belong to Special Forces,” *War on the Rocks*, August 12, 2013. 1 November 2014. <<http://warontherocks.com/2013/08/unconventional-warfare-does-not-belong-to-special-forces/>>

¹⁸⁸ **Joint Staff Joint Force Development (J-7)**. *United States Joint Force Assessment for Irregular Warfare*. 2013, p. 7.

¹⁸⁹ **North Atlantic Treaty Organization**. *Allied Joint Publication 1 (AJP-1) Allied Joint Doctrine*. Mons, Belgium: Headquarters NATO, 21 December 2010, pp. 2–9. 1 November 2014. <https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/33694/AJP01D.pdf>

¹⁹⁰ **Mumm, Nicholas**. “Irregular Warfare,” Information paper, *HQDA G-35 AMO-SSO*, 2013, p. 5. Цит. по **USAIWC**, *Irregular Warfare: A Clear Picture of a Fuzzy Objective*.

¹⁹¹ **U.S. Department of the Army**. *Army Doctrinal Publication (ADP) 3–0: Unified Land Operations*. Washington, DC: Government Printing Office, 10 October 2011, pp. 1–5. 1 November 2014. <http://armypubs.army.mil/doctrine/DR_pubs/dr_a/pdf/adrp3_0.pdf>

¹⁹² **Liang, Qiao and Wang Xiangsui**. *Unrestricted Warfare: China's Master Plan to Destroy America*. Panama City: Pan American Publishing Company, 2002, pp. 36–50.

¹⁹³ **Liang**, *Unrestricted Warfare*, p. xviii.

¹⁹⁴ **U.S. House of Representatives, House Armed Services Committee**. *National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2013: Report Together with Additional and Dissenting Views (to accompany H.R.4310) (H.Rpt. 112–479)*. Washington, DC: Government Printing Office, May 11, 2012, p. 84. 1 November 2014. <<http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CRPT-112hrpt479/pdf/CRPT-112hrpt479.pdf>>

¹⁹⁵ **U.S. Department of the Army**. *Field Manual (FM) 3–24.2: Tactics in Counterinsurgency*. Washington, D.C.: Department of the Army, 2009, p. 6. 1 November 2014. <http://armypubs.army.mil/doctrine/DR_pubs/dr_a/pdf/fm3_24x2.pdf>

¹⁹⁶ **Horowitz, M. C., & Shalmon, D. A.** The future of war and American military strategy. *Military Strategy, Orbis*, Vol.53, Spring 2009, pp. 300–318.

¹⁹⁷ **Painter**, *Reorganizing for Irregular Warfare*, p. 3.

¹⁹⁸ **USAIWC**, *Irregular Warfare: A Clear Picture of a Fuzzy Objective*.

ГЛАВА II

Иррегулярные военные действия в родах войск и служб вооруженных сил США

2.1. Силы специального назначения в среде иррегулярных военных действий

Иррегулярные военные действия долгое время были ядром активности сил специального назначения США, а «Командование специальных операций» США реализовало концепцию центрального органа, обеспечивающего готовность ССН к участию в эпизодических противоборствах по защите национальных интересов США. Террористическая атака 9/11 и последовавшие затяжные военные кампании привели к тому, что КСО стало проактивным, глобальным и стратегически сфокусированным органом, ставящим перед собой двойную цель. Как функциональное командование оно обеспечивает рекомендации для ССН и аналогичных сил союзников и государств партнеров. Как боевое командование — синхронизирует операционное планирование МО для проведения глобальных операций против насильственных экстремистских организаций и готовит развертывание ССН по всему миру, когда получает директиву президента или министра обороны¹.

Задачи, стоящие перед ВС США в глобальной среде безопасности, ведут к востребованности и повышению требований к силам специального назначения, которые выполняют зачастую роль последней страховки. Считается, что ССН призваны достигать успеха там, где остальные проваливаются, работая через/внутри других родов войск и сил, а не только самостоятельно. Хотя такое восприятие сил специального назначения, будучи отчасти справедливым, в целом является неверным по двум причинам. Во-первых, по своей природе ССН ограничены в размерах и не могут быть основными в военных миссиях большого масштаба. Во-вторых, хотя способность работать с партнерами и союзниками является основой активности ССН, современные конфликты требуют освоения также других возможностей. Имеется настоятельная необходимость уточнить, что понимается под термином «специальные» в международной среде безопасности XXI века, адаптировав к ним КСО и ССН в рамках военной организации и системы НБ США².

2.1.1. Контекст, ресурсы и возможности сил специального назначения в операционной среде иррегулярных военных действий

Общий контекст

Командование специальных операций начало функционировать 16 апреля 1987 на базе ВВС в МакДилл, Флорида (**MacDill Air Force Base, Florida**) и

стало откликом на закон Голдуотера—Николса о реорганизации Министерства обороны от 1986 года (**Goldwater-Nichols Department of Defense Reorganization Act of 1986**) и поправки Нанна—Коэна от 1987 года (**Nunn-Cohen Amendment to the National Defense Authorization Act of 1987**) к нему. Конгресс выдал мандат на создание нового Командования, которое должно готовить ССН к выполнению своих задач и, если есть директива, — планировать и проводить специальные операции. Конгресс также предоставил КСО собственные бюджетные полномочия и сферу ответственности в рамках программы главных сил (**major force program**) в бюджете Пентагона. Дополнительно КСО получил полномочия, позволяющие разрабатывать и обеспечивать подчиненные силы вооружением и военной техникой, а также всеми видами обеспечения для проведения специальных операций.

Командование специальных операций в настоящее время имеет в своем подчинении приблизительно 54 000 личного состава на действительной службе, — офицеров и рядовых запаса, солдат национальной гвардии, летчиков, морских пехотинцев и гражданских лиц, закрепленных за штабами, а также четыре компонента в видах вооруженных сил, — КСО Армии (**Army Special Operations Command**), КСО ВМС (**Naval Special Warfare Command**), КСО ВВС (**Air Force Special Operations Command**) и КСО ССН (**Marine Corps Forces Special Operations Command**) и «Объединенное командование специальных операций» (**Joint Special Operations Command**)³.

Штабы, через свои компоненты в родах войск и «Объединенное КСО», готовят и разворачивают ССН для проведения основных типов действий, перечисленных ниже:

прямое действие. Захват, уничтожение, задержание или восстановление через кратковременные удары и другие наступательные действия малого масштаба в запретных зонах;

специальная разведка. Сбор информации касательно возможностей, намерений и активности противника;

неконвенциональные военные действия. Проведение операций с силами полувоенных, военизированных формирований (суррогатные силы), которые организуются, тренируются, экипируются, поддерживаются и направляются внешними силами;

участие во «внутренней обороне» другого государства. Обеспечение подготовки, тренировки и другая помощь иностранным правительствам и их военным в рамках обеспечения НБ;

действия по связям с гражданской администрацией и населением. Установление, обеспечение или воздействие на отношения между вооруженными силами США и иностранными гражданскими властями и населением с целью способствовать военным операциям США;

контртерроризм. Препятствовать, сдерживать и отвечать на терроризм:

психологические операции. Обеспечивать правдивую информацию для иностранной аудитории, влияющую на поведение, для поддержки военных операций США;

информационные операции. Достичь информационного превосходства над противником, воздействуя на информацию противника и его системы, и в то же время защищать информацию и системы США;

противодействие распространению ОМП. Локализация, овладение, уничтожение или надежный захват, обнаружение и обезвреживание такого оружия;

содействие силам безопасности и военная помощь (security force assistance). Поддержание и содействие стране пребывания или региональным силам по обеспечению безопасности в рамках поддержки легитимных властей через объединенные действия объединенных, межведомственных, межправительственных и многонациональных сообществ;

контрповстанческие операции. Нанесение поражения повстанцам посредством военных, военизированных, политических, экономических, психологических и гражданских действий; и

другая активность, определяемая президентом или министром обороны.

Столь широкий диапазон активности бросает вызов самому определению того, что включают в себя специальные операции. Согласно объединенной доктрине, специальные операции выполняются для «достижения военных, дипломатических, информационных и/или экономических целей и задач с использованием военных возможностей, которые не имеются у широких конвенциональных сил». Более того, специальные операции «применимы по всему диапазону военных операций» и «отличаются от конвенциональных операций степенью физического и политического рисков, операционных методов, способов применения, независимостью от дружественной поддержки и зависимости от детальной операционной разведки и местных возможностей»⁴.

Хотя определение подчеркивает причины, по которым специальные операции и ССН отличаются от конвенциональных военных действий и сил, оно уделяет мало внимания операционной интеграции обоих типов сил внутри общего плана операции. Силы специального назначения организовываются, экипируются, обучаются и разворачиваются КСО для региональных боевых командований. Первая часть задач КСО — «обеспечить полностью боеспособные ССН для защиты США и его интересов» — подчеркивает, что командование обеспечивает применение силы в форме, напоминающей отдельный род войск. Вторая — «синхронизировать планирование для глобальных операций против террористических сетей» — относится уже к полномочиям боевого командования в рамках «Плана Объединенного командования». В рамках данной задачи командующий КСО «ответствен за синхронизированное планирование для глобальных операций против террористических сетей и делает это в координации с другими командованиями, родами войск и, по директиве, с правительственными агентствами США»^{*}. КСО синхронизирует

^{*} План Объединенного командования (**Unified Command Plan**) является секретным документом, хотя руководство, приведенное здесь, таковым не является. **U.S. Department of Defense. Unified Command Plan.** Washington, DC: Department of Defense, 2009.

планы операций, затем осуществляет, координирует и приоритизирует их, давая рекомендации для Объединенного штаба и министра обороны, каким образом должны распределяться ресурсы, чтобы удовлетворить текущим требованиям глобальных операций.

Наиболее всеобъемлющим элементом синхронизирующих усилий КСО является глобальный совместный планирующий процесс, опирающийся на возможности других боевых командований и экспертные заключения, разработанные в плане кампании по борьбе с террором МО. В соединении с региональными планами кампаний войны с террором боевых командований формируется процесс динамичного, непрерывного мониторинга среды безопасности. КСО и «Сообщество глобальной синхронизации» (**Global Synchronization Community**) МО разработали структурированный процесс по оценке и приоритизации возможностей, операций, действий, ресурсов и сил, которые необходимы для сдерживания и нанесения поражения террористическим сетям. Базисным форумом является полугодовая «Конференция глобальной синхронизации» (**Global Synchronization Conference**), которая собирает все заинтересованные стороны, создавая платформу для сотрудничества и совместной работы на следующие шесть месяцев⁵.

Имеется неправильное представление, что «Командование специальных операций» планирует и выполняет операции глобально. За исключением редких случаев, КСО не синхронизирует и не командует отдельными операциями. Это роль операционных командующих, которые наделены властью позиционировать и использовать дислоцированные в их зоне ответственности силы специального назначения.

Таким образом, «Командование специальных операций» строит ССН, осуществляет мониторинг среды безопасности и рекомендует, где они могли бы быть использованы. Оно также приоритизирует как материальные ресурсы (в терминах вооружения и военной техники, в которых нуждаются ССН, а также каким образом они могут быть обеспечены), так и операционные (в терминах, где находятся угрозы и как наилучшим образом справиться с ними). Созданный продукт (ССН) затем передается боевым командованиям для операционного применения. При этом КСО сохраняет тесные связи с каждым из «Командований специальных операций на ТВД» (**Theater Special Operations Command**). Это позволяет сохранять критически важную связь между актором, предоставляющим силу и возможности (КСО), и операционным применением предоставленного ресурса. Данный подход к роли и функциям «Командования специальных операций» используется более широко уже внутри стратегии НБ США, когда КСО определяет, как должны готовиться ССН к стоящим перед ними задачам, и помогает решить, где и когда они используются. Подход, который остается справедливым и для операционной среды ИВД.

Ресурсы и возможности сил специального назначения в операционной среде ИВД

Операционная среда ИВД не является новой для сил специального назначения. Однако при проведении кампании в операционной среде ИВД, конвенциональные и специальные операции должны быть скоординированы, а не просто согласованы и деконфликтованы. Более того, должны быть разработаны механизмы, позволяющие координировать действия МО с дипломатическими и прочими усилиями.

Стратегические и доктринальные документы ясно говорят о необходимости межведомственного взаимодействия и общеправительственного подхода (**whole-of-government approach**), интегрирования всех элементов национальной мощи и сотрудничества с партнерами различного типа для противостояния иррегулярным угрозам⁶. Более того, конфликты в современной среде безопасности требуют быть готовыми пойти за пределы целостного правительственного подхода, который можно назвать целостным национальным подходом (**a whole-of-nations approach**), когда способность работать внутри и с другими в сложных ситуациях становится критически важным⁷.

Система НБ США выстроена на взаимодействии различных государственных структур, когда отсутствуют акторы, достигающие национальных целей и задач в изоляции⁸. Директивы координируют, дополняют и интегрируют усилия, отраженные в документах по национальной стратегии. При этом отсутствуют документы, касающиеся координации усилий различных военных служб и родов войск, так как военная организация и вооруженные силы США рассматриваются как интегрированные — «объединенные»⁹.

Миссия «Командования специальных сил» обеспечить, чтобы ССН были подготовлены, должным образом экипированы и развернуты в нужном месте в нужное время для выполнения поставленных задач. Личный состав ССН должен быть в состоянии планировать и проводить широкий спектр специальных операций в сложной и неопределенной среде ИВД. Очень часто специальные операции мыслятся как односторонние, сопровождаемые большим риском и позволяющие быстро достигнуть поставленных целей. Однако сегодня то, что на самом деле является «специальным» в таких операциях, это способность работать внутри и вместе с системами безопасности государств-партнеров, преследуя взаимовыгодные цели. То есть «специальная операция, прежде всего, является мощной подготовкой (**exercise**) ума; мускулы и даже дисциплинарный отклик является критически важным, но вторичным»¹⁰.

Правильное понимание целей и задач КСО и ССН в операционной среде ИВД является критически важным, так как только в этом случае можно инициировать необходимые процессы и оценить эффекты принимаемых решений и действий. Сложность среды требует, чтобы бойцы (операторы) ССН обеспечивали не только высочайший уровень экспертизы военного противоборства, но обладали также знаниями по культуре и дипломатическими навыками. Будучи «3D операторами» (дипломатия, развитие и оборона) (**3D operators — diplomatic, development, and defense operators**),

они должны быть готовы к высадке в операционную среду, в которой разворачиваются множество дипломатических, военных и прочих процессов, инициированных правительством США.

При этом критическим и наиболее важным ресурсом является личный состав, — люди, а не «железо». Инвестиции в платформы вооружений, технологии и пр. являются недостаточными, если отсутствует надлежащим образом подготовленный и обученный личный состав, использующий данные системы. Организационные структуры и циклы подготовки не позволяют наращивать численность и количество подразделений ССН быстрее, чем 3–5% в год, что явно не удовлетворяет растущие требования, предъявляемые к КСО. Возможное решение заключается в уменьшении количества задач, требующих прямого привлечения подразделений ССН, что может быть достигнуто через развитие и расширение возможностей формирования и частей прочих родов войск¹¹.

Кроме того, ССН подключаются для поддержки решений «Объединенного командования» на уровне батальона или даже отделения, тем самым уходя из основных баз. Достижимый эффект от таких комбинированных вооруженных сил будет оставаться интегрированным внутри общих усилий проводимой кампании. Целью является достижение двойного баланса. Во-первых, это формирование достаточного количества «правильных партнеров» в родах войск, обладающих возможностями и способных взять частично на себя функции ССН. Во-вторых, создание благоприятных возможностей для прямой поддержки долгосрочного устойчивого развития ССН. Силы специального назначения зависят и будут зависеть от других родов войск и «правильных партнеров», так как не могут полностью взять на себя нагрузку в долгосрочной перспективе. Обеспечение такой поддержки является мандатом сил общего назначения: «Рода войск и/или исполнительные агенты должны быть готовы поддержать специальные операции как можно быстрее, но не позднее, чем через 15 дней после того, как были задействованы ССН»¹².

2.1.2. Сбалансированный подход сил специального назначения в операционной среде иррегулярных военных действий

Успешное оперирование в среде ИВД требует сбалансированного подхода, когда используется весь спектр военных, паравоенных (жандармских) и гражданских действий для достижения успеха. Адмирал Эрик Олсон называет такой подход «сбалансированными военными действиями» (**balanced warfare**), являющийся руководящим для сил специального назначения США в операционной среде ИВД¹³.

Балансирование прямого и непрямого подходов не является чем-то новым, но доктриной, разрабатываемой ССН на протяжении десятилетий. В 1962 году президент Джон Кеннеди, обращаясь к личному составу ССН США касательно того, что понимается под «специальными методами и средствами ве-

дения войны» (**special warfare**), сказал: «Только военные навыки недостаточны. Необходимо смешивать и применять весь спектр военных, паравоенных и гражданских действий, чтобы достичь успеха. Противник использует экономические и политические военные приемы ведения войны, пропаганду и неприкрытую военную агрессию в бесконечных комбинациях для того, чтобы противостоять свободному выбору государств и подавлять права личности через террор, подрывную деятельность и силой оружия. Чтобы победить в этой борьбе, наши офицеры и мужчины должны понимать и комбинировать политические, экономические и гражданские действия с искусными военными усилиями для выполнения этой миссии»¹⁴.

Сбалансированный подход отражен и в стратегии контртеррористической кампании МО США в рамках «Концептуального плана 7500» (**Concept Plan (CONPLAN) 7500**). Разработанный КСО и утвержденный министром обороны, он является руководящим планом внутри МО и поддерживающим в межведомственной среде. «Концептуальный план 7500» обеспечивает фрейм, в рамках которого разрабатываются два метода (стратегии) по воздействию на поведение противника: прямой и непрямой. В то время как прямой метод фокусируется на изоляции и нанесении поражения источнику угроз, в целом через применение оружия и насилия, в той или иной форме, непрямой — на оформлении и влиянии на среду безопасности¹⁵.

Достижимые прямым методом результаты достаточно хаотичны и непредсказуемы и в большинстве случаев краткосрочны. Такие операции проводятся в неотложных случаях и в основном военными. Как следствие, прямой метод не может рассматриваться как основной и решающий. Устойчивые и долгосрочные результаты достигаются через применение непрямого метода, в рамках которого ССН участвуют в строительстве систем безопасности государств партнеров — помогают противостоять иррегулярным угрозам через проведение совместных операций, обучение персонала и личного состава, поставку вооружения и техники, передачу технологий, проведение учений и т.д. К непрямому методу также относятся сдерживание и устрашение государств от скрытой или активной поддержки насильственных экстремистских организаций, если правительства не желают или не в состоянии ликвидировать террористические центры на подконтрольной территории. Такого рода усилия, направленные на оформление и стабилизацию среды безопасности, воздействуют на возможности противника в долгосрочной перспективе. Это «осушение болота» вместо того, чтобы прилагать усилия по захвату или уничтожению всех «аллигаторов»¹⁶. Чаще всего оба метода используются одновременно, дополняя друг друга. Прямой, будучи решительным по своему воздействию и достигаемым результатам, позволяет выиграть время, чтобы успели сработать не прямые методы.

Имплементация сбалансированного подхода

Хотя подходы легко идентифицируются в теории, их трудно различить на практике. Государственные и негосударственные акторы, население, подраз-

деления и пр. не могут быть классифицированы как относящиеся к прямому или непрямому методам, но становятся таковыми через демонстрируемую активность в определенное время. Более того, в демонстрируемом поведении акторов оба метода переплетаются и проявляются одновременно.

Примером могут служить действия ССН США в Ираке. Большую часть времени они планировали и проводили операции вместе с силами безопасности Ирака, которые тем самым получали возможность учиться непосредственно на опыте проведения совместных операций. Конечный эффект такой стратегии заключается в том, чтобы силы безопасности государства партнера были бы в состоянии оперировать самостоятельно, полностью беря на себя задачу противодействия иррегулярным угрозам. Да, на первом этапе это отнимает больше времени и сил, однако оказывается эффективным в долгосрочной перспективе.

Другим примером одновременного использования ССН прямых и непрямых методов может служить Афганистан. За семь месяцев разворачивания в 2009 г. «Многонациональная оперативная тактическая группа по проведению специальных операций» (**Combined Joint Special Operations Task Force**), включавшая до 2 400 личного состава, провела около трех тысяч операций, большая часть из которых планировалась как небоевые, но не исключающие открытие огня. Кроме того, были проведены свыше двух тысяч операций, в которых имел место обмен огнем, в результате которого были убиты или захвачены несколько тысяч боевиков.

Однако, что не менее важно, параллельно проводилась работа с 50 000-ым местным населением, которому оказывалась медицинская помощь различного типа. Также проводились гуманитарные операции, в рамках которых помощь доходила до мест, которые в противном случае не могли бы ее получить. Были установлены 19 местных радиостанций и роздано почти 8000 радиоприемников. Оперативная тактическая группа сдала в строй большое число строительных и инженерных проектов, таких как мосты, ирригационные системы и школы. Работы проводились зачастую в партнерстве с «Агентством США по международному развитию». За семь месяцев разворачивания командиры «оперативных групп Альфа» ССН Армии (**Special Forces A-Team**) участвовали более трехсот раз в организованных встречах с местными лидерами (шуре). Проводились и неофициальные встречи. В целом имели место свыше 1200 встреч различного рода с местными лидерами, которые дали большой эффект на поле боя¹⁷.

Применение сбалансированного подхода не ограничивается только участием в вооруженных конфликтах. КСО применяет его в 60–70 странах, — в основном в рамках участия в операциях по «внутренней обороне» иностранного государств и мероприятиях (действиях) по связям с гражданской администрацией и населением (**civil affairs operations**). В случае участия во «внутренней обороне» иностранного государства усилия фокусируются на повышении внутренней безопасности, в основном через совместное проведение операций и обучение. К проведению операций также привлекаются

«оперативные группы Альфа» ССН Армии, взводы ССН ВМС (**Navy SEAL**), советники по боевой авиации BBC (**Air Force combat aviation advisors**) и «Группы специальных операций морской пехоты» (**Marine special operations team**). Для подразделений сил безопасности государств партнеров, набор в которые проводился на индивидуальной основе, это была возможность приобрести уникальный опыт и наладить личные отношения¹⁸.

Ключом к успеху является применение непрямого подхода на постоянной основе. Это требует выстраивания отношений между военными США и государств партнеров. Речь идет о долгосрочных усилиях, которые должны созреть, прежде чем будут достигнуты желательные эффекты. Проблеме невозможно свести исключительно к выстраиванию военных возможностей государств партнеров и решению задач региональной стабильности. Необходимо выявлять и сдерживать непроявленные угрозы, проводить активную работу с географическими зонами, в которых расположены убежища, учебные базы и лагеря иррегулярных противников. Также должны прилагаться усилия по искоренению причин социальной несправедливости, преследований и запугивания населения, которые становятся эмбрионами террористической и прочей иррегулярной активности.

Результаты такого постоянного и непрерывного вовлечения можно видеть, например, в Филиппинах, где ССН свыше пяти лет помогали вооруженным силам страны в успешных кампаниях против исламистских повстанцев. Также можно привести пример Колумбии, где в течение более десяти лет ССН США помогают вооруженным силам страны в борьбе против левых повстанческих групп «Революционные вооруженные силы Колумбии» (**Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia (FARC)**).

2.1.3. Опыт участия сил специального назначения в иррегулярных военных действиях в Афганистане и Ираке

Хотя Ирак и Афганистан являются очень разными ТВД, обмен опытом на каждом из них создавал условия для инициатив и повышения эффективности ССН. Ирак представлял собой практически идеальную операционную среду со сравнительно развитой инфраструктурой, подходящей под боевые возможности конвенциональных сил простой местностью и пр. Афганистан находится на другом конце спектра операционных сред — географически большой, с крайне сложной местностью, ограниченной и неразвитой инфраструктурой, сложными погодными условиями, большим фрагментированным населением, низкой плотностью войск США и пр.¹⁹.

Как уже говорилось выше, ССН имеют особый статус и оперируют как объединенная оперативная тактическая группа по проведению специальных операций (**joint special operations task force**) в рамках объединенных сил. Однако они также имеют впечатляющую историю в качестве элитных сил, оперирующих самостоятельно. Только относительно недавно было

признано, что в операционной среде ИВД силы специального назначения должны быть более транспарантными и готовыми оперировать в команде, в состав которой входят и прочие рода войск. При этом командующие ССН, родов войск и руководители ведомств, входящих в команду, являются ключевыми фигурами в поддержке большей транспарентности в своих достаточно изолированных организациях²⁰.

Как говорит генерал Стэнли МакКристал (**Stanley McChrystal**), Командующий «Объединённым командованием специальных операций» в 2003–2008 гг., «американский путь войны предполагает культуру превосходства, блеска, когда военный задается вопросами: «Как хорошо я могу выполнить свою задачу? Как хорошо я могу летать на своем самолете, бросать бомбы, локализовать цели противника?» Однако гораздо важнее, как эти части сводятся вместе. Действительное искусство, когда строится мост, это иметь людей, готовых двигаться по нему и получать преимущество благодаря наличию моста. В данном случае это кооперация с гражданскими агентствами, конвенциональными силами, попытки свести всех вместе. Именно в этом заключается искусство войны и ее наиболее трудная часть»²¹.

Первые серьезные изменения внутри ССН произошли, когда они были направлены дополнить усилия других родов войск и служб в военных кампаниях, проводимых США в Афганистане и Ираке. Война показала, что ССН обладают большими возможностями, лучшей выучкой и находятся вне конкуренции в бою. Столь высокая эффективность позволила понять, что ССН должны не только проводить специальные операции, но синхронизировать усилия в рамках широкой кампании на ТВД. Только тактические и операционные успехи ССН не позволяют достичь стратегического эффекта, если они не включаются в общий контекст военной кампании. Когда не принимается в расчет, «что ты делаешь в стране и на ТВД, то это будет путем неудачника и лузера»²². Понимание необходимости такого взгляда и подхода потребовало длительных усилий и появилось в конце 2005 года. Далее взаимодействие с конвенциональными силами постоянно улучшалось, хотя общий уровень синхронизации оставлял желать лучшего. До 2006–2007 гг. ССН полностью не втягивались в усилия конвенциональных сил в Ираке²³.

Таким образом, высшее командование выбрало максимизацию эффективности и достижение эффектов, которые ранее не входили в компетенцию ССН. При этом ССН внутри команды, проводящей кампанию в среде ИВД, фокусировались на достижение основных боевых эффектов, в то время как прочие формирования и организации обеспечивали дополнительные²⁴. Увеличение размера команды требовало от командования ССН дипломатических навыков, чтобы успокоить его ядро (ССН) и привлечь на свою сторону скептически настроенных к новосозданному «большому тенгу» внешних членов команды²⁵.

ССН смогли преодолеть тяготеющую к изоляции внутреннюю культуру, стать более прозрачными и в результате достаточно быстро достигли синер-

гетического усиления достигаемых большой командой общих эффектов*. Результаты во многом были достигнуты благодаря генералу Стэнли МакКристаллу: «как глава Объединенного КСО США... МакКристалл наблюдал, следил, надзирал за развитием беспрецедентной в истории современных военных действий машины точного убивания (**precision-killing machine**)». Генерал, чей «масштаб и гениальность» будут полностью оценены по достоинству «в следующие десятилетия, когда будет снята завеса секретности»²⁶.

Взросший обмен информацией между ССН и остальными членами команды позволил задействовать возможности конвенциональных сил для решения ряда задач, стоящих перед коалицией²⁷. Успешная кооперация и достигаемые на поле боя результаты демонстрировали, что комплементарные операции оказываются более эффективными, нежели односторонние, проводимые только ССН или конвенциональными силами²⁸.

В начале 2003 года Ирак становится основным театром военных действий для ССН, на котором ответственность и достигаемые эффекты последних расширялись далеко за пределы прежних возможностей. Для решения поставленных задач был выбран курс действий, опирающийся на сетевое мышление, основной постулат которого звучал как «сети наносят поражение сетям, а командная игра является интегралом, усиливающим сеть»²⁹. «Первое, что произошло, когда я возглавил КСО в конце 2003 года, стало понимание того, что мы нуждаемся в гораздо лучшем осмыслении проблемы. Для этого мы должны были стать сетью, так как в каждый момент времени что-то случалось. Необходимо было собирать разведанные, анализировать их и извлекать опыт из очень быстрых потоков информации», говорит Стэнли МакКристалл³⁰.

КСО удалось создать сеть беспрецедентной эффективности, которая одновременно оперировала на множестве ТВД и достигала впечатляющих успехов на каждом из них. «Сеть имела чрезвычайно большой географический размах, когда порой мы присутствовали в 27 странах одновременно. Внутри Ирака ССН присутствовали в 20 и 30 местах одновременно, и все подразделения были связаны при помощи современных технологий, но также личными взаимоотношениями, что давало возможность учиться и выстраивать отклик на постоянно разворачивающиеся вызовы»³¹. Переход к сетевому мышлению стал результатом долгой эволюции. Работа в сети давалась нелегко — «необходимо было забраться на культурный холм», так как «сеть представляет собой угрозу позиции и персональной роли отдельных лиц в организации. Люди не чувствовали себя комфортно. Им казалось, что они потеряют привычную и любимую автономию, если постоянно будут на связи (в сети) и выдавать информацию вовне. Но если ты хочешь,

* Описание процесса и институциональные изменения в ССН отражены в статье **McChrystal, It Takes a Network** и книге **Schmitt, Eric and Thom Shanker. Counterstrike: The Untold Story of America's Secret Campaign Against Al Qaeda**. NY: Times Books, Henry Holt and Company, 2011, pp. 91–92, 98.

чтобы организация оперировала как сеть, нахождение в связи является ключевым моментом». Необходимо было преодолеть культурные ограничения, мышление. Сеть позволяет сделать обмен информацией быстрее и, если «организации не готовы двигаться быстрее, то процессы принятия решений перегружаются информацией, которая течет вокруг них, что приводит к массе проблем»³².

КСО постоянно улучшало применяемые тактики, методы и процедуры (**tactics, techniques and procedures (ТТPs)**) и стало обучающей организацией, которая заслуженно гордилась дисциплиной и процедурами анализа и оценки результатов проведенных действий (**after-action review procedures**). КСО не просто классифицировало и упорядочивало уроки каждой операции, но доводило результаты анализа до остальных членов команды, тем самым постоянно повышая ее эффективность. Засекреченная статистика боевых действий ССН говорит о непрерывном увеличении эффективности по всем метрикам³³. КСО, как обучающаяся организация, внесло большой вклад в успех конвенциональных сил в Ираке³⁴, став катализатором беспрецедентной междуведомственной кооперации и междуведомственной координации³⁵. Возрастающая транспарентность и кооперация ССН с конвенциональными силами в операционной среде ИВД играет интегральную роль в общем организационном росте вооруженных сил³⁶.

Цикл целеполагания (F3EA). Эволюция методов проведения операций (тактики, методы и процедуры) ССН демонстрирует развитие и совершенствование цикла целеполагания, известного как «найти, зафиксировать, завершить, развивать и анализировать» (**Find, Fix, Finish, Exploit and Analyze (F3EA)**), делающего упор на исследовании и анализе. Цикл показал свою эффективность в операционной среде ИВД и хорошо известен в конвенциональных силах. Он описан в журналах и обсужден в ряде профессиональных школ Армии³⁷.

Стэнли МакКристал так объясняет основные этапы цикла. «Вы знаете кто или что является целью, вы локализуете, определяете ее местонахождение, вы захватываете или убиваете ее, вы собираете имеющиеся разведданные от населения, технических систем или документов, вы анализируете их, и затем возвращаетесь к началу и повторяете цикл сначала, но уже будучи более умными и находчивыми». Когда начиналось совершенствование цикла целеполагания, каждый из пяти шагов выполнялся различными структурами КСО и агентствами системы НБ. Как следствие, обмен информацией происходил медленно и с искажениями. В 2003 году во многих случаях завершение цикла по конкретной цели занимало недели. В этих условиях была поставлена и решена задача уменьшения количества шагов в цикле, а КСО научилось извлекать уроки, которые могли бы быть использованы в другой операции. «За два года мы могли пройти по циклу три раза за ночь. Мы могли захватить кого-то, собрать разведданные, пойти еще за кем-то и делать это трижды за рейд, причем у нас не было знаний в начале ночи о существовании двух других людей, которых мы захватывали».

«В августе 2004 оперативно-тактическая группа ССН провела в Ираке 18 рейдов — точных, с высоким процентом успеха — и это была уже опасная скорость, работа на пределе. Два года спустя в августе 2006 года проводилось уже 300 рейдов в месяц — 10 за ночь. Это означало, что сеть работает со скоростью, которой никогда не было до этого»³⁸. Такое повышение эффективности и скорости стало возможным благодаря децентрализованному принятию решений, которое требует доверия к подчиненным и делегирования им права самостоятельно принимать решения и оперировать. «Имеющееся у меня доверие было использовано, чтобы ослабить контроль и прямое управление подчиненными командирами. Я позволял, ободрял и требовал от команды двигаться вперед, и они росли, становились более эффективными при каждой возможности»³⁹.

Тактические и технологические инновации. Хотя операционные, ментальные и культурные изменения являлись наиболее важными элементами успеха, имелись также тактические и технологические инновации. В первую очередь, это наличие глобальной системы позиционирования и использование приборов ночного видения, в том числе и на летательных аппаратах. ССН были полностью экипированы приборами ночного видения и лазерными системами наведения, что позволяло доминировать в ночных боях и операциях. Также большим прорывом стало использование беспилотных летающих аппаратов (БПЛА), а также возможность посылать данные или видеоряд командованию или полевым силам в реальном масштабе времени. Это «позволяло видеть поле боя с высоты птичьего полета, даже если вы находились на земле в грязи и слякоти»⁴⁰.

Традиционно, если для поражения цели необходим был отряд из 20 командос, посылались 120, так как необходимо было сохранять секретность места выполнения боевой задачи. Кроме того, необходимо было обеспечить командование и управление рейдом, прочие виды обеспечения, чтобы справиться с неожиданным развитием событий. Однако если у вас есть хорошая ситуационная осведомленность и коммуникации, можно посылать только 20 командос, так как вы владеете «всей картинкой» и при необходимости можете маневрировать силами. Как результат, «вместо одного рейда с участием 120 командос мы начали проводить 6 рейдов одновременно, получив возможность проводить 300 рейдов в месяц»⁴¹.

ССН в Афганистане после 2010 года. Ирак оставался в фокусе ССН до 2010 года, когда они вновь были переориентированы на Афганистан, где стали ядром большой команды, требующей межведомственной координации и разрушения внутренних барьеров⁴². При этом ССН изначально боролись за расширение концепции команды, когда именно конвенциональные силы становились собственниками (основным актором) пространства боя (**battlespace owners (BSOs)**) и ответственными за оперирование во множестве географических зон. Директива командующего ССН обеспечила необходимую концептуальную поддержку, транспарентность и обмен разведанными, что вместе с налаживанием координации усилий между членами

команды вновь позволило достичь комплементарных и, порой, синергетических эффектов⁴³.

В начале 2009 года адмирал Уильям МакРавен (**William McRaven**) сменил на посту командующего «Объединённого КСО» генерала МакКристалла*. Хотя к этому времени ССН уже оперировали в Афганистане восемь лет, командующий «Объединённого КСО» заметил, что за этот период времени некоторые из основных акторов пространства боя больше сдерживают свободу действий ССН, нежели противник, афганские силы безопасности или правительство. Серия событий привела к появлению директивы взять тактическую паузу, чтобы переосмыслить и оценить заново усилия и стратегию ССН в Афганистане. Результаты анализа показали, что недостаток транспарентности в команде прямо сказывается на свободе действий ССН⁴⁴.

Следствием стала директива командующего «Объединённого КСО», в рамках которой планировщикам приказывалось подготовить свои предложения по повышению свободы действий ССН. Планировщики рекомендовали изменить методологию целеполагания ССН, что было прямо связано с функциями основных акторов пространства боя и способами координации усилий. Рекомендации, как и в Ираке, шли против существующей организационной культуры ССН и фокусировались на транспарентности. Новая стратегия ССН (в Афганистане) была принята в феврале 2009 года и начала проводиться уже весной. Подразделения ССН были обязаны выстроить отношения с конвенциональными силами, основными акторами пространства боя, вплоть до батальонного уровня. Личный состав ССН должен был развивать и обмениваться тактиками, методами и процедурами с основными акторами, что позволило организовать быстрый обмен разведанными, целеполаганием и пр. В ответ конвенциональные силы также инициировали быстрые обмены информацией с ССН. В дополнение к циклу целеполагания «найти, зафиксировать, завершить, развивать и анализировать» ССН получили возможность шире использовать сеть для повышения эффективности проводимых операций. Обмены в сети происходили, начиная от батальонного уровня вплоть до «командования международными силами содействия безопасности в Афганистане (**International Security Assistance Force (ISAF)**)»⁴⁵.

Создание «Многонациональной оперативной тактической группы по проведению специальных операций — Афганистан» (**Combined Forces Special Operations Component-Afghanistan**) в начале 2009 года позволило обеспечить непрерывное управление ССН — от племенного уровня до национального. При этом ССН оставались интегрированными в общую воен-

* В июле 2010 генерал Стэнли МакКристал подал в отставку после почти 35 лет службы в ССН, в которых он прошел по всем ступеням карьерного роста вплоть до командующего Объединённым КСО США и международными силами в Афганистане. После отставки Стэнли МакКристал опубликовал мемуары **McChrystal, Stanley General. My Share of the Task: A Memoir**. US: Portfolio Trade, 28 January, 2014.

ную кампанию и продолжали усилия, позволяющие переместить фокус с афганских вооруженных сил на гражданские силы безопасности. Такая смена фокуса критически важна для выполнения военно-гражданского плана, интегрирующего все элементы национальной мощи и межведомственные усилия США, а также усилия международных партнеров по поддержке правительства Афганистана⁴⁶.

Выводы

На сегодняшний день имеется явный недостаток в стратегической литературе и убедительной теории ССН и специальных операций. Среди немногих работ Колин Грей рекомендует книгу Джейма Кираса «Специальные операции и стратегия»⁴⁷, а также работу Дерек Либерта «Бросать вызов и завоевывать: Специальные операции и судьбы наций от Ахиллеса до Аль-Каиды»⁴⁸. Какова роль сил специального назначения в операционной среде ИВД, являются ли они ключевым элементом успеха? Ответить на данные вопросы можно, если учитывать общий контекст длительных военно-гражданских усилий, которые требуются для достижения устойчивого успеха. ССН могут быть эффективными, если это позволяют операционная среда и система командования и управления военно-гражданской кампанией. Силы специального назначения должны работать в большой команде, в противном случае их уникальный потенциал в целом будет растрочен. Если реализуемая стратегия ущербна, ССН не в состоянии спасти дело и обеспечить успех.

Основная нагрузка в операционной среде ИВД ложится на конвенциональные силы, высшее военное руководство которых пропитано культурой маневренной войны и решений, основанных на применении огня. Как следствие, оно будет стремиться использовать возможности ССН для более эффективного выполнения задач, которые уже решаются. Например, когда силы специального назначения применяются как наводчики целей для удаленных систем вооружения. Можно вспомнить афганские успехи и опыт 2001–2002 гг., когда ССН выполняли такие функции⁴⁹.

«В чем опасность сил специального назначения?» — задает вопрос генерал Стэнли МакКристал. «Вам нравится, что они работают чисто, с небольшим риском и почти без боли. Именно поэтому многие президенты в начале оказываются очарованы ЦРУ, так как они предлагают закрытые решения и «затычки» сложных проблем. Но если обратиться к истории, то можно увидеть, что ни одна из таких скрытых «затычек» не позволяла решить проблему в долгосрочной перспективе». Специальные операции необходимы, но они не являются «легкой тропой» для решения проблем операционной среды ИВД⁵⁰. Большая часть тех, кто говорит о ССН, как о «серебряной пуле» для проблем операционной среды ИВД, плохо представляют, о чем говорят. «Не может быть какого-либо решения, опирающегося только на силы специального назначения, и они могут быть жизненно важной частью решения там, где оно возможно»⁵¹.

Силы специального назначения являются наиболее ценным ресурсом вооруженных сил, основная мощь которых — это личный состав, оперирование которого в других родах войск, структурах системы НБ происходит на принципах сети⁵². Как следствие, ССН только выигрывают от транспарентности, когда ее собственные возможности дополняются возможностями других акторов. Успех в достижении баланса между необходимостью обеспечить секретность и транспарентностью, совместное извлечение уроков позволяют создать более успешные команды и могут служить стандартом при их создании и сопровождении⁵³. Высшее военное руководство должно целенаправленно сопровождать, расширять и усиливать сети сетей, обучать или маргинализировать не желающих работать в сети предрешенных личностей, которые несут угрозу комплементарности и интегрированным эффектам и, как следствие, свободе действий ВС США⁵⁴.

Уже накопленный опыт говорит о критически важной роли командующих и руководителей ведомств и организаций, которые могут способствовать фокусированию высшего военно-политического и стратегического руководства на необходимости лучшей координации и кооперации усилий различных родов войск и прочих организаций для достижения комплементарных и синергетических эффектов. Такие лидеры могут стать катализаторами пересмотра объединенной доктрины, с целью усилить межведомственное взаимодействие и координацию. Движение в данном направлении требует изменения организационной культуры, и инновационные лидеры могли бы задать тон для создания команд, работающих на принципах сети, способствуя тем самым качественному расширению возможностей объединенных сил⁵⁵.

2.2. ВМС в операционной среде иррегулярных военных действий

Ранняя история ВМС США полна примеров участия в контрповстанческих и прочих иррегулярных операциях и противостояния иррегулярным вызовам. Хотя Альфред Тайер Мэхэн считал, что «ВМС наилучшим образом используются для нахождения и уничтожения флота противника»⁵⁶, история говорит о множестве операций, которые проводились не против флотов противника. Более того, данный тренд остается влиятельным и сегодня, когда ВМС принимают участие в активности на диапазоне от поддержки интервенции в Ливии и баллистической поддержки Европы до обеспечения гуманитарной помощи странам, страдающим от стихийных бедствий и техногенных аварий.

2.2.1. Определение, характеристика и применение морских иррегулярных военных действий

Определение и характеристика морских иррегулярных военных действий

Исследования, фокусирующиеся на морской компоненте операционной среды ИВД, довольно редки, и существующие концепции не фокусируются на требованиях и возможностях, связанных с морем. Тем не менее, концепция ИВД только выиграет, если признает важность морских операций. Хотя ВМС в ИВД часто используются только для поддержки наземных операций, морские операции имеют заметное преимущество в терминах мобильности, свободы маневра и способности оставлять меньшие и/или менее заметные следы присутствия в стране пребывания. Сухопутные силы США несут большую часть нагрузки по проведению ИВД, однако необходимо говорить о существовании проблемы оценки стратегического потенциала, операционных и тактических характеристик морских ИВД.

Такая постановка проблемы приводит к необходимости найти ответы на вопрос, какие морские операционные возможности могут быть наиболее релевантными в операционной среде ИВД. Какие структурные изменения должны быть внесены в ВМС, чтобы они оказались способны поддерживать и проводить операции в среде ИВД. Для формирования ответов необходимо сформулировать основные принципы, акторов, стратегию и тактику морских ИВД, опираясь при этом на анализ уже проведенных операций.

В рамках исследования РЭНД «Описание и исследование применений морских ИВД» на основе методологии компаративных ситуационных исследований рассматриваются морские ИВД, в которые могут быть вовлечены США и его союзники⁵⁷. Проводится углубленное исследование операции «Несокрушимая свобода — Филиппины», которая рассматривается как эталонный случай ИВД в среде архипелага. Затем проводится сравнение данного случая с рядом других морских ИВД, подобранных с целью показать многообразие акторов, тактик и стратегического контекста.

Как уже говорилось выше, корпус текстов по ИВД не уделяет достаточного внимания теме морских операций. «Управление иррегулярных военных действий ВМС» (**Navy Irregular Warfare Office**) определяет ИВД следующим образом: «ИВД придает особое значение использованию не прямых, неконвенциональных методов и средств, чтобы ниспровергать, наносить значительные потери и истощать противника или делать его скорее иррелевантным, нежели наносить поражение через прямую конвенциональную военную конфронтацию»⁵⁸. Определение наглядно показывает, что даже внутри ВМС морская активность в среде ИВД не упоминается, и концепция морских ИВД разрабатывается как на основе анализа доктринальных документов, относящихся к ИВД, так и ситуативных примеров.

В исследовании РЭНД анализируется восемь исторических случаев операций в среде ИВД, включавших морскую компоненту. Выбранные случаи,

приведенные в Таблице 2, формируют сбалансированный список операций, различающихся в терминах контекста, акторов, стратегий и тактик. Таблица организована в соответствии с типами дружественных и вражеских сил.

ТАБЛИЦА 2. Примеры морских иррегулярных военных действий, организованных по акторам, включенным в дружественные конвенциональные силы

Конвенциональные силы противника	Иррегулярные силы противника
<p>Холодная война — разведка, наблюдение, рекогносцировка (силы упреждающего удара против подлодок класса Тифон)</p> <p>Холодная война — разведка, наблюдение, рекогносцировка (Локхид Р-3 Орион, авианосная ударная группа против советской корабельной группы, Ту-95)</p> <p>Разведка, наблюдение, рекогносцировка против СССР, Китая, Северной Кореи</p>	<p>Вьетнам — операция «Игра Вардена», операция «Коронадо», операция «Sealords»</p> <p>Ливия — операция Каньон Эльдорадо</p> <p>Ливан — поддержка огнем авианосцем ВМС США «Нью-Джерси»</p> <p>Шри Ланка против «Морских тигров»</p> <p>Соломоновы острова — региональная миссия поддержки для Соломоновых островов</p> <p>Израиль против Хезболла</p> <p>Операция «Несокрушимая свобода», Африканский рог, удар ракетами «Томагавк» в Сомали</p> <p>Мумбаи — «Лашкар-э-Тайба»</p> <p>Контрповстанческие/контртеррористические/контрнаркотические операции в Колумбии</p> <p>Объединённая оперативная группа 150–151 у побережья Африканского рога</p>
<p>Вторая мировая война — спецназ ВМС в Заливе свиней</p> <p>Вьетнам — операция «Рыночное время»</p> <p>Панама — операция «Только причина»</p> <p>Никарагуа — минирование портов</p> <p>Персидский залив — операция «Серьезная воля»</p> <p>Ирак — операция «Буря в пустыне, фазы 1, 2)</p> <p>Ирак — операция «Свобода Ираку», фазы 1, 2)</p>	<p>Вьетнам — операция «Sealords»</p> <p>Персидский залив — операция «Серьезная воля»</p> <p>Операция «Несокрушимая свобода» — Филиппины</p> <p>Израиль против Хезболла</p> <p>Мумбаи — «Лашкар-э-Тайба»</p> <p>Испания против Со-Сан (северо-корейское грузовое судно)</p>

Дружественные иррегулярные Дружественные конвенциональные силы

Проведенный авторами исследования анализ показал, что морские ИВД включают в себя как иррегулярные, так и конвенциональные военные действия, проводимые как иррегулярными, так и конвенциональными силами с обеих сторон. Чтобы классифицировать ту или иную активность как морские ИВД, требовалось, чтобы хотя бы один из акторов был иррегулярным: «Для целей этой концепции, иррегулярными угрозами являются такие угрозы, которые реализуются а) негосударственными акторами и б) государственными акторами, которые используют иррегулярные методы. Концепция признает, что иррегулярные методы могут также быть использованы против государственных акторов, которые представляют собой более или менее конвенциональные угрозы. Однако данный случай не является фокусом данного ОКБД»⁵⁹.

В список входят операции, включавшие действия дружественных сил специального назначения против конвенциональных или иррегулярных сил противника, а также случаи действия дружественных конвенциональных сил против иррегулярных сил противника:

1. США во Вьетнаме:

Военные действия США по обеспечению морской безопасности в рамках операции «Только причина» (**Market Time**) у берегов Вьетнама, 1965–1973 гг.

Контрповстанческие действия США в рамках операции «Игра Вардена» (**Game Warden**) во Вьетнаме в дельте Меконга, 1965–1968 гг.

Боевые действия США в рамках кампании «Коронадо» (**Coronado**) во Вьетнаме в дельте Меконга, 1967–1968 гг.

Контрповстанческие действия США в рамках операции «Sealords» во Вьетнаме в дельте Меконга, 1968–1971 гг.

2. Военные действия США в рамках неконвенциональной войны в Никарагуа, 1981 г.

3. Военные действия в рамках неконвенциональной войны против «Морских тигров» из «Тигры освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке, 1984–2009 гг.

4. Контрнаркотические действия США в Колумбии, с 1990 г. по настоящее время.

5. Контрповстанческие и контртеррористические действия США по поддержке ВС Филиппин в рамках операции «Несокрушимая свобода — Филиппины», с 2001 г. по настоящее время.

6. Атака «Лашкар-э-Тайба» (**LeT**) в Мумбаи, Индия, 2008 г.

7. Военные действия США по обеспечению морской безопасности в рамках «Объединённой оперативной группы 150–151» (**CTF-150, 151**) у побережья Африканского рога, с 2002 г. по настоящее время.

8. Контрпиратские действия США в рамках «Объединённой оперативной группы 151» у побережья Африканского рога, с 2002 г. по настоящее время⁶⁰.

2.2.2 Типы операционной активности морских иррегулярных военных действий

Концептуальный базис морских иррегулярных военных действий

Как уже говорилось выше, операционная среда морских ИВД включает, как минимум, одного иррегулярного актора и следующие типы военной активности:

- воспреещение боевого и прочих видов обеспечения противника, а также пополнения личного состава;
- участие в строительстве и развитии возможностей ВМС партнера; и
- высадка подготовленных сил (десанта).

Также можно говорить о трех больших типах операционной активности в среде морских ИВД:

- внешние операции (**external operations**);
- строительство и развитие возможностей партнеров (**building partner capacity**); и
- внутренние операции (**internal operations**).

Типы операций показаны на Рисунке 3, ранжированные по степени вовлеченности ВМС США в процессы в стране пребывания или государства-партнера⁶¹.

Внешние операции, строительство и развитие возможностей партнеров, а также внутренние операции могут рассматриваться как компоненты морских ИВД, когда они включают морские силы или плавсредства, размещенные на передовых операционных базах, базах подскока или происходят в морской среде. Рассмотренные ниже данные типы операционной активности, вместе с определением морских ИВД, играют роль концептуального базиса (фрейма)⁶².

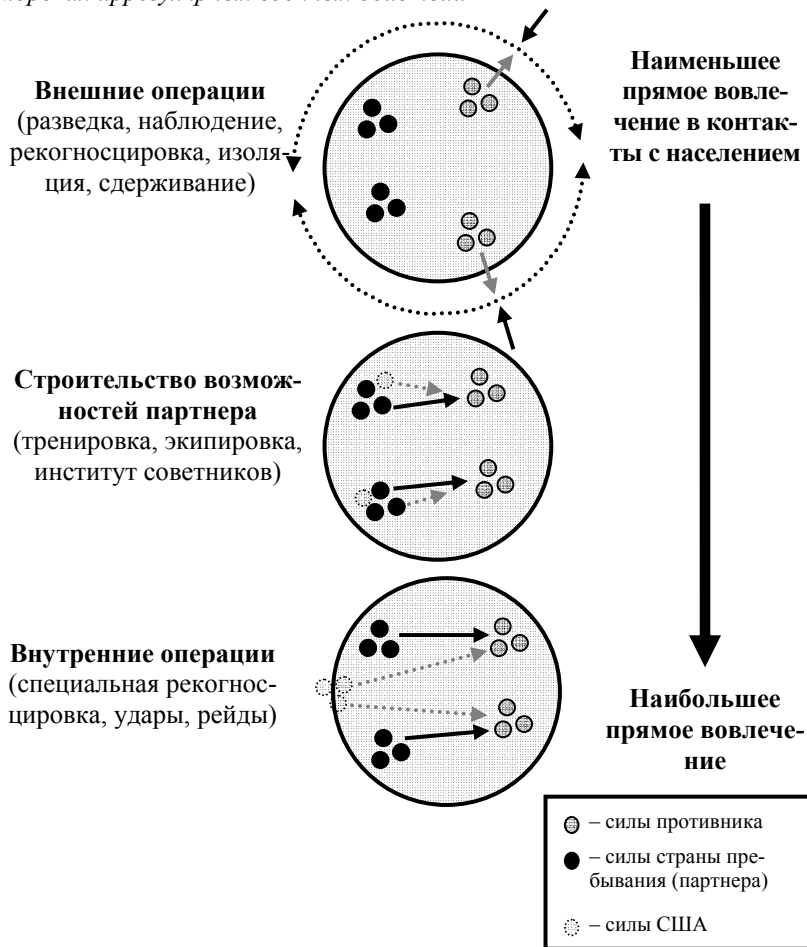
Внешние операции. При проведении внешних операций ВМС США или коалиции оперируют в международных или территориальных водах государства партнера, а также в международном воздушном пространстве. Внешние операции имеют целью изолировать противника, воспреещая внешнюю поддержку или поступление боевого и прочих видов обеспечения в зону операций, а также сдерживание распространения влияния за пределы зоны операции.

Внешние операции могут включать следующие задачи:

- разведка, рекогносцировка и наблюдение;
- создание запретных зон, посредством тщательного досмотра и контроля, а также пресечения незаконной деятельности на море (**maritime interdiction**); и
- обеспечение бесполетной зоны.

Так как операции проводятся не среди населения, то они оказываются не ограничены в какой-либо значительной степени в терминах огня, присутствия и конвенциональных возможностей.

РИСУНОК 3. Диапазон операционной активности морских иррегулярных военных действий

Строительство и развитие возможностей партнеров. В рамках данной активности США и коалиция оказывают государству-партнеру помощь по тренировке и экипировке, в том числе в рамках института советников, участвуя в развитии возможностей его ВМС. Данный тип активности обычно требует от советников высадки в зону операции и участия в непосредственных контактах с местным населением и вооруженными силами государства партнера. Операции по построению возможностей партнеров оказываются ограниченными настолько, насколько население готово принимать присутствие данных сил. Они являются относительно непрямыми, по сравнению с внутренними операциями, но более прямыми, нежели внешние.

Внутренние операции. В рамках данной активности вооруженные силы США или коалиции участвуют в прямых операциях среди местного населения против противника государства-партнера, а также в непрямых операциях по оказанию помощи государству-партнеру. Внутренние операции в среде морских ИВД включают удары, рейды, атаки и штурмы, имея целью истощить противника до уровня, на котором партнер может успешно оперировать самостоятельно. К внутренним операциям также относят медицинские эвакуации, усиление сил быстрого реагирования, поддержку всех видов обеспечения, морской мобильный ввод или вывод сил партнера, аэромобильный ввод или вывод сил партнера, миссии специальной разведки и военно-гражданские операции.

Внутренние операции являются наиболее прямым типом операций и непосредственно соприкасаются с населением страны пребывания, вооруженными силами государства партнера и силами противника, беря на себя значительную часть функций по обеспечению безопасности. Как следствие, они оказываются наиболее чувствительными в вопросах восприятия местным населением того, что является легитимным и допустимым. Неразборчивое и чрезмерное применение силы, приводящее к большим разрушениям и высокой смертности среди населения, зачастую оказывается контрпродуктивным и может ухудшить восприятие населением США и коалиции.

Спектр стратегических сценариев, относящихся к морским иррегулярным военным действиям

Можно говорить о стратегических сценариях морских ИВД, располагающихся на диапазоне от сценариев, предполагающих малое вовлечение и формы насилия (например, кампании против пиратства и наркотрафика), до военных кампаний с применением методов неконвенциональной войны или контрповстанческих операций⁶³. Каким образом типы операционной активности рассмотренного выше фрейма могут быть задействованы в рамках того или иного сценария, можно показать на примере борьбы с пиратством «Объединенной тактической группы-151» у Африканского рога у берегов Сомали. Коалиция, проводя внешние операции, предотвращала атаки пиратов на моряков (которые рассматривались как партнеры коалиции в данном случае), а также ограничивала ресурсы, поступающие к пиратам с берега. Силы коалиции помогали торговым судам средствами коммуникации. В случае, когда пираты захватывали корабль, они могли проводить внутреннюю операцию для освобождения корабля и экипажа. Активность в рамках строительства возможностей партнеров ограничивалась усилиями по тренировке, экипировке и советам судовым командам, помогающие им защититься самостоятельно. Также оказывалась помощь в форме усиления судовых команд командами безопасности, находящимися на борту, которые действовали как партнеры «Объединенной тактической группы-151». Хотя определение морских ИВД не требует обязательного присутствия всех трех типов операционной активности, в данном примере они присутствуют.

Концептуальный базис морских ИВД позволяет выявить типы военной и прочей активности, не относящиеся к ним. Например, только гуманитарная помощь, помощь при бедствиях, военно-гражданские операции, небоевые эвакуации не могут квалифицироваться как ИВД, если не являются частью более широкой кампании. Например, военно-гражданские операции в Ираке, Афганистане или Филиппинах являлись важными компонентами контрповстанческих кампаний, в рамках которых США и коалиция выстраивали инфраструктуры и повышали легитимность партнеров. Однако военно-гражданские операции в Корее не квалифицируются как ИВД. Операции США, имеющие целью прямое влияние на конвенционального оппонента, такие как разведка, наблюдение, рекогносцировка у берегов Северной Кореи или обеспечение свободы судоходства рядом с Китаем, также не рассматриваются как ИВД или морские ИВД, так как в этих случаях отсутствуют рычаги для непрямых операций, а также партнеры или население, безопасность которых находится под угрозой.

Концептуальный базис морских ИВД позволяет понять, какие морские операции могут быть включены в ИВД доктринально и на практике, и каким образом объединенные операции могут внести свой вклад в цели и задачи ИВД в морской среде. Это позволяет выработать рекомендации касательно стратегических, операционных и тактических возможностей морских ИВД.

Диапазон возможностей противников США в морских иррегулярных военных действиях

В исследовании РЭНД оцениваются угрозы, а также диапазон возможностей противников США в будущих морских ИВД на основе исторических и текущих примеров оперирования в такой среде. В качестве примеров рассматриваются борьба с наркокартелями в Колумбии, активность морского крыла «Тигров освобождения Тамил Илама» (**Sea Tigers wing of the Liberation Tigers of Tamil Eelam (LTTE)**) в Шри-Ланке в 1984–2009 гг., террористическая атака «Лашкар-э-Тайба» в Мумбаи в 2008 году и текущие угрозы пиратства в районе Африканского рога⁶⁴. Анализ показал, что противники в среде морских ИВД обладают широким спектром технических возможностей, зачастую хорошо организованы, блестяще адаптированы к возможностям разведки, наблюдения и рекогносцировки США и используют эффективную тактику рекрута новых бойцов.

Адаптивный, технически хорошо экипированный и опытный иррегулярный противник в состоянии бросить вызов США. Это означает, что перед тем, как начать оперировать в среде морских ИВД, критически важно иметь компетентную текущую оценку возможностей противника. Силы США и партнеров должны быть осведомлены, каким образом иррегулярный противник может адаптироваться, если будет обладать достаточным временем для этого. Это наглядно видно на примере борьбы с наркотрафикингом в Колумбии, когда наркокартели переключались с перевозки крупных партий кокаина большими кораблями к переброске небольших партий,

транспортируемых малыми рыболовными траулерами или высокоскоростными лодками. Изменения были инициированы рядом удачных перехватов больших партий наркотиков между 2002–2006 гг. Наркокартели также стали усиленно использовать полупогружающиеся или полностью погружающиеся подводные лодки. Практика, которая набирает оборот вместе с ростом возможностей ВМС США и Колумбии по перехвату быстрых лодок.

Когда иррегулярные противники не имеют возможности использовать высокотехнологическое оружие и технологии, они, тем не менее, могут представлять собой серьезную угрозу. Можно сослаться на пример технически искусного использования возможностей морских ИВД морским крылом «Тигров освобождения Тамил Илама», которые достигали преимущества как за счет использования инновационных тактик, так и простого и эффективного использования стандартных морских технологий.

Сомалийские пираты также обычно экипированы низкотехнологичным оружием и оборудованием. Однако, несмотря на относительно низкий уровень технологического мастерства, они демонстрируют способность действовать далеко в море и часто обладают закрытыми знаниями касательно характеристики кораблей и перевозимого груза, которые находятся в пределах досягаемости и могут быть атакованы. Они также обладают хорошими навыками разведки и наблюдения. В целом это позволяет пиратству в районе Африканского рога добиваться значительных финансовых результатов за счет относительно небольших инвестиций, необходимых для поддержания атак.

Еще один вывод оказывается связан со способностью иррегулярного противника эффективно использовать методы террора в рамках морских ИВД. Использование моря позволяет боевикам обходить пограничные системы и систему безопасности аэропортов. Также может применяться тихий захват и использование небольших местных кораблей. Боевые группы на небольших кораблях могут смешиваться с локальным прибрежным трафиком, получая дополнительное время, которое используется для планирования и отдыха непосредственно перед началом террористической атаки. Наконец, использование моря позволяет террористам выбирать точное место высадки и маршруты инфильтрации.

Однако противник, использующий террористические методы, может столкнуться и с рядом неблагоприятных условий при использовании морского подхода к цели, некоторые из которых можно видеть на примере «Лашкар-э-Тайба» в Мумбаи:

- после того как боевики приступили к развернутому, широкомасштабному штурму в городских условиях, они с трудом покидали зону операции;
- транспортировка большого количества взрывчатого вещества на борту малых рыболовецких траулеров может быть рискованной. Как следствие, удар с моря оказывается ограниченным по мощи и опирается в основном на стрелковое оружие;
- возникает проблема заброски в целевой город групп разведки и рекогносцировки, которые обеспечили бы преимущество при атаке. Это по-

зволяет квалифицированным разведслужбам государства перехватывать такие группы, разрушая планы штурмовых групп еще до начала атаки; и

- использование моря не позволяет террористической команде полностью рассредоточиться во время высадки на берег. Даже если высадка осуществляется с нескольких небольших лодок, перехват хотя бы одной значительно уменьшает боеспособность и эффективность атакующих.

2.2.3. Принципы институционализации и проведения иррегулярных военных действий ВМС

Предлагаемое выше определение морских ИВД включает как иррегулярные, так и конвенциональные военные действия, возможно разнесенные во времени, которые ведут как иррегулярные, так и конвенциональные силы, против иррегулярного или конвенционального противника. Комбинация привлекаемых акторов и методов определяет, может ли данная военная активность квалифицироваться как морские ИВД. Для этого, как минимум, один актор должен быть иррегулярным, а операции и тактика должны включать морскую среду или реки. Предлагаемая концепция тем самым переступает пределы ранних доктринальных определений ИВД, фокусирующихся на акторах. Морские ИВД включают операционную активность, в рамках которой государства обеспечивают некоторую форму помощи партнерам (как государственным, так и негосударственным акторам) в рамках непрямых операций⁶⁵. Морские ИВД, как и определяемые в доктринальных документах ИВД, включают в качестве фокуса население, над которым как противник, так и дружественная коалиция пытаются добиться влияния и легитимности.

Институционализация иррегулярных военных действий в ВМС

В статье Джона Сандоза (**John Sandoz**) «Институционализировать фокус на «Иррегулярные военные действия» в ВМС»⁶⁶ говорится о трех императивах, направляющих усилия по институционализации ИВД в ВМС и позволяющих противодействовать иррегулярным вызовам и угрозам:

- возрастающее понимание сложной и динамичной среды ИВД;
- повышение опытности и сноровки ВМС по предотвращению или подготовке отклика на иррегулярные угрозы; и
- повышение интероперабельности ВМС, Корпуса морской пехоты, Береговой гвардии и сил специального назначения, а также ВМС союзников и стран-партнеров.

Хотя сегодня ВМС опираются на широкий диапазон возможностей, работа с вызовами среды безопасности XXI века требует культуры непрерывной адаптации. Только в этом случае можно быть уверенным, что ВМС будут оставаться релевантным инструментом национальной мощи США и ключевым элементом широкого стратегического нарратива, в рамках кото-

рого США посылают сигнал союзникам, партнерам и противникам, что они остаются силой, обеспечивающей глобальную стабильность.

Происходящие изменения в глобальной среде безопасности столь стремительны, что возникают сложные задачи обеспечения жизнеспособности, целостности и безопасности глобального морского пространства (**global maritime commons**), от которого зависит большинство стран, международная торговля и бизнес*. В новых условиях традиционные системы безопасности уже не в состоянии покрывать весь спектр вызовов и угроз и гарантировать стабильность. Как говорится в «Кооперативной стратегии для XXI века»⁶⁷, «предотвращение конфликта является столь же важным, как и выиграть конфликт». Принцип, который является важным и в «Видении ВМС США по противодействию иррегулярным вызовам»⁶⁸. Хотя иррегулярные вызовы часто имеют глубинные причины, они могут быстро проявиться в виде разрушительных иррегулярных угроз. Роль ВМС в противодействии иррегулярным вызовам включает принятие превентивных мер по обеспечению безопасности, проведение операций по стабилизации, устрашению и нанесению поражения иррегулярным противникам и угрозам.

«Видение ВМС США по противодействию иррегулярным вызовам» подчеркивает важность превентивных мер по обеспечению безопасности и подготовке эффективных откликов на возникающую в связи с конфликтом или стихийным бедствием нестабильность. ВМС вовлечены в оказание помощи силам безопасности государств-партнеров и прочие виды активности по обеспечению безопасности по всему земному шару. Это непубличная функция, и роль порой может быть более опасной, нежели участие в традиционных боевых действиях, так как происходит в неясных двусмысленных условиях среды безопасности, известной как «полуразрешающие среды» (**semi-permissive environments**)⁶⁹. В такой среде угрозы могут проявиться внезапно, а оперирование требует наличия широкого диапазона наступательных и оборонительных возможностей ВМС, позволяющих выполнять превентивные миссии и операции, размах которых часто изменяется. Применение ВМС в этом случае отличается от традиционного боевого применения.

Хотя исходящие от государственных акторов традиционные угрозы остаются, расширяющаяся зона оперирования иррегулярных акторов становится вызовом для мировой политической системы. Адаптивные и подвижные, они готовы использовать глубинные причины нестабильности, слабость власти и стыки в региональных структурах безопасности. Оперируя вне международного правового пространства, преследуя идеологические, политические, социальные или финансовые цели, иррегулярные акторы вступают в противоборство с легитимными правительствами и структурами, обеспечивающими безопасность глобального морского пространства.

* См. подробнее Арзуманян, Р. В. *Кромка хаоса. Парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. М., «Регнум». Серия Selecta XIX, 2012. 600 с.*

В ряде случаев они получают помощь от режимов, противостоящих существующей системе международной безопасности. В других — через коррумпированные местные власти покупают влияние и свободу действий на территории государств. Иррегулярные акторы демонстрируют высокую адаптивность и часто используют асимметричные методы для нейтрализации традиционных систем обеспечения безопасности. С ростом влияния и мощи они увеличивают давление на правительства, угрожая легитимному развитию обществ. Иррегулярные вызовы становятся все более раздражающими и способствуют созданию глобального давления, имеющего сетевую природу, результатом которого становятся прямые и не прямые затраты членов глобального сообщества. Хорошим примером такого рода может служить пиратство, совокупное финансовое воздействие которого на международное сообщество оценивается в рамках \$7–12 миллиардов в год. Сюда входят многонациональные усилия, направленные против пиратства, а также выплачиваемые выкупы и растущие выплаты по страховкам⁷⁰.

ВМС активно противостоят иррегулярным угрозам как самостоятельно, так и во взаимодействии с другими родами войск, правительственными ведомствами и агентствами и множеством многонациональных партнеров. Противостояние иррегулярным угрозам согласно ОКБД ИВД является одним из основных типов активности ВМС общего назначения. Например, проводимые ВМС операции против пиратства в Аденском заливе подтверждают способность многоцелевых кораблей разрабатывать, выполнять и адаптировать эффективные тактики, методы и процедуры в тесной координации и взаимодействии с ВМС партнеров.

Борьба с террористическими организациями часто включает мало заметные и быстрые операции. ВМС участвуют в контртеррористической активности против международных террористических сетей, проводя ударные операции, обеспечивая морское базирование ССН и решая задачи разведки, наблюдения и рекогносцировки. В проводимых «Центральным командованием США» (**US Central Command**) контрпротестанческих операциях ВМС обеспечивают непосредственную воздушную поддержку, нейтрализацию самодельных взрывающихся устройств и поддержку различными видами обеспечения. В каждом из перечисленных типов активности возможности многоцелевых кораблей ВМС и морской авиации расширяют доступ и эффективность вооруженных сил США в операционной среде ИВД⁷¹.

Противостояние иррегулярным вызовам требует адаптивных и гибких способностей от ВМС, которые могут быть обеспечены как через стабилизирующее присутствие, позволяющее предотвратить конфликт, так и быстрый доступ, необходимый для отклика на непредсказанный кризис. Для гарантирования стабильности в угрожаемых регионах также требуется налаживание взаимодействия с ВМС партнеров, а также широким кругом правительственных, неправительственных и международных организаций⁷².

Принципы проведения

морских иррегулярных военных действий

Проведенное РЭНД исследование позволяет сформулировать ряд принципов и рекомендаций по проведению морских ИВД, охватывающих политические, стратегические, операционные и тактические уровни⁷³.

1. Так как большая часть ИВД разворачивается на земле и проводится наземными силами, ВМС чаще всего играют поддерживающую роль, даже если кампания проходит преимущественно в морской среде. *Так как ВМС в целом рассматриваются как играющие поддерживающую роль, имеется потенциал неэффективного использования данных сил, даже если операционная среда ИВД является преимущественно морской.* Иллюстрацией данного вывода могут служить операция «Несокрушимая свобода — Филиппины», в котором возможности ВМС использовались скупо и в основном в морской среде архипелага Филиппин.

Это означает, что полисемейеры и военные планировщики должны находить баланс между морской и сухопутной компонентами операционной среды ИВД для каждого конкретного конфликта. На тактическом уровне ВМС порой могут проводить ИВД в нетрадиционных для себя средах (таких как суша) и выполнять нетрадиционные функции (такие как участие в реконструкции объектов и инфраструктуры на суше). Такие действия имели место в Колумбии, Ираке и Афганистане. Армия и другие сухопутные силы также могут участвовать в морских операциях в среде ИВД, как это имело место во Вьетнаме. Более того, вьетнамская кампания наглядно показывает, что операционная среда речных ИВД может иметь преимущество перед чисто общевойсковым наземным подходом, а совместное использование как морских, так и наземных сил и возможностей дает безусловное преимущество кампании в среде ИВД.

2. Как показывает операция «Несокрушимая свобода — Филиппины», *страны, в которых морская среда является преобладающей в повстанческой активности, могут получить преимущество от расширения объемов и количества военно-гражданских операций, проводимых на море.* На начальных этапах военно-гражданские операции в рамках «Несокрушимая свобода — Филиппины» имели тенденцию быть наземными. Однако, так как целью операций было получение поддержки населения в рамках контрповстанческой операции, то постепенно происходило смещение фокуса на военно-гражданские операции в морской среде, так как население зарабатывало средства к существованию в основном на море.

Контрповстанческие операции против ударных сил формирований повстанцев должны совмещаться с усилиями, призванными увеличить поддержку со стороны местного населения. Речь может идти, например, об оживлении портов и гаваней в зоне конфликта, что улучшает экономический климат и социально-экономическое положение населения, в значительной степени экономически зависящего от рыболовства, как это имело место в операции «Несокрушимая свобода — Филиппины».

3. *Операции в среде морских ИВД могут позволить США масштабировать свою зависимость от суши.* Морские ИВД позволяют оперировать с более высокой мобильностью и оставаться менее заметными для местного населения. Последнее является важным, когда население государства партнера чувствительно к развертыванию вооруженных сил США или коалиции. Например, силы, базирующиеся на море, оказались более мобильными и способными поддерживать операции вооруженных сил Филиппин в большой прибрежной зоне архипелага Сулу, нежели подразделения ССН, базирующиеся на берегу.

4. *В морских ИВД, предполагающих строительство возможностей партнера, важно управлять стратегическими ожиданиями, которые должны базироваться на реалистических оценках возможностей партнера.* Например, в рамках операции «Несокрушимая свобода — Филиппины» США правильно масштабировали свои усилия относительно вооруженных сил Филиппин, которые играли лидирующую роль, что повышало легитимность данных сил в глазах филиппинского населения. Реализуемая политика и стратегия привели к тому, что вооруженные силы Филиппин были вынуждены уделять больше внимания своим ВМС, создавая практически заново морские возможности. Ограничения по личному составу и прочим возможностям ВС США в операции «Несокрушимая свобода — Филиппины» были в свое время причиной дискуссий. Это означает, что масштабирование активности и стратегических ожиданий может быть вызовом, особенно если такая политика требует пожертвовать краткосрочной эффективностью в пользу долгосрочных возможностей и жизнеспособности государства-партнера.

5. *При строительстве возможностей партнера должны привлекаться оборудование и технологии, с которыми он в состоянии оперировать, и обслуживание которых он в состоянии обеспечить.* В рамках операции «Несокрушимая свобода — Филиппины» минимальные масштабы военно-индустриальной инфраструктуры Филиппин и малый бюджет, который страна могла выделить на обучение и тренировки для ВМС, привели к тому, что США были вынуждены взять на себя процессы внедрения и обучения вооруженных сил Филиппин навыкам обращения с поставляемым оборудованием. Также проводились тренировки с целью помочь в овладении тактиками, которые были бы низкотехнологичными, низкой стоимости, практическими, надежными и легкими в обслуживании.

И вновь такая стратегия может нести с собой вызов для вооруженных сил США, привыкших оперировать с более высокотехнологичным оружием и оборудованием. Другая проблема, связанная с поставкой устаревшего оружия и оборудования, может быть связана с запчастями. Во многих случаях ВМС Филиппин были вынуждены строить собственные мощности по производству запчастей, что может стать потенциальным вызовом для партнеров, не обладающих необходимыми техническими возможностями.

6. *Действия по воспрепятствованию доступа к морскому побережью и перерезанию линий снабжения, поддерживающих повстанческое движение, могут играть важную роль в достижении успеха в операционной среде ИВД.*

Важность морских коммуникаций приводит к тому, что повстанцы стараются держать их открытыми, а контрповстанческие усилия — разрушить и закрыть линии снабжения. Закрытие морского побережья и рек может также облегчить организацию сухопутной блокады зоны операции, когда значительная часть задач по наблюдению, разведке и рекогносцировке осуществляется с морских платформ. Сравнение операций во Вьетнаме и «Несокрушимая свобода — Филиппины» показывает, что в данном случае решающую роль играет география и легкость, с которой можно проводить операции по закрытию побережья. В случае Филиппин закрытие морского побережья архипелага оказалась чересчур дорогим и серьезным вызовом, в отличие от контроля морского побережья Вьетнама.

7. Случай Никарагуа показывает, что *партнеры США в морских ИВД могут только влиять на чувствительность местного населения и осуществлять его мониторинг. Однако вопросы легитимности правительства оказываются в зависимости от мирового общественного мнения.* Причем проблемы, с которыми будут сталкиваться США как глобальная сила, могут оказаться достаточно серьезными, когда они несут большие репутационные издержки, нежели ее партнеры. Хотя случай Никарагуа является уникальным, он может быть применим к будущим морским ИВД и конкретно неконвенциональным военным действиям в морской среде, в которых участвуют США или другие глобальные центры силы. Причем международная кооперация и создание альянсов для проведения морских ИВД является необходимым шагом, и ВМС США должны быть уверены, что в состоянии обеспечить координацию и взаимодействие со странами участниками коалиции и государством-партнером на тактическом и операционном уровнях.

Рекомендации по проведению морских иррегулярных военных действий

Рассмотрение различных случаев морских ИВД показало, что прибрежная зона и реки обладают неотъемлемыми уязвимостями, которые противник может использовать с целью нанесения удара по портам, кораблям или проведения террористической атаки. Это означает, что США должны оказывать помощь государствам-партнерам в развитии операционных и тактических возможностей, позволяющую им сформировать отклик на угрозы морских ИВД. С этой целью США должны обеспечить поставку партнерам подходящего оборудования и систем вооружения, которые местные кадры были бы в состоянии обслуживать. ВМС США также должны проводить обучение личного состава и тренинги, участвовать в организации системы боевой подготовки вооруженных сил партнеров. Данные мероприятия, помимо всего прочего, позволят повысить интероперабельность (функциональную совместимость) военно-морских сил США и государств-партнеров⁷⁴.

Оперирование в среде морских ИВД позволяет КСО ВМС получить ряд преимуществ от использования морского базирования сил. Так как кампании в среде морских ИВД могут быть длительными, ВМС должны быть го-

товы поддерживать морское базирование на протяжении длительного времени. Силы КСО ВМС, будучи более мобильными и адаптабельными по сравнению с конвенциональными ВМС, в состоянии поддерживать операции, опирающиеся на морское базирование, практически неограниченное время. Однако, учитывая стоимость, решения, когда и где поддерживать морское базирование, должны быть хорошо продуманы.

Силы «Командования специальных операций» ВМС должны соответствовать ряду требований при проведении морских ИВД. Необходимо учесть тот факт, что противник может быть хорошо организован и адаптирован к возможностям разведки, наблюдения и рекогносцировки США. Также должны быть приняты во внимание возможности проведения опирающихся на морское базирование военно-гражданских операций. В частности, должно быть увеличено время, выделяемое на изучение языка и культурных особенностей местного населения и государств-партнеров.

Конвенциональные морские силы США также должны рассмотреть свою роль в поддержке больших иррегулярных наземных операций, предполагающих высадку морского десанта, равно как и роль в кампаниях по воспреещению и сдерживанию иррегулярного противника. В отличие от морских специальных операций (**naval special warfare**), поддержка конвенциональными ВМС морских ИВД может разворачиваться скорее в форме военно-гражданских операций, нежели участия в прямых боевых действиях⁷⁵.

Помимо рекомендаций, относящихся к оперированию ВМС в морских ИВД, в исследовании РЭНД вырабатывается ряд рекомендаций, относящихся к политической арене⁷⁶.

1. Чтобы предотвратить и сдержать морские террористические атаки, аналогичные атаке в Мумбаи, полисмейкеры должны внимательнее отнестись к разворачиванию и фондированию большой и хорошо подготовленной береговой гвардии.

2. Принимая во внимание и учитывая угрозу пиратства, международное сообщество может рассмотреть возможности размещения автоматизированных систем аварийного оповещения атаки пиратов на больших рыболовных кораблях и траулерах, аналогичных паническим кнопкам в банках. Это позволит судовым командам быстро передавать зашифрованные сигналы ВМС в регионе и береговой гвардии.

3. Чтобы предотвратить или сдержать атаки в среде морских ИВД, разведывательные агентства должны принять к сведению вероятность увеличения противником своих возможностей по разведке в рамках морских тренировочных программ, проводимых в джихадистских лагерях Пакистана, Йемена и Сомали. Разведывательные и специальные службы должны быть готовы предотвратить создание пиратами и джихадистами объединенных сил в регионе Африканского рога. Множество морских держав окажутся под угрозой, если джихадистские движения смогут освоить тактики и технологии, используемые сомалийскими пиратами на протяжении последних лет в Аденском заливе.

4. Чтобы более надежно сдерживать и предотвращать атаки в среде морских ИВД, представляется целесообразным фондировать меры по предотвращению операций, проводимых джихадистами против портов, находящихся в зоне повышенного риска. Речь идет о таких портах, как Карачи, Аден, Могадишо.

2.3. ВВС в операционной среде иррегулярных военных действий

Роль и место ВВС в операциях, проводимых в среде ИВД, достаточно скудно освещены в литературе. История контрповстанческих операций говорит о важности и эффективности ВВС, если они применяются в рамках адекватной общей стратегии. Однако слова начальник штаба ВВС генерала Майкла Мозли (**Michael Moseley**), что «ни одна война не может быть выиграна без воздушного превосходства», — это только часть правды. Другая часть заключается в том, что война может быть проиграна и при воздушном превосходстве, если она разворачивается на фоне слабой политики или неподходящей стратегии⁷⁷.

В работе «ВВС в малых войнах» авторы подчеркивают, что «воздушная мощь во множестве своих форм давно стала обязательным инструментом для любых вооруженных сил, ведущих военные действия против партизан, террористов и других иррегулярных сил»⁷⁸.

Тем не менее, нельзя забывать, что поддержка ВВС наступательных действий, решающих задачу разгрома повстанческого движения и понижения уровня военного сопротивления с конвенциональной фазы до иррегулярной, это всего лишь малая (хотя и важная) часть общих усилий⁷⁹. Задачи ВВС в среде ИВД включают также решение задач оперативного передвижения войск, различных видов обеспечения, рекогносцировки, наблюдения и сбора разведанных, непосредственной авиационной поддержки (**close air support (CAS)**), медицинского обеспечения и эвакуации⁸⁰. Также оказываются эффективными информационные и пси-операции, проводимые с привлечением ВВС. Помимо упомянутых выше задач ВВС США в Ираке проводили также летальные удары высокоточными системами оружия, помогали обеспечивать безопасность нефтепроводов, электрических сетей и других потенциальных целей. Также проводились миссии поддержки иракской армии и сил безопасности⁸¹.

В целом, как отмечают Корум и Джонсон, в КПО «воздушная мощь не гарантирует победу... но без воздушной мощи контрповстанчество оказывается в жестко невыгодном положении»⁸². Военная история недвусмысленно свидетельствует, что ВВС в состоянии обеспечивать жизненно важные возмож-

ности для КПО, которые, однако, оказываются связаны с общим контекстом и специфическими особенностями конкретного конфликта⁸³.

Во французской Индонезии в 1951–1952 гг. Франция эффективно применяла ВВС против сил генерала Во Нгуен Зиапа (**Vo Nguyen Giap**), когда тот пытался проводить конвенциональные операции. Налаживание боевого и прочих видов обеспечения позволило базам оперировать глубоко в тылу противника, вынуждая Вьетминь* (**Viet Minh**) втягиваться в эпизодические бое-столкновения, приводящие в конечном счете к тяжелым потерям⁸⁴. Роль ВВС США во вьетнамской войне исследуется во множестве работ, однако наиболее значимые из них посвящены анализу допущенных культурных и организационных ошибок, не позволивших им быть эффективными. ВВС США не были готовы к проведению широкомасштабных конвенциональных воздушных операций и фокусировались на стратегических ВВС, решавших задачу сдерживания СССР. На протяжении всей войны между штабами Армии и ВВС шла борьба за бюджет и свое понимание места и роли воздушной мощи. Как следствие, ВВС с запозданием и неохотно прикладывали усилия для развития вооружения и техники, тактики, системы боевой подготовки, которые были бы нацелены на поддержку иррегулярных и регулярных военных действий на малом масштабе и отдельном ТВД⁸⁵.

2.3.1. Цикл феникса

Одной из основных проблем ВВС при проведении операций в среде ИВД оказывается неспособность аккумулировать собственные уроки прошлого. Как следствие, в рамках каждой новой иррегулярной кампании ВВС заново восстанавливают свои возможности и потенциал в этой сфере.

С началом холодной войны ВВС были уверены, что стратегические ядерные силы — единственное направление, которое должно находиться в фокусе внимания. Ограниченная или малая войны рассматривались как «несущественные», и основные затраты, в том числе и бюджетные, отражали данную точку зрения⁸⁶. Согласно генералу ВВС Куртису ЛиМей (**Curtis LeMay**), «наши стратегические силы должны быть на первом месте... Я удивлен тем, что согласно трендам бюджета этого года... вы не можете воевать в ограниченной войне, кроме как под зонтиком стратегического превосходства»⁸⁷. Эхом прошлых дискуссий может служить высказывание начальника штаба ВВС генерала Майкла Мозли во время иракской кампании, предостерегающего против риска «предположения, что будущие конфликты будут похожи на нынешнее противостояние в Ираке и Афганистане. Как бы нам не потерять способность проецировать глобальную мощь, осуществлять стратегический паралич, устрашать на-

* «Лига независимости Вьетнама» (рус.) — военно-политическая организация, созданная в 1941 году Хо Ши Мином для борьбы за независимость Вьетнама от Франции и Японии.

циональные государства, разрушать полевые силы и защищать наше отечество, альянсы и друзей»⁸⁸.

Фокусирование на широкомасштабных военных действиях и стратегическом противоборстве является также вопросом возможностей и ресурсов. Когда имеются жесткие бюджетные ограничения, ресурсы должны быть потрачены на главную военную задачу — противоборство в межгосударственной войне⁸⁹. Например, по мнению Эрла Тилфорда (**Earl Telford**), ИВД с трудом воспринимаются классическими вооруженными силами, в особенности ВВС⁹⁰.

По мнению Джеймса Корама (**Corum, James**) и Рея Джонсона (**Wray Johnson**), США оказались не в состоянии учиться на собственном опыте проведения ИВД после Второй мировой войны⁹¹. В 1944 году была создана «Шестая истребительная группа» (**6th Fighter Group**), известная также как «Первые коммандос ВВС» (**First Air Commandos**). Группа обеспечивала тренировки и поддержку британской КПО в Бирме, однако после окончания войны была расформирована. Во время Корейской войны ВВС США создали три крыла для «неконвенциональных операций», которые затем были сведены в две эскадрильи в 1956 году и расформированы в 1957 году⁹². Бывший командующий ВВС Хойт Ванденберг (**Hoyt Vandenberg**) писал, что Корея «...была особым случаем, и ВВС мало что извлекли из нее для своей будущей роли»⁹³.

Функции ВВС по в ИВД были восстановлены в 1961 году в рамках «4400-й учебной эскадрильи подготовки боевых экипажей» (**4400th Combat Crew Training Squadron (CCTS)**). Вместе с восстановленной в 1962 году «Шестой истребительной группой» они обеспечивали боевую подготовку и функции советников для вооруженных сил Южного Вьетнама, Латинской Америки, Ближнего Востока, Африки, Таиланда и Лаоса⁹⁴. В 1969 году «Шестая истребительная группа» и «4400-я учебная эскадрилья подготовки боевых экипажей» были расформированы⁹⁵, консультативные операции (**Advisory operations**) признаны «операционно чересчур рискованными и политически сложными», а КПО «исключены из лексикона МО»⁹⁶.

Почти 20 лет спустя, когда были созданы силы специального назначения, а участие во внутренней обороне иностранного государства стало рассматриваться «как относящееся к специальным операциям»⁹⁷, вновь стал актуальным вопрос роли ВВС в ИВД. В 1994 году ВВС восстановили «Шестую истребительную группу» в форме «Шестой эскадрильи специальных операций» (**6th Special Operations Squadron (SOS)**) для участия во внутренней обороне иностранного государства⁹⁸. Однако вновь созданное подразделение сталкивалось с нехваткой личного состава, не имело тренировочной базы, которая позволила бы находиться в форме и быть эффективными⁹⁹. Как следствие, к 2005 году они были вынуждены отклонить приблизительно 58% запросов по оказанию помощи¹⁰⁰. Есть некоторая ирония в том, что «Шестая эскадрилья специальных операций» жестко критикуется за увеличение размеров, что имело место и с «4400-й

учебной эскадрилей подготовки боевых экипажей» во время вьетнамской войны¹⁰¹.

Таким образом, можно говорить о своего рода «цикле феникса»: создавать, учиться и набирать опыт, разрушать и затем снова создавать. Во время очередной кампании, включающей иррегулярные военные действия, ВВС США вынуждены «создавать на лету» утраченные навыки и возможности. Ряд авторов с иронией говорят, что ВВС в буквальном смысле трактуют ИВД как «иррегулярные»¹⁰², что приводит к «неисчислимым затратам» и потерям, в том числе и драгоценного времени¹⁰³, которое обычно на стороне иррегулярного противника¹⁰⁴. Такой подход трудно называть успешным, однако разработка долгосрочных решений требует ясного понимания природы ИВД и роли ВВС в их проведении, чего сегодня нет.

2.3.2. Требования к операциям в среде иррегулярных военных действий

ИВД требуют особого мышления, и «Боевой устав 3–24, Контрповстанчество, Армии и Морской пехоты США» (**U.S. Army and Marine Corps Field Manual (FM) 3–24, Counterinsurgency**) сжато говорит об этом: «Не каждый подходит для контрповстанческих операций. Многие лидеры не понимают, а некоторые не могут их проводить... но все могут выучить основы. Однако люди, которые в состоянии интуитивно схватить, овладеть и использовать методы КПО, являются редкостью»¹⁰⁵. В контрповстанческой операции «нормальная военная логика не работает» и боевая мощь наиболее эффективна, если войска подготовлены в рамках методов проведения ИВД¹⁰⁶. Регулярные и иррегулярные военные действия нуждаются в различных типах бойцов. Способность адаптироваться требованиям чужой культуры, умение жить и воевать вместе с вооруженными силами и силами безопасности страны пребывания или государства-партнера дана не каждому бойцу¹⁰⁷. Агрессивное поведение, будучи преимуществом в тактическом конвенциональном боестолкновении, является контрпродуктивным в большинстве операций в среде ИВД и гуманитарных кризисах¹⁰⁸.

Операции в среде ИВД требуют от личного состава осторожного и взвешенного подхода, когда принимается во внимание множество факторов и просчитываются возможные эффекты планируемых действий. Например, колониальный опыт Великобритании позволил британским вооруженным силам оценить важность «сложного понимания племен, с которыми они имеют дело», когда неразборчивое или неуклюжее применение силы может быть контрпродуктивным¹⁰⁹. В КПО «иногда ничего не делать является лучшей реакцией»¹¹⁰, однако такая ментальность может быть смертельной в высокоманевренной конвенциональной войне и не ценится в рамках военной культуры США. Личный состав «Групп восстановления провинции» (**Provincial Reconstruction Teams**) в Афганистане, являющийся более чувствительным и

подготовленным к такому пониманию и восприятию миссии, часто рассматривался боевыми частями как «не настоящие солдаты»¹¹¹.

Возможно, худшим эффектом использования конвенциональных сил в длительных операциях в среде ИВД является необходимость компромисса между вышеописанным менталитетом и основными боевыми навыками, необходимыми в конвенциональном бою. Затяжные операции в среде ИВД могут привести к потере войсками навыков быстрого учета и предвидения возможных негативных последствий и, как следствие, увеличению потерь и поражению при боестолкновении с конвенциональным противником¹¹².

Помимо проблем мышления операции в среде ИВД требуют определенных навыков. Личный состав вооруженных сил в среде ИВД должен быть в высшей степени гибким и способным адаптироваться к требованиям операционной среды ИВД, что требует тренировки и опыта. ВВС США не имеют готовых консультантов и советников, обладающих навыками по культуре и языкам, что вынуждало инструкторов «Рабочей группы по реструктуризации ВВС коалиции» (**Coalition Air Force Transition Team (CAFTT)**), работающих с ВВС Ирака, проходить специальный курс инструктора по языку и обычаям¹¹³. Вследствие отсутствия необходимой подготовки у инструкторов большая часть времени тренировки проходила на английском языке, что снижало возможности коммуникации¹¹⁴.

Однако развитие языковых навыков, знаний по культуре требует многих лет, и отдельный солдат может быть подготовлен под ограниченное количество регионов. Операционная среда ИВД требует, чтобы личный состав «тренировался так, чтобы он был готов воевать» в составе объединенной, межведомственной и многонациональной коалиции¹¹⁵. Однако такие навыки ухудшают «основные» военные навыки, что не способствует продвижению по службе¹¹⁶. Согласно бригадному генералу Отису Маннону (**Otis Mannon**), «трансформирование способов, при помощи которых МО управляет персоналом, необходимым для поддержки ИВД, является приоритетом для дорожной карты ИВД»¹¹⁷.

Согласно «Доктринальному документу ВВС 2–3: ИВД» (**Air Force Doctrine Document (AFDD) 2–3: Irregular Warfare**) операции в среде ИВД требуют своей доктрины: «ИВД значительно отличаются от традиционного конфликта, что служит оправданием и требует отдельного основополагающего доктринального документа»¹¹⁸. Существующие документы представляют собой начальный этап будущих усилий по институционализации уроков применения ВВС в ИВД¹¹⁹. Однако такие усилия возможны, если имеется интерес и мотивы улучшать применяемые методы. В противном случае ИВД, как и прежде, будут оставаться на задворках¹²⁰.

Например, операции в среде ИВД требуют от ВВС использования особой и более дешевой экипировки. Высокотехнологичная и дорогая техника может быть применена, однако ее использование является чересчур затратным и неоправданным. Противник в среде ИВД редко представляет собой цель, против которой требовалось бы применять военно-воздушную мощь

в тех масштабах и теми методами, которые используются в межгосударственном конфликте¹²¹.

Применение ВВС в среде ИВД должно представлять собой баланс низкой цены, типовых надежных и легких в обслуживании систем, совместимых с прочими боевыми системами США и подогнанных под нужды государства-партнера. Здесь также возможны проблемы. Например, руководство Ирака уверено, что США не хотят предоставлять ВВС Ирака высокотехнологичные самолеты, так как не доверяют ему. Государства-партнеры хотят видеть в своем распоряжении высокотехнологичное оружие, однако при этом зачастую упускают из виду тот факт, что не имеют необходимой инфраструктуры, позволяющей сопровождать такие системы оружия¹²². Партнеры нуждаются не в высокотехнологичном, но «правильном» оружии и технологиях¹²³.

2.3.3. Рекомендации по использованию ВВС в операционной среде иррегулярных военных действий

Таким образом, использование ВВС в операционной среде ИВД требует выхода из цикла феникса и организационных изменений, которые в целом могут быть двух типов. Первый имеет постепенный, эволюционный характер, когда, опираясь на методы «организационного обучения», организация непрерывно адаптируется к изменениям во внешней среде. Неспособность к такому поведению приводит к тому, что организация оказывается в состоянии «стратегического дрейфа», который рано или поздно вынуждает ее перейти ко второму типу — трансформационным изменениям. Необходимость трансформации может стать также следствием резких и качественных сдвигов в среде. Такие изменения вынуждают организацию разрабатывать и создавать новую систему ценностей и организационную культуру, в рамках которой могут также изменяться и цели, если организация намерена «поступить так, как нужно»¹²⁴.

Операционная среда ИВД качественно отличается от конвенциональной, требует другого организационного фокуса и культуры, а следовательно — радикальных изменений. Однако трансформация ВВС для выполнения задач в среде ИВД не означает демонтаж конвенциональных ее возможностей. Выбор между конвенциональными и иррегулярными миссиями является фальшивым. ВВС должны быть в состоянии выполнять задачи в обеих операционных средах, что, однако, не означает, что одни и те же части, вооружение и военная техника должны применяться в обоих случаях.

Наиболее адекватным следует признать гибридный подход, когда трансформационные изменения являются элементом длительного эволюционного процесса, и только часть организации претерпевает радикальные изменения, становясь при этом более уязвимой. Она будет обладать другим фокусом, придерживаться другой организационной культуры и, следовательно, нуждаться в подгонке — структурно и функционально — к ВВС в целом¹²⁵.

Формирование внутри ВВС структурной единицы, ответственной за оперирование в операционной среде ИВД, следует признать наиболее оптимальным подходом. Это позволит ВВС развиваться на всех доменах — доктрина, организация, тренировка, руководство и образование, личный состав и способности, — необходимых для выполнения задач в среде ИВД¹²⁶.

Другим важным направлением следует признать фокусирование на развитии и выстраивании возможностей стран-партнеров, которое Роберт Кассиди (**Robert Cassidy**) называет «обязательным условием конечного успеха»¹²⁷. Полковник Родин Рид (**Robyn Read**) отмечает, что «...мы нуждаемся в изменениях в менталитете ВВС от борьбы в КПО к помощи партнерам в их проведении. При отсутствии другой альтернативы, ВВС могут принимать участие в боевых действиях... но необходимо адаптироваться к менталитету, что необходимо поддерживать партнеров и повышать их способности...»¹²⁸ Оценки войны во Вьетнаме президента Кеннеди в этом смысле были правильными: «В конечном счете, это их война. Они должны выиграть или проиграть ее». Советники США порой теряли данный фокус и стремились выстроить вооруженные силы Южного Вьетнама по своему образу и подобию, когда в течение продолжительного времени командующий ВВС считал тренировки вьетнамских сил малоприоритетными, относясь к вьетнамцам, сидящим сзади в качестве вторых пилотов, как «мешку с песком»¹²⁹.

Как и в случае ССН, личный состав частей и подразделений, призванный выполнять задачи в среде ИВД, должен быть отобран по темпераменту, зрелости, образованию, знаниям в области культуры, языковым навыкам и пр.¹³⁰. Однако помимо специальной подготовки они должны обладать базисными боевыми навыками и быть готовы принимать участие в конвенциональных боевых действиях.

Создание структурных единиц для оперирования в среде ИВД не является новой идеей, и такой подход уже используется в других родах войск. «Корпус морской пехоты» имеет тактическую группу авиации и наземных сил Морской пехоты по безопасности и сотрудничеству (**Security and Cooperation Marine Air-Ground Task Force (SC MAGTF)**)¹³¹. В рамках ВМС создано «Боевое командование экспедиционных сил ВМС, (**Naval Expeditionary Combat Command (NECC)**)»¹³². Некоторые из исследователей предлагают создавать специальные войска и организации для выполнения миссий по государственному строительству и/или тренировке и консультациям для вооруженных сил и сил безопасности стран-партнеров¹³³.

Однако данный подход и взгляды до сих пор остаются невостребованными в Армии и ВВС. На сегодняшний день «Центр подготовки и переподготовки коалиции и ИВД» (**Coalition and Irregular Warfare Center of Excellence**) на базе ВВС в Неллисе, Невада (**Nellis AFB, Nevada**) готовит личный состав для участия в контрповстанческих операциях в рамках профессионального военного образования, в том числе обеспечивая подготовку по культуре региона. КСО США намерено увеличить размеры «Шестой

эскадрильи специальных операций»¹³⁴. Однако исторический опыт показывает, что все такого рода инициативы могут быть свернуты, как только ИВД перестанут рассматриваться как критически важные. С другой стороны, если изменения достигнут некоторого критического порога, будет довольно сложно расформировать большую специализированную организацию, что дает некоторый шанс разорвать цикл феникса¹³⁵.

2.4. Фрейм для производства и анализа разведывательной информации в операционной среде иррегулярных военных действий

2.4.1. Общий контекст создания фрейма

Спонсором разработки фрейма анализа разведывательной информации в среде ИВД выступил «Национальный центр наземной разведки» (НЦНР) (**National Ground Intelligence Center (NGIC)**), являющийся основным поставщиком разведывательной информации для наземных сил США¹³⁶. НЦНР был создан в марте 1995 года, когда «Центр зарубежной науки и технологии Армии США» (**U.S. Army Foreign Science and Technology Center (FSTC)**) и «Центр анализа разведки и угроз Армии США» (**U.S. Army Intelligence and Threat Analysis Center (ITAC)**) были слиты для формирования «Центра переподготовки и передового опыта (знаний)» (**Center of Excellence**). Задача нового центра заключалась в обеспечении наземной компоненты в процессе создания разведывательного продукта (**ground-component intelligence-production**) для общенациональных и ведомственных потребителей¹³⁷.

Непосредственный операционный контроль над НЦНР осуществляют штабы и «Командование разведки и безопасности Армии США» (**U.S. Army Intelligence and Security Command (INSCOM)**). Миссия НЦНР: «Производить интегрированную из всех источников разведку по зарубежным сухопутным силам и поддерживать боевые технологии для уверенности, что силы США и прочие лица, принимающие решения, всегда имеют решающее преимущество в любом сражении»*. Институциональное видение центра: «Быть главной организацией в МО по анализу разведывательной информации... и созданию аналитического продукта, который даст уверенность силам США и его союзникам, что они всегда имеют решающее преимущество в вооружении и технике, организации и боевой подготовке в будущих сражениях... обеспечивать оперативную разведку для про-

* Цитата взята с веб-сайта центра. **National Ground Intelligence Center, Web site home page**, July, 2014. 1 November 2014. <<https://www.inscom.army.mil/MS/NGIC.aspx>>

тивоборства... обеспечивать информацию, которая влияет на политические решения на всех уровнях...»^{*}.

НЦНР при создании разведывательных продуктов для командующих войсками, родов войск, министерства сухопутных сил (**Department of the Army**), министерства обороны и других лиц, принимающих решения, национального уровня использует множество источников, включая научную и техническую разведку (**scientific and technical intelligence (S&TI)**) и общую военную разведку (**general military intelligence (GMI)**) по зарубежным наземным силам. Исторически НЦНР производит и сопровождает разведывательную информацию по зарубежным научным разработкам, системам оружия наземных сил и сопутствующим технологиям. Анализ НЦНР включает, но не ограничивается военными коммуникациями; электронными системами; типами летальных аппаратов, используемых зарубежными наземными силами; системами ОМП; и базисными исследованиями гражданских технологий двойного применения¹³⁸. НЦНР стремится быть центром наземных сил по производству разведывательной информации для наземных сил в операционной среде ИВД.

Цели исследования и аналитический подход. Для выполнения поставленных задач в качестве «Центра передового опыта» по производству разведывательной информации для операционной среды ИВД НЦНР попросил РЭНД помочь с разработкой обучающего и тренировочного курса для своих аналитиков¹³⁹. Задача была разделена на две фазы. Первая фокусировалась на формулировании требований и разрабатывала фрейм для производства и анализа разведывательной информации в операционной среде ИВД, на основе которого затем разрабатывались курсы обучения и тренировки. Вторая — транслировала фрейм в детальный обучающий и тренировочный курс для НЦНР. Здесь рассматриваются результаты первой фазы. Исследовательская группа сосредоточилась на идентификации требований по разведывательной информации и анализу в среде ИВД, и на рисю 4 представлен общий подход к выявлению таких требований¹⁴⁰. Можно увидеть, что были выбраны три отдельных направления (и команды разработчиков) для решения проблемы создания фрейма.

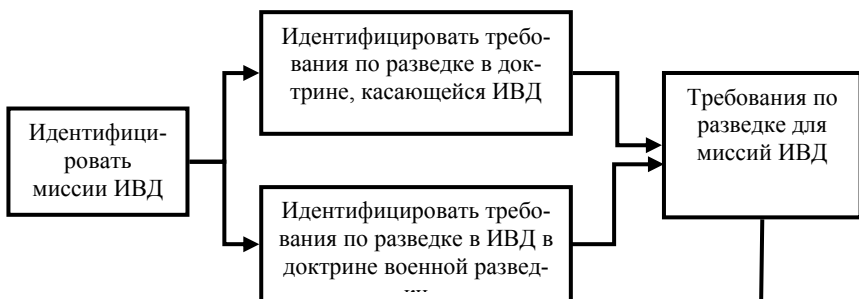
Первое направление включало обзор существующих военных доктрин, с целью понимания требований по разведывательной информации и анализу для ИВД, которые уже идентифицированы. В рамках второго направления исследовались операционные возможности миссий в операционной среде ИВД, отраженные в военной доктрине США. Также проводился мозговой штурм для определения требований по разведывательной информации и анализу для ИВД в рамках каждого из операционных возможностей. Третье направление базировалось на накопленном опыте и предыдущих работах РЭНД, а также обзоре академической литературы¹⁴¹. Здесь операционная

^{*} Цитата взята с веб-сайта центра. **National Ground Intelligence Center, Web site home page**, July, 2014. 1 November 2014. <<https://www.inscom.army.mil/MS/NGIC.aspx>>

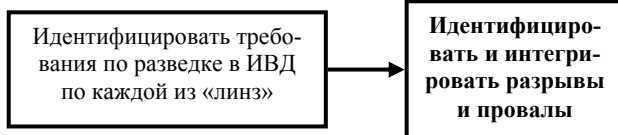
среда ИВД рассматривалась сквозь различные методологические «линзы», включая моделирование ожидаемой полезности, анализ социальных сетей, медиаконтента, анализ коммуникаций и общественного мнения. Также исследовались основные теории ИВД.

РИСУНОК 4. Аналитический подход к идентификации требований к разведывательной информации и анализу для среды иррегулярных военных действий

Доктринальная «нарезка»

«Нарезка» линзами

Работа по трем направлениям позволила подготовить список требований по разведывательной информации и анализу в среде ИВД, который затем был скомпилирован и таксономически организован. Чтобы оценить полноту и всесторонность списка, он был перекрестно проверен с привлечением исследовательских работ, обучающих курсов военной разведки, академических и прочих конспектов, учебных планов и программ, разработанных для операционной среды ИВД.

Разрабатывая фрейм по разведывательной информации и анализу, исследовательская команда ставила перед собой цель идентифицировать свойства, которые наилучшим образом отражают динамику и изменяющийся характер операционной среды ИВД. Результатом стало логически связанное множество задач, которые, взятые вместе, с высокой вероятностью позволяли организовать полный и всесторонний разведывательный анализ среды ИВД.

Чтобы выполнять свои задачи в операционной среде ИВД, разведывательное сообщество создает долгосрочные разведывательные сети, фокусирующиеся на населении, правительствах, политических властях и силах безопасности на национальном и субнациональном уровнях во всех странах, находящихся в фокусе внимания. Объединенные силы усиливают мощь таких сетей, связывая их с операционными сетями поддержки антропологов и других социальных ученых, предоставляющих экспертизы по культуре стран, обществ, кланам, племенам и пр. Тем не менее, использование академических исследований и сетей, будучи полезным, является не столь надежным, учитывая различный темп процессов в академической и операционной среде ИВД¹⁴².

2.4.2. Фрейм для оценки разведывательной информации в операционной среде иррегулярных военных действий

Усилия исследовательской команды концентрировались, в первую очередь, на разработке аналитического фрейма для операций в среде ИВД, фокусирующегося на основных переменных среды и операций, взаимодействие которых определяет системную траекторию, ведущую к успеху или неудаче в кампании. Фрейм должен позволять аналитику выявлять основные аспекты и вскрывать критические параметры операционной среды ИВД, обеспечивая простую процедуру «сверху-вниз» для производства и анализа разведывательной информации.

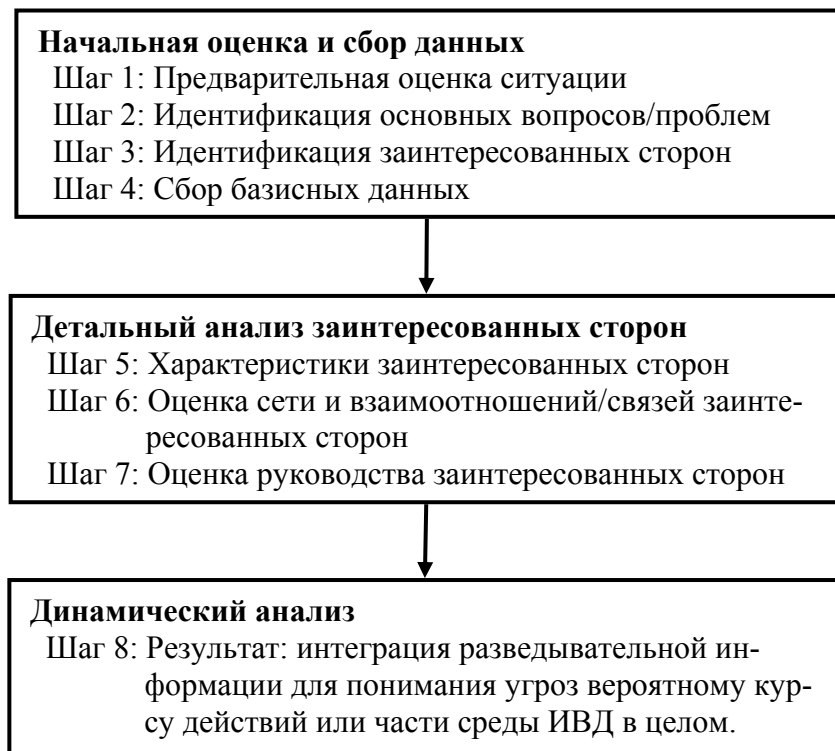
Фрейм:

- выявляет ряд комплементарных аналитических проходов (**passes**) и ключевые свойства, которые определяют процессы в ИВД, а не формирует просто компилирующий список переменных;
- синтезирует имеющуюся литературу (доктрины, академические работы и пр.) с целью идентифицировать альтернативные методологические линзы, аналитические методы и инструменты, которые могут быть применены для анализа разведывательной информации в среде ИВД;
- обращается к уникальным военным, но также фокусируется на политических и других невоенных свойствах операционной среды ИВД, включая сдвиг симпатий и дружеские связи между различными группами, а также мобилизацию групп для политической активности, использования насилия, принуждения и пр.¹⁴³

Центральной идеей фрейма является ее оформление в виде аналитической процедуры, при помощи которой аналитик, начиная с общего и широкого понимания конфликта и его среды, вовлекается в более сфокусированный и детальный анализ выбранных главных тем. При этом формируется понимание конфликта и вскрываются ключевые драйверы, стоящие за такими процессами, как ориентация касательно основных действующих лиц в конфликте, мобилизация и рекрутирование мобилизационного ресурса, вы-

бор между политическими переговорами или насилием. Другими словами, фрейм может быть использован для декомпозиции общей картины и понимания параметров процессов в среде ИВД вне зависимости от типа проводимой операции, с целью выявить субпроцессы и участки, дополнительный детальный анализ которых может быть полезен для лучшего понимания ситуации, формирования рекомендаций и пр. Фрейм представлен на Рисунке 5, и его процедура включает три главные активности: первоначальная оценка и сбор данных, детальный анализ заинтересованных сторон (**stakeholder analyses**) и динамический анализ. В целом фрейм включает восемь дискретных шагов (этапов), кратко описанных ниже¹⁴⁴.

РИСУНОК 5. Фрейм производства и анализа разведывательной информации в среде иррегулярных военных действий

Начальная оценка и сбор данных

Данный тип активности состоит из четырех этапов.

На первом задача аналитика — подготовить всеобъемлющий обзор, в котором отражается история и причины конфликта. Что говорят различные

секретные и открытые аналитические документы и исследователи касательно ключевых политических, социально-экономических и других драйверов конфликта. Каковы ключевые линии разлома (**fault lines**) и прочие структурные характеристики конфликта. Например, какова природа коалиций, поддерживающих правительство, и какие стоят перед ней вызовы.

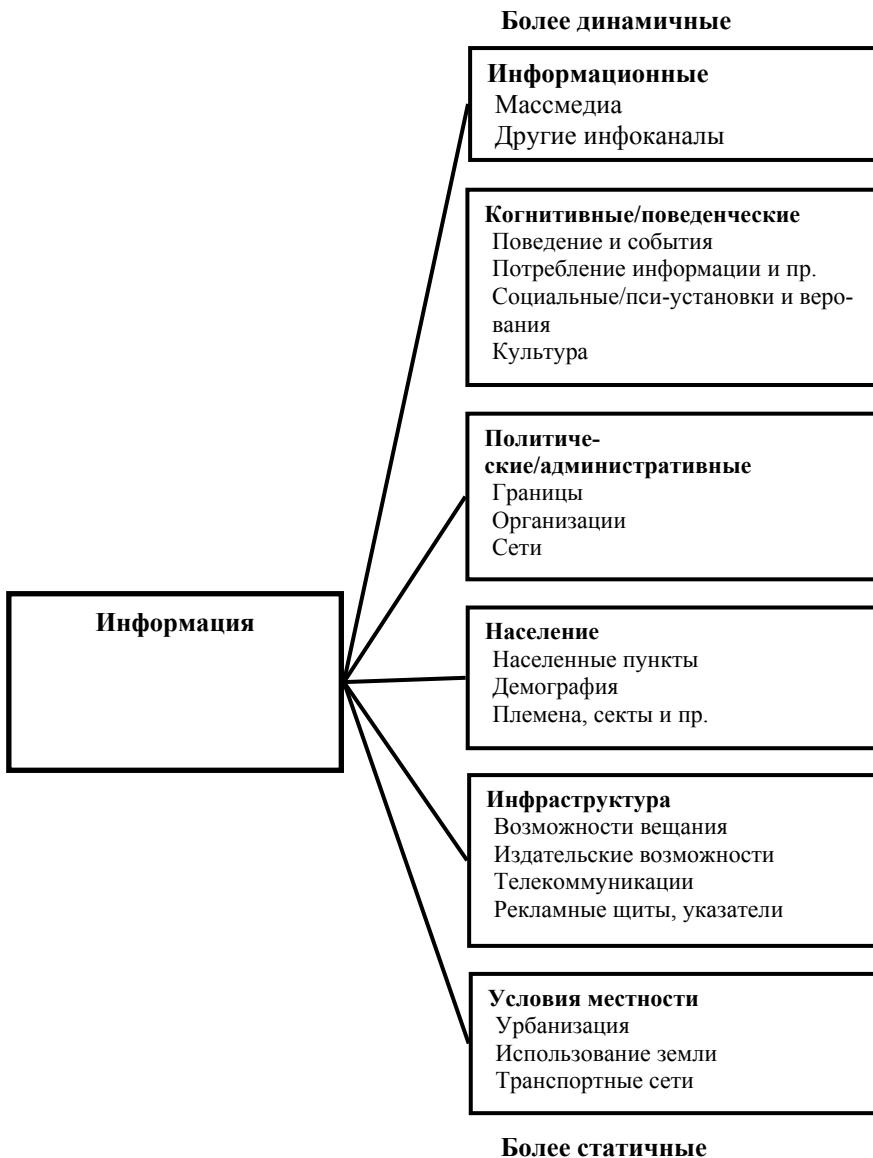
На втором этапе аналитик более детально исследует основные причины недовольства, лежащие в основе конфликта, а также ключевые и непосредственные темы, вызвавшие текущую фазу кризиса или противоборства. Вопросы, ответы на которые должны быть сформулированы, могут звучать следующим образом. Какие темы или типы недовольства могут быть использованы для мобилизации различных групп? Какие темы или типы недовольства находятся в глубине конфликта и являются действительными драйверами сторон конфликта? Изменяются ли данные темы или типы недовольства со временем?

На третьем этапе проводится детальный и всесторонний анализ тем и причин недовольства, а также идентифицируются результаты конфликта. Данные усилия включают выявление основных политических, демографических, социальных, религиозных, военных, паравоенных, повстанческих, террористических и прочих групп, которые оказывают влияние на конфликт или могут быть использованы для такого влияния. Это требует понимания внутренней кухни общества, групп и заинтересованных кругов, а также понимания целей и задач, возможностей влияния международных и транснациональных институтов, групп и государственных и негосударственных акторов, являющихся союзниками или противниками сторон конфликта.

На четвертом этапе, который может разворачиваться параллельно и направляться предыдущими, аккумулируются и комбинируются основные количественные данные, имеющие отношение к драйверам и линиям разлома конфликта. Данные усилия включают, например, сбор данных по численности военных, полувоенных, повстанческих и террористических групп, количеству вооружения и техники и пр. Также собираются политические, экономические, социальные и прочие данные по национальным и субнациональным, религиозным и пр. группам, которые могут влиять на ключевые линии разлома, пространственные паттерны насилия и пр. Этап фактически имеет целью собрать доступные данные, которые могут помочь аналитику уточнить свое понимание главных сил и разломов, объяснить разделение групп на противоборствующие, формирование коалиций и т.д. Данные могут относиться к демографической, политической, экономической, социальной, этнической, религиозной, сектантской, племенной, идеологической и прочим линиям разлома, касаться интересов национальных и субнациональных групп, трендов и прогнозов, имеющих отношение к тем или иным аспектам общественной жизни. Собираемые данные по интересам (**data of interest**) касаются также ключевых свойств операционной среды, включая информационный домен (например, инфраструктуру вещательных и печатных медиа и анализ аудитории), а также опросы обще-

ственного мнения, включая некоторые конкретные случаи, фокусные группы респондентов и пр.

РИСУНОК 6. *Геопространственно ориентированные аспекты информационного домена операционной среды*

Собираемые данные по операционной среде ИВД чаще всего пространственно распределены. Как следствие, аккумулятивное и отображение данных в геопространственной форме качественно усиливает анализ. На Рисунке 6 показан пример информационного домена операционной среды командующего, представленный в виде перекрывающихся слоев, облегчающих анализ пространственных корреляций¹⁴⁵.

Видно, что параметры операционной среды расположены в диапазоне от относительно статичных свойств территории (например, урбанизация, использование земли и транспортные сети) до динамических.

В некоторых случаях они могут включать:

- инфраструктуру, распределение населения, демографические и культурные характеристики;
- превалирующую когнитивную черту населения в определенном регионе (например, нравы и верования);
- поведение населения (например, атаки, протесты или помощь повстанцам).

Поступающая информация постоянно меняет формирующуюся общую картину, и каждое новое сообщение конкурирует за внимание и статус важной. Организация, упорядочение и визуализация различных типов данных в геопространстве может помочь аналитику выявить паттерны и корреляции, которые в противном случае остались бы скрытыми.

Детальный анализ заинтересованных сторон

Второй тип активности фрейма — детальная характеристика заинтересованных сторон — включает три этапа и начинается с пятого. Здесь аналитик, опираясь на результаты предыдущих этапов, выстраивает ключевые характеристики каждой из заинтересованных сторон, отдельных личностей и групп, влияющих на конфликт.

На верхних уровнях рассматриваются такие параметры, как:

- базисное мировоззрение заинтересованных сторон, мотивации, точки зрения по ключевым проблемам конфликта и пр.;
- религиозный, культурный и исторический нарративы, лингвистические характеристики;
- важность и/или особенность конфликта для заинтересованных сторон;
- цели и задачи, желаемые результаты и стратегия, состояние морали и дисциплина, внутренние трения или расколы;
- социально-экономические и прочие факторы.

В рамках пятого этапа также оцениваются военные и невоенные ресурсы и возможности заинтересованных сторон. Невоенные возможности включают, например, оценки размера заинтересованной группы (как в терминах количества членов групп, так и оценок количества народа, который может быть мобилизован), политических, финансово-экономических ресурсов и пр. Оценка силовых возможностей заинтересованных сторон, — военных, паравоенных (военизированных) и прочих способов применения насилия — является критически важной частью данного этапа. Оценка силового по-

тенциала государственных акторов, помимо детального рассмотрения состояния и возможностей вооруженных сил, должна включать рассмотрение военизированных (жандармских) сил, внутренних войск и полиции, пограничных войск и прочих сил безопасности.

Также проводится оценка операционных возможностей, таких как:

- доктрина, стратегия и тактика, методы и процедуры;
- наставления и руководства;
- коммуникации, командование и управление;
- возможности систем оружия, имеющихся в распоряжении акторов.

Наконец, важно добиться понимания рынка оружия и сетей поставок вооружения и военной техники, боевых и прочих видов обеспечения. Для негосударственных акторов оцениваются такие параметры, как количество бойцов, организационный и боевой порядок, боеготовность, дисциплина, эффективность, уровень коррупции и пр.

Шестой этап — оценка сети отношений/связей и взаимоотношений заинтересованных сторон — включает детальный анализ как формальных (организационных), так и неформальных связей между группами, выявление и идентификацию ключевых узлов (влиятельных личностей, акторов) в сети. Формальные организационные структуры и отношения могут быть выявлены через сбор и анализ организационных диаграмм и таблиц организаций, из легальных административных и прочих материалов. Это может позволить выявить формальных/легальных авторитетов, получить представление о распределении и контроле ресурсов и пр. Неформальные сети и отношения могут охватывать как людей, группы и институты внутри организации (заинтересованной стороны), так и во внешней среде (государственные и негосударственные акторы).

Таким образом, вторые методологические линзы для структурирования операционной среды ИВД могут быть описаны в терминах перекрывающихся и взаимосвязанных сетей различного масштаба и размаха и соответствующего сетевого анализа. Применение сетевого анализа позволяет получить проекции, позволяющие получить оценки:

- ключевых лидеров и критических отношений между ними, а также источников власти, авторитета, мощи и влияния акторов и пр.;
- формальных иерархий, таких как политические, военные, бюрократические или административные структуры и организации;
- экономических, племенных, религиозных, религиозных и сектантских сетей;
- неформальных сетей, таких как персональные и профессиональные сети, сети патронатных отношений или сети криминальных организаций, террористические сети и пр.;
- физических и технологических сетей, таких как телекоммуникационные сети, сети командования, управления, коммуникаций и компьютеров и пр.¹⁴⁶.

Седьмой этап — оценка руководства заинтересованных сторон (**stakeholder leadership assessment**) — включает детальный анализ руководства, фокусирующийся на ключевых лидерах. В рамках данного этапа осуществляется:

- компилирование и пересмотр базисной биографической информации;
- создание психологических профайлов;
- создание пси-историй (**psychohistories**);
- анализ прошлых шагов при принятии решений с целью создания поведенческих паттернов и выявления стиля принятия решений;
 - выявление мотивации отдельных личностей, цели, задачи, намерения, предпочтения руководящего состава, патологии, уязвимости;
 - выявление природы договоров и социальных контрактов между лидерами заинтересованных сторон и последователями. Что должны обеспечить лидеры для удержания своих последователей и/или обеспечения лояльности.

Динамический анализ

Финальный тип активности — динамический анализ — состоит из одного этапа в процессе разведобеспечения поля боя (**intelligence preparation of the battlefield (IPB)**) и заключается в интеграции разведывательной информации с целью выявления угроз вероятному курсу действий и понимания возможной траектории развития ситуации. Как показывает опыт военных кампаний в Ираке и Афганистане, операции в среде ИВД проводятся в разрушенных обществах, раздираемых внутрисоциальными политическими конфликтами, принимающих форму террористических акций, повстанческих движений или широкомасштабной войны. Корни конфликта могут лежать в экономической, социальной, территориальной, племенной, этнической, религиозной сферах, борьбе за ресурсы и пр. Как показывают академические исследования, внутрисоциальные конфликты трудно остановить. Они временно затухают, благодаря большим потерям с обеих сторон, и затем возобновляются вновь¹⁴⁷. Стороны, вступившие в военное противоборство, с трудом могут жить вместе и кооперировать в условиях враждебности и отсутствия доверия.

Таким образом, среда ИВД оказывается предельно динамичной, и критически важно проводить мониторинг на широком диапазоне, с целью выявить симптомы, которые позволили бы получить представление о возможных будущих траекториях развития ситуации. Если принять во внимание, что в рамках операционной среды ИВД могут одновременно разворачиваться различные типы конфликтов и угроз (например, повстанческая и террористическая активность), и в ней могут оперировать множество внутренних и внешних акторов, вызовы, стоящие перед динамическим анализом, становятся еще более сложными.

Аналитические методы динамического анализа

При проведении динамического анализа в операционной среде ИВД могут быть полезны ряд аналитических методов, кратко рассмотренных ниже.

Базирующиеся на агентах модели рационального выбора или модели ожидаемой полезности (Agent-based rational choice or expected utility

models). Были разработаны для обеспечения базирующихся на вычислениях предсказаний сложных, мультиакторных, реальных политических проблем, таких как ситуации в среде ИВД. Модели включают аналитические наработки из пространственной политической жизни (**spatial politics**), теории социального выбора, теории игр и теории ожидаемой полезности (**expected utility theory**) в форме, которая делает возможной политически релевантные предсказания, базирующиеся на непрерывно обновляемых входных данных. Некоторые из моделей имеют впечатляющие результаты предсказания результатов на широком диапазоне политических феноменов, включая конфликт, с точностью до 90%¹⁴⁸.

Наиболее интересным свойством данных моделей с точки зрения оценки процессов в операционной среде ИВД является возможность динамического предсказания, базирующегося на относительно малом подмножестве факторов, идентифицированных в рассматриваемом аналитическом фрейме:

- существование множества различных заинтересованных сторон, которые могут воздействовать на результаты дискуссии между правительством и претендентами;
- возможность того, что заинтересованные стороны могут иметь недовольство и конфликты различного вида, ставить различные задачи, занимать различные позиции по тем или иным проблемам в дискуссиях между правительством и бросающими ему вызов претендентами;
- различия в политических, экономических, военных, организационных и прочих возможностях заинтересованных сторон;
- различия в восприятии важности и уровня обязательств в споре для каждой из заинтересованных сторон, когда некоторые потенциально видят ставки как экзистенциальные, в то время как другие остаются разобращенными или безразличными¹⁴⁹.

В рамках данного семейства моделей конечным вопросом, который стоит перед проводящим динамическую оценку среды ИВД аналитиком, является природа политического равновесия. Соответствует ли достигаемое равновесие политическим задачам США? Если ответ положительный, то чувствительность анализа может высветить комбинацию факторов, способствующих достигнутому равновесию. Модели также в состоянии ответить на вопросы, какие факторы необходимы, чтобы достичь целей и задач США, в состоянии ли США достичь своих целей и задач вообще, и где находятся важнейшие рычаги влияния на результаты равновесия. Формируемые динамические оценки нуждаются в периодическом обновлении для уверенности, что используемые предположения и входные параметры и данные для базовой оценки остаются адекватными.

Хотя рассмотрение семейства моделей происходит в контексте динамического анализа, они могут быть использованы и на более ранних этапах процедуры-фрейма, помогая, например, выявить, какие из заинтересованных сторон являются наиболее влиятельными и кому должно быть уделено наибольшее внимание¹⁵⁰.

Аналитические инструменты, идентифицированные в доктрине. Доктрины Армии США идентифицируют ряд аналитических методов и ин-

струментов, которые могут быть применены для анализа разведывательной информации в среде ИВД*.

К ним относятся:

- анализ связей/анализ социальной сети, который может быть использован для понимания критических связей между личностями, институтами и другими компонентами;
- анализ паттернов, который может выявить временные (темпоральные) или пространственные паттерны данных и обеспечить базис для понимания глубинных корреляционных или каузальных механизмов, которые могут быть использованы для оценки угроз, в том числе и курсам действий;
- матрицы культурных сравнений, которые могут помочь высветить сходства, различия или потенциальные точки соприкосновения или трений между группами;
- историческая временная шкала, содержащая значительные даты, релевантную информацию и анализ, которые могут быть использованы для подготовки широкого исторического нарратива касательно источников конфликта, насилия и других явлений. Это также обеспечивает глубокое понимание (инсайды) того, какие ключевые сегменты населения могут реагировать на определенные события или обстоятельства;
- матрицы оценки восприятия (**perception assessment matrixes**), которые могут быть использованы для оценки культурных линз различных групп, используемых для наблюдения за одними и теми же событиями;
- пространственный анализ/схема обстановки на карте (**spatial analysis/map overlays**), который позволяет оценить пространственные взаимоотношения или корреляции между несопоставимыми географически распределенными характеристиками;
- психологические профили, которые могут помочь в понимании того, как ключевые группы, лидеры или лица, принимающие решения, воспринимают мир.

Также может оказаться плодотворным анализ трендов — форма анализа паттернов, — фокусирующийся на временных сериях данных (**time series data**), значительных активностях (**significant activities (SIGACTs)**), изменяющемся медиаконтенте, исследовании корреляций между несопоставимыми переменными. Анализ трендов может также помочь в понимании и наглядном представлении динамических процессов¹⁵¹.

Другие диагностические модели. Существует ряд политически релевантных диагностических инструментов, которые могут быть использованы в рамках рассматриваемого фрейма¹⁵².

Ожидаемый внутригосударственный конфликт (*anticipating intrastate conflict*). Так как ранние дипломатические, военные или другие политические действия могут в некоторых случаях снизить вероятность широкомасштабного конфликта, разведывательный анализ нуждается в инструментах

* В Приложении В (**Appendix B**) FM 3–24 дается краткое описание данных методов и инструментов. *FM 3–24 and MCWP 3–33.5 Counterinsurgency.*

для оценки ожидаемого внутригосударственного конфликта¹⁵³. В ранних исследованиях РЭНД разрабатывалась модель процессов для ожидаемого конфликта, фокусирующаяся на этническом или религиозном конфликтах, которая может быть применена и к другим типам внутригосударственного конфликта. Также был разработан справочник вопросов и руководство для аналитиков, которые выстраивались вокруг пяти аналитических шагов.

1. Идентификация структур, создающих преграды (заграждения) (**Identify structures of closure**). На данном шаге аналитик идентифицирует структурные факторы, закрывающие политические, экономические или социальные возможности для заинтересованных сторон, которые могут привести к конфликту.

2. Отображение преграды на идентифицируемые сходства (**map closure onto identifiable affinities**). На данном шаге аналитик выявляет, перед каким типом преград стоит каждая из заинтересованных сторон. Это могут быть преграды, базирующиеся на племенном родстве, расе, языке, религии, регионе, культуре и пр.

3. Идентификация катализаторов мобилизации (**identify catalysts of mobilization**). На данном шаге аналитик выявляет факторы, которые могут мобилизовать заинтересованные стороны. Это может быть, например, изменение баланса мощи, «легкие толчки», появление политических дельцов, которые стремятся эксплуатировать недовольство, увеличение ресурсов или улучшение организации, внешняя помощь и пр.

4. Оценка возможностей государства (**assess state capability**). На данном шаге аналитик оценивает политические возможности государства успокоить недовольство заинтересованных сторон через фискальные льготы, методы принуждения или подавления и пр.

5. Предсказание возможного насилия (**forecast likelihood of violence**). На данном шаге аналитик, базируясь на анализе активности правительства и его оппонентов, оценивает вероятность политического конфликта. При этом могут использоваться положения теории игр¹⁵⁴.

Описанная выше модель является диагностическим инструментом для рассмотрения мотиваций различных заинтересованных сторон и групп, которые могут бросить вызов правительству, и оценки возможностей правительства обойти эскалацию через поощрение или подавление бросающих вызов до того, как они смогут мобилироваться и перейти к массовому насилию. Хотя модель не ставит перед собой цель предсказать внутригосударственное насилие, она может помочь оценить, существуют ли условия для такого насилия. Кроме того, она позволяет лучше понять движущие силы конфликта, в каких дополнительных данных имеется необходимость и т.д.

Триггеры и факторы риска для выбирающих насилие религиозных групп. Работа, проведенная РЭНД и Греггом Тревертоном (**Greg Treverton**) по анализу религиозных групп, идентифицировала пять потенциальных триггеров и факторов риска для насилия, которые имеют некоторые параллели с концепцией динамического анализа ИВД.

1. Вера в победу. Вера, что использование силы может помочь достичь желаемых политических результатов, поощряет насилие.

2. Страх уничтожения. Экзистенциальные угрозы могут привести к устойчивому насилию.

3. Неспособность или нежелание участвовать в политической жизни. Будучи блокированной или незаинтересованной в «нормальной» политической жизни, заинтересованная сторона превращает силу в опцию для достижения целей.

4. Молодое и неопытное руководство. Молодое неопытное руководство порой рискует и в кризисной ситуации может агрессивно повести группу к насилию.

5. Политический и экономический кризис. Экономический коллапс в комбинации с политическим кризисом приводит к радикализации идеологических и экономических лозунгов и призывов, повышая способность группы вести войну¹⁵⁵.

Разведывательное обеспечение контртеррористических операций

Основными публичными документами и руководствами по политике и стратегии войны с террором являются «Четырехлетний прогноз МО», «Национальная стратегия борьбы с террором» (**National Strategy for Combating Terrorism**) и «Национальный военный стратегический план по борьбе с терроризмом» от февраля 2006 года (**National Military Strategic Plan for the War on Terrorism (NMSPP-WOT 2/06)**). Обзор доктринальных документов показывает, что имеется тенденция рассматривать терроризм и повстанческую активность как в целом идентичные явления, когда не проводится различие между требованиями к разведке для контрповстанческих и контртеррористических операций. Хотя требования к разведывательной информации и анализу для глобального джихадистского повстанчества не так четко определены, как для типичной контрповстанческой операции, контртеррористические операции разделяют многие из аналитических требований среды ИВД, обсужденные выше.

Например, терроризм является предельной формой принуждения и влияния на правительство и/или население, разведывательный анализ которого может быть проведен в рамках рассмотренного фрейма. «Экстремизм использует терроризм — целенаправленное использование в качестве мишени простых людей — для создания страха, чтобы принудить или запугать правительства или общества в преследовании политических, религиозных или идеологических целей. Экстремисты используют терроризм для препятствования и подрыва политического прогресса, экономического благосостояния, безопасности и стабильности международной системы государств и будущего гражданского общества»¹⁵⁶. Кроме того, чтобы быть успешными в долгосрочной перспективе, как повстанцы, так и террористы должны бороться за поддержку или согласие большей части релевантного населения. Террористические сети также разделяют многие из концепту-

альных свойств других враждебных сетей, включая сети повстанцев, и являются предметом детального разведывательного анализа.

Чтобы быть в состоянии оперировать и выживать, сети противника (**enemy networks**) опираются на определенные ключевые функции, процессы и ресурсы, являющиеся важным базисом для контрсетевых стратегий, которые могут быть определены следующим образом:

- *функции* (критические возможности) — специфическое занятие, роль или цель;

- *процесс* — серия действий или операций (взаимодействие ресурсов) во времени, которые ведут к цели или результатам (то есть функциям);

- *ресурс* (критическое требование) — личность, организация, место или вещь (физическая или нефизическая) и ее атрибуты. На языке сети ресурс может также рассматриваться как «узел» и взаимодействие или взаимоотношение между узлами, описываемое как «соединение»¹⁵⁷.

«Национальный военный стратегический план по борьбе с терроризмом» от февраля 2006 года предлагает категоризацию элементов террористической сети, призванную обеспечить «общий лексикон для ориентирования и координации усилий против сетей противника», которая может рассматриваться как фрейм для анализа критических элементов сети.

Террористические и другие враждебные сети рассматриваются как состоящие из девяти базисных компонентов:

- руководство;
- надежное убежище (тихая гавань);
- финансы;
- коммуникации;
- движение;
- разведка;
- вооружение; личный состав; и
- идеология¹⁵⁸.

Элементы данного списка похожи на элементы, идентифицированные в рамках аналитического фрейма разведывательной информации ИВД. В этой связи следует отметить работу Дэвида Килкаллена, который рассматривал контрповстанчество как «сложную систему», а большую войну с терроризмом как «глобальное контрповстанчество»¹⁵⁹. Между аналитическим фреймом разведывательной информации ИВД и подходом Килкаллена, который фокусируется на ключевых узлах, связях, границах, взаимодействиях, подсистемах, входах и выходах, нет принципиального и явного несоответствия. Применение теории сложных адаптивных систем Дэвидом Килкалленом к контрповстанческой активности и войне с терроризмом оценивается экспертным сообществом как многообещающее¹⁶⁰.

Тем не менее, ряд требований к разведывательной службе в рамках контртеррористической борьбы отличается от требований в операционной среде ИВД. Различия будут кратко обсуждены ниже. При этом можно выделить два различных типа контртеррористических операций, имеющие некоторые

различия в требованиях к разведывательной информации и анализу: тактические и операции против транснациональных террористических сетей.

Тактические контртеррористические операции. В рамках узкого подхода, контртеррористические действия — это миссия сил специального назначения, и требования к разведке формируются сообществом по специальным операциям, большая часть доктринальных документов которого секретны. Тем не менее, операции против террористических ячеек могут проводиться и в контексте конвенциональных или иррегулярных кампаний. В «Объединенной концепции ведения боевых действий в рамках ИВД» от сентября 2007 года обсуждается вероятность операций против террористов, проводимых как часть широкой кампании в среде ИВД. Например, операции по созданию заградительных кордонов или поисковые операции с целью выбить отдельных террористов или малые ячейки из надежных убежищ. Конвенциональные силы также могут проводить целенаправленные рейды против террористических целей. В большинстве таких случаев применяется доктрина по проведению конвенциональных тактических операций, в рамках которой организуется разведывательное обеспечение и анализ операций¹⁶¹.

Операции против транснациональных террористических сетей. В отличие от тактических контртеррористических операций, категоризация, формирование требований и пр. по разведывательной информации и анализу в рамках глобальной войны с терроризмом в открытой литературе представлены*. Несекретный «Национальный военный стратегический план по борьбе с терроризмом» дает список приложений, которые поддерживают ряд типов контртеррористической активности, каждый из которых ассоциируется с множеством разведывательных и аналитических требований:

- *приложение В. «Разведка»* — описывает угрозу, концепцию разведывательных операций и типы разведывательной активности;

- *приложение С. «Операции»* — обеспечивает задачи и координирующие инструкции для имплементации базового плана, определяет ответственность на уровне всего МО (**DoD-wide responsibilities**). Командующий КСО США определяется в качестве поддерживающего командующего (**supported commander**) в глобальной войне с терроризмом;

- *приложение F. «Служба по связям с общественностью»* — вместе с руководством по стратегическим коммуникациям в «приложении H» предлагает руководство по применению кампаний в сфере публичной политики в рамках глобальной войны с терроризмом;

- *приложение L. «Оборона отечества», «Безопасность отечества» и «Общественная поддержка»* — описывает роль военных в каждой из данных миссий в рамках глобальной войны с терроризмом.

* Секретная версия **NMSP-WOT** описывает угрозы, концепцию разведывательных операций, а также разведывательную активность. Секретный документ «План глобальной кампании для войны с терроризмом» «Командования сил специальных операций» (**SOCOM Global Campaign Plan for the War on Terrorism**) также обсуждает требования к разведывательной активности. **Larson, Assessing Irregular Warfare**, p. 39.

• приложение Т. «Оружие массового поражения/эффекты» — описывает терроризм с использованием ОМП, эффекты, а также принципы противодействия¹⁶².

Сравнение со стандартным процессом разведывательного обеспечения сражения

Доктринально процесс разведывательного обеспечения сражения (боя) — это систематический и постоянный анализ угроз и среды с целью поддержки решения командующего. Процесс состоит из четырех шагов, выполняемых аналитиком:

- *определение операционной среды.* Аналитик стремится идентифицировать разведанные, которые будут ключевыми для дружественного или враждебного влияния на ход операции;

- *описание операционной среды.* Аналитик оценивает эффекты, которые формируются в среде, и как они влияют на дружественные и враждебные силы. Шаг, на котором обеспечивается выявление ограничений и преимуществ, которые обеспечивает операционная среда для потенциальных операций дружественных или враждебных сил;

- *оценка угрозы.* Аналитик оценивает, как функционирует и организована угроза в нормальном режиме, когда она не ограничена операционной средой. Шаг также используется для определения особо важных (приоритетных) целей;

- *определение курса действий угроз.* Аналитик, интерпретируя доступную информацию, стремится выявить, как будет реагировать угроза на эффекты операционной среды с целью оценить возможный будущий курс действий угрозы¹⁶³.

В Таблице 3 показано, каким образом можно перейти от доктринального процесса разведывательного обеспечения сражения (колонки) к аналитическому фрейму ИВД (строчки)*.

Можно увидеть, что фрейм ИВД включает активности, которые выполняются на каждом шаге четырехшагового процесса разведывательного обеспечения сражения. Это является следствием того, что доктрина Армии поддерживает сбор и анализ информации по гражданским и общественным параметрам операционной среды. Диагональ с верхней левой ячейки до нижней правой показывает, что базисная упорядоченность активности в аналитическом фрейме разведывательной информации ИВД хорошо коррелирует со стандартным процессом разведывательного обеспечения сражения. Это позволяет говорить о высоком уровне совместимости, что упрощает внедрение фрейма в существующие процессы разведывательной аналитики, учебные и тренировочные циклы. Другими словами, фрейм ИВД может рассмат-

* Процесс разведобеспечения поля боя детально описывается в **U.S. Department of the Army. FM 34–130. Intelligence Preparation of the Battlefield.** Headquarters, Department of the Army Washington, DC, July 1994. 1 November 2014. <<http://fas.org/irp/doddir/army/fm34–130.pdf>>. Применение процесса развед-обеспечения поля боя во время контрпрованстанческих операций можно найти в **FM 3–24 and MCWP 3–33.5, Counterinsurgency**, pp. 3–2 — 3–24.

риваться не как альтернатива или конкурент существующим процедурам, но как обеспечивающий аналитический протокол для разведывательного обеспечения сражения в среде ИВД, который подходит как для оперативного, так и стратегического уровней разведывательного анализа¹⁶⁴.

ТАБЛИЦА 3. *Переход от доктринального процесса разведывательного обеспечения сражения к аналитическому фрейму иррегулярных военных действий*

Шаги аналитического фрейма ИВД	Шаги стандартного процесса разведобеспечения поля боя			
	Охарактеризовать операционную среду	Описать операционную среду	Оценить возможные действия противника	Определить курс действий по возможным действиям противника
1. Начальная оценка и сбор данных				
а. Предварительная оценка ситуации	X	X		
б. Идентификация основных вопросов/проблем		X		
с. Идентификация заинтересованных сторон	X			
д. Сбор базисных данных	X	X		
2. Детальный анализ заинтересованных сторон				
а. Характеристики заинтересованных сторон		X	X	
б. Оценка сети и взаимоотношений/связей заинтересованных сторон			X	
с. Оценка руководства заинтересованных сторон			X	
Динамический анализ			X	X

¹ Olson, *U.S Special Operations*.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ U.S. Joint Chiefs of Staff, *Joint Publication 1–02*, pp. 511–512.

⁵ Olson, *U.S Special Operations*.

⁶ Obama, Barack H. *National Security Strategy*. Washington, DC: The White House, May 2010, p. 14.

⁷ Olson, *U.S Special Operations*.

⁸ Miller, Richard M. *Funding Extended Conflicts: Korea, Vietnam, and the War on Terror*. Westport, CT: Praeger Security International, 2007, p. 121.

⁹ Ostlund, William B. “Irregular Warfare: Counterterrorism Forces in Support of Counterinsurgency Operations,” *The Land Warfare Papers*, No. 91, The Institute of Land Warfare, September 2012, p. 2. 1 November 2014. <http://www.ausa.org/publications/ilw/ilw_pubs/landwarfarepapers/Documents/LWP_91_web.pdf>

- ¹⁰ **Leebaert**, *To Dare and to Conquer*, p. 586.
- ¹¹ **Olson**, *U.S. Special Operations*.
- ¹² **U.S. Joint Chiefs of Staff**. *Joint Publication 4-0 (JP 4-0) Joint Logistics*. Washington, DC: The Joint Staff, July 18, 2008, p. V-9. 1 November 2014. <http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp4_0.pdf>
- ¹³ **Olson**, *A Balanced Approach to Irregular Warfare*.
- ¹⁴ **Kennedy, John F.** “Speech to the United States Army,” April 11, 1962, as reprinted in *Special Warfare: An Army Specialty*. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1962. Цит. по **Olson**, *A Balanced Approach to Irregular Warfare*
- ¹⁵ **Olson**, *A Balanced Approach to Irregular Warfare*.
- ¹⁶ *Ibid.*
- ¹⁷ *Ibid.*
- ¹⁸ *Ibid.*
- ¹⁹ **McChrystal, Stanley A.** “It Takes a Network: The New Frontline of Modern Warfare,,” *Foreign Policy*, March/April 2011, p. 1–6. 1 November 2014. <http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/02/22/it_takes_a_network>.
- McRaven, William H.** “Future of U.S. Special Operations Forces: Ten Years After 9/11 and Twenty-Five Years After Goldwater — Nichols,” hearing before a subcommittee of the House Armed Services Committee, *Congressional Record*, 22 September 2011, p. 4. 1 November 2014. <http://fas.org/irp/congress/2011_hr/sof-future.pdf>
- ²⁰ **McChrystal**, *It Takes a Network*.
- ²¹ “Generation Kill. A Conversation With Stanley McChrystal,” *Foreign Affairs*, 11 February 2013. 1 November 2014. <<http://www.foreignaffairs.com/discussions/interviews/generation-kill>>.
- ²² *Ibid.*
- ²³ *Ibid.*
- ²⁴ **Ostlund**, *Irregular Warfare*, p. 3.
- ²⁵ **McChrystal**, *It Takes a Network*.
- ²⁶ *Generation Kill*.
- ²⁷ **Schmitt and Shanker**, *Counterstrike*, p. 75.
- ²⁸ *Ibid.*, p. 75.
- ²⁹ **Ostlund**, *Irregular Warfare*, p. 4.
- ³⁰ *Generation Kill*.
- ³¹ *Ibid.*
- ³² *Ibid.*
- ³³ **Bowman, Steve and Catherine Dale.** “War in Afghanistan: Strategy, Military Operations and Issues for Congress,” *Congressional Research Service*, Report 7–5700, 3 December 2009, p. 8. 1 November 2014. <<http://www.fas.org/sgp/crs/row/R40156.pdf>>
- ³⁴ **Cordesman, Anthony H.** “Victory and Violence in Iraq: Reducing the Irreducible Minimum,” *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, February 25 2008. 1 November 2014. <http://csis.org/files/media/isis/pubs/080227_irreducible.minimum.final.pdf>
- ³⁵ **Schmitt and Shanker**, *Counterstrike*, pp. 91–92.
- ³⁶ **Shanker, Thom.** “Admiral Defends Use of Elite Unit in Calamitous Raid,” *New York Times* 30 August 2011. 1 November 2014. <<http://www.nytimes.com/2011/08/31/world/asia/31commander.html>>
- ³⁷ **Flynn, Michael T., Rich Juergens and Thomas L. Cantrell.** “Employing ISR: SOF Best Practices,” *Joint Force Quarterly (JFQ)*, Issue 52, 1st Quarter, 2008, p. 57. 1 November 2014. <http://www.dtic.mil/doctrine/docnet/courses/intelligence/intel/jfq_50_art-2.pdf>
- ³⁸ *Generation Kill*.
- ³⁹ *Ibid.*
- ⁴⁰ *Ibid.*
- ⁴¹ *Ibid.*
- ⁴² **Schmitt and Shanker**, *Counterstrike*, p. 83
- ⁴³ **McChrystal Stanley A. and Tom Brokaw** “HBO History Makers Series with Stanley McChrystal (Transcript),” *Council on Foreign Relations*, 6 October 2011. 1 November 2014. <<http://www.cfr.org/afghanistan/hbo-history-makers-series-stanley-mcchrystal/p26157>>
- ⁴⁴ **Ostlund**, *Irregular Warfare*, pp. 4–5.
- ⁴⁵ *Ibid.*, p. 5.

- ⁴⁶ **Olson**, *U.S. Special Operations*.
- ⁴⁷ **Kiras**, *Special Operations and Strategy*.
- ⁴⁸ **Leebaert**, *To Dare and to Conquer*.
- ⁴⁹ **Boot, Max**. “The New American Way of War.” *Foreign Affairs* Vol. 82, No. 4 July/August 2003, pp 41–58. 1 November 2014. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/58996/max-boot/the-new-american-way-of-war>>
- ⁵⁰ *Generation Kill*.
- ⁵¹ **Gray**, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, p 54.
- ⁵² **McChrystal**, *It Takes a Network*.
- ⁵³ **McRaven**, *Future of U.S. Special Operations Forces*.
- ⁵⁴ **Ostlund**, *Irregular Warfare*, pp. 9.
- ⁵⁵ *Ibid.*, pp. 9.
- ⁵⁶ **Mahan, Alfred Thayer**. *The Influence of Seapower upon History, 1660–1783*. Boston: Little, Brown, 1890, pp. 394–96.
- ⁵⁷ **Dunigan, Molly et al**. *Characterizing and exploring the implications of maritime irregular warfare*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, MG1127, 2012. 1 November 2014. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2012/RAND_MG1127.pdf>
- ⁵⁸ *Ibid.*, p. 10.
- ⁵⁹ **U.S. Department of Defense**. *JOC, Version 2.0*, pp. 9–10.
- ⁶⁰ **Dunigan**, *Characterizing and exploring the implications of maritime irregular warfare*, p. 12.
- ⁶¹ *Ibid.*, pp. 12–13.
- ⁶² *Ibid.*, pp. 14–15.
- ⁶³ *Ibid.*, pp. 16–17.
- ⁶⁴ *Ibid.*, pp. 92–94.
- ⁶⁵ *Ibid.*, pp. 87–88.
- ⁶⁶ **Sandoz, John**. “Institutionalizing an ‘Irregular Warfare’ Focus in the Navy: Imperative for Confronting Irregular Challenges,” *Small Wars Journal*, 24 August 2011. 1 November 2014. <<http://smallwarsjournal.com/sites/default/files/842-sandoz.pdf>>
- ⁶⁷ **Conway, James T. (Gen., Commandant of the U.S. Marine Corps), Gary Roughea (Adm., Chief of Naval Operations), and Thad W. Allen (Adm., U.S. Coast Guard)**. “Cooperative Strategy for the 21st Century,” *International Seapower Symposium*, Newport, R.I., Oct 17, 2007. 1 November 2014. <<http://www.navy.mil/maritime/MaritimeStrategy.pdf>>
- ⁶⁸ **U.S. Navy Vision for Confronting Irregular Challenges — Pursuing a Capability Balance for 21st Century Operations**. January 2010, p. 7. 1 November 2014. <http://www.navy.mil/navydata/cno/CNO_SIGNED_NAVY_VISION_FOR_CONFRONTING_IRREGULAR_CHALLENGES_JANUARY_2010.pdf>
- ⁶⁹ **Sandoz**, *Institutionalizing an ‘Irregular Warfare’ Focus in the Navy*.
- ⁷⁰ **Bowden, Anna**. “The Economic Cost of Maritime Piracy,” *One Earth Future Working Paper*, December 2010. 1 November 2014. <<http://oneearthfuture.org/sites/1earthfuture.org/files/documents/publications/The-Economic-Cost-of-Piracy-Full-Report.pdf>>
- ⁷¹ **Sandoz**, *Institutionalizing an ‘Irregular Warfare’ Focus in the Navy*
- ⁷² *Ibid.*
- ⁷³ **Dunigan**, *Characterizing and exploring the implications of maritime irregular warfare*, pp. 88–92.
- ⁷⁴ *Ibid.*, p. 94.
- ⁷⁵ *Ibid.*, pp. 94–95
- ⁷⁶ *Ibid.*, pp. 95–96
- ⁷⁷ **Moseley, T. Michael General**. “CSAF White Paper — the Nation’s Guardians: America’s 21st Century Air Force,” Washington, D.C.: Headquarters U.S. Air Force, 2007. 1 November 2014. <http://www.au.af.mil/au/awc/awgate/af/csaf_white_ppr_29dec07.pdf>
- ⁷⁸ **Corum, James S. and Wray R. Johnson**. *Airpower in Small Wars: Fighting Insurgents and Terrorists*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2003, p. 1.
- ⁷⁹ *Ibid.*, p. 427.
- ⁸⁰ *Ibid.*, p. 214.
- ⁸¹ **Hoffman, Bruce**. “Does Our Counter-Terrorism Strategy Match the Threat?” Testimony presented before the Committee on International Relations Subcommittee on International Terrorism and

Nonproliferation, United States House of Representatives, Washington, D.C. Santa Monica, CA: RAND Corporation, CT-250-1, September 2005, p. 11-12. 1 November 2014. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/testimonies/2005/RAND_CT250-1.pdf>

Cassidy, Robert M. *Counterinsurgency and the Global War on Terror: Military Culture and Irregular War*. Westport, CT: Praeger Security International, 2006. p. 2.

⁸² **Corum and James**, *Airpower in Small Wars*, p. 214.

⁸³ **U.S. Department of the Army.** *Field Manual (FM) FM 3-24 and MCWP 3-33.5 Counterinsurgency*. Washington, D.C.: Department of the Army, 2012. pp. 8-8.

⁸⁴ **Corum and James**, *Airpower in Small Wars*, p. 157.

⁸⁵ **Tilford, Earl H. Jr.** *Setup: What the Air Force Did in Vietnam and Why*. Maxwell Air Force Base, AL: Air University Press, 1991, pp. 63-69, 75; **Corum and James**, *Airpower in Small Wars*, p. 274.

⁸⁶ **Tilford, Setup: What the Air Force Did in Vietnam and Why, p. 30.**

⁸⁷ *Ibid.*, p. 40.

⁸⁸ **Moseley**, *CSAF White Paper*, p. 9.

⁸⁹ **Miles, Lloyd.** *Back to the Future: Constabulary Forces Revisited*. USAWC Strategy Research Project, Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, 2002, pp. 10-11.

⁹⁰ **Tilford, Setup: What the Air Force Did in Vietnam and Why, p. 29.**

⁹¹ **Corum and James**, *Airpower in Small Wars*, pp. 137-138.

⁹² *Ibid.*, p. 238.

⁹³ **Tilford, Setup: What the Air Force Did in Vietnam and Why, p. 21.**

⁹⁴ **Vick, Alan J. et al. (Eds.)** *Air Power in the New Counterinsurgency Era: The Strategic Importance of USAF Advisory and Assistance Missions*. RAND Corporation monograph series, edited by RAND Project Air Force. Santa Monica, CA: RAND Corporation, MG509, 2006, pp. 115-116. 1 November 2014. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2006/RAND_MG509.pdf>

⁹⁵ **Beebe, Kenneth.** "The Air Force's Missing Doctrine: How the US Air Force Ignores Counterinsurgency," *Air and Space Power Journal*, Vol. 30, No. 1, Spring 2006. p. 32.

⁹⁶ **Vick**, *Air Power in the New Counterinsurgency Era*, p. 116.

⁹⁷ **United States Congress.** "§ 167. — Unified Combatant Command for Special Operations Forces," Government Printing Office, 2010. 1 November 2014. <<http://www.gpo.gov/fdsys/granule/USCODE-2010-title10/USCODE-2010-title10-subtitleA-part1-chap6-sec168/content-detail.html>>

⁹⁸ **Vick**, *Air Power in the New Counterinsurgency Era*, p. 117.

⁹⁹ **Johnson, Wray R.** "Ends Versus Means: The 6th Special Operations Squadron and the Icarus Syndrome," *Air & Space Power Journal*, 2 December 2000. 1 November 2014. <<http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/coj/cc/WJohnson.html>>

¹⁰⁰ **Vick**, *Air Power in the New Counterinsurgency Era*, p. 125.

¹⁰¹ **Corum and James**, *Airpower in Small Wars*, p. 247; **Tilford, Setup: What the Air Force Did in Vietnam and Why, p. 68.**

¹⁰² **Read, Robyn Colonel.** "Irregular Warfare and the US Air Force: The Way Ahead," *Air and Space Power Journal*, Vol. 21, No. 4, Winter 2007, pp. 42-52. 1 November 2014. <<http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj07/win07/read.html>>

¹⁰³ **Davis, Arthur D.** "Back to the Basics: An Aviation Solution to Counterinsurgent Warfare," *The Wright Flyer Papers*, No. 23, Maxwell AFB, AL: December 2005, p. 4. 1 November 2014. <<http://handle.dtic.mil/100.2/ADA444383>>

Read, *Irregular Warfare and the US Air Force*.

¹⁰⁴ **Gray**, *Irregular Enemies and the Essence of Strategy*, p. 27.

¹⁰⁵ *FM 3-24 and MCWP 3-33.5 Counterinsurgency*, p. A-3.

¹⁰⁶ **Vick**, *Air Power in the New Counterinsurgency Era*, p. 46.

¹⁰⁷ *FM 3-24 and MCWP 3-33.5 Counterinsurgency*, p. 6-17.

¹⁰⁸ **Ellsworth, James B.** "Sysadmin: Toward Barnett's Stabilization and Reconstruction Force," *The Land Warfare Papers*, No. 57, Arlington, VA: The Association of the United States Army Institute of Land Warfare, September 2006, p. 2. 1 November 2014. <http://www.ausa.org/SiteCollectionDocuments/ILW%20Web-ExclusivePubs/Land%20Warfare%20Papers/LWP_57.pdf>

¹⁰⁹ **Corum and James**, *Airpower in Small Wars*, p. 82.

¹¹⁰ *FM 3-24 and MCWP 3-33.5 Counterinsurgency*, p. 1-27; **Morgenstein and Vickland**, *The Global Counterinsurgency*.

- ¹¹¹ **Perito, Robert M.** “The U.S. Experience with Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan,” *Afghan Experience Project*, Washington, DC: United States Institute of Peace, 1 October 2005, p. 8. 1 November 2014. <<http://www.peacekeepingbestpractices.unlb.org/pbps/Library/US%20experience%20in%20Afghanistan.pdf>>
- ¹¹² **Miles, Back to the Future**, p. 14; **Thomas, Evan and John Barry.** “The Fight over How to Fight,” *Newsweek*, March 24, 2008.
- ¹¹³ **Bauer, Michael.** “Training the Iraqi Air Force: Lessons from a U.S. C-130 Advisory Mission,” *Policy Focus*, 73, Washington, D.C.: The Washington Insitute for Near East Policy, August 2007, pp. 5–6. 1 November 2014. <<http://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/pubs/PolicyFocus73Initial.pdf>>
- ¹¹⁴ *Ibid.*, p. 13.
- ¹¹⁵ **Vick, Air Power in the New Counterinsurgency Era**, p. 75.
- ¹¹⁶ **Ellsworth, Sysadmin**, p. 7; **Miles, Back to the Future.**
- ¹¹⁷ **Mannon, Statement before the 109th Congress Committee on Armed Services Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities.**
- ¹¹⁸ **HQ AFDDEC/DD. Air Force Doctrine Document (AFDD) 2–3: Irregular Warfare.** Department of Defense: U.S. Government Printing Office, August 2007, p. ii. 1 November 2014. <<http://fas.org/irp/doddir/usaf/afdd2–3.pdf>>
- ¹¹⁹ **Allardice, Robert R. and Kyle Head.** “The Coalition Air Force Transition Team: Rebuilding Iraq’s Air Force,” *Air & Space Power Journal*, Vol. 21, No. 4, Winter 2007. 1 November 2014. <<http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj07/win07/allardice.html>>
- ¹²⁰ **Vick, Air Power in the New Counterinsurgency Era**, p. 144;
- ¹²¹ **Corum and James, Airpower in Small Wars**, p. 268; **Vick, Air Power in the New Counterinsurgency Era**, p. 65.
- ¹²² **Corum and James, Airpower in Small Wars**, p. 349; **Johnson, Ends Versus Means.**
- ¹²³ **Monroe, George M.** “The Rebirth of the Outback Air Force,” *Armed Forces Journal*, 1 February 2008. 1 November 2014. <<http://www.armedforcesjournal.com/the-rebirth-of-the-outback-air-force/>>
- ¹²⁴ **Neal, Derrick J.** “Do We Really Understand What Is Meant by Transformational Change for Defence?,” *Defence Studies*, Vol. 6, No. 1, March 2006, pp. 76–80, 90.
- ¹²⁵ **Weems, Max C. An Air Force for the Long War and Beyond**, pp. 15–16;
- ¹²⁶ *FM 3–24 and MCWP 3–33.5 Counterinsurgency*, p. 6–6;
- ¹²⁷ **Cassidy, Counterinsurgency and the Global War on Terror**, p. 127.
- ¹²⁸ **Read, Irregular Warfare and the US Air Force.**
- ¹²⁹ **Tilford, Setup: What the Air Force Did in Vietnam and Why**, pp. 67, 75, 80.
- ¹³⁰ **Brozenick, Norman J. Another Way to Fight: Combat Aviation Advisory Operations.** Maxwell AFB, AL: Air University, 2002, p. 27. 1 November 2014. <<http://www.dtic.mil/get-tr-doc/pdf?AD=ADA420700>>
- ¹³¹ **U.S. Marine Corps.** “The Long War: Send in the Marines. A Marine Corps Operational Employment Concept to Meet an Uncertain Security Environment,” Quantico, Va.: U.S. Marine Corps, 2008.
- ¹³² **Bond, Margaret S. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States.** USAWC Strategy Research Project, Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College March 2007. 1 November 2014. <<http://handle.dtic.mil/100.2/ADA468398>>
- ¹³³ **Nagl, John A. Institutionalizing Adaptation: It’s Time for a Permanent Army Advisor Corps.** Future of the U.S. Military Series, Washington, DC: Center for a New American Security, June 2007. 1 November 2014. <http://www.cnas.org/files/documents/publications/Nagl_AdvisoryCorp_June07.pdf>
- Camarena, Mark J. In Search of a New Type of Army: Nation Building and Occupation.** Fort Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies, U.S. Army Command and General Staff College, 2004. 1 November 2014. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/sam/nation_bldg_camarena.pdf>
- ¹³⁴ **Kostelnik, Edward A. Airmen First: Shaping the Expeditionary Air Force for Counterinsurgency.** Thesis, Naval Postgraduate School, Monterey, California, September 2006. pp. 69–71. 1 November 2014. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/nps/kostelnik_eaf_coin_sep06.pdf>
- Bauer, Training the Iraqi Air Force**, p. 7.
- ¹³⁵ **Weems, An Air Force for the Long War and Beyond**, p. 16–17.
- ¹³⁶ **O’Connell, Robert and John S. White.** “NGIC: Penetrating the Fog of War,” *Military Intelligence Professional Bulletin*, April-June 2002, pp. 14–18. 1 November 2014. <<http://www.thefreelibrary.com/>>

NGIC%3A+Penetrating+the+fog+of+war.-a084903372>

¹³⁷ **Department of Defense**, “Memorandum for Correspondents,” *Memorandum* No. 046-M, March 2, 1995.

¹³⁸ **Headquarters, Department of the Army**. *Intelligence, Field Manual (FM) 2–0*, Washington, DC, May 2004, p. 10–2. 1 November 2014. <<http://www.scribd.com/doc/213490441/FM-2-0-Intelligence>>

¹³⁹ **Larson**, *Assessing Irregular Warfare*.

¹⁴⁰ *Ibid.*, p. 3.

¹⁴¹ **Larson, Eric V. et al.** *Foundations of Effective Influence Operations: A Framework for Enhancing Army Capabilities*. MG-654, Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009. 1 November 2014. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG654.pdf>

Larson, Eric V. et al. *Understanding Commanders' Information Needs for Influence Operations*. MG-656, Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009. 1 November 2014. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG656.pdf>

¹⁴² **Larson**, *Assessing Irregular Warfare*, p. 20.

¹⁴³ *Ibid.*, pp. 20–21.

¹⁴⁴ *Ibid.*, pp. 21–28.

¹⁴⁵ **Larson et al.**, *Understanding Commanders' Information Needs for Influence Operations*.

¹⁴⁶ **Larson et al.**, *Understanding Commanders' Information Needs for Influence Operations*.

¹⁴⁷ **Harbom, Lotta, Stina Hogbladh and Peter Wallensteen**. “Armed Conflict and Peace Agreements,” *Journal of Peace Research*, Vol. 43, No. 5, 2006, pp. 617–631.

¹⁴⁸ **Ray, James Lee and Bruce Russett**. “The Future as Arbiter of Theoretical Controversies: Predictions, Explanations and the End of the Cold War,” *British Journal of Political Science*, Vol. 26, No. 4, 1996, pp. 441–470. 1 November 2014. <<https://my.vanderbilt.edu/jamesleeray/files/2014/01/FUTURE-AS-ARBITER.pdf>>

Larson et al., *Understanding Commanders' Information Needs for Influence Operations*.

¹⁴⁹ **Larson**, *Assessing Irregular Warfare*, pp. 29–30.

¹⁵⁰ *Ibid.*, p. 31.

¹⁵¹ *Ibid.*, pp. 31–32.

¹⁵² **Tilly, Charles**. *From Mobilization to Revolution*. NY: McGraw-Hill, 1978. 1 November 2014. <<http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/50931/156.pdf>>

DeNardo's, James. *Power in Numbers: The Political Strategy of Protest and Rebellion*. Princeton: Princeton University Press, 1985; **Tarrow, Sidney**. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; **Tilly, Charles**. *Politics of Collective Violence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 1 November 2014. <<http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/50863/83.pdf>>

¹⁵³ **Szayna, Thomas S. and Ashley J. Tellis**. «Introduction,» in **Thomas S. Szayna (Ed.)**. *Identifying Potential Ethnic Conflict: Application of a Process Model*. MR-1188, Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2000, pp. 3, 5. 1 November 2014. <http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1188.html>

¹⁵⁴ **Szayna**, *Identifying Potential Ethnic Conflict*, pp. 30–73; **Szayna**, *Identifying Potential Ethnic Conflict*, Appendix “Questions and Guidelines for the Analyst,» pp. 291–328.

¹⁵⁵ **Larson**, *Assessing Irregular Warfare*, pp. 34–35.

¹⁵⁶ *NMSP-WOT 2/06*, p. 4.

¹⁵⁷ *Ibid.*, pp. 4–5.

¹⁵⁸ *Ibid.*, pp. 14–19.

¹⁵⁹ **Kilcullen, David**. “Countering Global Insurgency,” *Small Wars Journal*, 2004. 1 November 2014. <<http://www.smallwarsjournal.com/documents/kilcullen.pdf>>

¹⁶⁰ **Kilcullen**, *Counterinsurgency Redux*.

¹⁶¹ **Larson**, *Assessing Irregular Warfare*, pp. 37–40.

¹⁶² *NMSP-WOT 2/06*, pp. 28–33.

¹⁶³ **Larson**, *Assessing Irregular Warfare*, pp. 40–41.

¹⁶⁴ *Ibid.*, pp. 41–42.

ГЛАВА III

Религиозные и военно-политические отношения в среде иррегулярных военных действий

3.1. Религия в операционной среде иррегулярных военных действий

3.1.1. *Общий контекст*

Целью данного раздела является переосмысление роли религии в операционной среде ИВД и, в частности, существующей таксономии повстанчества в контрповстанческих доктринах Запада. Ряд теоретиков критикуют устав по контрповстанческой активности за недостаточное внимание к роли религии в иррегулярных военных действиях. Например, критики замечают, что религия упоминается в уставе только несколько раз, и, если проблема религии идентифицируется и обсуждается, то делается это в рамках оценки культурного контекста операционной среды. Дэвид Килкаллен, один из архитекторов контрповстанческой доктрины США, защищая устав, считает, что критики недопонимают как природу современных конфликтов, так и назначение военной доктрины¹. Килкаллен отмечает, что хотя почти все «исторические повстанческие движения имели сильную религиозную размерность», повстанчество не является фундаментально религиозным по своей природе. Религия кооптируется повстанцами, как способ манипулирования местным населением и циничного оправдания актов политического насилия и терроризма². Другими словами, религия рассматривается как свойство социальной среды, которое используется руководством повстанчества для оправдания и/или проведения экстремальных форм насилия.

Точка зрения, что религия является политическим инструментом и частью общего фона секулярного политического конфликта, встречается не только в работах Килкаллена, но также в контрповстанческих доктринах. Религии отрицается в праве быть основой конфликта, иницируя духовное повстанчество (**spiritual insurgency**)³. Такой взгляд и отрицание правомерности термина «духовное повстанчество» является следствием разделения сферы религиозного и политического на Западе. При этом игнорируется тот факт, что для большинства обществ третьего мира религиозная и политическая реальности не разделяются. Неадекватное восприятие реальности приводило и приводит к непредвиденным последствиям и результатам, в том числе, и возникновению межрелигиозных и межконфессиональных конфликтов, как это имеет место, например, в Ираке в последнее десятилетие. Придерживаясь секулярного взгляда на общество, Запад оказывается

не в состоянии предсказать и остановить насильственные действия религиозных экстремистов. Это вынуждает ряд западных исследователей расширить исследовательское поле и рассматривать религию в качестве одной из движущих сил в операционной среде ИВД*.

3.1.2. *Мировоззрение, идеология и политическая теология*

Перед тем как продолжить рассмотрение духовного повстанчества, необходимо внести ясность, каким образом будут использоваться ряд понятий, привлекаемых к рассмотрению проблемы. Первым понятием такого рода является «мировоззрение». Мировоззрение — это не религия, однако оно наполняется смыслом религией. В то время как религия представляет собой персональное или институционализированное множество верований и практик, касающихся сакрального, мировоззрение является формальной или неформальной системой верований, которая обеспечивает концепцию человеческого существования, в частности, взаимоотношения личности с миром и сакральным. Можно сказать, что мировоззрение определяет позицию личности в мире во взаимодействиях с «другими» (не принадлежащими к сообществу, общине верующих) и сакральным. Мировоззрение может быть обобщено на макроуровень — социальную группу или общину верующих, когда принимается, что она придерживается схожей концепции человеческого существования во взаимоотношениях с другими группами или сакральным.

Идеология — это система идей, теорий, включающая социально-политическую программу определенной группы или общины, — фрейм для социально-политического действия по достижению определенных целей. В западном обществе идеология мыслится как секулярный фрейм или программа действий и обычно не рассматривает проблему взаимосвязи с сакральным, вследствие разделения политической и религиозной жизни⁴. Однако важно отметить, что религии также могут выполнять функцию идеологии, отвечая на социальные и политические вызовы. Например, религиозные секты, идеологически оформляющие новые религиозные движения, появление которых является следствием разрывов и упущений в деятельности традиционной религии, ставят перед собой цель распространения специфических и социополитических позиций. Религиозные идеологии отличаются от секулярных тем, что они формируют программу действий, апеллирующую и опирающуюся на сакральное. Другими словами, это теологически обусловленные действия, базирующиеся на высшем (божественном) законе. Например, идеология религиозных фундаменталистских движений рассматривает, каким образом можно внедрить в общество определенные политические механизмы, институты, базирующиеся на высших предписаниях.

* Раздел подготовлен на основе исследования **Lauder**, *Religion and Resistance*.

В своем анализе фундаменталистских движений в США и Иране Мартин Риезброт (**Martin Riesebrodt**) поясняет, что идеология определяет «интересы и ценности», но также восприятие прошлого и ожидания будущего. Как следствие, она оказывается в зависимости от теологической или политической позиции движения и может рассматриваться как «религиозно-теологический традиционализм», а сами движения — как «радикальные правые движения»⁵.

Аналогичным образом Форух Джаханбакш (**Forough Jahanbakhsh**) утверждает, что базирующееся на фикхе (**fiqh**)^{*} понимание религии и политики работает как «легитимирующая идеология клерикального правления», которая оформляет и направляет политический дискурс и поведение в постреволюционном Иране⁶. Религия и политика сливаются, а религиозные и политические институты функционируют как единое целое. В базирующемся на фикхе понимании Ислама религия рассматривается как основа социального, экономического и политического поведения. Речь идет о максималистском понимании религии, в противоположность минимализму секулярного Запада.

В своей книге «Мертворожденный бог» Марк Лилла (**Mark Lilla**) замечает, что в большинстве цивилизаций человек обращается к сакральному, когда пытается отразить политические вопросы, а мышление принимает форму политической теологии. Лилла аргументирует, что великое (но искусственное) разделение религии и политики не только относительно новый феномен (последние четыре века), но свойственен только христианскому обществу (Западу). Большая часть мира не отделяет политическую философию от космологии и теологии. «Мы (Запад) отделились от нашей долгой теологической традиции политического мышления революцией в западном мышлении, которая началась приблизительно четыре века назад... Мы живем в мире, созданном интеллектуальным восстанием против политической теологии на Западе... (и) у нас нет больше привычки соединять политический дискурс с теологическими и космологическими вопросами; и мы больше не признаем откровение политически авторитетным и влиятельным»⁷.

Религиозная идеология или, точнее, политическая теология является сплавом социальной и политической реальности с сакральным. Целью служит обеспечить связь между сакральным, человеком и миром, формируя предписания для действий, базирующихся на понимании человеком сакрального и его взаимоотношений с ним. Аргументируя в пользу того, что религия и политика являются «изоморфическими» (**isomorphic**), Джемс Уэллман (**James Wellman**) замечает: «(Религия) и политика структурно связаны; символические и социальные границы всегда связаны. Любой акт не только символический, но появляется из сложной решетчатой конструкции (сети) культурных и политических слоев убеждения, мощи и силы»⁸. Другими словами, между религией, политическим и политической теологией

^{*} Традиционное исламское правоведение.

не существует ясного различия, границы искусственны, а паттерны мышления и поведения оказываются тоталитарными (**totalistic**) и базирующимися на сакральном.

3.1.3. Религия в доктрине контрповстанческих операций

В 2007 году генерал Пэтреус на фоне нарастающего сопротивления оккупации и межконфессионального насилия, грозящего перейти в полномасштабную гражданскую войну, заявил о выходе устава по контрповстанческим операциям для армии и морской пехоты США. Задача устава «заполнить доктринальный разрыв», так как на протяжении 20 лет армия и морская пехота США не имели устава, относящегося к контрповстанческой активности. Новый устав был представлен Госдепом как документ стратегического уровня, в котором реализован общеправительственный подход. В разработке устава ключевая роль принадлежала Дэвиду Килкаллену, который являлся специальным советником министра обороны, а также главным советником многонациональных сил Ирака по контрповстанческой активности.

Хотя многими военными теоретиками устав оценивается как огромный шаг вперед, контрповстанческая доктрина критикуется (например, Дэвидом Галула и Робертом Томсоном) за ряд недостатков. В частности, за подчеркивание классической контрповстанческой стратегии, традиционных революционных теорий (марксизм-ленинизм, маоизм и фоко (**foco**) Гевары), а также ненадлежащее отношение к религии, как фактору современного иррегулярного конфликта. Основная часть критики указывает на чрезмерное обобщение различных форм контрповстанческой активности и разработку секулярных теорий насилия. Современная контрповстанческая доктрина игнорирует отличительные и уникальные черты конфликта, оформляемые и направляемые религией⁹.

Ральф Петерс (**Ralph Peters**) замечает, что контрповстанческая доктрина разработана для «сказочных конфликтов» и не подходит для «подпитываемого религией, направляемого этническим фактором гипернасилия» современного повстанчества¹⁰. По мнению Петерса, происходит игнорирование насилия, инспирированного верой, такого как проводимые религиозными экстремистами акты терроризма или джихад, преследующий цель восстановления исламского халифата. Повстанчество рассматривается только как секулярная политическая активность, что является ошибкой.

По мнению Фрэнка Хоффмана: «Некоторые видят в религии замену и представителя идеологии, другие просто опускают ее, как иррациональный фактор. Третьи преуменьшают ее влияние или отмечают, что некоторые лидеры повстанцев бессовестно эксплуатируют религию в своих посланиях. Наша собственная секулярная ориентация часто затуманивает важность данного фактора в современной войне»¹¹. Хоффман отмечает, что хотя в доктрине говорится о религии, в частности о религиозной идентичности и экс-

тремизме, в ней не обсуждаются детали того, как апеллирование к сакральному или религии влияет и/или изменяет операционную среду ИВД. Лиора Данан (**Liora Danan**) и Элис Хант (**Alice Hunt**) замечают, что доктрина не обеспечивает понимание религиозной проблематики и «оставляет неясным, как личный состав должен учитывать религию во время операции»¹².

Таким образом, можно сказать, что роль религии в конфликте, особенно акты религиозного насилия, рассматриваются в доктрине поверхностно, что находит свое отражение в таксономии повстанчества. Хотя доктрина явно не вводит категории повстанчества, отмечается, что на протяжении последнего столетия оно разворачивалось в трех общих формах. До Первой мировой войны это были в высокой степени локальные, консервативные движения, в целом имеющие целью сохранение сложившегося статус-кво через защиту «домашнего очага, дома, монархии и традиционной религии». После Второй мировой войны повстанчество базировалось на революционных идеологиях национализма или коммунизма. Современный период характеризуется новым типом революционного повстанчества, базирующегося на экстремистских формах этнической или религиозной идентичности, которое «пытается зафиксировать глобальное революционное изменение»¹³.

Хотя контрповстанческая доктрина США упоминает религиозный экстремизм и зарождающуюся форму революционного повстанчества, приводя пример Аль-Каиды как пример новой формы глобального сопротивления, она не обсуждает роль религии в оформлении насильственных коллективных действий. Доктрина не идентифицирует религиозное насилие, как качественно различающуюся от секулярно-политической формы, не выделяет и не обсуждает в деталях духовное повстанчество как отдельную категорию.

Марк Юргенсмейер (**Mark Juergensmeyer**) отмечает, что в отличие от секулярно-политического религиозное насилие является актом ритуального представления, имеющего много общего с символической ценностью, нежели со стратегическими калькуляциями: «Религия проводит различия. Некоторые из таких различий очевидны — трансцендентальный морализм, с которым такие действия оправдываются... и ритуальная энергия и сила, с которой они совершаются. Другие различия являются более глубокими и ведут в само сердце религии. Привычные образы борьбы и трансформации — концепты космической войны — применяются в мирской социальной борьбе. Когда космические сражения постигаются как происходящие на человеческом плане, они имеют в качестве результата реальные акты насилия»¹⁴.

Доктрина также не принимает во внимание различие в метриках, в частности времени, на основе которого протекает секулярно-политический и религиозный конфликт. Большинство современных регулярных конфликтов могут быть оценены в рамках жизни участников и сравнительно быстро ведут к тем или иным результатам, в то время как религиозная борьба продолжается на протяжении многих поколений. Юргенсмейер замечает, что

нет нужды «идти на компромисс в целях и борьбе, которая ведется в божественном времени и с обещанием небесной награды»¹⁵. Мирче Эллиад замечает, что нерелигиозные акторы живут в обычном времени, в то время как религиозные, через участие в сакральных событиях (священной войне), в сакральном¹⁶. Для религиозных акторов актуальное линейное время несущественно, так как конечное состояние и результат будут достигнуты только по воле Бога.

Религия в контрповстанческой доктрине США рассматривается как элемент идентичности, механизм рекрута сторонников и бойцов и пр., но не как фрейм, оформляющий насильственные действия. Доктрина качественно обесценивает функцию и роль религии, отделяя ее от политического и низводя до контекста, но не сути и причины насилия. Простая идентификация и признание, что повстанческие движения придерживаются определенных религиозных верований, не является достаточным. Критически важно понять, каким образом религия инициирует, двигает и оформляет конфликт. Точка зрения и подход, которого придерживается духовное повстанчество, которое требует глубокого понимания религиозных мотивов, стоящих за конфликтом. Как утверждает Петерс, это может быть достигнуто только через признание и осознание «прямоты, честности и энергетической мощи веры наших врагов, которую мы должны понять в нем, чтобы затем эффективно бороться...»¹⁷.

Непонимание и игнорирование религиозной размерности политического процесса и, в частности, вооруженного конфликта приводят к серьезным последствиям. Можно вспомнить ошибки США в оценке исламской революции в Иране. Запад не придавал значения революционной исламской идеологии, как наиболее эффективному средству мобилизации массового сопротивления в Иране, придерживаясь точки зрения, что в конечном счете возобладает секулярный национализм.

Игнорирование религиозного фактора в Ираке после свержения Саддама Хусейна привело к большим потерям среди гражданского населения, разрушению культурного и религиозного наследия сторон. «Хотя политические и военные лидеры в настоящее время встревожены непрерывным конфессиональным делением региона, они не знают, как реагировать. В 2006 году сунниты бомбили шиитские святыни в Самарре, что привело к дальнейшему ослаблению доверия к американцам среди шиитских и суннитских групп, которые теперь стремились взять дело в свои руки. США продолжали попытки обуздать конфликт, не обращая внимания на (религиозные) различия, что приводило к кровопролитию. Между тем попытки осмыслить и понять мотивацию и источник вдохновляющих способностей обоим религиозным лидерам... оказывались неэффективными»¹⁸. Непонимание роли и значения религии, религиозной чувствительности местного населения приводило к грубым ошибкам, когда случайное разрушение или неправильное отношение или использование сакральных мест приводило к взрыву насилия и углублению враждебности.

3.1.4. Духовное повстанчество

Идея повстанчества, как фундаментально религиозного по своей природе феномена, не нова, хотя Стивен Мец идентифицировал духовное повстанчество как «относительно» новую форму, сформировавшуюся после окончания холодной войны¹⁹. В статье «Будущее повстанчества» Мец аргументирует в пользу того, что духовное повстанчество является «эволюционировавшим потомком традиционной революции»²⁰, которое встроилось, а затем заменило традиционные, базирующиеся на марксизме, революции. Различие между традиционным (секулярным) и духовным повстанчеством заключается в том, что духовное возглавляется и направляется для части повстанцев ясным односторонним поиском смысла и справедливости.

Мец считает, что рядом с духовным развивается коммерческое повстанчество. В отличие от духовного, которое подчеркивает смысл и справедливость, коммерческое повстанчество характеризуется преследованием выгоды и власти. Другими словами, духовные повстанцы выбирают скорее исполнение долга, чувство справедливости и смысл, нежели удовлетворение основных материальных потребностей. «Ключевым для повстанчества после холодной войны является психологический компонент. Величайшим недостатком стран третьего мира (включая большинство государств бывшего советского блока) является неспособность ответить на психологические нужды населения, особенно ощущение смысла во время стрессовых периодов быстрого социального изменения, ассоциируемого с развитием. Этот недостаток генерирует фрустрацию и недовольство, которые могут быть использованы стратегами повстанцев»²¹.

Мец далее замечает, что сущностью духовного повстанчества является отрицание определенного режима или социального порядка, включая социальные, экономические и политические системы, ассоциирующиеся с ним. Рост духовного повстанчества являлся прямым результатом коллапса объединяющих идеологий холодной войны. Неудача коммунизма и капитализма, а также различных форм пан-национализма, привели к духовно-политическому вакууму, который заполнили местные идеологии, базирующиеся на этничности или религии.

Хотя Мец может рассматриваться как один из первых современных военных теоретиков, рассматривавший духовное повстанчество в качестве отдельной категории, концептуализация осталась во многом не разработанной. Однако он инициировал необходимый старт для дальнейшего развития концепта. Духовные повстанческие движения являются не секулярно-политическим конструктом с незначительной религиозной размерностью. Скорее, это насильственные религиозные движения, руководимые и направляемые религиозными мировоззрениями, политической теологией, выбирающие тотализацию социальной трансформации (в частности уничтожение религиозных противников) через использование санкционированного свыше насилия.

Духовное повстанчество не есть продукт деятельности традиционного религиозного института, например церкви, но теологически обоснованная и санкционированная свыше активность. Будучи относительно координируемой и управляемой, она направляется на достижение сакральных целей или задач, — создание утопического общества, базирующегося на сакральном. Духовное повстанчество — это не общность прихожан, то есть сформированная формальными процедурами и связанная близостью группа, собирающаяся на регулярной основе для молитвы. Скорее, это слабо связанная широкая неформальная общность верующих, стремящаяся к достижению сакральных целей, обычно во главе харизматического лидера пророческого типа²².

3.1.5. Насильственные новые религиозные движения и духовное повстанчество

В рамках данной работы термин новые насильственные религиозные движения (**violent new religious movements**) (ННРД) будет использоваться для идентификации религиозных практик или общин верующих, которые используют или стремятся использовать насилие для достижения сакрального конечного состояния и целей²³. В работах ряда исследователей, занимающихся проблемами религии, показывается, что духовное повстанчество может рассматриваться как форма ННРД. При этом выделяется девять тем, являющихся общими для обоих движений:

- члены верят, что они имеют исключительный доступ к сакральному и сакральным знаниям (гнозис);
- члены видят внешний мир как нелегитимный и коррумпированный;
- мир представляется дуалистичным по своей природе и разделенным на сакральное и профаническое, и необходимо насилие для (символического) очищения мира;
- спасение может быть достигнуто только через уничтожение зла и коррумпированного влияния, и насилие является необходимым для (символического) очищения мира;
- насилие является проявлением высшей воли и санкционировано свыше (то есть божественное, при необходимости, предполагает и разрешает использование насилия, манифестируемого в виде священной войны);
- необходимость нового социального порядка, то есть реструктурирования общества, которое должно моделировать сакральное, обычно в форме идеализированного и мифического прошлого;
- в обоих случаях движения информируются и обеспечиваются центральным пророческим характером;
- участники видят себя в качестве агентов сакрального и солдатами Бога; и
- целью движения является имплементация высшего закона (то есть политическая теология), которая руководит всем мышлением и поведением.

Новые религиозные движения. Новые религиозные движения — это относительно небольшие, неформальные и слабо организованные религиозные группы или сети, «чьи верования, ценности и методы различаются» от мейнстрима общества или традиционных форм или концепций религии²⁴. Некоторые из них имеют хорошо разработанную теологическую базу, систему верований и ритуалы, другие относительно незрелы и недоразвиты. Они могут быть миролюбивыми (например, кришнаиты) или враждебными, агрессивными и насильственными (ННРД) (например, Аум Синрике (**Aum Shinrikyo**), Ветвь Давидова (**Branch Davidians**)), являющиеся предметом рассмотрения данного подраздела.

Термин «культ», обычно используемый для описания нарождающихся новых религиозных движений, воспринимается чаще всего как уничижительный в обществе²⁵. «Культ» стал тегом, ассоциирующимся с девиантностью, насилием и деструкцией, и используется мейнстримом общества, в частности органами правопорядка, для дегуманизации и очернения членов нетрадиционных религиозных движений. «Это термин, широко используемый для обозначения религиозных групп, которые рассматриваются как сбившиеся с пути и опасные. Это удобное слово из четырех букв для заголовков. Сегодня культ является уничижительным, оскорблением, которое призвано показать, что группа с презрением воспринимается социальным мейнстримом. Культ стал словом, которое выражает предубеждение относительно религиозной группы. ...Культ представляет собой свехупрошенный и нетерпимый стереотип, применяемый к множеству религий»²⁶.

Жан Розенфельд (**Jean Rosenfeld**) говорит: «Новые религиозные движения часто высмеиваются как «культы», «неестественное» поведение и «блуждающий» дискурс которых является неразборчивым, хотя, фактически их теология обычно систематична и когерентна»²⁷. Некоторые исследователи предпочитают использовать другие термины, чтобы нейтрализовать негативные коннотации, ассоциируемые с чуждой религиозной практикой. Ученые «пытаются заменить слово «культ» со всеми его уничижительными коннотациями такими терминами, как «новые религии», «маргинализованные религиозные группы»²⁸, «нарождающиеся религии» (**emergent religions**) или «новые религиозные движения».

Катарин Вессингер (**Catharine Wessinger**) также воздерживается от использования термина «культ», считая его чересчур простым и эмоциональным, чтобы использовать в объективном анализе: «Я предлагаю обходить навешивания ярлыка «культы» на нетрадиционные группы и рассматривать их последователей как религиозных людей, достойных уважения...»²⁹. Лорн Доусон (**Lorne Dawson**) также выступает против смешивания в одну кучу новых религий: «Хотя можно говорить о некотором подобии, новые религии имеют различные концепции нашего происхождения, развития и будущего. Они предлагают различные объяснения нашего экзистенциального положения, и они предлагают различные программы для облегчения наших несчастий...»³⁰

По мнению Уоллиса, хотя новые религиозные движения могут быть вовлечены во враждебное поведение или открытый конфликт с органами правопорядка политическими или конкурирующими религиозными движениями, которые воспринимают их как угрозу, они выполняют базисную объединительную функцию. Новые религиозные движения позволяют своим участникам через санкционированное поведение преодолеть чувство социальной депривации, потери или изоляции и получить доступ к эзотерическим знаниям. Уоллис рассматривает депривацию как главный фактор в развитии таких движений. Джеймс Дэвидсон Хантер (**James Davidson Hunter**) замечает, что новые религиозные движения «пытаются восстановить смысл существования через реконструкцию или повторное навязывание институционально надежного значения касательно бытия»³¹. Религия и насилие, таким образом, могут рассматриваться как «антидот» против унижения, чувства обиды и негодования.

Духовное повстанчество как форма ННРД. Было предложено несколько типологий ННРД, и наиболее подходящей в данном случае следует признать таксономию Роя Уоллиса (**Roy Wallis**) и Катарины Вессингер. Уоллис выделяет три главные формы ННРД³².

1. Движения, отрицающие мир (**world-rejecting movements**). Имеют дуалистическое мировоззрение и отрицают современный мир и существующий социальный порядок как зло, коррупцию и беззаконие. Отрицание может принять форму насильственных действий, таких как акты терроризма, массовые убийства, или принять форму изоляционизма и социального ухода.

2. Жизнеутверждающие движения (**world-affirming movements**). Рассматривают существующий социальный порядок как приемлемый, отрицают идею дуализма и стремятся решать собственные проблемы без посторонней социальной помощи.

3. Примиряющиеся с миром движения (**world-accommodating movements**). Фокусируются на внутренней религиозной жизни и достижениях внутренней духовной чистоты.

Категоризация Уоллиса не является жесткой, и ряд параметров и критериев, на основании которых она осуществляется, не вполне соответствует процедуре формирования категорий, определения границ между ними и пр. Среди трех категорий только отрицающие мир движения могут рассматриваться как ННРД. Согласно Уоллису, ННРД обладают персональной или групповой концепциями сакрального, которая определяется как метафизическая реальность, знаниями и доступом к которой обладает только группа. Находящиеся вне группы не имеют доступа к сакральному. Центральная идея концепции Уоллиса заключается в том, что ННРД рассматривают существующий социальный порядок как нелегитимный и находящийся вне сакрального. «Человечество потеряло связь с Богом и духовным, и в преследовании чисто материальных интересов добилось успеха в создании загрязненной среды, мира, полного конфликтов, жадности, лицемерия и отчаяния»³³. Уоллис замечает, что ННРД характеризуются желанием полно-

стью разрушить существующий социальный порядок, как условие рождения нового мира. Участники группы находятся в ожидании конца времен, когда революционное движение разрушит старый мир через насильственные действия и на его руинах будет создан новый, коренящийся в сакральном. Члены ННРД не только самоидентифицируют себя как революционеры, но также как агенты сакрального, а в ряде случаев пророков или приверженцев высшего мира. Другим словами, они являются не просто революционерами, но скорее священными революционерами, а в некоторых случаях мучениками, которых поддерживает и направляет мир сакрального³⁴.

Вессинджер выделяет три категории ННРД:

1. Атакующие (**assaulted**). Рассматриваются обществом как опасные и обычно находятся под наблюдением органов правопорядка.

2. Ранимые (**fragile**). Страдают как от вызывающих стресс хронических внутренних факторов, так и порождаемых в мейнстриме общества внешних сил, подвергающих опасности абсолютные интересы, то есть достижение спасения.

3. Революционные. Придерживаются теологии насилия и считают, что только насильственное и тотальное разрушение общества приведет к духовному спасению.

Категории Вессинджера также не жесткие, и группы часто обладают атрибутами нескольких категорий³⁵. Вессинджер также считает, что ННРД характеризуются верой, что они участвуют в божественном плане разрушения источников зла и коррупции в обществе. Исходя из нерушимости и святости сакрального, они имеют целью принести насилие в социополитическую среду, которую рассматривают как коррумпированную и незаконную. Результатом должно стать разрушение базисных институтов государства, хаос и гибель общества, подготавливающие мир к возрождению.

Аналогичным образом, Томас Роббинс (**Thomas Robbins**) считает, что ННРД дуалистичны и «придерживаются видения мира, как разделенного между абсолютно злыми и абсолютно добрыми силами». Данная поляриность воплощается в терминах существующего социального и политического контекстов, когда внешний мир рассматривается как отошедший от планов Бога и злой³⁶. ННРД верят, что исключение зла и коллективное спасение достигается через радикальную трансформацию общества, то есть насилие. Роберт Элвуд (**Robert Ellwood**) замечает: «Насильственные новые религиозные движения постоянно нуждаются в проведении границ между собой и неверующими или представляющими старый порядок врагами, а также изгнании или разрушении старого порядка»³⁷. Жан Розенфельд замечает, что ННРД предвкушают ожидаемую тотальную трансформацию мира³⁸. При этом члены группы относятся к своему участию в борьбе как фундаментальному средству изменения существующего мира. Новый мир формируется как воображаемый (мифологический) старый сакральный, — примордиальный мир, созданный богами. «Так как их цель восстановить мир для Бога, они отрицают общепринятое деление между секулярной и

религиозной реальностями; секулярный мир должен быть реставрирован, восстановлен к его «первоначальному» религиозному характеру, что базируется на борьбе между добром и злом, правдой и обманом»³⁹.

Дуалистическая природа мира и незаконность существующего социального порядка является также фундаментом духовного повстанчества. Духовное повстанчество, как и ННРД, бросает вызов и стремится разрушить существующий социальный порядок и восстановить связь с сакральным, стремясь воссоздать утопическое общество примордиальных сакральных времен. Дэвид Бромли (**David Bromely**) замечает: «Процесс включает отрицание и отделение от традиционного социального порядка, а также усиление внутренней солидарности и тотализма (**totalism**) коллективистской организации. Групповая жизнь интенсивно ритуализируется, а сама группа конструирует себя в качестве участника агонистической драмы космических пропорций и стремится к грядущему взаимодействию и интеграции с трансцендентальной реальностью»⁴⁰.

Цель духовного повстанчества не в отрицании материальных благ и возможностей современного мира, хотя некоторые из движений, такие как Талибан или «Исламское государство», являются сторонниками жесткого отношения и отрицают некоторые аспекты современного мира. Аль-Каида исключает концепты капитализма и демократии, которые рассматриваются, как противоречащие исламу, и должны быть заменены концептами халифата и шуры, то есть теократической формой государства и общества. Цель духовного повстанчества наделять общину верующих (повстанцев) полномочиями по изменению существующего социально-политического порядка и созданию нового, базирующегося на традиционных концепциях цивилизации, в котором община верующих управляет самостоятельно и без внешнего влияния. Для Аль-Каиды и схожих исламистских движений это означает исключение конкуренции с не-исламскими системами управления, внедрение шариатского права и восстановление традиционной жизни для уммы (общины верующих)⁴¹.

Духовное повстанчество, как и ННРД, обеспечивает фрейм, который через насилие рационализирует и санкционирует отрицание общества, обеспечивая защиту против чувства страха, которое оно ему внушает. Ключевым параметром, который отделяет духовное повстанчество от ННРД, является критическая масса. Здесь под критической массой понимается связь между напряжением в обществе и организационной гравитацией, которая включает (но не ограничивается) структурную глубину, способность притягивать или приобретать ресурсы (такие как оружие) и разделяемые намерения по использованию коллективного насилия для достижения сакральных целей. На одном уровне критическая масса оказывается связана с масштабом (то есть способностью организации иметь в своем распоряжении достаточное количество членов для эффективной организации определенной активности), на другом — это мощь, полнота, возможности и подготовленность организации.

Традиционные ННРД — это относительно небольшие организации, имеющие слабую структуру и ограниченные ресурсы для эффективного

«проецирования мощи» в форме коллективного насилия против превалирующего социального порядка. Духовное повстанчество является более развитой формой, обладающей массовой поддержкой, организационной целостностью, возможностями и ресурсами, которые позволяют ему проводить широкомасштабные и длительные насильственные кампании против превалирующего социального порядка. Обе формы движений находятся в некотором общем континууме, и традиционные ННРД теоретически могут стать духовным повстанчеством через аккумуляцию потенциала и достижение критической массы⁴².

Таким образом, можно говорить о недооценке религии в западных контрповстанческих доктринах. Обзор исследований по религии, анализ исторических и текущих примеров религиозных конфликтов говорит в пользу того, что духовное повстанчество является скорее формой ННРД, нежели одной из форм секулярного повстанчества. Это приводит к постановке проблемы осмысления проблемного пространства, классификации религиозных конфликтов в доктринальном поле, тем самым «узаконивая» вовлечение религиозных акторов в операционную среду ИВД.

3.2. Военно-политические отношения в среде иррегулярных военных действий

Предметом исследования данного подраздела является командный состав оперативного звена в конфликтах, протекающих в операционной среде ИВД. Иррегулярные войны имеют серьезное политическое измерение и бросают вызов традиционному видению контроля политического гражданского руководства над военными. Влияние военных на политику в операционной среде ИВД может противоречить концепции беспристрастности и аполитичности военных профессионалов и существующим методам политического гражданского контроля над ними. Современная военная доктрина США искусственно разделяет формирование политики и стратегии от операционного уровня войны, отражая, в том числе, желание самих военных дистанцироваться от сферы политической жизни. В реальности политический процесс характеризуется непрерывными взаимодействиями между различными акторами, включая высшее военное руководство и командующих оперативного звена. В рамках операционной среды ИВД военные могут быть вовлечены в процесс формирования политических решений, инициируя многообразные военно-гражданские отношения⁴³.

Как следствие, можно говорить об исследовательской проблеме вовлечения командующих оперативным объединением ВС (операционных командующих) в политический процесс и их влиянии на процесс принятия

военно-политических и стратегических решений в контексте ИВД. Операционный командующий вовлекается в политический процесс через влияние на формирование стратегии и распределение ресурсов, выделяемых на проведение операций. По должности он ответственен за достижение оперативных целей и задач, призванных поддержать национальные стратегические интересы. Однако последние в операционной среде ИВД подвержены быстрым изменениям, зачастую двусмысленны и требуют серьезных ресурсов. Расширение сферы влияния и выход за пределы чисто военной сферы приводит к возрастанию влияния и мощи операционных командующих и вызывает дискуссии⁴⁴.

Рассмотрение проблемы будет происходить в контексте политической системы и традиций США и на примере конфликтов последнего времени. Военная история обеспечивает ряд важных проекций и сравнений, однако операционная среда ИВД — это динамичная реальность, и анализ, базирующийся на исторических проекциях, может оказаться неадекватным.

3.2.1. Политические отношения в военной сфере

Достаточно широкий круг исследователей военно-гражданских отношений считает, что военные аполитичны. Обзор литературы по военно-гражданским отношениям показывает, что исследования не учитывают и не пытаются объяснить взаимодействия между военными и политическими кругами при оформлении военной политики в условиях стратегической неопределенности, являющейся ключевым атрибутом ИВД. В операционной среде ИВД линия, отделяющая политическую жизнь от военных операций, оказывается тонкой и нечеткой, что позволяет говорить о парадоксе, когда реальность отрицает культурный императив военных, согласно которому они являются и остаются аполитичными.

Проводимый ниже анализ проблемы вовлечения военных оперативного звена в политический процесс бросает вызов традиционному пониманию профессиональных военных, как аполитичных*. Хотя доктрина предполагает искусственное разделение военного домена на стратегический и оперативный уровни, поддерживаемое системой профессиональной военной этики, она не в состоянии установить ограничения на вовлечение военных в политику. Проблема становится еще более актуальной, если учесть, что функциональные требования современного конфликта требуют вовлечения операционных командующих в политический процесс.

Взаимоотношения между стратегическим и операционным уровнями войны. Военная доктрина США выделяет три уровня войны — стратегический, операционный и тактический, вызывая замешательство различием стратегического и операционного уровней и признанием, что «не

* Раздел подготовлен на основе исследования. Snyder, *Political Generals in Irregular War*.

имеется конечных пределов или границ между ними»⁴⁵. Доктрина описывает формирование политики и принятие военно-политических решений как процесс «сверху-вниз», в котором президент и министр обороны ставят стратегические задачи, привлекая в качестве советника председателя ОКНШ. В рамках принятого решения региональные боевые командующие разрабатывают стратегические планы ТВД, затем операционные командующие, «используя оперативное искусство... достигают операционных и стратегических целей и задач»⁴⁶.

Военная доктрина целостна и последовательна, так как развивается как логически связанное множество публикаций. Объединенная доктрина операций является фундаментальным документом, и ее логика распространяется на всю военную литературу⁴⁷. Например, объединенная доктрина для планирования определяет стратегию как активность, ассоциирующуюся с определенными акторами и формами планирования. Стратегия, операции и тактика являются элементами в иерархии разделения ответственности/власти по планированию процессов, возможностей и сил между определенными уровнями войны.

Иерархическое видение войны, превалирующее в доктрине, в ряде работ оценивается как ложный отход от теоретических основ операционного искусства. В работе «Чужой: как операционное искусство поглощает стратегию»⁴⁸ Джастин Келлу (**Justin Kelly**) и Майкл Бреннан (**Michael Brennan**) рассматривают проблему отклонения военной стратегии США от теоретических основ, когда оперативное искусство приходит к необходимости соединить тактику и стратегию в сложных сражениях. Так как тактика включает постоянное насильственное противоборство между акторами, стратегия не может оставаться статичной. Как следствие, оперативное искусство развивается, как система в континууме войны, соединяя стратегию (цели) с тактикой (средства, способы)⁴⁹. Келли и Бреннан убедительно показывают, что доктрина США ошибочно разделяет политические факторы от оперативного уровня войны: «Любая попытка в теории изолировать практическое ведение войны от этого непостоянства волатильности является ошибочной»⁵⁰. Частично они относят такое искусственное разделение к выбору самих военных, желающих выделить в сфере власти отдельные домены для военных и политиков⁵¹.

Такое понимание оперативного искусства и разделение стратегии от операций начало оформляться с пересмотра доктрины армии США в начале 80-х годов и стало очевидным после последовательной ревизии доктрин родов войск и объединенной доктрины. Изменения в доктрине, формальной структуре и властных полномочиях внутри МО стали драматичными после принятия закона Голдуотера — Николса от 1986 года. Закон качественно улучшил возможности по проведению объединенных военных действий ВС США, но оформил структурное разделение между операционными командующими и лицами, принимающими решение на стратегическом уровне. Ключевое воздействие закона Голдуотера — Николса заключалось в умень-

шении власти командующих родов войск и служб, формализации роли председателя ОКНШ в качестве главного военного советника и увеличении власти командующих войсками (силами) в регионе (региональных командующих) (**combatant commander**), как в вопросах стратегии на ТВД, так и проведении операций*.

Один из разработчиков говорил позднее, что закон Голдуотера — Николса усилил гражданский контроль над военными, делая его прозрачным⁵². Однако, хотя цепи военного командования стали более прозрачными, повысилась роль региональных командующих в выработке стратегии, обратной стороной стал барьер между оперативными командующими, оказавшимися внутри региональных командований, и политиками, вовлеченными в процесс формирования стратегии. И так как стратегия зависит от операций, а последние, в свою очередь, от тактики, в новых условиях становилось неясным, каким образом отделение операционных командующих от лиц, участвующих в выработке и принятии стратегических решений, может обеспечить больший гражданский контроль над использованием военной мощи. Изменения в доктрине и структурная реформа ограничили операционных командующих рамками одного официального (формального) механизма или канала, посредством которого они получали доступ к лицам, принимающим стратегические решения, и канал проходил через региональных командующих⁵³.

Хотя власть региональных командующих оказывается ясно очерченной, доктрина по руководству вносит неопределенность, предлагая старшим руководителям и должностным лицам (лидерам) на стратегическом и операционном уровнях расширить свое влияние за пределы формальной власти. Последняя ревизия «Устава Армии США (Руководство) 6–22» (**U.S. Army's Field Manual 6–22 (Leadership)**) признает, что старшее руководство оперирует «в определенной среде» (эвфемизм политической среды), в которой шаги и поведение акторов, облеченных властью, двусмысленны и неопределенны⁵⁴. Решением армии США в такой ситуации становится «расширение влияния за пределы субординации, цепи командования и управления» через комбинацию «убеждения, полномочий, мотивации, переговоры, разрешение конфликта, ведение переговоров, отстаивание взглядов и дипломатию»⁵⁵. Расширение влияния осуществляется по отношению к межведомственным акторам, иностранным военным, руководству страны пребывания и пр. Устав

* Множество источников описывают как процесс принятия закона Голдуотера — Николса, так и его последствия. Хорошим источником служит работа Джеймса Лочера (**James R. Locher**), сотрудника Конгресса, который был вовлечен в разработку закона. **Locher, James R. III.** “Taking Stock of Goldwater-Nichols,” *Joint Force Quarterly (JFQ)*, Issue 13, Autumn 1996, pp. 9–17. 1 November 2014. <<http://www.dtic.mil/doctrine/jfq/jfq-13.pdf>>. также хорошим источником по влиянию закона на гражданский контроль является **Dewind, Brandon L.** *Civil-Military Relations: From Vietnam to Operation Iraqi Freedom*. Fort Leavenworth, Kansas: U.S. Army School of Advanced Military Studies, 2009, pp. 13–17. 1 November 2014. <<http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA505011>>

подчеркивает необходимость достижения консенсуса в объединенном, межведомственном и многонациональном контексте⁵⁶. Очевидно, что доктрина по руководству побуждает военное руководство, начальников и региональных командующих влиять на акторов и проявлять активность, которая выходит за пределы непосредственной военной власти. Для командующих оперативного звена в сферу такого влияния оказываются включены акторы, вовлеченные в принятие стратегических решений и находящиеся за пределами прямых коммуникаций, осуществляемых через региональных командующих.

Таким образом, доктрина дает идеологизированное видение войны, в котором операции отделены от стратегии. Она признает необходимость ограниченного взаимодействия между акторами на различных уровнях, но даже определение операционного искусства подразумевает и предполагает разделение операции и стратегии. Более того, структура командования изолирует оперативного командующего от региональных, оперирующих на стратегическом уровне, и в то же время сохраняет за ним функцию единственного должностного лица, реализующего разработанную стратегию. Доктрина оказывается не в состоянии описать, каким образом оперативные командующие взаимодействуют с акторами, участвующими в выработке стратегии. И наконец, ограничения доктрины и структуры командования входят в противоречие с требованием к руководству расширять влияние за пределы субординации и цепей управления⁵⁷.

Взаимоотношения между военной сферой и политической жизнью.

Концепции военно-гражданских отношений пытаются решить, тем или иным образом, парадокс присутствия вооруженных сил в обществе. Военные необходимы для обеспечения безопасности государства, однако, с другой стороны, они могут нести с собой и угрозу. Политолог Питер Фивер (**Peter Feaver**) описывает старую как мир проблему организованного человеческого общества как «военно-гражданскую проблему»⁵⁸. Теории военно-гражданских отношений стремятся найти баланс между необходимостью обеспечить необходимый уровень безопасности и удельным весом и ролью военных в политической жизни общества.

В США проблема частично решается через механизм гражданского контроля над военными. Статья II Конституции описывает Президента как главнокомандующего вооруженными силами, а статья I обеспечивает законодательный контроль над ресурсной базой военных. Как следствие, военно-политическая мощь государства оказывается распределенной между несколькими акторами национального уровня, что создает необходимые предпосылки и формализует плюралистический процесс принятия решения по вопросам НБ. Конституция обеспечивает правовой базис для субординации и подчинения военных контролю избираемого политического гражданского руководства страны, но оставляет без ответа вопрос, каким образом он должен осуществляться. Проблематика гражданского контроля сводится к разделению власти и ответственности за военную стратегию между гражданским политическим руководством и военными⁵⁹.

На сегодняшний день проблема гражданского контроля в США в целом решается в рамках теории контроля и управления через цели и задачи (**objective control theory**) Самуэля Хантингтона. В работе «Солдат и государство» Хантингтон аргументирует, что возрастающая профессионализация военных и «контроль и управление через цели и задачи» устанавливают «определенные пределы» военной власти в обществе⁶⁰. Можно говорить об «увертке» и не совсем корректном определении понятия «военный», когда профессиональный военный определяется как аполитичный. Хантингтон считает, что благодаря профессионализации аполитичный военный должен фокусироваться на военной сфере, что, в том числе, обеспечивает его независимость как актора. Однако, будучи субъектом, он одновременно является и предметом (объектом) для целей и задач гражданской политической власти.

Метод контроля и управления через цели и задачи делает стратегию и политику частью политической жизни и функцией гражданских политических лидеров, а применение военной силы — исключительно делом военных. В идеале теория контроля и управления через цели и задачи отрицает роль военных в плюраистичном процессе принятия решений, в рамках которого формируется военная стратегия, тем самым ясно отсекая последних от какого-либо участия в политическом процессе. Теория Хантингтона обеспечила идеалистическое решение проблемы военно-гражданских отношений, схожее с решением, которое обеспечивает военная доктрина. Так же как доктрина искусственно отделяет операции от стратегии, Хантингтон пытается изолировать применение военной силы от политического контекста⁶¹.

Большая часть дискуссий вокруг военно-гражданских отношений, так или иначе, вращается вокруг теории Хантингтона, а «Солдат и государство» рассматривается как обязательный к прочтению классический текст для офицерского состава. Сразу же после появления теория стала предметом конструктивной и разносторонней критики, ряд подходов которой могут быть применены к анализу взаимоотношений между стратегией и операциями в современном конфликте.

1. Хантингтон предполагает, что военный профессионализм позволяет создать «ясно очерченную военную сферу, определяемую противоборством на войне, которая является независимой от социальной и политической сфер»⁶². Это идеализированное разделение военных от политической жизни. Однако даже если предположить, что оно возможно, Хантингтон оказывается не прав в своих допущениях касательно военного профессионализма, который не является политически нейтральным. История полна примеров политической активности «профессиональных военных», каждый из которых оказывается достаточным, чтобы опрокинуть утверждение Хантингтона. Стив Корбетт (**Steve Corbett**) и Майкл Дэвидсон (**Michael Davidson**) показывают, что несмотря на ценность «политической нейтральности» как идеала, на практике военные не являются «политически нейтральными»⁶³. Историк Дейл Херспринг (**Dale Herspring**) идет еще дальше

и отказывает нормативному предписанию Хантингтона в правомерности, говоря об аполитичном военном, как «киллюзии»⁶⁴.

2. Хантингтон сосредоточивается на описании военно-гражданских отношений в рамках теории контроля и управления через цели и задачи, не рассматривая весь контекст и акторов, так или иначе участвующих в выработке и реализации решений, относящихся к сфере НБ. Вместе с требованием профессионализации военных данный подход рассматривается в качестве решения проблемы гражданского контроля. При этом не рассматривается функционирование системы военно-гражданских отношений, как целого. Решение Хантингтона выстраивается на упрощении и сведении сложной системы НБ и ее части — военно-гражданских отношений, — к усложненной, включающей военную элиту и гражданских политиков, взаимодействующих в рамках формальной властной иерархии, в рамках которой военные подчиняются гражданским политикам. Однако военно-гражданские отношения качественно сложнее и многообразнее и включают взаимодействия между различными группами акторов⁶⁵.

Контрапунктом нормативной теории Хантингтона является теория Клаузевица, который определяет войну как «продолжение политики другими средствами»⁶⁶, в рамках которой политические цели и задачи определяют, каким образом применяются вооруженные силы и какие для этого привлекаются ресурсы. Клаузевиц говорит о «парадоксальном триединстве», описывая взаимоотношения между государством, армией и народом. Государство определяет цели в войне, военные обеспечивают методы ее ведения, а народ — ресурсы и средства. Теория Клаузевица относится к войне как к сложной системе, в рамках которой определяются взаимоотношения между политическими целями и задачами (стратегия) и военным применением (операциями). При этом Клаузевиц воздерживается от искусственного предписания, каким образом акторы, определяющие стратегию и операции, взаимодействуют друг с другом*.

Идеи Клаузевица формируют теорию военно-гражданских отношений, которая опирается на понимание военной реальности, а не навязанную идеальную форму⁶⁷. В отличие от современных теоретиков, Клаузевиц не определяет, что является нормой и, каким образом государственные или политические лидеры могли бы наилучшим образом контролировать и использовать военную мощь. Он только утверждает, что политическая жизнь и применение вооруженных сил (операции) взаимосвязаны, а политическое влияние на войну, равно как и обратное, происходит непрерывно⁶⁸.

Сравнение идей и подходов Клаузевица и Хантингтона помогает увидеть недостатки теории Хантингтона. Ряд современных теоретиков военно-гражданских отношений предлагают свои структурные или выстроенные на акторах теории (**structural or actor-specific theories**). Структурные теории

* Более подробно теорию войны Клаузевица в контексте теории сложных адаптивных систем см. **Арзуманян, Кромка хаоса**.

определяют, каким образом структура власти в политических и военных организациях воздействует на гражданский контроль военных. Это масштабные теории, прибегающие к сильным упрощениям для объяснения больших социальных систем. Примером может служить теория агентских отношений или теория агента (**agency theory**) Питера Фивера. Фивер сводит военно-гражданские отношения к отношениям между двумя акторами — государством и военными — и рассматривает, каким образом военный (как агент) реагирует на директиву или контроль со стороны начальника (государства)⁶⁹.

Современные теории склонны упрощать систему военно-гражданских отношений, представляя всю организацию в качестве одного актора, или фокусируясь на ключевых акторах, таких как Президент или высшие офицеры. Теория неравноправного диалога (**unequal dialogue**) Элиота Коэна (**Eliot Cohen**) использует данный подход, чтобы показать, как президент осуществляет контроль над высшими военными⁷⁰. Согласно Коэну, так как именно гражданские политики принимают окончательное решение на применение военной силы, эффективное ее использование требует знаний со стороны гражданских лидеров для избирательного вмешательства в военные дела. Теория Коэна привлекла внимание гражданских политиков, и некоторые критики связывают последние тренды в военно-гражданских отношениях США именно с ней⁷¹.

Хотя цели и задачи данной работы не позволяют охватить полностью проблематику, можно утверждать, что на сегодняшний день в США отсутствует законченная теория военно-гражданских отношений, охватывающая случай, когда в процесс включаются множество акторов*. Существующие теории являются преимущественно нормативными по своей природе, предписывая решение проблемы контроля исходя из перспективы гражданских политиков. Например, как Фивер, так и Коэн полагаются на ряд предположений, которые потенциально приводят к тем же вопросам и проблемам, что и теория Хантингтона. Теория «начальника-агента» Фивера исходит из того, что военные принимают верховенство гражданских политиков в своих взаимодействиях. Задача начальника заключается в том, чтобы добиться полного согласия клиента с директивой. Это предполагает, что именно гражданское политическое руководство определяет политику и диктует ее⁷². Коэн углубляет данный подход, рекомендуя стиль навязчивого руководства, который гарантировал бы, что военные операции адекватно поддерживают стратегию, выработанную политиками. Обе теории имели по ряду причин меньшее влияние, чем теория Хантингтона, и также опираются на искусственное предположение, что стратегия определяется гражданскими, а военные исключены из политического процесса и являются аполитичными. Как следствие, они обладают ограниченной предсказательной мощностью, так как комбинируют редукционизм с искусственными ограничениями и предпосылками⁷³.

* Данное утверждение можно встретить во многих обзорах литературы по военно-гражданским отношениям, например, **Burk**, *Theories of Democratic Civil-Military Relations*, p. 7.

Таким образом, военная доктрина США полагается на идеализированное видение иерархических уровней войны. Вступая в противоречие с военной реальностью, она предлагает неясные решения касательно роли военных в политическом процессе. Аналогичным образом теория военно-гражданских отношений Хантингтона также предлагает явно идеалистическое видение проблемы. Использование теории управления и контроля по целям и задачам Хантингтона обуславливается профессионализмом военных и дает ответ на вопрос о роли последних в формулировании политики при условии, что они придерживаются аполитичной формы профессионализма в рамках независимой военной сферы и принимают гражданский контроль. Сформированная на данных принципах военная этика призвана играть роль ограничителя, препятствующего вовлечению военных в политический процесс⁷⁴.

Проблемы профессиональной военной этики. Военные США эффективно адаптировали теорию Хантингтона в качестве идеала или нормы военно-гражданских отношений. Теория Хантингтона является ведущей в литературе по профессиональной военной этике. Профессиональный военный на службе народа хорошо вписывается в американское видение войны⁷⁵. Модель отношений Хантингтона, требующая профессионализации военных, которые выполняют решения гражданских политиков на применение военной силы на основе ясных политических целей и задач, стала рассматриваться как идеальная форма гражданского контроля⁷⁶.

Однако выше говорилось об искусственности границ между уровнями войны. Такого рода дефекты в фундаменте становятся источником слабости и двусмысленности при рассмотрении роли военных, в частности, оперативного командующего в формировании политики. Хантингтон считает, что профессионализм формирует независимую военную сферу и создает необходимые предпосылки для обеспечения гражданского контроля и управления. Однако возможность независимой от общества военной сферы выглядит сомнительной, и подход может быть реализован, если военная этика принимает аполитичный профессионализм и ограничивает активность военных рамками военной сферы⁷⁷. Тем не менее, подход Хантингтона был поддержан военными кругами, так как опирался на традицию, основы которой были заложены при Джордже Вашингтоне во время американской революции, когда военные согласились с политическим гражданским контролем и управлением*.

Военная этика в настоящее время частично формализована в рамках присяги, которая принуждает военных подчиняться Главнокомандующему и Конституции⁷⁸. Это важное внешнее условие и обязательство, хотя суть профессионализма заключается в том, что корпорация профессионалов принимает участие в формировании ясных стандартов внешнего управле-

* Данное утверждение встречается довольно часто в контексте военно-гражданских отношений. См. например, **Miller, John R.** "George Washington's Tear Jerker," *The New York Times*, February 14 2010, 1 November 2014. <<http://www.nytimes.com/2010/02/15/opinion/15miller.html>>

ния и саморегуляции. «Профессии создают собственные стандарты исполнения и моральный кодекс для обеспечения их эффективности»⁷⁹. На сегодняшний день военные США не имеют формального морального кодекса, что вынудило армию США в 2007 году сформировать центр профессиональной военной этики в рамках Военной академии США⁸⁰. В условиях отсутствия морального кодекса военная этика оказывается социально сформированным конструктом и неформальным руководством для исполнения.

Анализируя эволюцию профессиональной военной этики, исследователь «Военного колледжа армии США» Метью Мотен (**Matthew Moten**) приходит к выводу, что она «охватывает воинскую службу, верность Конституции, повиновение гражданским властям, мастерство во владении сложным набором доктринальных и технических экспертиз, позитивное руководство и этическое поведение»⁸¹. При всем при этом, автор указывает на отсутствие ясно артикулированного морального кодекса, который подтверждал бы подчинение гражданскому контролю и отрицал возможность вовлечения военных во внутреннюю политическую жизнь⁸².

Ряд ведущих исследователей профессиональной военной этики также приходят к выводу, что политический компонент военной этики является «наименее понимаемым сегодня, вероятно благодаря хантингтоновской традиции внутри американской профессии военного, согласно которой военные должны обходить политическую жизнь и политизацию, чтобы поддерживать свой профессионализм»⁸³. Критика такого подхода базируется на наблюдении, что ключевые аспекты военного дела, такие как военное строительство, обеспечение и применение вооруженных сил, являются политическими по своей природе и требуют диалога между военными и политическими институтами. Другими словами, хотя подход Хантингтона и формирует, фактически, американскую военную этику, механизмы внутреннего контроля военного сословия на сегодняшний день остаются двусмысленными и слабыми⁸⁴.

Литература по западной военной этике представляет военную службу как уникальную профессию. Например, Гарольд Лассуэлл (**Harold Lasswell**) в классическом определении характеризует военную профессию как управление насилием*. Этика современного военного является конкретной и практичной на индивидуальном уровне, выстраивается в контексте тактического боя и является продолжением традиционного отношения к военной профессии, опирающегося на идеи Хантингтона и контролируемого установившейся системой профессиональной этики. Однако военная активность вне пределов тактического уровня в настоящее время не является исключительно военной. Другими словами, современная профессиональная военная этика демонстрирует, что идеологизированная военная сфера Хантингтона является иллюзией вне тактического уровня и терпит

* Цит. По. **Hackett, Winthrop (Ed.)**. *Lieutenant General Sir John, The Profession of Arms*. Center for Military History Publication 70–18, Washington, D.C.: United States Army Center for Military History, 1966, p. 3. 1 November 2014. <http://www.history.army.mil/html/books/070/70-18/cmHPub_70-18.pdf>

неудачу при обращении к операционному и выше уровням войны. Высшие уровни войны не являются чисто военными и различающиеся профессиональные контексты каждого из уровней требуют, соответственно, различных профессиональных норм⁸⁵.

Ограниченность профессиональных норм военной этики тактическим уровнем приводит к проблемам, так как современные конфликты достаточно редко ограничиваются только тактикой. Чтобы быть эффективными, вооруженные силы должны адаптировать этические нормы к современной среде безопасности, что приводит к изменениям, которые исследователь проблем военной этики Дон Шнейдер (**Don Snider**) называет «функциональным императивом»⁸⁶. Обращаясь к аудитории военных профессионалов, Шнейдер критикует ее непримиримость и неспособность адаптироваться к функциональным требованиям иррегулярного конфликта⁸⁷. Уникальность требований современного конфликта на фоне отсутствия профессиональной военной этики для высших уровней войны создает достаточно сложный контекст, в рамках которого осуществляется оперативное управление вооруженными силами, когда командующие войсками стараются избегать и обходить неизбежную политическую борьбу.

3.2.2. Военные в политической жизни

Краткий обзор литературы. Выше было показано, что барьеры между военными операциями и политической жизнью слабы и искусственны, потенциально оставляя возможность операционным командующим влиять на политическую жизнь. Обзор литературы по военно-гражданским отношениям показывает, что в целом академическая литература рассматривает военно-гражданские отношения и управление как игру с нулевой суммой⁸⁸. При этом можно говорить о диапазоне или спектре возможных отношений между военными и политической сферой, на одном конце которого имеет место доминирование военных в гражданских политических процессах, на другом — обратное. Между крайними положениями располагается серая зона, в которой ни одна из сторон не является доминирующей, когда военные имеют возможность влиять на политиков (но не управлять ими), а политики — вовлекаться в военные операции (но не полностью брать на себя военное управление). Академическая литература отражает данный диапазон потенциальных взаимоотношений между военными и политиками, и каждый из подходов имеет свой корпус текстов.

Контроль военными политических процессов приводит к доминированию последних в государственной жизни. Литература рассматривает историю военных переворотов, становления харизматических военных лидеров и авторитарных режимов, прочие структурные условия, которые делают такой контроль более вероятным. В классической, фундаментальной работе по военно-политической жизни Самуэль Файнер (**Samuel Finer**) рассмат-

ривает случай доминирования военных в политике⁸⁹. Файнер исследует в деталях проблему и делает вывод, что «режим военного происхождения или прямого военного правления является... отличительным свойством режима»⁹⁰. Исследователь дает типологию интервенции военных в политику и обеспечивает фрейм для оценки ее вероятности*. Файнер показывает, что военное вмешательство пропорционально специфическим структурным условиям, и существует большой корпус литературы, посвященный исследованию феномена военного правления и государственного переворота[†]. Авторы, главным образом, рассматривают государства с переходными режимами и нестабильные политические системы.

Майкл Деч (**Michael Desch**) в работах по американским военно-гражданским отношениям после холодной войны утверждает, что «нижняя линия для развития демократии — это гражданский контроль и управление: могут ли гражданские лидеры надежно заставить военных делать то, что они [гражданские лидеры] от них хотят»⁹¹. Автор сосредотачивается на другом конце спектра и литературе, которая рассматривает проблему гражданского политического контроля военных.

Литература такого рода расценивает как маловероятную возможность военного государственного переворота в США и фокусируется на том, каким образом политики могут достичь лучшего применения военного инструментария, который они контролируют. Например, как говорилось ранее, Самуэль Хантингтон ратует за навязывание политиками военным аполитической формы профессионализма, что позволяет им держать в своих руках военный инструмент государства⁹². Моррис Яновиц (**Morris Janowitz**) выступает за контроль и управление политиками процессов формирования военной сферы и строительства военной организации государства, в результате которого ценности военного сословия отражают ценности общества⁹³. В некотором смысле тезис Яновица дополняет точку зрения Хантингтона и призван решать проблему контроля военных «неявно» и на более ранней стадии формирования военного сословия, а не навязывания аполитичных норм профессиональным военным. Эллиот Коэн (**Elliot Cohen**) является сторонником сильного гражданского контроля над военными⁹⁴.

И наконец, Питер Фивер рассматривает отношения между политиками и военными в рамках модели «начальник-агент», формулируя условия, при которых военные будут наилучшим образом соответствовать требованиям и выполнять директивы гражданских властей⁹⁵. Анализ Фивера обеспечивает наиболее устойчивую и надежную теоретическую проекцию, но, тем не менее, имеет свои ограничения. Теория агентских отношений или теория

* Файнер описывает четыре типа военной интервенции, которые ранжируют легитимную и благоприятную активность по вытеснению (**suppliment**) военными гражданского правительства: влияние, давление, перестановки и вытеснение. **Finer, The Man on Horseback**, pp. 86–87.

[†] Хорошим примером такого рода литературы может служить **Perlmutter, Amos and Valerie Plave Bennett (Eds.). The Political Influence of the Military: A Comparative Reader**. New Haven, CT: Yale University Press, 1980.

агента рассматривает каждодневные военно-гражданские отношения как продолжающуюся игру стратегического взаимодействия, в которой гражданские начальники варьируют навязчивость своего мониторинга военных агентов, а военные агенты — свое согласие с гражданскими предпочтениями и предпочтениями»⁹⁶.

Модель Фивера пытается уменьшить сложность акторов, когда как военные, так и гражданские акторы рассматриваются в качестве унитарных. Кроме того, предполагается, что обнародованная политика и решения принимаются гражданскими акторами и спускаются вниз для исполнения военными. Однако унитарная модель оказывается чересчур грубой и не способной отобразить сложный процесс выработки и принятия военно-политических решений, в который вовлекаются множество акторов с различными интересами. Например, хотя Председатель ОКНШ является главным военным советником Президента, региональные командующие, осуществляющие боевое применение войск в регионе и непосредственно реализующие военную стратегию, могут иметь свое видение и политические интересы, отличающиеся от точки зрения первого. Аналогичным образом, предпочтения оперативных командующих могут отличаться как от взглядов председателя ОКНШ, так и региональных командующих. Кроме того, теория агентов не может полностью отразить процесс плюралистического принятия решений, а также возможность активного влияния военных на процесс выработки политики, которую они имплементируют⁹⁷.

Работы, приведенные выше, оказали сильное влияние на военно-гражданские отношения в США, однако их мощь сосредотачивается на обеспечении надежного гражданского контроля, и они терпят неудачу, сталкиваясь со стратегической неопределенностью, когда гражданские политеймеры не придерживаются ясной военной политики, позволяющей обеспечивать устойчивый контроль над военными⁹⁸. Исследователи военно-гражданских отношений исходят из того, что стоящая перед ними задача заключается в обеспечении контроля над военными, но не рассмотрении процесса формирования и применения военной политики. Как следствие, большая часть теорий военно-гражданских отношений оказывается бесполезной для описания процессов формирования и применения военной политики и стратегии⁹⁹. Монография «Теории демократических военно-гражданских отношений», предметом исследования которой являются военно-гражданские отношения в отсутствие полного политического контроля, одна из редких, обращающихся к данной теме¹⁰⁰.

Как уже говорилось выше, между двумя полюсами доминирующего контроля политиков и военных лежит большое исследовательское поле, в котором ни одна из сторон не обладает явным преимуществом. Военно-гражданские отношения сложны и включают большое число акторов и заинтересованных кругов, способных адаптироваться и взаимодействующих друг с другом и средой. На сегодняшний день отсутствует объединенная теория, которая давала бы системный взгляд на военно-гражданские отношения. Бо-

лее того, сама постановка задачи возможности создания такой теории требует обоснования. Условие обеспечения гражданского политического контроля над военными упрощает постановку проблемы, тем не менее, академическая литература предпочитает обходить случаи, когда военные оказывают влияние на политическую жизнь или устанавливают военный режим. Затрагивая данную тему, исследователи обычно сводят проблему к рассмотрению чрезмерного политического влияния отдельных военных лидеров, ограничиваясь объяснениями, сводящимися исключительно к личным качествам последних. В качестве примеров говорится о генерале Колине Пауэлле (**Colin Powell**) в начале 90-х или генерале МакАртуре во время Корейской войны¹⁰¹.

Также приводятся примеры противоположного типа, когда гражданские политики настаивают на необходимости своего глубокого вовлечения в военное дело и даже военные операции. Такие исследования рассматривают, в частности, отношение военных к чересчур глубокому гражданскому мониторингу и вовлеченности (микромнедждменту) гражданских во время вьетнамской войны или прямому политическому контролю военных операций*. Например, Ллойд Метью (**Lloyd Matthews**) считает, что «опирающийся на микромнедждмент менталитет» гражданских является неизбежным, и офицеры должны предпринять «скромные меры», чтобы держать политических лидеров в курсе дел в «соответствующей сфере»¹⁰².

Однако серая зона между двумя полюсами, в которой военные и политики влияют друг на друга, требует более внимательного рассмотрения. Как замечает историк Дейл Херспринг (**Dale Herspring**), «военные США стали группой с бюрократическими интересами, однако она не стремится взять страну»¹⁰³. В рассматриваемой зоне имеет место сотрудничество, соперничество и взаимовлияние военных и гражданских политиков. Понимание проблем данной зоны требует отхода от специальной литературы по военно-гражданским отношениям и перехода к корпусу текстов политической науки, описывающих действия акторов при формировании и внедрении государственной политики в сфере НБ.

Политическая наука применяет, в частности, выстроенные на акторах модели (**actor-specific models**) к сфере НБ для описания процесса формирования и внедрения политики. При этом она исходит из следующих предположений¹⁰⁴.

1. Процесс принятия решения в сфере НБ является плюралистичным. Конституция США предполагает разделение ответственности внутри правительства и формирования системы балансов и противовесов†. Сталки-

* Многие исследователи затрагивают данную тему. См., например, **McMaster, H. R.** *Dereliction of Duty: Johnson, McNamara, the Joint Chiefs of Staff, and the Lies that Led to Vietnam*. NY: Harper Collins, 1997.

† Луи Фишер дает хороший обзор балансов и противовесов внутри систем государственной власти США. **Fisher, Louis.** "Judicial Review of the War Power," *Presidential Studies Quarterly*, Vol. 35, No. 3, 2005, pp. 466–495. 1 November 2014. <<http://www.constitutionproject.org/documents/judicial-review-of-the-war-power/>>

вающийся со сложными проблемами политический процесс в сфере НБ оказывается междисциплинарным и межведомственным по своей природе. Ни одна из заинтересованных сторон или акторов (например, военные или гражданские ведомства) не имеет решающего превосходства и вынуждена «выносить на рынок» желаемую для своей организации политику или стратегию, которые должны конкурировать за ограниченные ресурсы государства. Такова сущность бюрократического интереса, описываемого Джеймсом Уилсоном (**James Wilson**) в известной работе по поведению правительственных агентств¹⁰⁵.

2. Свою роль играют индивидуальные акторы. Джеймс Скотт (**James Scott**) считает, что политическая жизнь формирует уникальное множество акторов для каждой отдельной политической темы. Как следствие, ни один из акторов или правительственная структура не обладает монополией в процессе выработки и принятия политических решений. Формирование политики оказывается процессом с множеством «точек входа» для отдельных акторов, через которые они могут оказывать влияние и конкурировать за возможность влиять на политический процесс¹⁰⁶. Выстроенная таким образом система имеет целью не обеспечение жесткого противоборства и преследования узких, сугубо ведомственных интересов, но скорее призвана исключить возможность монополизации процесса выработки решений и обеспечить условия для представления конкурирующих интересов различных акторов. Такой подход, очевидно, отходит от предпосылок теории военно-гражданских отношений, рассмотренных выше, когда интересы гражданских политиков всегда превалируют.

Ряд авторов в рамках данного подхода описывают политику как процесс внутривластной конкуренции за влияние. Хороший научный анализ проблематики дается в статье «Военно-гражданские отношения и потенциал влияния: взгляд с точки зрения процесса принятия решений в сфере НБ», которая рассматривает влияние военных на политику в сфере НБ¹⁰⁷. Кристофер Гибсон (**Christopher Gibson**) и Дон Шнейдер считают, что военные должны оказывать влияние на политику после окончания холодной войны благодаря своим знаниям и способности давать экспертные оценки. По их мнению, способность проводить экспертизу по сложным внешнеполитическим темам (таким как военные действия) дает военным преимущество в политической конкуренции за влияние на стратегию. Гибсон и Шнейдер рассматривают как военнотружущих, так и гражданских государственных служащих, однако ограничиваются только теми военными, которые уполномочены по должности влиять на стратегию¹⁰⁸. Авторы делают вывод, что военные «драматично улучшили» свою способность влиять на политику, благодаря возросшему институциональному фокусу на стратегическом уровне процесса выработки и принятия решений¹⁰⁹.

Ниже будет рассматриваться модель оценки влияния военных на политику в контексте ИВД, приведенная в исследовании Нейла Шнайдера (**Neil Snyder**) «Политические генералы в иррегулярных военных действиях», ко-

торая затем будет использоваться для оценки возможности оперативного командующего влиять на политический процесс. Военные на стратегическом уровне (например, члены ОКНШ или региональные командующие) по должности вовлечены в политический процесс. Добавление в список оперативных командующих, будучи новым, оказывается последовательным с точки зрения подхода Джеймса Скотта. Новизна заключается в том, что они аналитически «извлекаются» из оперативного уровня войны и включаются в политический процесс, тем самым признавая и подтверждая связи между стратегическим и оперативным уровнями войны¹¹⁰.

Модель оценки влияния военных на политическую жизнь в контексте ИВД. Для проверки гипотезы, что в операционной среде ИВД оперативные командующие вовлекаются в политический процесс, Нейл Шнайдер в рамках качественного анализа обращается к модели правительственной политики (**governmental politics model**) Грэхема Эллисона (**Graham Allison**). Модель становится инструментом, при помощи которого становится возможным оценить действия акторов, участвующих в формировании политики, позволяя оценить, через какие входы операционный командующий вовлекается в политический процесс, и далее, каким образом происходит расширение данной вовлеченности.

В работе «Сущность решения» Грэхем Эллисон рассматривает три различных модели, которые могут быть использованы для объяснения процесса формирования политики¹¹¹. В первой — модели рационального актора — правительство рассматривается в качестве унитарного рационального актора, а формируемая политика является результатом рационального процесса принятия решения, базирующегося на выборе. Исходной предпосылкой служит утверждение, что акторы, включенные в процесс формирования политики, совместно работают над формированием политики, которая становится оптимальным выбором для США, как целого.

Во второй модели политика рассматривается как продукт организационного поведения, элементами анализа выступают правительственные агентства и ведомства, организационные возможности и интересы которых позволяют объяснить формируемую политику (правительственные действия).

Третья — модель правительственной политики — «фокусируется на политической жизни правительства» и объясняет формируемую политику, как результат политического взаимодействия акторов, действия которых базируются на предпочтениях и действиях¹¹². Модель рассматривает формируемую политику как результат взаимодействия (игры) между правительственными акторами, стремясь дать ответ на вопросы, кто является акторами, каковы их предпочтения и интересы и как они взаимодействуют друг с другом¹¹³.

Эллисон применяет все три модели к кубинскому кризису с целью получить множество проекций каузальных механизмов, на основе которых вырабатывается политика. Использование множества моделей и исследование получающихся проекций является достаточно распространенным приемом

и позволяет получить более полный анализ рассматриваемого политического явления и объяснить, каким образом формируется политика, и почему она отличается от идеальных ожиданий аналитиков.

Тем не менее, применение первых двух моделей к проблеме вовлечения операционных командующих в политический процесс представляется малопродуктивным, так как основные элементы анализа данных моделей не соответствуют исследовательским задачам. Модель рационального актора, в которой принимающий политическое решение субъект является унитарным, не позволяет рассмотреть проблему взаимодействия акторов нижнего уровня, вовлеченных в формирование политики. Модель оценивает качество или характер решений в системе выработки и принятия политических решений на макроуровне, не позволяя исследовать процессы на нижних уровнях. Модель организационного поведения рассматривает акторов политического процесса в качестве представителей правительственных агентств и ведомств и используется для оценки типов политики, которые они вырабатывают и защищают. В фокусе модели оказывается сам процесс формирования политики и его структура, безотносительно к политическим предпочтениям акторов.

Для рассматриваемой проблемы вовлечения оперативных командующих в политический процесс и процесс распределения ресурсов наиболее приемлемой оказывается модель правительственной политики. Модель Эллисона предсказывает, что оперативные командующие участвуют в формировании политики, создавая «каналы действия» (**action channels**), через которые получают возможность влиять на политический процесс и процесс распределения ресурсов, в соответствии с предпочтениями, ролью своей организации и ответственностью¹¹⁴. Эллисон определяет канал действий как регуляризованные средства предпринимания правительственного действия по темам специфического рода¹¹⁵. При этом возникает ряд вопросов и проблем, рассматриваемых ниже.

1. Эллисон замечает, что «там, где стоишь, там и сидишь»¹¹⁶, и акторы становятся вовлеченными в политический процесс «игроками», «занимая позицию в главных каналах для производства действия по темам НБ»¹¹⁷. По мнению Эллисона, для каждого уникального случая политической жизни возникает свое уникальное множество акторов. В круг акторов можно войти, если обладаешь потенциалом и ресурсами, которые позволяют сделать ставку в разворачивающейся игре. Актором можно стать по должности или когда имеешь возможность «толкаться» в дискурсе вокруг политической темы, создавая вход в политический процесс и устанавливая канал действия¹¹⁸. Причем мощь игрока в конкретном случае зависит скорее от его навыков и воли, нежели формальной власти. «Не имеется уверенного руководства, чтобы предсказать пропорциональное влияние позиции относительно личных факторов в поведении отдельных полисмейкеров»¹¹⁹. Однако в случае рассмотрения политических проблем, касающихся вооруженных сил, Эллисон высказывается однозначно, что «ни одно военное действие не выбирается без расширенной консультации с военными игроками»¹²⁰. В круг таких игроков

включается высшее военное командование, ставки которых определяются местом во властной иерархии.

2. Влияет ли актер на политический процесс за пределами ограничиваемой должностью властью, особенно в вопросах касающихся стратегических целей и задач? Эллисон считает, что политика формируется в контексте распределения властного потенциала и мощи и, следовательно, «политическая жизнь, политика являются механизмом выбора». Политика включает решения сложной природы, в выработке которых участвуют множество государственных структур и акторов, и включенность в политический процесс зачастую означает воздействие на мнения и подход других акторов. При этом существенным, по его мнению, являются различия в позициях акторов, когда не все военные, вовлеченные в формирование политики, разделяют общие цели и интерес. «Интересы, информация и экспертные оценки» военных в каждом из случаев оказываются связаны с определенной ролью. В рассматриваемом случае вопрос заключается в том, влияют ли операционные командующие на общую стратегию правительства, и отличаются ли интересы данного круга от интересов других военных, вовлеченных в политический процесс.

3. Влияет ли актер на распределение ресурсов, особенно тех, что могут быть выделены ему и организации, которая стоит за его властной позицией? В данном случае вопрос заключается в том, в состоянии ли операционный командующий влиять на распределение ресурсов в соответствии с его интересами? По мнению Эллисона, акторы генерируют мощь благодаря навыкам и воле участвовать в политике, а также «восприятию других игроков» касательно такого влияния¹²¹. В конечном счете мощь актора измеряется его влиянием на результаты политического процесса.

Имеются некоторые ограничения касательно применения модели Эллисона. Модель правительственной политики обеспечивает узкий взгляд на процесс формирования политики, фокусируясь на акторах и игнорируя прочие процессы, такие как фактор времени, внутренняя политическая жизнь, международный контекст. Эллисон фокусируется на дискретных политических темах или событиях процесса выработки и принятий решений, а не всем континууме политики и политических процессах, разворачивающихся, в том числе, на большом масштабе времени. Кроме того, модель Эллисона фокусируется на процессах в сфере НБ, большая часть которых засекречена, и, как следствие, доступная для исследований информация ограничена¹²².

3.2.3. Ситуационное исследование вовлечения военных в политический процесс

Нейл Шнайдер в качестве исследовательского случая рассматривает процесс принятия решения в рамках иракской кампании в 2006 году, в результате которого было принято решение о переходе к стратегии «Большого наращивания» (**Surge strategy**). Это важный случай принятия стратегического решения, при-

ведший к значительным изменениям в стратегии проведения иракской войны, которая к этому времени потребляла огромные ресурсы и привела к долгосрочным последствиям во внешней, экономической и энергетической политике США. Кроме того, иракская война к этому времени демонстрировала классический парадокс, когда большое мощное государство оказывается не в состоянии одержать победу в малой иррегулярной войне¹²³.

Тем не менее, необходимо учитывать, что случаю иракской войны соответствует ряд ограничений. Это иррегулярная война на большом масштабе, стоимость и длительность которой были беспрецедентны для истории США. Как следствие, ее воздействие на научное и экспертное сообщество США, возможно, является преувеличенным. Кроме того, иракская война началась как высокоманевренная конвенциональная война нового типа, с широким использованием сетцентричных принципов. Разрушение США иракского государства, включая военную организацию, военную инфраструктуру и сферу НБ в целом, привело к началу новой фазы и формированию операционной среды ИВД. Как следствие, первая фаза оказала большое влияние на вторую, и иракскую войну не всегда и не во всех аспектах правомерно сводить к «чистому» иррегулярному конфликту¹²⁴.

Также серьезным вызовом, с аналитической точки зрения, является отделение иракской войны от более широкой глобальной борьбы против терроризма и параллельно протекающих операций в Афганистане, на Африканском роге. Тем не менее, так как исследование рассматривает военно-гражданские отношения на операционном уровне войны, становится возможным аналитически изолировать иракский случай от широкого стратегического контекста и других операций и усилий США того времени.

Контекст принятия решения. К 22 февралю 2006 года суннитские повстанцы разрушили шиитскую святыню «Золотая мечеть» в Самарре*, подняв волну вооруженного насилия между суннитской и шиитской общинами, которая за год разлилась по всему Ираку¹²⁵. Эскалация насилия вплотную подошла к уровню открытой гражданской войны, в то время как «Многонациональные силы» в Ираке под командованием генерала Джорджа Кейси (**George Casey**) пытались сдержать насилие и стабилизировать шатающееся правительство. Ситуация вынудила полисмейкеров приступить к пересмотру реализуемой в Ираке политики и стратегии, — процесс, инициированный разрушением мечети и завершившийся публичным заявлением президента Джорджа Буша в январе 2007 года о решении развернуть в Ираке дополнительные вооруженные силы (операция «Быстрое наращивание»).

Политический процесс выработки и принятия решения был непростым и включал множество формальных и неформальных акторов и заинтересо-

* Знаменитая Золотая мечеть, носящая имя шиитских имамов Али аль-Хади и Хасана аль-Аскари, является главной святыней расположенного в 110 километрах к северу от Багдада города. Простоявшее более тысячи лет здание мечети было практически разрушено в результате двух взрывов. После первого, произошедшего в феврале 2006 года, рухнул золотой купол. Второй взрыв в июне 2007 года привел к обрушению двух минаретов мечети.

ванных групп, подготовивших свои обзоры и оценки ситуации. Рекомендации формировали в качестве отклика широкий спектр опций — от полного вывода многонациональных сил из Ирака до еще одной широкомасштабной военной операции, которые ложились на стол лиц, принимающих решения. Ниже будут рассмотрены основные акторы и взаимодействия между ними, в конечном счете, сформировавшие политический процесс по подготовке и принятию решения.

Попытки исследовать процесс принятия решений в 2006 году предпринимались научными кругами и журналистами неоднократно. Например, Джеймс Пфайфнер (**James Pfiffner**) считает, что принятие стратегических решений при президенте Буше определялось предпочтениями президента в рамках неформального процесса, что делало невозможным всестороннее рассмотрение узких политических опций¹²⁶. В рамках журналистского расследования большинство авторов приходят к выводу, что решение по «Быстрому наращиванию» принималось отдельными акторами. Журналист Боб Вудворд (**Bob Woodward**) приписывает подготовку решения советнику президента по НБ Стивену Хэдли (**Stephen Hadley**), имевшему сильное влияние на процесс принятия решений Бушем¹²⁷. Томас Рикс (**Thomas Ricks**) и Фред Барнс (**Fred Barnes**) приписывают формирование и принятие решения активности неправительственных акторов, возглавляемых генералом в отставке Джоном Кином (**John Keane**)¹²⁸. Стив Колл (**Steve Coll**) приводит аргументы против влияния генерала Дэвида Петрэуса на формирование политики и принятие решение¹²⁹. И наконец, Питер Фивер, являвшийся непосредственным участником политического процесса и владеющий информацией из первых рук, приводит аргументы, что принятие решения явилось результатом совместных межведомственных усилий¹³⁰.

Каждая из точек зрения выстраивается исходя из проекции тех или иных акторов и рассматривает процесс принятия решения по «Быстрому наращиванию» в ретроспективе, когда формирование и принятие решения «присваивается» одной личности или подчеркиваемой данным автором причине. Ни одно из исследований не дает целостного системного взгляда, каким образом те или иные акторы вовлекались в выработку решения на том или ином этапе. Нейл Шнайдер предпринимает попытку дать объективный взгляд на политический процесс, синтезируя широкий спектр источников, включая персональные исследования ключевых участников.

В 2006 году американские политики оказались перед ситуацией, когда иракская кампания имела все характеристики операционной среды ИВД. Множество групп, включая вооруженные религиозные и террористические группировки, иракское правительство и коалиционные силы конкурировали за контроль, применяя различные стратегии и формируя операционную среду с динамическими взаимосвязями между акторами и сложными социально-экономическими и военно-политическими условиями.

Для политиков ситуация была стратегически двусмысленной и неопределенной, когда было непонятно, какова военная миссия и какие ресурсы

должны быть привлечены для ее выполнения. В 2006 году именно эти два вопроса (миссия и распределение ресурсов) формировали базис политического процесса вокруг Ирака. Однако это только два из трех элементов стратегической триады (цели, способы и средства). В процессе принятия решения вокруг Ирака в политическом дискурсе элемент «способы» (пути) фактически отсутствовал. Политики предпочитали оставить выбор «способов» в ведении командования и лидеров, непосредственно оперирующих в Ираке. Такое поведение соответствовало нормам профессиональной военной этики, когда лица, принимающие стратегические решения, устанавливают цели и задачи миссии и распределяют ресурсы, оставляя оперативно-му звену задачу реализации стратегии через разработку необходимых операций. В рассматриваемом случае дополнительным элементом и опцией при выработке «способов» стала разработка новой контрповстанческой доктрины в США. Как следствие, внутри военного сообщества шли дискуссии касательно методов улучшения организационных возможностей вооруженных сил по проведению контрповстанческой операции. В любом случае, фокусирование политических дебатов только на двух элементах стратегической триады приводило к большой неопределенности и полярным точкам зрения среди полисмейкеров.

Акторы и каналы действия. Политический процесс, в рамках которого выработывалось решение на «Быстрое наращивание», протекал не столько в рамках стандартной модели принятия стратегических решений «сверху-вниз», сколько стал результатом активности «снизу-вверх» и разворачивался на протяжении всего 2006 года. За этот период по меньшей мере тринадцать различных групп внутри государственных структур инициировали подготовку стратегических обзоров и оценок по ситуации в Ираке*. За пределами государственных структур появился как минимум один обзор, оказавший влияние на процесс принятия решения. Речь идет о группе по иракскому планированию в Американском институте предпринимательства (АИП) (**American Enterprise Institute**). Появление большей части групп происходило независимо друг от друга и явилось результатом процесса самоорганизации, который разворачивался без директив вышестоящего начальства, когда только в октябре президент Джордж Буш отдал распоряжение Совету НБ интегрировать до этого независимые и неформальные усилия¹³¹.

В конечном счете сформировались три «трека», на которых происходила подготовка решения. Аппарат Совета НБ в рамках межведомственных усилий и под руководством советника президента по НБ Стивена Хэдли и его ключевых заместителей Джека Круча (**Jack Crouch**) и Меган О'Салливан (**Meghan O'Sullivan**) аккумулировал обзоры различных государственных структур. Подходы и оценки военных кругов аккумулировались в рамках

* Тейл Шнайдер дает список групп и некоторые детали, включая сроки, на протяжении которых та или иная группа оказывала влияние на процесс. Со временем некоторые из групп объединялись или подготавливали дополнительные обзоры.

ОКНШ под руководством Председателя генерала Питера Пейса (**Peter Pace**). Помощь военным, в рамках своих полномочий, оказывали профильные комитеты Совета НБ. И третий трек составили усилия группы АИП, члены которой на протяжении всего периода подготовки и принятия решения имели прямой доступ к сотрудникам аппарата и членам Совета НБ¹³².

Таким образом, из восьми месяцев процесса выработки и принятия решения, только один месяц он разворачивался как формальный или официальный, когда был обеспечен коллективный доступ ко всем подготовленным материалам. Однако еще до этого между членами как правительственных, так и неправительственных групп имело место постоянное взаимодействие. Сотрудники аппарата Совета НБ обеспечивали взаимодействие АИП с «советом полковников» генерала Питера Пейса в КНШ и другими старшими офицерами. Более того, генерал в отставке Джек Кейн (**Jack Keane**), представлявший группу АИП, имел прямой доступ к членам Совета НБ, включая Президента и вице-президента, министра обороны и председателя КНШ. Речь идет о неформальной социальной сети, сформировавшейся как результат долгосрочных связей между лицами, являющимися профессионалами в сфере НБ. Ретроспективный анализ событий показывает, что решение явилось результатом доступа (и влияния) группы АИП к высшему военно-политическому руководству и аппарату Совета НБ. Грамотная организация процесса и доверие друг другу, как профессионалам, дало актерам возможность получить доступ к процессу принятия решения и влиять на него, в том числе и через оказание влияния на повестку дня¹³³.

Неформальные каналы воздействия (действия). Анализ по «Быстрому наращиванию» интересен тем, что демонстрирует, какой эффект могут иметь личные связи и влияние отдельного актора на процесс принятия стратегических решений. В данном случае значительной оказалась роль советника президента по НБ Стивена Хэдли, который обеспечил доступ неправительственных акторов к ключевым лицам процесса и создал канал, по которому политические рекомендации извне государственной машины получали правовой статус и гарантированный доступ к цепям принятия стратегических решений (Совету НБ). Работая через советника президента по НБ и председателя ОКНШ, генерал Кейн сумел создать неформальный канал действия для акторов, работающих над общей повесткой. Это позволило неправительственным актерам стать частью политического процесса, войдя в него со своим мнением и позицией. Кроме того, АИП получил возможность разместить своих «доверенных агентов» в других группах, готовящих стратегические обзоры и оценки по проблеме, тем самым влияя на получаемый результат. Параллельно генерал Кейн проводил консультации с другими актерами, которые могли повлиять на процесс принятия решения, и здесь можно отметить генерала Рэймонда Одьерно (**Raymond Odierno**) и генерала Дэвида Пэтреуса.

Ключевым фактором, благодаря которому администрация президента согласилась с доминированием неформального канала действий, была кри-

зисная ситуация в политической сфере. Подготовленные обзоры, оценки и последующие решения должны были быть приняты общественностью, которая внимательно наблюдала за событиями в Ираке. Администрация сознательно избегала опции, когда решение готовилось бы исключительно в рамках государственных структур и только на основе межведомственных механизмов Совета НБ. Как следствие, неформальные каналы приобрели большой вес и влияние¹³⁴.

Социальная сеть неформального взаимодействия профессионалов НБ эффективно функционировала и на нижних уровнях иерархии, особенно та ее часть, которая ратовала за «Быстрое наращивание». Например, генерал Пэт-реус, занимая должность операционного уровня, был связан и консультировался с Меган О'Салливан, заместителем советника президента по НБ, некоторыми членами «совета полковников», членами группы АИП (генералом Кейном) и генералом Одиерно в Ираке. Таким образом, доминирующие группы в политическом процессе (АИП и группа по Ираку Совета НБ) оказались тесно связаны и использовали свои позиции для подготовки желаемого курса действий. Странники «Быстрого наращивания» смогли создать ситуацию, когда данная опция выделялась из общего ряда возможных решений и в таком статусе конкурировала с множеством других политических опций, что, безусловно, предоставляло ей качественное преимущество.

Контролируя повестку дня и обеспечивая своим сторонникам доступ к цепям выработки и принятия стратегических решений, доминирующие группы контролировали решение. Процесс, полностью вписывающийся в определение Эллисоном понятия «каналы действия», когда группы и отдельные личности создают и используют канал, посредством которого информация и рекомендации ложатся на стол лиц, принимающих решения, и в конечном счете становятся действием. В случае «Быстрого наращивания», возможность перекрывать другие каналы и контролировать рекомендации привели к доминированию неформального процесса выработки и принятия решения над формальным¹³⁵.

Представленный выше нарратив, описывающий возможность создания неформальных каналов воздействия, находящихся «за пределами» формальных процедур и цепей выработки и принятия военно-политических и стратегических решений, является глубоким и требующим к себе внимания. Фактически он смог исключить из процесса «официальных акторов» и ряд ключевых заинтересованных сторон. Например, Президент не консультировался с премьер-министром Ирака, пока не было принято решение. «Группа изучения Ирака Конгресса» (**Congress' Iraq Study Group (ISG)**), также известная как комиссия Бейкера — Гамильтона, рекомендовала не привлекать дополнительные войска в Ирак, однако ее голос наталкивался на стену молчания на протяжении последнего месяца процесса принятия решения и не играл роли.

В процесс выработки решения, практически вплоть до его окончания, не был интегрирован ОКНШ, другие ключевые военные акторы, которые, будучи заинтересованной стороной, были против «Быстрого наращивания».

Как следствие, председатель ОКНШ был поставлен перед фактом уже подготовленного решения и был вынужден с ним согласиться, как неизбежностью. В начале процесса данные акторы имели преимущество перед внешними/неформальными акторами, так как обладали гарантированным голосом в любой дискуссии, касающейся применения военной силы. Тем не менее, отсутствовали индикаторы, которые позволили бы вовремя воспользоваться возможностями и должностной властью, чтобы заблокировать выработанное вне формального процесса решение¹³⁶.

К концу процесса принятия решения в него были вовлечены два операционных командующих — генерал Кейси, покидающий пост Командующего многонациональными силами в Ираке, и его преемник генерал Пэтреус, придерживающиеся радикально различающихся подходов к решению проблемы. Однако, если генерал Кейси, выступающий против «Быстрого наращивания», участвовал только в формальных процедурах процесса принятия решений, то генерал Пэтреус влиял на будущее решение через свою сеть акторов, взаимодействуя с ними, в том числе, и посредством неформальных каналов. В список лиц, консультировавшихся с Пэтреусом, входили министр обороны Роберт Гейтс, заместитель советника президента по НБ Меган О'Салливан, генерал Одиерно и др. С точки зрения занимаемых должностей генерал Кейси имел больший вес, и его точка зрения официально докладывалась в Совете НБ. Однако генерал Пэтреус, будучи актором более низкого ранга, оказался более влиятельным. В конечном счете решение в пользу «Быстрого наращивания» было принято в рамках гражданской части аппарата Совета НБ, и оно пересиливало мнение операционного командующего (генерал Кейси), командующего «Центрального командования США» (**United States Central Command (USCENTCOM)**) (генерал Джон Абизайд (**John Abizaid**)) и почти единогласное мнение членов ОКНШ¹³⁷.

Выводы. Можно выделить несколько ключевых моментов процесса принятия решения по «Быстрому наращиванию».

1. В политическом процессе выработки новых подходов США в Ираке ключевую роль играли генералы Кейси и Пэтреус. Уходящий операционный командующий (генерал Кейси) и его преемник (генерал Пэтреус) придерживались различных подходов. Один из них (Кейси) неудачно обратился к формальным каналам, в то время как другой (Пэтреус) использовал неформальные механизмы для достижения желаемого результата.

2. В политический процесс оказались включены множество акторов, использующих, как формальные, так и неформальные каналы действия. Генерал Пэтреус был неформальным актором и по должности не имел возможности быть вовлеченным в процесс выработки решения. Его влияние не было открытым или спланированным, а являлось следствием сложившихся до этого профессиональных связей (социальный капитал). В условиях отсутствия доступа к формальным механизмам социальная сеть генерала Пэтреуса стала необходимым условием для неформального влияния на процесс принятия решения. Случай генерала Пэтреуса — это пример ус-

пешного «пассивного» участия в процессе принятия решения, когда операционный командующий получает возможность взаимодействовать с акторами политического процесса.

3. Наличие глубоких разногласий привело к продолжительному процессу принятия решения, что, в свою очередь, свидетельствует о трудности и сложности выработки стратегических решений в среде ИВД. В таких условиях акторы, имеющие возможность оказывать влияние на повестку и контролировать каналы действия, могут оказывать большее влияние на процесс, нежели акторы, формально наделенные большей властью.

Дебаты вокруг иракской политики США в 2006–2007 гг. выявили ряд противоречий. Случай генерала Пэтреуса показал, как военные круги могут оказывать влияние на принятие политических решений, благодаря политическим способностям и успешному использованию медиа. Такое поведение сильно контрастировало с шагами других генералов, которые были дистанцированы от политического процесса. Некоторые из авторов критиковали генералитет за отсутствие влияния на этапе планирования войны в Ираке и сравнивали такое поведение с поведением старших офицеров и генералов во время вьетнамской войны¹³⁸.

Ситуация усложнялась американской традицией гражданского контроля над военными, которая считает, что военные должны оставаться аполитичными в рамках профессиональной военной этики. Случай генерала Пэтреуса показал, что военно-политическая реальность может формировать конкурирующие требования, перед которыми стоит командующий оперативного уровня. Рост влияния генерала Пэтреуса происходил на фоне напряженных отношений между военными и гражданскими, и его хорошие отношения с послом Райаном Крокером (**Ryan Crocker**) резко выделяются на общем фоне противоречивых военно-гражданских отношений в Ираке с 2003 по 2004 год, когда имелся очевидный конфликт между гражданским и военным руководствами, ответственными за войну. Большое количество научных работ, журналистских расследований свидетельствуют о, в лучшем случае, беспокойных военно-гражданских отношениях в этот период.

Случай генерала Пэтреуса привел к постановке ряда важных проблем, касающихся военно-гражданских отношений, и свидетельствует о возможных изменениях, когда происходит отход от преобладающего контроля гражданских лидеров над военными¹³⁹. Будучи командующим оперативного уровня, он оказался участником процесса национальных дебатов по уточнению задач США в Ираке и ресурсах, которые должны быть выделены для их достижения. В 2009 году аналогичные дебаты возникли вокруг стратегии США в Афганистане, в которые оказался вовлечен оперативный командующий генерал Стэнли МакКристал. Однако генерал МакКристал подвергся критике и пострадал, благодаря массмедиа, за то, что изложил свой подход публично. Данный шаг был расценен как попытка оказать политическое давление на президента Барака Обаму¹⁴⁰. В случае генерала Пэтреуса ему, как оперативному командующему, администрация Обамы позволила оказывать политическое влияние на процесс, благодаря весу, которым он обладал к этому време-

ни. И, хотя президент Обама назначил генерала МакКристалла командующим афганскими силами за аналогичные навыки и вес дипломата-воина, «то, что менее всего хотели бы видеть Белый дом и высшие чины Пентагона в эти дни, это генерал, который сможет миновать командную инстанцию; генерал, который говорит прямо президенту; генерал, который является доминантным американским голосом на войне. Другими словами, менее всего они хотят видеть другого Пэтреуса»¹⁴¹.

Таким образом, в условиях ИВД операционный командующий, как профессиональный «аполитичный» военный, оказывается вовлечен в развивающийся в серой зоне политической процесс, в рамках которого происходит определение целей и задач и распределение ресурсов¹⁴². Такое вовлечение в серую зону политики, становясь новой нормой, требует от операционного командующего готовности приобретать соответствующие навыки и соответствовать своеобразным требованиям политической арены. Эксперты по менеджменту часто идентифицируют способность расширять влияние за пределами формальной власти, как необходимый навык в условиях социальной сложности¹⁴³. Военным лидерам потребуются специфические знания касательно межведомственных процессов, политической сферы. Они должны будут овладеть навыками налаживания отношений с множеством различных акторов, создания профессиональных социальных сетей, в которые вовлекаются не только военные профессионалы, но и прочие круги, вовлеченные в процесс формирования военной политики и стратегии.

¹ **Kilcullen, David.** “Religion and Insurgency,” *Small Wars Journal*, May 2007. 1 November 2014. <<http://smallwarsjournal.com/blog/religion-and-insurgency>>

² **Kilcullen, Countering Global Insurgency; Kilcullen, Religion and Insurgency.**

³ **Lauder, Matthew A.** *Religion and Resistance: Examining the Role of Religion in Irregular Warfare.* Defence R&D, Canada, Toronto, March 2009, p. 4. 1 November 2014. <<http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a501625.pdf>>

⁴ **Lilla, Mark.** *The Stillborn God: Religion, Politics, and the Modern West.* NY: Alfred A Knoff, 2007.

⁵ **Riesebrodt, Martin.** *Pious Passion: The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran.* D. Reneau, trans, Berkeley: University of California Press, 1993.

⁶ **Jahanbakhsh, Forough.** “Religious and Political Discourse in Iran: Moving Towards Post-Fundamentalism,” *Brown Journal of World Affairs*, Vol. 9, No. 2, Winter/Spring, 2003, pp. 243–254.

⁷ **Lilla, Mark.** *The Stillborn God.* Цит. по **Lauder, Religion and Resistance**, p. 10.

⁸ **Wellman, James K. Jr.** “Religion and Violence: Past, Present, and Future,” in **Wellman, James K. Jr (Ed.).** *Belief and Bloodshed: Religion and Violence Across Time and Tradition.* Lanham: Rowman and Littlefield, 2007. Цит. по **Lauder, Religion and Resistance**, p. 10.

⁹ **Jahanbakhsh, Religious and Political Discourse in Iran; Rubenstein, Richard E.** *Alchemists of Revolution: Terrorism in the Modern World.* NYk: Basic Books, 1987.

¹⁰ **Peters, Ralph.** “Politically Correct War: US Military Leaders Deny Reality,” *The New York Post*, 18 October 2006. 1 November 2014. <http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2006/1012/pete/peters_pcwar.html>

¹¹ **Hoffman, Frank G.** Neo-Classical Counterinsurgency, *Parameters*, Vol. 37, No. 2, Summer 2007, pp. 71–87. 1 November 2014. <<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/articles/07summer/hoffman.htm>>

¹² **Danan, Liora and Hunt Alice.** *Mixed Blessings: US Government Engagement with Religion in Conflict-Prone Settings.* Centre for Strategic and International Studies (CSIS), Washington, DC, August 2007, p. 27. 1 November 2014. <http://csis.org/files/media/csis/pubs/070820_religion.pdf>

- ¹³ *FM 3–24 and MCWP 3–33.5 Counterinsurgency*, p. 1–4.
- ¹⁴ **Juergensmeyer, Mark.** *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence.* Berkeley: University of California Press, 2000. Цит. по **Lauder, Religion and Resistance**, p. 7.
- ¹⁵ *Ibid.*
- ¹⁶ **Eliade, Mircea.** *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion.* W.R. Trask, trans., San Diego, CA: Harvest/HBJ. 1987.
- ¹⁷ **Peters, Politically Correct War.**
- ¹⁸ **Danan and Hunt, Mixed Blessings**, p.11.
- ¹⁹ **Metz, Steven.** *The Future of Insurgency.* Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, 1996, 10 December 1993, pp. 6–7. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=344>>
- ²⁰ **Metz, The Future of Insurgency**, p. 12.
- ²¹ *Ibid.*, p. 5.
- ²² **Lauder, Religion and Resistance**, p. 11.
- ²³ *Ibid.*, pp. 11–13.
- ²⁴ **Pavlos, Andrew. J.** *The Cult Experience.* Westport, Conn.: Greenwood Press, 1982, pp. 34–35.
- ²⁵ **Dawson, Lorne L.** *Comprehending Cults: The Sociology of New Religious Movements.* Toronto: Oxford University Press. 1998.
- ²⁶ **Wessinger, Catherine L.** *How the Millennium Comes Violently: From Jonestown to Heaven's Gate.* NY: Seven Bridges Press, 2000, p. 4.
- ²⁷ **Rosenfeld, Jean E.** “The Justus Freeman Standoff: The Importance of Analysis of Religion in Avoiding Violent Outcomes,” in **Catharine L.Wessinger (Ed.) Millenniumism, Persecution, and Violence: Historical Cases** Syracuse: Syracuse University Press, 2000, pp. 323–344.
- ²⁸ **Dawson, Comprehending Cults.**
- ²⁹ **Wessinger, How the Millennium Comes Violently**, p. 4.
- ³⁰ **Dawson, Comprehending Cults.** Цит. по **Lauder, Religion and Resistance**, p. 13.
- ³¹ **Hunter, J. D.** “The New Religions: Demodernization and the Protest against Modernity,” in **B. Wilson (Ed.) The Social Impact of New Religious Movements.** NY: The Rose of Sharon, 1981, pp. 1–19.
- ³² **Wallis, Roy.** “Three Types of New Religious Movements,” in **L. Dawson (Ed.) Cults in Context: Readings in the Study of New Religious Movements.** Toronto: Canadian Scholars' Press, 1996, pp. 39–72.
- ³³ *Ibid.*
- ³⁴ *Ibid.*
- ³⁵ **Lauder, Religion and Resistance**, pp. 13–14.
- ³⁶ **Robbins, Thomas.** “Religious Movements and Violence: A Friendly Critique of the Interpretive Approach,” *Nova Religio*, Vol. 1., No. 1, 1997, pp. 13–29.
- ³⁷ **Ellwood, Robert.** *Politics of Myth.* Albany: State University of New York Press, 1999. Цит. по **Lauder, Religion and Resistance**, p. 15.
- ³⁸ **Rosenfeld, The Justus Freeman Standoff.**
- ³⁹ **Wallis, Three Types of New Religious Movements.**
- ⁴⁰ **Bromley, David. G.** “Social and Cultural Elements of Radical Organizations,” in **T. Robbins and S. Palmer (Eds.) Millennium, Messiahs, and Mayhem: Contemporary Apocalyptic Movements.** London: Routledge 1997, pp. 31–46.
- ⁴¹ **Lauder, Religion and Resistance**, p. 17.
- ⁴² *Ibid.*, pp. 18–19.
- ⁴³ **Snyder, Political Generals in Irregular War**, pp. 5–6.
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 6–8.
- ⁴⁵ **U.S. Joint Chiefs Staff, Joint Publication 3–0**, p. II-1.
- ⁴⁶ *Ibid.*, pp. II-1, 2.
- ⁴⁷ **Sawyer, David A.** “The Joint Doctrine Development System,” *Joint Forces Quarterly (JFQ)*, Winter 1996–1997, pp. 36–39
- ⁴⁸ **Kelly, Justin and Michael J. Brennan.** *Alien: How Operational Art Devoured Strategy.* Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2009. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub939.pdf>>
- ⁴⁹ *Ibid.*, pp. 8–9.
- ⁵⁰ **Kelly Justin and Michael J. Brennan** “The Leavenworth Heresy and Perversion of Opera-

- tional Art,” *Joint Forces Quarterly (JFK)*, Issue 56, 1st Quarter 2010, p. 109–116. 1 November 2014. <<http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a515164.pdf>>
- ⁵¹ **Kelly and Brennan**, *The Leavenworth Heresy and Perversion of Operational Art*, p. 114.
- ⁵² **Locher**, *Taking Stock of Goldwater-Nichols*, p. 12.
- ⁵³ **Snyder**, *Political Generals in Irregular War*, p. 14.
- ⁵⁴ **U.S. Department of the Army**. *Field Manual 6–22: Army Leadership*. Headquarters, Department of the Army, October 2006, p. 12–1. 1 November 2014. <<http://fas.org/irp/doddir/army/fm6–22.pdf>>
- ⁵⁵ *Ibid.*, p. 12–2.
- ⁵⁶ *Ibid.*, p. 12–5.
- ⁵⁷ **Snyder**, *Political Generals in Irregular War*, pp. 15–16.
- ⁵⁸ **Feaver, Peter D.** “The Civil-Military Problematique: Huntington, Janowitz, and the Question of Civilian Control,” *Armed Forces and Society*, Vol. 23, No. 2, Winter, 1996, p. 150. 1 November 2014. <<http://respaldo.fcs.edu.uy/enz/licenciaturas/cpolitica/tallerfuerzasarmadas/Feaver%201996%20The%20civil%20military%20problematique.doc>>
- ⁵⁹ **Snyder**, *Political Generals in Irregular War*, p. 16.
- ⁶⁰ **Huntington, Samuel P.** *The Soldier and the State*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1957, p. 84.
- ⁶¹ **Snyder**, *Political Generals in Irregular War*, p. 17.
- ⁶² **Burk, James.** “Theories of Democratic Civil-Military Relations,” *Armed Forces and Society*, Vol. 29, No. 1, 2002, pp. 7–29.
- ⁶³ **Corbett, Steve and Michael J. Davidson.** “The Role of the Military in Presidential Politics,” *Parameters* Vol. 39, No. 4, Winter, 2009, pp. 63–64, 1 November 2014. <<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/Articles/09winter/corbett%20and%20davidson.pdf>>
- ⁶⁴ **Herspring**, Dale R. *The Pentagon and the Presidency: Civil-Military Relations from FDR to George W. Bush*. Lawrence, Kan.: University Press of Kansas, 2005, p. 7.
- ⁶⁵ **Snyder**, *Political Generals in Irregular War*, pp. 18–19.
- ⁶⁶ **Clausewitz**, *On War*, p. 87.
- ⁶⁷ **Beyerchen Alan D.** “Clausewitz, Nonlinearity and the Unpredictability of War,” *International Security*, Vol. 17, No. 3, Winter 1992, pp. 59–90. 1 November 2014. <<http://www.clausewitz.com/readings/Beyerchen/CWZandNonlinearity.htm>>
- ⁶⁸ **Nielsen, Suzanne C.** *Political Control Over the use of Force: A Clausewitzian Perspective*. Carlisle, PA: U.S. Army War College Strategic Studies Institute, 2001, p. 14. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub349.pdf>>
- ⁶⁹ **Feaver, Peter D.** *Armed Servants: Agency Oversight, and Civil-Military Relations*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.
- ⁷⁰ **Cohen, Eliot A.** *Supreme Command*. NY: Free Press, 2002.
- ⁷¹ **Desch, Michael C.** “Bush and the Generals,” *Foreign Affairs*, Vol. 86, No. 3, May/June 2007. 1 November 2014. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/62616/michael-c-desch/bush-and-the-generals>>
- ⁷² **Herspring**, *The Pentagon and the Presidency*, p. 10.
- ⁷³ **Snyder**, *Political Generals in Irregular War*, pp. 21–22.
- ⁷⁴ *Ibid.*, p. 22.
- ⁷⁵ **Herspring**, *The Pentagon and the Presidency*, pp. 15–16.
- ⁷⁶ **Diamond, Larry and Marc F. Plattner.** “Introduction,” in **Larry Diamond and Marc F. Plattner (Eds.)** *Civil-Military Relations and Democracy*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press, 1996. p. xii; **Owens, Mackubin Thomas.** “Rumsfeld, the Generals, and the State of U.S. Civil-Military Relations,” *Naval War College Review*, Vol. 59, No. 4, Autumn 2006, pp. 68–80. 1 November 2014. <http://www.iskran.ru/cd_data/disk2/rr/042.pdf>
- ⁷⁷ **Snyder**, *Political Generals in Irregular War*, p. 23.
- ⁷⁸ **Swain, Richard.** “Reflection on an Ethic of Officership,” *Parameters*, Vol. 37, No. 1, Spring, 2007, p. 8. 1 November 2014. <<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/articles/07spring/swain.pdf>>
- ⁷⁹ **U.S. Department of the Army**. *Field Manual 1: The Army*. Headquarters. Department of the Army. Washington, D.C., 14 June 2005, p. 1–11. 1 November 2014. <http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/army/fm/1/fm1_2005.pdf>

- ⁸⁰ **Moten, Matthew.** *The Army Officer's Professional Ethic: Past, Present, and Future.* Carlisle, PA: U.S. Army War College Strategic Studies Institute, 2010, p. 1. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB966.pdf>>
- ⁸¹ *Ibid.*, p. 14.
- ⁸² *Ibid.*, pp. 17, 20–21.
- ⁸³ **Nagl, John, Don Snider, and Tony Pfaff.** *Army Professionalism, the Military Ethic, and Officer-ship in the 21st Century.* Carlisle, PA: U.S. Army War College Strategic Studies Institute, 1999, p. 12. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=282>>
- ⁸⁴ **Snyder, Political Generals in Irregular War**, pp. 24–25.
- ⁸⁵ *Ibid.*, pp. 25–26.
- ⁸⁶ **Snider, Don M., Paul Oh, and Kevin Toner.** *The Army's Professional Military Ethic in an Era of Persistent Conflict.* Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, United States Army War College, 2009, p. 7. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB895.pdf>>
- ⁸⁷ **Snider, Don M. and Gayle L. Watkins.** “The Future of Army Professionalism: A Need for Renewal and Redefinition,” *Parameters*, Vol. 30, No. 3, Autumn 2000, pp. 5–20 at p. 5. 1 November 2014. <<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/articles/00autumn/snider.htm>>
- ⁸⁸ **Gibson, Christopher P. and Don M. Snider** “Civil-Military Relations and the Potential to Influence: A Look at the National Security Decision-Making Process,” *Armed Forces and Society*, Vol. 25, No. 2, 1999, p. 194.
- ⁸⁹ **Finer, Samuel E.** *The Man on Horseback: The Role of the Military in Politics.* NY: Praeger, 1962.
- ⁹⁰ *Ibid.*, p. 4.
- ⁹¹ **Desch, Michael C.** *Civilian Control of the Military: The Changing Security Environment.* Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1999, p. 4.
- ⁹² **Huntington, The Soldier and the State.**
- ⁹³ **Janowitz, Morris.** *The Professional Soldier, A Social and Political Portrait.* NY: Free Press, 1960.
- ⁹⁴ **Cohen, Supreme Command.**
- ⁹⁵ **Feaver, Armed Servants: Agency Oversight, and Civil-Military Relations.**
- ⁹⁶ *Ibid.*, p. 282.
- ⁹⁷ **Snyder, Political Generals in Irregular War**, pp. 35–36.
- ⁹⁸ **Kobi, Michael.** “The Dilemma Behind the Classical Dilemma of Civil Military Relations: The ‘Discourse Space’ Model and the Israeli Case during the Oslo Process,” *Armed Forces and Society*, Vol. 33, No. 4, 2008, pp. 518–522.
- ⁹⁹ **Burk, Theories of Democratic Civil-Military Relations**, p. 7.
- ¹⁰⁰ *Ibid.*
- ¹⁰¹ **Bracken, Paul.** “Reconsidering Civil-Military Relations,” in **Don M. Snider and Miranda A. Carlton (Ed.)** *U.S. Civil-Military Relations: In Crisis Or Transition?* Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies, 1995, pp. 145–146.
- ¹⁰² **Matthews, Lloyd J.** *The Political-Military Rivalry for Operational Control in U.S. Military Actions: A Soldier's Perspective* Carlisle, PA: United States Army War College Strategic Studies Institute, 1998, p. 26. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/download.cfm?q=309>>
- ¹⁰³ **Herspring, The Pentagon and the Presidency**, p. 5.
- ¹⁰⁴ **Snyder, Political Generals in Irregular War**, pp. 38–39.
- ¹⁰⁵ **Wilson, James Q.** *Bureaucracy: What Government Agencies do and Why they do it.* NY: Basic Books, 1989.
- ¹⁰⁶ **Scott, James M.** “Interbranch Rivalry and the Reagan Doctrine in Nicaragua,” *Political Science Quarterly*, Vol. 112, No. 2, 1997, pp. 237–239.
- ¹⁰⁷ **Gibson and Snider, Civil-Military Relations and the Potential to Influence**, pp. 196–197.
- ¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 199.
- ¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 206.
- ¹¹⁰ **Snyder, Political Generals in Irregular War**, pp. 40–41.
- ¹¹¹ **Allison, Graham and Philip Zelikow** *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis.* 2nd ed., NY: Longman, 1999, pp. 1–11.
- ¹¹² *Ibid.*, p. 6.
- ¹¹³ *Ibid.*, p. 390.
- ¹¹⁴ *Ibid.*, p. 383.

- ¹¹⁵ *Ibid.*, p. 300.
- ¹¹⁶ *Ibid.*, p. 307.
- ¹¹⁷ *Ibid.*, p. 296.
- ¹¹⁸ *Ibid.*, p. 255.
- ¹¹⁹ *Ibid.*, p. 298.
- ¹²⁰ *Ibid.*, p. 312.
- ¹²¹ *Ibid.*, p. 300.
- ¹²² **Snyder, Political Generals in Irregular War**, pp. 46.
- ¹²³ **Mack, Andrew.** "Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict," *World Politics*, Vol. 27, No. 2, January 1975, pp. 175–200. 1 November 2014. <http://people.reed.edu/~ahm/Courses/Reed-POL-359-2011-S3_WTW/Syllabus/EReadings/10.1/10.1.Mack1975Why-Big-Nations.pdf>
- ¹²⁴ **Snyder, Political Generals in Irregular War**, pp. 47–48.
- ¹²⁵ **Hassan, Hussein D.** *Iraq: Milestones since the Ouster of Saddam Hussein (RS22598)*. Washington, DC: Congressional Research Service, 2007, p. 2.
- ¹²⁶ **Pfiffner, James P.** "Policy-Making in the Bush White House," *Issues in Governance Studies*, No. 21, October, 2008. 1 November 2014. <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2008/10/31%20bush%20pfiffner/1031_bush_pfiffner.pdf>
- ¹²⁷ **Woodward, Bob.** *The War within: A Secret White House History 2006–2008*. New York: Simon and Schuster, 2008.
- ¹²⁸ **Ricks, Thomas E.** *The Gamble*. New York: Penguin, 2009;
- Barnes, Fred.** "How Bush Decided on the Surge," *The Weekly Standard*, Vol. 13, No. 20, Feb 4, 2008. 1 November 2014. <<http://www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/014/658dwgm.asp>>
- ¹²⁹ **Coll, Steve.** "The General's Dilemma," *The New Yorker*, September 8, 2008. 1 November 2014. <http://www.newyorker.com/reporting/2008/09/08/080908fa_fact_coll>
- ¹³⁰ **Feaver, Peter D.** "The Right to be Right: Civil-Military Relations and the Surge," Paper presented at the *International Studies Association Conference*, New Orleans, LA, February 20, 2010.
- ¹³¹ **Snyder, Political Generals in Irregular War**, p. 53.
- ¹³² *Ibid.*, pp. 53–54.
- ¹³³ *Ibid.*, p. 54.
- ¹³⁴ *Ibid.*, pp. 54–55.
- ¹³⁵ *Ibid.*, pp. 55–56.
- ¹³⁶ *Ibid.*, pp. 53–54.
- ¹³⁷ *Ibid.*, p. 57.
- ¹³⁸ **Hoffman, Frank G.** "Dereliction of Duty Redux," *E-Notes*, Washington, D.C., Foreign Policy Research Institute, October 15, 2007. 1 November 2014. <<http://www.fpri.org/articles/2007/11/dereliction-duty-redux>>
- Yingling, Paul.** "A Failure in Generalship," *Armed Forces Journal*, May, 2007. 1 November 2014. <<http://www.armedforcesjournal.com/a-failure-in-generalship/>>
- ¹³⁹ **Priest, Dana.** *The Mission: Waging War and Keeping Peace with America's Military*. NY: Norton, 2003, p. 24.
- ¹⁴⁰ **Ackerman, Bruce.** "Generals Shouldn't Disagree Publicly with the Commander in Chief," *The Washington Post*, 3 October. 2009. 1 November 2014. <<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/10/02/AR2009100203939.html>>
- ¹⁴¹ **Jaffe, Greg.** "Obama Wanted a Petraeus. Buyer Beware," *Washington Post*, October 11, 2009. 1 November 2014. <<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/10/09/AR2009100902568.html>>
- ¹⁴² **Snyder, Political Generals in Irregular War**, pp. 61–62.
- ¹⁴³ **Kotter, John P.** *Power and Influence: Beyond Formal Authority*. NY: The Free Press, 1985;
- Heifetz, Ronald A.** *Leadership without Easy Answers*. Cambridge, MA: Belknap Press, 1994.

ГЛАВА IV

Опыт европейских стран в проведении иррегулярных военных действий

Стратегическая культура нации делает некоторые из вызовов более сложными по сравнению с другими. Например, для американской стратегической культуры иррегулярные вызовы и угрозы представляются более сложными, нежели регулярные. Колин Грей замечает, что в Великобритании стараются использовать «четвертную меру», когда требуется оценить «половину»¹. Другими словами, при оценке того или иного явления стратегическая культура Великобритании стремится использовать более тонкий инструмент и метрику, нежели требует масштаб задачи. США поступают противоположным образом и при необходимости оценить «половину» прибегают к более масштабной метрике и опираются на «единицу». Об этом говорит и Самуэль Хантингтон, написавший в эпоху Уайберга — Пауэлла в середине 80-х: «Соединенные Штаты большая страна, и мы стараемся вести войны с размахом. Одно из наших великих преимуществ — это наша масса; мы не колеблемся использовать ее... Размер, а не мозги, является нашим преимуществом, и мы его используем. Если мы решаем вмешаться (осуществить интервенцию), мы делаем это с превосходящими силами»². Другой особенностью американской стратегической культуры при столкновении с вызовами, к которым она не готова, является поиск «серебряной пули», — большого всеобъемлющего решения. Имея дело с незнакомой и непривычной проблемой, США хотят верить в существование решения, или, еще лучше, что это — единственное, доминантное решение³.

Сказанное позволяет понять, почему США с трудом справляются с иррегулярными угрозами, формируя отклик на которые они вынуждены вновь открывать для себя, что война и военные действия — это продолжение политики и политической жизни, когда необходимо прибегнуть к целостному подходу и опираться на гранд-стратегию, выстраивая отклик. США обращаются к классическим текстам Чарльза Коллуэла, Дэвида Галула, Роберта Табера (**Robert Taber**), Мао Цзэдуна, Роджера Тринкера (**Roger Trinquier**), Фрэнка Китсона (**Frank Kitson**), Томаса Эдварда Лоуренса (Лоуренса Аравийского) (**Thomas Edward Lawrence**), открывая заново то, что знали предыдущие поколения⁴. Да, любая теория, в том числе и военная, опирается на контекст своей эпохи. Тем не менее, опыт предыдущих поколений может обеспечить базис для понимания происходящего, если актуальная военная мысль запаздывает с осмыслением текущей ситуации. С данной точки зрения краткий экскурс в ряд иррегулярных кампаний прошлого представляется важным и необходимым в понимании вызовов и проблем уже XXI века.

4.1. Опыт проведения иррегулярных военных действий в XVIII–XIX вв.

4.1.1. Восстание Вандеи

Французская революция привела к появлению концепции наполеоновских войн и классических трудов Жомини и Клаузевица. Однако интерес представляет и во многом забытая военная операция против восставшей Вандеи. Большинство исследований по Вандее являются историческими или социологическими и не рассматривают вопросы тактики и оперативного искусства⁵.

После того как французская революция окрепла и реформировала государственные институты, под непосредственной угрозой оказалась Католическая церковь. Результатом стало восстание 1793 года в Вандее, жители которой взяли за оружие для защиты церкви и монархии. Для подавления восстания республиканское правительство послало почти пятидесяти тысячную армию. Армия Вандеи состояла из гражданских лиц, вооруженных легким оружием, во главе с роялистскими офицерами и одаренными самоучками. Она придерживалась стратегии разрозненных боев в сельской местности и концентрировалась в большие формирования для уничтожения оторвавшихся от основных сил колонн республиканской армии. Чтобы держать под контролем весь регион, республиканцы были вынуждены рассредоточить свои силы, предпринимая попытки вынудить вандейцев изменить стратегию и выйти на решающее сражение⁶.

Пэдди Гриффит (**Paddy Griffith**) в работе, посвященной военным аспектам Вандеи, пишет:

В серии стычек некоторые из оставших колонн революционной армии были разбиты и уничтожены войсками Вандеи. При этом у защитников Вандеи не было ни определенной крепости, которую можно было осадить и захватить, ни реальной («правильной». — Прим. А.Р) армии и никаких значительных экономических ресурсов, которые могла бы взять под контроль Республика. ...На таком театре сложное военное образование революционных генералов оказывалось в значительной степени несущественным фактором. Ситуация, которая не была бы истинной в каком-либо другом случае⁷.

Ход войны изменился, когда армия Вандеи все же сменила стратегию и попыталась осадить республиканский город Нант. Обратясь к осаде, она была вынуждена отказаться от факторов, обеспечивающих ей преимущество, — скрытности, рассредоточенности и неожиданности, — быстро исчерпала свои ресурсы и потеряла в численности. Вторую военную кампанию к концу года Республика проводила уже по-другому. Вместо того, чтобы пытаться вступить в боестолкновение с ослабевшей армией Вандеи, республиканцы, сохраняя свои силы концентрированными, методически сжигали деревни, уничтожали урожай и казнили жителей⁸. По мнению ряда истори-

ков, четверть населения Вандеи была убита республиканцами⁹. Спустя три года, к 1796 году, восстание пошло на убыль. Тем не менее, оно периодически вспыхивало вновь, что требовало от республиканских (позже имперских) властей держать до 1815 года в регионе гарнизон¹⁰.

4.1.2. Пиренейская война

В 1807 году Наполеон завоевывает Португалию и в 1808 году низлагает испанского короля, сажая на трон своего брата неаполитанского короля Жозефа Бонапарта. Однако Наполеон не учел враждебности испанцев. Немногочисленное купеческое сословие городов, которому были не чужды идеи равенства и свободы, были слабой опорой, а для многих истовых католиков Франция имела репутацию страны атеистов, что сплотило население страны вокруг монастырей и прочих традиционных испанских институтов. В Испании французская армия столкнулась с другим противником, лучше обеспеченным ресурсами и военной кампанией, использующей партизанскую тактику. Именно во время Пиренейской войны родился термин «партизанская война» (герилья) (**guerilla war**), когда испанские партизаны (рейдеры), при поддержке английских регулярных сил, постепенно истощили ресурсы французской армии и в конечном счете вынудили имперские силы уйти с полуострова¹¹.

Франция применила традиционную стратегию конвенциональных сражений против испанских рейдов, которая оказалась неадекватной. Симпатия местного населения позволяла испанским бойцам быть в курсе передвижений французских войск и уклоняться от столкновения с ними. При необходимости партизаны могли раствориться среди местного населения. Французский генерал следующим образом описывает свое замешательство от столкновения с таким неуловимым противником: «...через 48 часов, после того как противник был отброшен, он появлялся вновь, ведя малую войну, — безрезультатную для нас, но с необыкновенным преимуществом для себя, увеличивая надежды слепых горных жителей»¹². Те же самые жители, которые были «слепы» и не видели преимуществ французского правления, предупреждали партизан о приближении французских войск, обеспечивали разведку и пр. Французы, с другой стороны, продолжали упорно следовать стратегии размещения гарнизонов в городах и удержания критически важных районов. Но они оказывались беспомощными против непрямых методов испанских рейдеров, численность и боевые возможности которых были несравненно ниже¹³.

Выработка рейдерской стратегии стала результатом множества поражений и потерь партизан в стычках с французами. Оперировавшие небольшими отрядами, они нападали на гонцов, небольшие отряды и конвои, сопровождающие повозки с провиантом, а также города с небольшими гарнизонами и пр. Используя свое преимущество в знании местности, они учились ухо-

доть от преследующих их сил после рейдов. Партизаны вынуждали захватчиков возводить фортификационные сооружения во всех пунктах, которые они контролировали, и фактически обеспечивать эскорт численностью до 300 бойцов пехоты и кавалерии для гонцов, доставляющих важные сообщения или официальные письма. Активность испанских партизан представляла такую угрозу, что в один из моментов кампании французы были вынуждены выделять до 90 000 войск из 230 000 дислоцированных в стране, для защиты от рейдеров¹⁴.

Мастерское владение рейдерской стратегией партизанской войны испанцами дополнялось поддержкой Великобритании, осуществляющей интервенцию в Португалию и Испанию. Хорошо снаряженная и обеспечиваемая британская армия с блестящим командованием дополняла усилия испанцев, вынуждала французов увеличивать свой контингент в Испании, значительная часть которого оказывалась втянута в тяжелую, вязкую непривычную военную кампанию. Британцы помогали также партизанам поставками оружия, обеспечением и финансами¹⁵.

Мастерство и упорство испанских партизан сыграла важную роль в нанесении поражения французским силам и намерениям Франции установить контроль над Испанией. Французская армия и ранее встречалась с таким сопротивлением, но не в таком масштабе и не с таким мастерством. Антуан Жомини, служивший офицером во французской армии в Испании, следующим образом комментирует трудности кампании, вездесущность и сноровку партизан. Он находился в лагере по подготовке артиллеристов «между четырьмя бригадами, которые находились в 2–3 лигах* от лагеря, и в 50 милях не было видно никаких испанских войск... никогда». И «в одну прекрасную ночь тренирующиеся роты, — люди и лошади, — исчезают, и мы так и не смогли понять, что с ними стало: один сбежавший раненый капрал доложил, что крестьяне, ведомые их монахами и священниками, увели солдат таким вот образом, и ушли с ними». Война, пишет он, «представляла собой тысячу случаев ударов такого рода. Всего золота Мексики было недостаточно для французов, чтобы получить надежную информацию...»¹⁶.

Описывая соотношение сил к контролируемому пространству в рамках реализуемой французами стратегии, он пишет: «Никакая армия, даже дисциплинированная, не может успешно противостоять против такой системы, применяемой к великой нации, разве что она должна быть достаточно сильной, чтобы взять под контроль все важные пункты страны, покрыть ее коммуникации и в то же время иметь активные войска, достаточные, чтобы разбить противника везде, где он сам появится»¹⁷.

Таким образом, французы, использующие традиционную оборонительную стратегию борьбы, не смогли выиграть войну у противника, демонстрирующего наступательную рейдовую стратегию. Пытаясь оккупировать всю страну и постоянно расширяя свои усилия, французы обнаружили себя

* Мера длины в испано-американских странах, равная 4, 19 км.

в состоянии обороны против рейдов партизан. При более высоком соотношении сил к контролируемому пространству или при более надежной политической базе французы могли бы достичь успеха. Со временем и при терпимом и правильном поведении французских солдат, использовании рекрутов из местного населения они могли бы постепенно легализовать правление короля Иосифа. Однако стремление французов закончить кампанию как можно быстрее, наложившись на умелое сопротивление британской полевой армии, португальских и испанских сил привели к тому, что Франция оказалась в ловушке собственной стратегии. Размеры Пиренейского полуострова и враждебность испанского населения привели к краху французских усилий¹⁸.

4.1.3. Франко-прусская война

Франко-прусская война 1870–1871 гг., запомнившаяся по сокрушительному французскому поражению в Седане, затем перешла во вторую фазу оккупации, партизанской войны и спорадических военных столкновений. На протяжении первой фазы, французская армия придерживалась конвенциональной постнаполеоновской тактики против прусской армии, которая владела ею лучше. Пруссия нанесла поражение Франции в серии больших традиционных сражений, изолировав французскую полевую армию у Маца, уничтожив вторую под Седаном и захватив в плен французского императора Наполеона III¹⁹.

Тем не менее, война не закончилась. Появилось гражданское правительство Леона Гамбетты, созданы новые военные подразделения, когда в течение месяца под ружье было поставлено полмиллиона солдат. Военные из остатков разбитых французских частей, вооруженные гражданские лица укрепляли Париж и готовились к долгой прусской осаде. Джузеппе Гарибальди создал армию интернациональных добровольцев и вместе с армией Вогезы последовал маршем на помощь Франции. Будучи плохо экипированными и обученными, сомневаясь во французской тактике предыдущих сражений, новые армии избегали решающего сражения с прусской армией и обратились к новой. Рассредоточившись на сельской местности, они вынудили Пруссию превратить свою более чем сотысячную регулярную армию в рассредоточенные оккупационные войска, которые пытались защитить линии снабжения от партизанских атак²⁰.

В отличие от успехов первой фазы, прусская армия оказалась в замешательстве, вынуждая выдающегося военного Мольтке-старшего пристально приглядываться к войне неопределенной продолжительности, которая могла быть завершена только разрушением гражданской инфраструктуры Франции²¹. Однако военная фортуна отвернулась от Франции, когда Гамбетта приказал французским вооруженным силам вернуться к конвенциональным наступательным операциям. В результате каждая из французских

армий была быстро разбита Пруссией, которая получила возможность вернуться к тактике решающих сражений²².

После окончания франко-прусской войны военные исследователи предприняли значительные усилия, чтобы понять, почему французская армия так явно проиграла в первой фазе, и чем объяснить столь значительные потери в живой силе с обеих сторон²³. Однако успешное сопротивление Франции во второй фазе и неспособность Пруссии найти контрмеры против новой французской тактики привлекли относительно небольшое внимание. Обращающиеся к проблеме исследователи, такие как Ханс Дельбрук (**Hans Delbruck**), использовали скорее квазифилософскую терминологию, нежели военную²⁴. Иррегулярные войны оставались в тени, а в военной историографии и науке в целом полностью доминировали регулярные конвенциональные операции.

4.1.4. Вторая бурская война

Как и франко-прусская, вторая бурская война 1899–1902 гг. также начиналась как конвенциональная, превратившись затем в партизанскую. Однако уже на этапе конвенциональных военных действий армия буров придерживалась асимметричной тактики. Британская пехота использовала линейный боевой порядок и сомкнутый строй, а кавалерия — холодное оружие* (**arme blanche**). Регулярные пехотные подразделения буров использовали рассредоточенный боевой порядок, а конница придерживалась тактики пехоты на лошадях (**mounted infantry tactics**), которая могла быстро перемещаться и вести огонь. В первые месяцы войны тактическая асимметрия буров привела к серии побед, как в наступательных, так и оборонительных боях. Однако смена командующего, перенимание тактики противника, а также наращивание преимущества в вооружении позволила британцам обменяться ролями и полностью разгромить регулярные части буров, взяв в 1900 году столицу Бурской республики²⁵.

Разгромленные регулярные части буров, оказавшись без центрального командования и правительства, пополнили свои ряды добровольцами и самоорганизовались в командос, которые вели мобильную партизанскую войну на своей территории. Последующие два года британская армия решала задачи противоборства рейдам бурских командос и усмирения сельского населения. Была разработана система небольших распределенных укреплений (блокпостов) и ограждены колючей проволокой участки сельской местности. Затем британская армия приступила к целенаправленному разрушению фермерских хозяйств и населенных пунктов, гражданское население которых было размещено в концентрационных лагерях, с целью

* Буквально «белое оружие» (**white arm**), относящееся к использованию пики и сабли вооруженной кавалерией. **Haig, Douglas**. *Cavalry Studies: Strategic and Tactical*. London: Hugh Rees, 1907; **Childers, Erskine**. *War and the Arme Blanche*. London: Edward Arnold, 1910.

лишить военные подразделения буров помощи и поддержки²⁶. Оказавшись без поддержки гражданских структур, независимые подразделения буров были вынуждены сдаться. Переговоры между британским и бурским руководством касательно новой административной структуры уже исключали возможность сохранения Бурской республики и предусматривали реформирование Британской Капской колонии в Южно-Африканский союз, который становился членом Британского содружества.

Вторая бурская война интересна тактикой и стратегией буров, сформировавших два асимметричных отклика. На первом этапе войны армия буров преследовала традиционные цели, включая захват и удержание территорий, которые достигались применением нестандартной тактики. На втором этапе они были вынуждены перейти исключительно к тактической системе партизанской войны²⁷.

Британская военная мысль постаралась «забыть» вторую бурскую войну, которая оценивалась географически и концептуально, как обособленный случай, когда регулярные военные части ведут боевые действия против иррегулярного и слабого противника. Изменения в тактике пехоты и кавалерии были расценены как временные и произошел возврат к доктрине до 1899 года²⁸. Регресс, который будет иметь разрушительные последствия в 1914 году²⁹.

4.2. Лоуренс Аравийский и опыт Великобритании в Первой мировой войне *

Идея послать небольшое число военных советников тренировать, руководить, а иногда возглавлять и вести в бой войска дружественной страны является как относительно новой, так и очень старой. Концепция советника является одной из краеугольных для сил специального назначения США, которые были созданы в начале 1950-х для руководства партизанскими группами, сражающимися за линией фронта после воображаемого советского вторжения в Западную Европу. Тем не менее, ССН использовались в третьем мире для решения задач, которые оказались неактуальны в Европе. Аналогичным образом поступал и СССР, и военная история XX века дает множество примеров эффективности института военных советников.

Функции, которые выполняет институт военных советников, можно проследить вплоть до Пелопоннесской войны (431–404 г. до н.э.), когда спартанцы послали советника Гилиппа (**Gylippus**) в Сицилию, чтобы помочь

* Подраздел подготовлен на основе второй главы «Эмир динамит: Т. Э. Лоуренс» монографии **Arquilla, John. *Insurgents, Raiders, and Bandits: How Masters of Irregular Warfare Have Shaped Our World.*** Chicago, IL: Ivan R Dee, 2011.

Сиракузам нанести поражение большим экспедиционным войскам Афин. Успешная деятельность спартанского полководца привела к повороту в ходе войны, став ярким примером того, как можно достичь решающих результатов при минимальных инвестициях в ресурсы и кадры³⁰. Никий (**Nicias**), генерал, которому нанес поражение Гилипп, замечает: советник спартанцев «показал, что означает быть человеком опыта; с тем же оружием, с теми же лошадьми и на той же земле, только применяя их другим образом (чем делали жители Сиракуз), он победил афинян»³¹.

Военные советники показали свою эффективность в Османской империи, армия которой была реформирована в конце XIX века, благодаря германской миссии советников и на основе германского оружия и технологий. Проведенные реформы позволили туркам нанести поражение странам Антанты (главным образом Британской империи) в Галлиполи во время Дарданелльской операции, начатой по инициативе Уинстона Черчилля и продолжавшейся с апреля 1915 года по январь 1916 года. Затем турецкая армия смогла остановить британские силы, покидающие Египет. В рамках Месопотамской кампании, когда британцы пытались продвинуться на северо-запад Месопотамии, турецкие войска в результате осады и взятия города Эль-Кут взяли в плен 10 000 британско-индийских экспедиционных сил. И это только через четыре месяца после Галлиполи³².

Складывалось впечатление, что только арабы, возглавляемые Шарифом Хусейном (**Sherif Husein**), смогли что-то противопоставить туркам. Арабское восстание началось в июне 1916 года с атаки «полувооруженных и неопытных племен на турецкий гарнизон в Медине и около Мекки»*. Это вынудило турков на первом этапе сдать Мекку, однако, добившись успеха, атакующие отступили и приступили к блокаде, и кампания несколько недель приняла затяжной осадный характер. Это дало возможность туркам подготовить и послать экспедиционные силы в Мекку для подавления восстания. В Медину по железной дороге был переброшен армейский корпус³³.

Из Медины турки двинулись в Мекку и должны были преодолеть 250 миль. Марш проходил через пояс холмов шириной в 20 миль, который обороняло арабское племя Фейсала. Следующим важным пунктом был Рабег, порт на Красном море, расположение которого делало его ключевым для похода на Мекку. Рабег оборонял старший сын Шарифа Али Фейсал (**Sharif Ali Feisal**) во главе с большими племенными силами — «начало арабской регулярной армии, сформированной из офицеров и мужчин арабской крови, которые служили в турецкой армии»³⁴. Арабские регулярные силы находились на этапе становления и обучения и ничего не могли противопоставить османской армии, движущейся к Мекке. Оборона на линии холмов

* В энциклопедии Британника (**Encyclopedia Britannica** 14th ed. 1929, pp. 950–953) статья “Guerilla” содержала раздел “Science of Guerilla Warfare”, подписанный “Т. Е. Ла”. Текст статьи был отредактирован Лидделом Гартон по записям Лоуренса (см. **Graves, Robert, Lawrence, T E and B. H. Liddell Hart. T.E. Lawrence to his biographers Robert Graves and Liddell Hart. Two volumes, Special Limited Edition, January 1, 1938, pp. 1–4.**

была прорвана за 24 часа, «что доказывает вторую теорию иррегулярной войны, а именно, — иррегулярные войска не в состоянии оборонять точку или линию, когда они атакуются»³⁵. Уже в октябре Арабское восстание натолкнулось на жесткое сопротивление. Кроме того, имелись симптомы подготовки турок к наступательным операциям на этом ТВД.

4.2.1. Арабское восстание

Именно тогда, в конце 1916 года, 28-летний молодой офицер разведки Великобритании Томас Эдвард Лоуренс (Лоуренс Аравийский), обучавшийся в Оксфорде, обладавший хорошими знаниями арабского языка и большим опытом в археологических изысканиях на Ближнем Востоке, разработал многообещающую концепцию операций. Основная идея концепции Лоуренса, более подробно рассматриваемая в следующем подразделе, сводилась к проведению ИВД, когда обходятся решающие, генеральные сражения с турецкими регулярными силами и наносятся удары по уязвимым точкам на всем протяжении 800-мильной железной дороги между Мединой и Дамаском. «Территория лучше подходит для нашей тактики, и мы ждем их... мы имеем все преимущества, — времени, территории, численности, погоды и можем легко поставить им мат»³⁶. Лоуренс понимал, что Османской империи необходимо разместить в регионе шестисоттысячные оккупационные войска, чтобы контролировать арабов и, обладая только ста тысячами, они были обречены на неудачу. Арабы должны были развернуть войну на изнурение, и в «Семи столпах мудрости» Лоуренс объясняет, что «уничтожение турецкого моста или железной дороги, машины или оружия или фугаса было более выгодным, чем смерть турка. Нашей целью было разрушение не армии турков, но его материальной части»³⁷.

Вопрос, каким образом Арабское восстание смогло стать столь эффективным, в том числе благодаря красноречивому офицеру разведки британской армии, представляется важным. Непосредственная военная задача Лоуренса сводилась к проведению постоянных рейдов, которые затрудняли бы туркам логистику своих больших сил в Медине. Преимущество арабов в мобильности, базирующееся на способности передвигаться по пустыне на верблюдах, вынуждало турков рассредоточить свои регулярные силы вдоль железной дороги, сделав их легкой добычей. Учитывая большие территории, которые необходимо было контролировать, Османская империя не могла обеспечить необходимое количество войск, чтобы успешно защищать все важные пункты и районы от набегов из пустыни. Арабская армия, в рамках концепции Лоуренса, должна была быть «неосязаемой. Неуязвимой, без фронта или тыла, движущегося подобно газу»³⁸.

Новая тактика, базирующаяся на мобильности, требовала вооружения и военного обеспечения, подходящего для ИВД. Таким средством стал, в частности, динамит Альфреда Нобеля, который можно было использовать в

полевых условиях, в отличие от нитроглицерина. Динамит позволял небольшим рейдовым отрядам достигать большой разрушительной мощи. Одним из первых шагов, которые сделал Лоуренс на пути от аналитика разведки к военному советнику, стало освоение взрывного дела. Впоследствии, обучая наиболее талантливых учеников, он персонально взорвал более 20 составов, получив имя-титул «Эмир Динамит»³⁹.

Нелинейный подход Лоуренса к арабскому ТВД не ограничивался проведением рейдов на железной дороге. Он понимал, что необходимо также проводить редкие и внезапные удары и диверсии против крупных и хорошо защищенных целей. Первым из таких целей стал порт Акаба (**Aqaba**), по которому в июне 1917 года после изнурительного рейда был нанесен удар из пустыни. Гарнизон турков численностью около 1200 солдат, который должен был обеспечить оборону порта от британского флота, был застигнут врасплох. Более четверти личного состава гарнизона были убиты, остальные взяты в плен. Потери Лоуренса составили два бойца⁴⁰.

Победа в Акабе безмерно увеличила веру арабов в Лоуренса. Она также привела к росту его веса в Британской империи, особенно в глазах сэра Реджинальда Уингейта (**Reginald Wingate**), главы британской администрации в Египте, который сменил ушедшего воевать с бурами лорда Герберта Китченера (**Horatio Herbert Kitchener**) на этом посту. Первоначально Уингейт был намерен ограничить активность Лоуренса ревизией каналов снабжения арабских племен и эффективности использования переданной амуниции. Однако после впечатляющего захвата Акабы Уингейт поверил в Лоуренса⁴¹ и даже рекомендовал к ордену «Крест Виктории»^{*}.

После падения Акабы арабские повстанцы стали хорошо снабжаться с моря британцами. Новая большая база, защищаемая ВМС Великобритании, позволила инициировать в последующие месяцы множество рейдов на всем ТВД. Теперь рейды проводились не только на верблюдах, но и машинах, что обеспечивало большую мобильность. Лоуренс принимал непосредственное участие во многих из рейдов, однако так как он обеспечивал овладение техническими ноу-хау новых методов уничтожения и был уже не единственным британским военным, помогающим арабам, его внимание все больше фокусировалось на возможных политических целях кампании⁴².

Для Лоуренса единственным приемлемым результатом Арабского восстания было создание свободного арабского государства, протянувшегося от Аденского залива до Дамаска и даже далее. Декларированная британская позиция временами определенно поддерживала эту идею. Мессидж министра иностранных дел Великобритании сэра Эдварда Грея (**Edward Grey**), обращенный к арабам, обещал, что результатом успеха в борьбе против Османской империи будет мирный договор, который подтвердит «незави-

^{*} «Крест Виктории» (**Victoria Cross**). Высшая военная награда Великобритании. Вручается за героизм в боевой обстановке. Крестом Виктории могут быть награждены военнослужащие всех званий и родов войск, а также гражданские лица, подчиняющиеся военному командованию.

симость всех иностранных владений», и «земли Аравии, даст Бог, вернутся по дороге свободы к их древнему процветанию»*.

Лоуренс все больше начинал верить, что эмир Фейсал (**Emir Feisal bin Al Hussein**), один из сыновей Хусейна, советником которого он был, имеет все качества, чтобы стать правителем возрожденного арабского государства. Однако некоторые влиятельные члены британского правительства придерживались другого взгляда. С расширением Арабского восстания Лоуренс заметил, что его главнокомандующий генерал Эдмунд Алленби (**Edmund Allenby**) обеспокоен широким использованием методов ИВД и иррегулярных соединений для повышения эффективности его конвенциональных операций. Позднее Лоуренс убедился, что британские полисмейкеры высшего уровня не намерены отдать под контроль арабов бывшие турецкие территории. Франция также противилась арабской независимости, претендуя, в основном, на территории современной Сирии, где французские крестоносцы более семи веков назад построили замки для защиты канувшего в лету Иерусалимского королевства. Можно говорить о своего рода иронии, так как многие из этих фортов и крепостей были объектом научного интереса молодого Лоуренса в период проведения археологических полевых работ⁴³.

Тем не менее, до своего конечного триумфа и разочарования Лоуренс провел множество кампаний. Призывы Алленби поддержать его конвенциональные операции были приняты во внимание. Вооруженные отряды части племен были собраны в большие соединения, которые нанесли поражение сотысячным турецким силам в зоне операций. Лоуренс сумел добиться такого результата за счет мобильности быстро передвигающихся племен, а его любовь к динамиту дополнялась пулеметами, минометами, броневиками, что превращала небольшой англо-французский контингент и повстанцев в военную силу, огневая мощь и вооруженность которой в районе проведения операции превышали возможности противника⁴⁴.

Рейд мостов. Так как надежность племенных шейхов зачастую была под вопросом, Лоуренс стремился наладить свою систему разведки, которая могла бы умело и скрыто проникать в населенные пункты, контролируемые турками. Порой в таких операциях принимал участие сам Лоуренс, переодеваясь женщиной и используя чадру. В одной из таких разведопераций в населенные пункты, контролируемые кавказскими турками, он позволил себе небрежность, которая обошлась ему очень дорого и привела к надлому и личной трагедии, от которой он фактически так и не оправился. Однако до этого он столкнулся с еще одним разочарованием в рамках экспедиции 1917 года, известной как «рейд мостов»⁴⁵.

Во время восстания длительные разведывательные миссии Лоуренса в пустыне, которые могли отрываться от базового лагеря на тысячи миль, часто выполнялись несколькими доверенными арабами. Порой такие груп-

* Цит. по **Wilson, Jeremy**. *Lawrence of Arabia: the Authorized Biography of T.E. Lawrence*. NY: Atheneum, 1990, p. 192.

пы направлялись к уже выбранной цели очередного рейда, но шли в отрыве от основных сил. Будучи офицером разведки, Лоуренс очень серьезно относился к организации разведки, но порой становился жертвой предательства⁴⁶. Один из таких инцидентов случился в конце 1917 года, когда Лоуренс попытался использовать арабские силы в рейде на железнодорожные мосты в долине Ярмук. Успех миссии позволил бы привлечь к восстанию живущих в окрестности племени, среди которых были алжирские потомки тех, кто полвека назад ушел в ссылку вместе с Абд аль-Кадиром* (**Abd el-Kader**). Вождь племени, названный в честь великого алжирского повстанца, прибыл в лагерь Лоуренса за день до рейда и пообещал «Лоуренс-бею» свою поддержку. Алжирцы были под подозрением французской разведки, которая видела в них вероятных агентов турков, и они поделились своим мнением с Лоуренсом. Фейсал дал Лоуренсу следующую оценку Абд аль-Кадира: «Я знаю, что он сумасшедший. Я думаю, он честен. Защищайте свои головы и используйте его»⁴⁷. Если бы новый Абд аль-Кадир не был бы турецким шпионом, его великое имя могло обеспечить Лоуренсу рекрут большого количества бойцов. В конечном счете Лоуренс решил взять его в рейд.

Однако в начавшейся миссии все пошло не так. Арабы, с которыми встречались рейдеры, относились с недоверием к Абд аль-Кадиру и не спешили присоединяться к ним. Когда Лоуренс и его люди попытались заняться рекрутом бойцов, в их сторону прозвучали предупредительные выстрелы. В конце концов в один из дней Абд аль-Кадир исчез, и чем бы ни было вызвано его исчезновение, обидой, виной или страхом, местные алжирцы уже не могли быть использованы в операции. Кроме того, Алленби готовился к большому наступлению, которое завершилось взятием Иерусалима, и Лоуренс был нужен для проведения поддерживающих операцию диверсий. Тем не менее, рейд был продолжен и выбран мост для взрыва. Однако, принимая во внимание общую нервную обстановку, акцию по взрыву моста пришлось отменить⁴⁸. Стремясь достичь хоть какого-то результата, рейдеры попытались использовать взрывчатку для подрыва поезда. К сожалению, был выбран состав, который перевозил турецкие войска, направляющиеся на защиту Иерусалима. Подрыв привел к тому, что Лоуренс и его отряд начали преследовать. Многие были убиты или ранены, а итогом рейда, по словам Лоуренса, «были одни слезы»⁴⁹.

Однако если рейд в долину Ярмука полностью провалился, возможно, из-за вероломства лазутчиков и агентов, последовавшие затем события оказались для Лоуренса несравненно худшими. Спустя неделю во время разведки в Дераа он был взят в плен турками. Его приняли за дезертира, хотя Лоуренс впоследствии пришел к выводу, что его предал Абд аль-Кадир. Он не выдавал себя, говорил на арабском, объясняя белизну своей кожи принадлежностью к кавказским черкесам. Легенда сработала, однако местный турецкий

* Полное имя Абд аль-Кадир ибн Мухйиддин аль-Джазаир — арабский эмир, национальный герой Алжира, полководец, учёный, оратор и поэт.

командир захотел его изнасиловать. Последовала борьба, в которой он взял верх, однако разозленный турок передал его своей охране, чтобы она научила черкеса некоторым манерам. Лоуренса избили, изнасиловали и бросили в сарае, откуда он сбежал на следующий день. В конечном счете он вернулся к борьбе и продолжил восстание с еще большей жестокостью, разрешая, а порой и участвуя, в резне турков. Некоторые историки и биографы задают вопрос, имел ли место инцидент в Дераа, так как нет каких-либо свидетелей, которые могли бы подтвердить слова Лоуренса. Так или иначе, «Эмир Динамит» сильно изменился. На протяжении своей карьеры разведчика, военного советника и организатора восстания он бывал в различных переделках, был девять раз ранен, несколько раз очень серьезно. Но ничего так не подействовало на него, как короткий плен в Дераа, нанесший ему психологическую травму, от которой он до конца так и не оправился⁵⁰.

Некоторые видят в этом эпизоде начало почти безумного состояния и депрессии, которая поразила Лоуренса в начале 20-х годов. В любом случае правда заключается в том, что Лоуренс сумел воспитать и бросить свое тело и дух на решение задачи и достижение целей, которые находились далеко за горизонтом предвидения начинающегося XX века. Его мемуары «Семь столпов мудрости» имеют подзаголовок «Триумф», и он безусловно точно передает военный аспект и достижения его жизни, хотя цена, которую он заплатил как мужчина, оставляет ощущение трагедии.

Трагедии последовали и на политической арене. В ноябре 1917 года, когда Лоуренс выживал в долине Ярмука и Дераа, британский министр иностранных дел Артур Бальфур заявил, что «Правительство Ее Величества имеет желание создать в Палестине национальный дом для еврейского народа». Шаг, который поставил под угрозу британо-арабский альянс и не остался вне внимания турков, которые немедленно начали предпринимать шаги, чтобы вернуть расположение арабов. В краткосрочной перспективе сэру Реджинальду Уингейту удалось купировать проблему, загнав ее вовнутрь через увеличения финансовых субсидий арабам, которые оставались верными Великобритании. Арабское восстание продолжалось, и на финальном этапе войны в 1918 году Лоуренс был организатором ряда блестящих полевых операций, сыграв ключевую роль во всей военной кампании⁵¹.

Операционный вызов генерала Алленби на этом этапе войны заключался в обуздании сопротивления турков, которые продолжали борьбу на относительно узком палестинском фронте. После освобождения Иерусалима в конце 1917 года наступило временное затишье, которое продолжилось до начала 1918 года. Однако события в Европе усложнили ситуацию. Выход России из войны позволил Германии передислоцировать войска на Западный фронт, где в марте они предприняли массивное наступление. Ситуация для Антанты становилась незавидной, и на Ближнем Востоке появился страх, что события в Европе приведут к возрождению Турции, которая огнем и мечом подавит Арабское восстание, вытеснив из региона Великобританию.

Ставший британским лоялистом бурский повстанец Ян Смэтс (**Jan Smuts**)^{*}, занимающий пост в Имперском военном кабинете (**Imperial War Cabinet**), нанес визит Алленби. Речь шла о необходимости широкомасштабного наступления, которое должно быть проведено не позже мая. Однако, принимая во внимание наступательные действия немцев на Западном фронте, британская армия нуждалась в замене разбитых частей боеспособными частями Алленби для восстановления ситуации. Чтобы справиться с противоречивым требованием, — организовать наступление с небольшим количеством опытных войск, Алленби разработал план, который в значительной степени опирался на военный обман и, как следствие, нуждался в помощи и поддержке Лоуренса⁵².

Во время предыдущей кампании, когда Алленби имел преимущество в численности, он также использовал обман и введение в заблуждение противника. В операции, кульминацией которой стало взятие Иерусалима, он, демонстрируя намерение двигаться к побережью, нанес удар во внутренние регионы. В реализации плана был задействован офицер штаба, который, будучи «захвачен врасплох» турецким разведпатрулем и даже ранен, был вынужден бежать, потеряв при этом ранец, содержащий документы, указывающие на намерения британцев. Обман удался, и, пока турки концентрировали свои силы на побережье, Алленби продвигался вглубь страны. Идея потерянного ранца принадлежала Ричарду Майнерцхагену (**Richard Meinertzhagen**), офицеру разведки, который ранее скрестил шпагу с Паулем фон Леттовым (**Paul Emil von Lettow-Vorbeck**) в Восточной Африке. Теперь он оперировал на Ближнем Востоке, взаимодействуя с Лоуренсом и другими вовлеченными в Арабское восстание офицерами. Лоуренс назвал Мейнерцхагена «исследователем мигрирующих птиц, находящимся на военной службе, чья горячая аморальная ненависть к врагу выражала его самого, как готового к обману, равно как и насилию»⁵³.

На этот раз план кампании предусматривал противоположное направление главного удара. Алленби был намерен нанести удар по крылу турецкой армии на побережье, а не двигаться вглубь страны. Естественно, он не стал обращаться вновь к «обману ранца» и должен был использовать другой прием. Чтобы обмануть противника и создать впечатление движения вглубь страны, Алленби позволил арабам вести наступательные рейды в пустыне, что должно было вызывать подозрения турков о подготовке наступления британских регулярных войск вглубь страны. Лоуренс и его арабские соратниками должны были максимально поднять уровень иррегулярной активности, чтобы оттянуть на себя как можно большое количество турецких войск с восточного направления. Целью было вынудить турков оттянуть 2/3 своих сил с побережья, и рейды почти достигли нужной степени передислокации войск противника. Другим следствием данной активности стало растущее

^{*} В будущем премьер-министр Южно-Африканского Союза.

уважение турецких (и немецких) военных к арабам, как бойцам, и иррегулярным методам ведения войны⁵⁴.

Выполняя директиву Алленби, Лоуренс был вынужден отойти от тактики ухода с пути продвигающихся турецких войск и организовать защиту освобожденного им города Тафиле (**Tafileh**). Непосредственная военная целесообразность требовала покинуть город, жители которого, скорее всего, были бы вырезаны турками. Однако такой шаг привел бы к тому, что от Арабского восстания отвернулись бы старейшины окрестных деревень, и волна недоверия распространилась бы по всей пустыне. Лоуренс сумел сформировать из иррегулярных формирований соединения, которые можно было использовать для наступления и фланговых действий против намного превосходящих сил противника. В развернувшемся конвенциональном сражении Лоуренс продемонстрировал блестящую тактику, которая использовала сильные стороны иррегулярных и конвенциональных военных действий. Он показал, что должным образом организованные и примененные иррегулярные силы могут осуществлять прогивоборство против конвенциональных сил, придерживающихся традиционной тактики, и достигать победы. В конечном счете, турки были вынуждены отступить, неся тяжелые потери. Лиддел Гарт назвал сражение под Тафиле «драгоценным камнем»⁵⁵.

Чтобы решить поставленную задачу, Лоуренс практически непрерывно наносил удары по турецким войскам по всей длине железной дороги. Будучи не в состоянии справиться с рейдерами, турки вымещали свою злость на местном населении, вырезая близлежащие деревни. После инцидента в Дерраа Лоуренс не сдерживал своих рейдеров, позволяя им отвечать тем же, создавая тягостную картину. Тем не менее, конечный результат был достигнут, и турецкие войска были передислоцированы из зоны готовящегося британского наступления⁵⁶.

Лоуренс также проводил глубокие рейды против других ключевых элементов инфраструктуры, сковывая войска противника и не позволяя ему отразить наступление Алленби. Кроме того, задача Лоуренса заключалась в том, чтобы своей активностью внушать храбрость сирийским арабам, живущим вдоль железной дороги, предлагая им присоединиться или, как минимум, приветствовать действия Антанты. И в этом он также достиг значительного успеха. Чикагский журналист Лоуэлл Томас (**Lowell Thomas**), воодушевленный легендой Лоуренса, описывал результаты кампании следующим образом: «Лоуренс и Алленби потеряли только 450 человек, хотя они полностью уничтожили турецкую армию, взяли в плен сотню тысяч турков, продвинули вперед более чем на три сотни миль менее чем за месяц и сломали хребет Турецкой империи»⁵⁷. Кульминацией кампании стало вхождение Лоуренса и его рейдеров в Дамаск 1 октября 1918 года, до того как туда вошли Алленби и главные силы. Вскоре Турция запросила мира и через месяц Первая мировая война завершилась.

Интересным представляется решение Лоуренса оставить туркам сильно укрепленную Медину, дав гарнизону возможность обессилить. Подход, ко-

торый себя полностью оправдал. К концу войны все еще большой гарнизон Медины находился под командованием Омара Фахреддин (Фахри)-паши (**Omar Fakhreddin “Fakhri” Pasha**), искусного командующего, который сумел отразить несколько плохо подготовленных атак, проведенных британскими командующими, имеющими конвенциональное мышление. Но, как и предполагал с самого начала Лоуренс, сильный и хорошо укрепленный оборонительный район требует организации логистики и коммуникаций, которые оказались уязвимыми для точечных ударов. Как замечает Лиддел Гарт касательно общей концепции операций Лоуренса, целью служили коммуникации противника, «также зависимого, как любое другое западное государство, от линии жизни современной цивилизации — железной дороги»⁵⁸.

4.2.2. Крах политического проекта и надежд

Каким бы ни было воздействие Лоуренса на военную сферу, политический проект свелся на нет. Да, Лоуренс присутствовал на мирной конференции в Версале, переводя для Фейсала и дискутируя с Вудро Вильсоном и Жоржем Клемансо, но проиграл и не смог преодолеть ограничения секретного соглашения Сайкса — Пико. Будучи заключенным в начале войны, соглашение отдавало Франции большую часть северных арабских территорий, оставляя Британии южную. «Мы жили множество жизней в вихре кампаний, никогда не щадя себя: и когда мы достигли и новый мир родился, снова вышли старые люди и забрали нашу победу, чтобы переделать ее по подобию бывшего мира, который они знали. Молодость может победить, но не научилась удерживать: и была прискорбно, достойно жалости слаба против возраста. Мы, запинаясь, говорили, что работали для нового неба и новой земли, и они тепло благодарили нас и заключили свой мир»⁵⁹.

Лоуренс оказался надломлен разрушением мечты о новом халифате, но не терял надежду. Несколько лет спустя, будучи помощником Уинстона Черчилля, который теперь был колониальным секретарем Британии, Лоуренс помог возвести на трон Ирака Фейсала и сделал то же самое для его брата — принца Абдуллы в Иордании. Ирак, изначально будучи нестабильным, превратился в диктатуру в 1958 году, и стал несостоявшимся государством в XXI веке. Иордания, однако, остается относительно стабильным государством. Хотя Абдалла I был убит в 1951 году в Иерусалиме, его внук до сих пор сидит на троне.

После окончания службы при Черчилле Лоуренс постарался уйти в тень, что было довольно сложно. Лоуэлл Томас прилагал серьезные усилия, стремясь сделать из него «бренд», и Лоуренс зачастую принимал участие в этом, выступая с лекциями. Поддерживая создаваемый имидж, он часто выступал в характерном белом халате, который носил вместе с красной рубашкой Гарибальди. Его автобиографические «Семь столпов мудрости» и сокращенный и более дружественный читателю «Восстание в пустыне» ук-

репляли легенду. Несмотря на усилия Лоуренса и Лоуэлла Томаса, его вклад в Арабское восстание подвергался сомнению рядом историков, которые считали, что он не имеет какого-либо отношения к тому, о чем говорит, или Лоуренс преуменьшает роль арабов. Современный исторический вердикт лучше всего выразил Джереми Уилсон (**Jeremy Wilson**), по мнению которого «Семь столпов» необыкновенно точен в вопросах факта»⁶⁰.

В конечном счете Лоуренс пришел к выводу, что единственный шанс вернуться к «нормальной жизни» после войны, это отказаться от своей собственной идентичности. Отказавшись от звания подполковника, он поступил в королевские ВВС под именем Джон Хьюм Росс (**John Hume Ross**). Затем он оставил службу и поступил добровольцем на сверхсрочную службу в танковый корпус уже как Т. Е. Шоу (**Thomas Edward Shaw**), воодушевленный перспективами мобильной бронированной войны, использующей его идею рейдов. Как замечает биограф Роберт Грейвс (**Robert Graves**), во время Арабского восстания Лоуренс «провел около 50 акций на броневиках, что вполне достаточно, чтобы развернуть всю схему и систему сражения на них»⁶¹.

Однако армейская жесткость и устав претили Лоуренсу, и Т. Е. Шоу снова стал летчиком, но уже рядовым и лучшим механиком, где бы он ни проходил службу. Начальство, зная, кто он на самом деле, позволяло ему относительную свободу. Лоуренсу было позволено перейти на службу в Великий Вазиристан в конце 20-х годов, где Великобритания пыталась использовать ВВС для подавления пуштунов, — тактика, которую спустя 80 лет применяет США, но уже с использованием БПЛА. После возвращения в Британию Лоуренс был включен в подразделение быстроходных катеров Королевских ВВС Великобритании, миссия которых заключалась в спасении сбитых летчиков и моряков в Английском канале⁶².

Лоуренс погиб в мае 1935 года в возрасте 44 лет, став жертвой мотоциклетной аварии, когда пытался чересчур резко повернуть, уходя от столкновения с двумя мальчиками на велосипедах. За гробом шел Черчилль, который затем «Таймс оф Лондон» (**TIMES of London**), сказал, что Лоуренс был «одним из величайших явлений нашего времени»⁶³.

4.2.3. Теоретическое наследие Лоуренса Аравийского*

Вклад в военную теорию

Согласно эссе Инглиш (**J. A. English**) от 1987 года, вклад Лоуренса Аравийского в военное дело ограничивается не только личным участием, кровью и потом, но и достижениями в военной теории. «Семь столпов мудрости» включают в себя не только пристрастный взгляд на историю Арабского восстания, но и актуальные военные идеи. Искусство военного

*Подраздел подготовлен на основе статьи **Aboul-Enein and Aboul-Enein, A Theoretical Exploration of Lawrence of Arabia's Inner Meanings on Guerrilla Warfare.**

управления Лоуренса Аравийского можно сравнить со способностями Наполеона и Мальборо, и он должен оцениваться как основатель и мастер современной партизанской войны, уроки стратегии и тактики которого брали лорд Арчибалд Уэйвелл (**Archibald Wavell**) и генерал Орд Уингейт (**Orde Wingate**). Лиддел Гарт в эссе «Наука партизанской войны» (**Science of guerrilla warfare**), посвященном партизанской войне, учитывает и принимает во внимание опыт и оценки Лоуренса. По его мнению, широкое использование партизанской войны, начиная со Второй мировой войны, следует связывать, в том числе, и с именем Лоуренса Аравийского⁶⁴.

Британский историк, автор бестселлера «Взлет и падение Британской империи», Джеймс Лоуренс (**James Lawrence**), считает, что концепцию арабской партизанской войны создал не Лоуренс Аравийский, хотя после окончания войны он обеспечил ее тщательным интеллектуальным обоснованием в терминах военной теории. Идея использования арабских иррегулярных формирований в качестве партизан появилась до начала восстания. Майор индийской армии Н. Брей (**N. E. Bray**), проходивший службу в Хиджазе, начальник Имперского Генерального штаба сэр Уильям Робертсон (**William Robertson**) и Государственный секретарь Индии Остин Чемберлен (**Austen Chamberlain**) обсуждали идею такой войны в ноябре 1916 года. Робертсон, открыв обмен мнениями, сказал: «Я слышал, что вы одни из тех, кто думает, что арабы ни к черту не годятся». — «Нет, сэр, я думаю, что вы не можете ожидать от них, в их настоящем состоянии, организации, удержания траншей против дисциплинированных и обученных войск, но партизанскими бойцами они могут быть шикарными»⁶⁵.

Профессиональные военные навыки и способности Лоуренса глубоко связаны с его образованием. В 15 лет он начал читать книги, — «дело обычного школьника», как говорил он позже, — некоторые из них относились к военной классике и истории. Можно упомянуть следующие книги: «Пятнадцать решающих сражений мира» Эдварда Криза (**Edward Creasy**)⁶⁶; «История войны на Пиренейском полуострове» Уильяма Непера (**William Napier**)⁶⁷; «Мемуары Дж. герцога Мальборо» Уильяма Кокса (**William Coxe**); «Влияние морской силы на историю 1660–1783» Альфреда Мэхэна⁶⁸, и «Стоунуолл Джексон* и американская гражданская война» Джорджа Хендерсона (**George Henderson**)⁶⁹. Лоуренс штудировал военные трактаты античных авторов, — от римских, как то Вегеция (**Publius Flavius Vegetius Renatus**), до византийских Прокопия Кесарийского (**Procopius of Caesarea**) и Велизария (**Belisarius**), использовавшего тактику уклонения от решающих сражений. Он изучал тактику Генриха Наваррского и крестовые походы, ставшие предметом особого интереса. В конце концов, в 1909 году он отправился в четырехмесячное путешествие в Сирию для изучения кре-

* Томас Джонатан Джексон (1824–1863) генерал Конфедеративных Штатов Америки (Юга) в годы Гражданской войны. Один из самых знаменитых генералов в истории США. Известен также под прозвищем «Каменная стена» (Стоунуолл) («**Stonewall**» Jackson).

постей крестоносцев и затем подготовил тезисы «Военная архитектура крестоносцев». Он также изучал историю военных кампаний от Ганнибала до Наполеона, Клаузевица, Мольтке-старшего, Жомини и Вильгельма Виллимена. Лоуренс открыл для себя широкие принципы генералов и военных мыслителей XVIII века графа Жака-Антуана-Ипполита де Жильбера (**Jacques-Antoine-Hippolyte, Comte de Guibert**) и Пьера-Жозефа де Бурсе (**Pierre-Joseph de Bourcet**). Тем не менее, Клаузевиц «интеллектуально настолько превосходил их, его книга была такой логичной и обворожительной», что Лоуренс «неосознанно принял ее окончательный характер»⁷⁰.

Затем им «овладела максима Фоша*», «что целью на абсолютной войне является «разрушение организованных сил противника в одном процессе-сражении». Лоуренс, вероятно, не просто прочел работы Фоша, но глубоко изучил, оформляя собственные идеи: «как было почти неизбежно с точки зрения общего курса военного мышления, начиная с Наполеона, солдаты всех стран считали, и было почти несомненным, — только регулярные войска могут выиграть войну. Военным мнением владела максима Фоша, что мораль современной войны заключается в поиске армии противника, его центра мощи, и разрушение его в сражении»⁷¹. В этот период своей жизни он пытался сконцентрироваться в основном на абстрактной «теории и философии войны с метафизической точки зрения». Однако вскоре он стал советником эмира Фейсала сына Шариф Хуссейна ибн Али Мекка (**Sharif Hussein ibn Ali of Mecca**) и был вынужден отойти от высокой теории и окунуться в действительность, нащупывая прямую связь между книжной мудростью и тактическими действиями. Арабское восстание началось с преждевременной атаки новобранцев из арабских племен на турецкий гарнизон в Медине, Мекке, и Лоуренс получил возможность на практике убедиться в справедливости принципа маршала Мауриса де Сакса (**Maurice de Saxe**) о возможности достижения победы без сражения⁷².

Более того, Лоуренс понял, что неспособность арабских иррегулярных формирований сформировать организованную силу дает возможность выстроить такую тактическую линию, когда «турецкий Фош» оказывается без цели. Концепция Фоша описывает «разрушительный» вариант войны, «не менее абсолютный, чем другие»⁷³, и османская армия блестяще владела ею. Как следствие, арабы не должны были вступать в регулярные военные действия с османскими силами, но выбрать иррегулярную тактику, элементами которой должны стать разрушение коммуникаций, линий снабжения, быстрые налеты и отход.

Для Лоуренса турецкая армия была «случайностью, несчастным случаем, но не целью.

Нашей действительной целью был поиск слабых связей, и бить надо было только по ним, пока время не позволит массе прийти к своему наде-

* Фердинанд Фош (фр. **Ferdinand Foch**), (1851–1929) — французский военный деятель, военный теоретик. С 6 августа 1918 года, маршал Франции.

нию». Лоуренс объяснял: «Арабская армия должна навязать туркам как можно более длительную пассивную оборону (это было наиболее затратной с материальной точки зрения формой войны), максимально растягивая их фронт. Тактически это предполагало создание высококомобильного, экипированного типа сил, как можно меньшего размера, и их успешное использование по распределенным точкам турецкой линии, заставляя турков укреплять свои оккупированные посты далеко за экономическим минимумом. Мощь таких ударных сил не подсчитывалась просто на основе их численности и мощи. Соотношения между числом и зоной определяли характер войны и, будучи в пять раз более мобильными, чем турки, арабы могли быть в 1/5 их числа»⁷⁴.

Лоуренс решился на рискованный шаг и предположение, что в качестве цели арабы должны «географически выгнать турков из всех арабоговорящих земель»⁷⁵. Акцент на этно-географию определил курс Арабского восстания, и Лоуренс приступил к сопоставлению «всей сферы войны (**house of war**)», что в его классификации было стратегией, с его «структурным аспектом», что было тактикой и «чувствами (эмоциями) ее обитателей», что было психологией.

Согласно Лидделу Гарту, Лоуренс «был гораздо глубже погружен в знание войны, чем любой другой генерал [великой] войны». Он также был в состоянии, согласно британскому бригадному генералу Шелфорд Бидвеллу (**Shelford Bidwell**), сказать «в одном параграфе то, что Клаузевиц говорит в одной главе»⁷⁶. Но если высокоинтеллектуальный подход Лоуренса позволил ему быть мастером стратегии, его тактические навыки опирались на практический опыт и способность воспринимать ситуацию рационально. Для Лоуренса стратегия была «вечной, одной и той же правдой и истиной», но тактика — «всегда изменяющимися языками, на котором она говорит»⁷⁷.

Когда Лоуренс опубликовал «Эволюцию восстания», он находился под сильным воздействием Лиддела Гарта. Позднее он утверждал в своих мемуарах, что они имели «короткий обмен письмами в 1921 году об... [этой] статье, подталкивающей к размышлениям»⁷⁸. В 1934 году Гарт опубликовал детальную биографию Лоуренса, в которой связывал его с Маурисом де Саксом, который всегда «держал в голове конечную цель войны, для которой сражения только средство»⁷⁹. Фактически речь идет о стратегии уклонения от решающих сражений, использовании непрямого подхода и ценности малых, высококомобильных сил, способных вести интенсивный огонь. Лоуренс пытался найти баланс между Клаузевицем и Саксом, который предупреждал об опасности слепой, необдуманной адаптации военных максим. Основная критика Лоуренсом Клаузевица сводилась к тому, что «логическая система Клаузевица... сбивает (с толку. — Прим. А.Р.) его учеников — тех из них, как минимум, кто предпочитает бороться с их оружием, но не ногами»⁸⁰.

Глубокое погружение Лоуренса в военную философию и теорию дает ему право претендовать на статус отца-основателя принципов теории современной партизанской войны. Более того, помимо разработки теоретиче-

ских аспектов, он планировал и использовал повстанческое движение для достижения политических и геополитических целей. Справедливость такой оценки идей и работ Лоуренса подтверждает серьезное отношение к нему в Китае, военная мысль которого насчитывает не одно тысячелетие⁸¹. В 1936 году один западных обозревателей заметил на столе командующего партизанской войной генерала Лу Чжэн Цао (**Lu Cheng-Ts'ao**) копию «Семи столпов мудрости». По его словам, он и другие партизанские лидеры рассматривают ее, как «одну из стандартных книг по стратегии, на которую ссылаются». Также можно говорить, что в течение многих лет Лоуренс не в меньшей степени, чем Сунь Цзы, осторожно «заимствовался» Мао Цзэдуном и его соратниками⁸².

По мнению Лиддела Гарта, Лоуренс должен быть в ряду «великих капитанов» всей военной истории, а не оцениваться только как мастер ИВД. Такое суждение частично отражает собственные предпочтения Лиддела Гарта, разработавшего непрямой подход, который может быть применен как к конвенциональным, так и иррегулярным войнам. Однако в суждении Гарта есть нечто большее. Он верил, что Лоуренс сумел схватить главный нерв современной войны: передовые технологии предоставляют новые возможности, однако несут с собой также и новые уязвимости. Да, они позволяют быть эффективными и использовать новые методы ведения войны, однако они также приводят к зависимости, когда военный может быть легко уничтожен, если лишается технологической поддержки. С точки зрения Лиддела Гарта Лоуренс открыл великую новую правду в стратегии, которая изменит военное мышление, и «старая концентрация сил, вероятно, будет заменена на неуловимо повсеместное распределение сил — способных осуществлять давление везде и нигде не уязвимость»⁸³. Гарт считал, что военные кампании Лоуренса являются моделью, которая должна использоваться не только в иррегулярных войнах: «То, что арабы делали вчера, ВВС могут делать завтра. Аналогичным образом и даже еще быстрее. Мобильные сухопутные силы, такие как танки и моторизованные партизаны, также могут внести свой вклад в процесс»⁸⁴.

Лоуренс был против обособления войны от прочих сторон общественно-политической жизни и смотрел на нее, как на целостность. Для Лоуренса война была «аморальной» «антиномичной», и, в соответствии с концепцией войны Сакса, «невразумительной и несовершенной»⁸⁵. От Клаузевица он также знал, что «две войны редко похожи друг на друга», и часто «стороны не знали своих целей и делали грубые ошибки, пока ход событий не брался под контроль». Лоуренс мобилизовал интеллектуальный потенциал, чтобы найти метод компенсации недостаточной военной силы, и был скорее креативным, нежели методологическим, адаптируя асимметричную стратегию и тактику ИВД к арабскому театру военных действий⁸⁶.

Вклад в тактику партизанской войны

Согласно Лоуренсу, тактика должна базироваться на «молниеносной атаке с отходом: не давлении, но ударах. Мы не должны никогда стараться

улучшить наше преимущество. Мы должны использовать мельчайшие силы как можно быстрее в самых удаленных местах. Уверенность в беспрепятственном бегстве в свои пустыни, в которых турок не сможет найти»⁸⁷. В «Эволюции восстания» Лоуренс говорит о первом замешательстве и сомнениях, когда он начал задумываться об ошибочной антитезе между стратегией и тактикой. Впоследствии данные понятия стали «только точками зрения, с которых обдумываются элементы войны»⁸⁸.

Лоуренс говорит о трех элементах войны: алгебраический элемент вещей (**hecastics**), биологический элемент жизни (**bionomics**) и психологический элемент идей (**diathetics**). Первый является чисто научным, относящимся к законам математики. Он не содержит в себе ничего человеческого и является грозным и блестящим, когда рассматриваются пространство и время, известные переменные, фиксированные условия, неорганические объекты, такие как горы, климат или железная дорога⁸⁹. В арабском случае алгебраический элемент сводился к рассмотрению аспектов того, как турки будут защищать регионы, которые арабы намерены освободить. С точки зрения Лоуренса система обороны турков могла принять форму «линии траншей, протянувшихся до самого низу, если мы будем смотреть на армию, как на флаг». И продолжая:

*Предположим, мы находимся под влиянием (как мы могли бы быть) идеи неуязвимого предмета, без передней и задней частей, движущегося как газ. Армии похожи на растения, неподвижные как целое, крепко укорененные, и питающиеся от корней через длинный ствол к кроне, а мы можем быть испарениями, сдуваемые оттуда, где мы есть. Наши царства находятся в разуме каждого человека, и, так как мы не хотим ничего материального, чтобы продолжать жить, у нас нет ничего материального, что можно убить. Это выглядит как регулярный солдат, который становится беспомощным без цели. Он не будет владеть землей, на которой стоит, и на что он может направить свою винтовку*⁹⁰.

Лоуренс проводит аналогию между проведением партизанской войны в пустыне и морским сражением. «По характеру эти операции были похожи на морские сражения, по их мобильности, их вездесущности, их независимости от баз и коммуникаций и их игнорирования особенностей земли, стратегических зон, фиксированных направлений, фиксированных точек». Лоуренс продолжает: «Тот, кто командует на море, свободен и может взять так много или так мало войны, сколько сможет, и тот, кто командует в пустыне, в такой же степени счастлив»⁹¹. Рейды на верблюдах в той же степени самодостаточны, как и рейды на кораблях. Они могут в безопасности барражировать вдоль границы противника, по краю культивированных земель, находясь вне видимости его постов. Граница пересекается или осуществляется рейд, когда это выглядит наиболее простым и выгодным, с быстрым и уверенным бегством от турецкой армии в пустыню, в которую она не сможет войти».

Лоуренс следующим образом описывает данную тактику:

*Партизанская война должна позволять свободное пространство для работы. В иррегулярной войне, если двое мужчин вместе, один становится бесполезным. Моральная напряженность изолированного действия делает эту простую форму войны очень тяжелой для отдельного солдата и требует от него особой инициативы, зрелости и энтузиазма. Здесь идеал — это действие через серию отдельных боев, которые происходят в счастливом альянсе с главнокомандующим. Ценность арабской армии зависит полностью от качества, но не количества. Ее воины всегда остаются холодными, возбуждение крови не должно ослаблять их науку, и их победа зависит только от использования скорости, маскировки, точности огня. Партизанская война намного более интеллектуальна, чем штыковая атака*⁹².

Лоуренс делает еще один важный вывод: «повстанец должен иметь недоступную базу, что-то защищенное не просто от атаки, но от страха такой атаки: такую базу которую имело Арабское восстание в портах Красного моря, в пустыне или в разуме людей, обращенных в их веру». Такая база для противника — чужестранца в форме «дисциплинированной армии оккупации чересчур мала, чтобы заполнить доктрину площади земли; чересчур небольшая, чтобы приводить в порядок, настроить размер к пространству, с целью эффективно доминировать на всей территории». Он должен иметь «дружественное население, не активно дружественное, но симпатизирующее в такой степени, чтобы не предавать повстанческие движения врагу. Мятежи могут быть успешными, если 2% населения активно поддерживают, а 98% пассивно симпатизируют им». Активные повстанцы должны иметь качественное преимущество в «скорости и зрелости, вездесущности и независимости артерий снабжения. Они должны быть технически экипированы для разрушения или паралича организованных коммуникаций противника. Для иррегулярной войны довольно хорошо подходит определение стратегии Виллизена, исследование коммуникации в ее предельной степени, атаки там, где противник не ждет»⁹³.

Лоуренс заканчивает, оценивая повстанческую войну как «дарующую мобильность, безопасность (в форме отрицания себя как целей противника), время и доктрину (идею конвертирования каждого предмета в дружественность). Победа будет за повстанцами, если помнить, что алгебраические факторы являются в конечном счете решающими, а перфекционизм средств и духа борьбы против них (алгебраических факторов. — Прим. А.Р.) оказываются напрасны»⁹⁴.

В рамках формулировки Клаузевица войны как продолжения политики Лоуренс может оцениваться как один из первых, кто внес теоретический вклад в понимание партизанской войны как политического движения, достигающего своих целей через играющую главенствующую роль неконвенциональную тактику. Согласно подполковнику Фредерику Уилкинсу (**Frederick Wilkins**), Лоуренс «почти конвертировал тактику партизанской войны в науку и заявил, что ни один противник не может оккупировать страну, применяющую партизанскую войну, пока каждый акр земли не будет оккупирован войсками»⁹⁵.

Истины, открытые Лоуренсом, хорошо знал Че Гевара, включая понимание того, что наиболее важным откликом партизан не обязательно должен быть военный. Скорее обеспечивая систематическое давление на изолированные посты противника, равно как конвои обеспечения и коммуникации, через удары по любой точке и в любое время, «партизаны разъедают мощь и мораль сил противника»⁹⁶. В Аравии энергичная политическая работа среди местного населения привела к созданию сети военной разведки, источников материальной поддержки и рекрутирования личного состава, которые обеспечили народную поддержку политическим целям повстанцев. Тем самым партизанская война стала идеальным инструментом революционной политической борьбы в противостоянии превосходящим и хорошо вооруженным и экипированным силам противника⁹⁷.

Общие рекомендации для успешной партизанской кампании в работе Лоуренса можно представить списком требований и условий:

- недоступная физическая или эмоциональная база;
- относительная дружелюбность местного населения;
- мобильность, гибкость, выносливость и стойкость;
- способность наносить ущерб коммуникационным возможностям противника; и
- противник, который чересчур немногочислен для успешной оккупации соответствующей территории.

Вклад Лоуренса в теорию и практику современной партизанской войны, стратегию формирования формирующейся политической нации безусловно закрепил за ним место в истории военной мысли. Лоуренс, яркий представитель британского воина и интеллектуала, был мечтателем. «Все люди мечтают: но по-разному. Те, кто по ночам грезит в темных глубинах ночи, просыпаются днем и обнаруживают, что все это было тщетой. Но те, кто мечтают днем, опасные люди, так как они могут воплощать свою мечту с открытыми глазами, претворяя ее в жизнь. Мне это удалось. ...Я намерялся сделать новую нацию...»⁹⁸

4.3. Опыт Великобритании в проведении иррегулярных военных действий после Второй мировой войны

Стратегическая и военная культура стран различаются. Например, военная культура Великобритании не имеет базисных трудностей с ИВД, и ее вооруженные силы были приспособлены для ведения именно таких военных действий. Исторически ИВД были доминирующими в британском военном опыте. Порой, на относительно короткий срок, британская армия драмати-

чески изменялась, адаптируясь к требованиям конвенциональных противников. Но в целом она была организована как экспедиционные силы, которые транспортировались ВМС для проведения колониальных войн, обеспечения имперских полицейских функций и оказания помощи гражданской администрации колоний. Во время развала мировой колониальной системы после 1945 года они обеспечили долгосрочное успешное отступление, выполняя функции арьергарда для уходящей Британской империи⁹⁹.

Обширность и разнообразие опыта Великобритании в ИВД способствовали формированию мнения о ее компетентности в данной сфере. Бригадный генерал Найгл Элвин-Фостер (**Nigel Aylwin-Foster**), предостерегающий в статье «Изменить армию для контрповстанческих операций» от 2005 года американцев от втягивания в Ирак, может служить ярким примером типа мышления, которое можно назвать осознанием британского интеллектуального превосходства в вопросах, касающихся ИВД¹⁰⁰. Однако поведение Великобритании при формировании отклика на иррегулярные угрозы в среде безопасности XXI веке говорит в пользу того, что речь идет скорее о мифе колониальной эпохи, нежели реальности. Эндрю Мамфорд (**Andrew Mumford**) в исследовании «Подбить контрповстанческий миф» высказывает сомнение касательно существующего в академической среде восприятия британского опыта, как блестящего и достойного подражания, и говорит о десяти мифах в этой области¹⁰¹.

Британские военные являются эффективно обучающимся институтом

По мнению Джона Нагла (**John Nagl**), британский успех в Малайе — в противоположность американскому провалу в Вьетнаме — объясняется тем, что британская армия обладает организационной культурой, которую сегодня называют «обучающейся организацией (институтом)» (**learning institution**). Будучи таковой, она оказалась в состоянии изменять тактику контрповстанческой борьбы и адаптироваться к складывающемуся контексту¹⁰². Британская армия демонстрирует прагматическую операционную активность на широком диапазоне, — от ограниченной локальной активности до тотальной войны. В британской армии отсутствует догматическая приверженность жесткой военной доктрине, которая привела к череде серьезных и фатальных ошибок США во Вьетнаме. Отчасти именно данный факт объясняет мифическую репутацию Великобритании в ИВД. Однако он не позволяет объяснить отсутствие быстрого стратегического проектирования и тактического применения в британской армии. В условиях иррегулярного конфликта британцы в состоянии обучаться, но делают это медленно, и довольно долго вырабатывают подходящую стратегию и тактику для конкретной кампании¹⁰³.

Ранние фазы практически каждой из ставших классическими контрповстанческих кампаний Великобритании характеризовались стагнацией, плохим управлением и замешательством. Великобритании понадобилось два

года в «малайской чрезвычайной ситуации» (**Malayan Emergency**), чтобы выработать связную военно-гражданскую стратегию в форме плана Бриггса* (**Briggs Plan**). Критические ранние годы в Северной Ирландии характеризовались неразборчивостью вооруженных сил и неспособностью регулировать отклик¹⁰⁴. Один из начальников «Королевской академии обороны» (**Royal Defence Academy**) заметил относительно Северной Ирландии: «легко в свете последующего успеха... забыть ранние ошибки и время, которое было необходимо, чтобы их исправить». Как правильно замечает генерал-лейтенант сэр Джон Кижели (**John Kiszely**), «малайская чрезвычайная ситуация» является «самой восхваленной контрповстанческой кампанией, однако часто остается в тени тот факт, что в первые годы... британская армия достигла весьма незначительного успеха»¹⁰⁵.

Таким образом, государственная машина Великобритании в целом и вооруженные силы в частности медлительны в разработке и внедрении эффективной стратегии и тактики проведения иррегулярной кампании. Более того, большой опыт проведения таких кампаний не конвертировался в устойчивый процесс освоения уроков, что ставит под сомнение утверждение о британской армии как эффективном обучающемся институте¹⁰⁶.

Британское военно-гражданское планирование контрповстанческих операций является стратегически проницательным и воспринимаемым

Миф связан с болезненным элементом британского стиля проведения контрповстанческих операций, когда предпочтение отдается шаблонным решениям, выработанным в рамках некоторого концептуального проекта. Происходит своего рода «короткое замыкание» (игнорирование) контекста конкретной кампании. Элементы такого стиля можно видеть на примере «малайской чрезвычайной ситуации». Задержание без суда, насильственное перемещение местного населения и непомерное использование силы имеют долгую историю. Анализ законодательства по чрезвычайным ситуациям показывает, что ряд положений и подходов, связанных с реагированием Великобритании на угрозы НБ, остаются неизменными.

Однако современное глобальное повстанчество обладает быстро меняющимися формами, сложной природой и не предполагает существование легкого и неизменного шаблона противодействия. В среде безопасности XXI века методы проведения ИВД, выработанные применительно к географически ограниченными кампаниям прошлого, имеют ограниченное применение. Понимание общего контекста, корней конфликта, мотивации повстанцев, равно как учет психологических, боевых и прочих аспектов становятся критически важными элементами планируемой кампании. Как

* Генерал-лейтенант, сэр, Гарольд Бриггс (**Harold R. Briggs**) (1894–1952) — был офицером британской индийской армии во время Первой и Второй мировой войн и послевоенное время.

следствие, британский подход и стратегическое восприятие ИВД в новых условиях становятся малопривлекательными.

Политическая риторика и поза в случае выхода британских вооруженных сил из Ирака на самом деле скрывают провал контрповстанческой операции и актуальное состояние процесса стратегического планирования войны в Великобритании. Имеющиеся недостатки приводят к напряженности в военно-гражданских отношениях касательно ИВД. Концепция одного военно-гражданского командующего, будучи скорее исключением, нежели правилом в британском опыте, становится анахронизмом. Проведение контрповстанческих операций и прочих типов ИВД в XXI веке требует ясных линий коммуникации и доступа командующих к высшим эшелонам власти, — как в самой Великобритании, так и в стране пребывания¹⁰⁷.

Британские военные гибко адаптируются к требованиям контрповстанческих операций

Как замечает Тео Фаррел (**Theo Farrell**), процесс трансформации вооруженных сил Великобритании для обеспечения способности проводить сетцентричные войны и удовлетворения требованиям современной стратегии обусловлен ограниченностью ресурсов, внутренней политикой и военной культурой¹⁰⁸. Однако в британском случае ни один из трех вышеуказанных факторов не может быть использован для инициирования быстрой адаптации в рамках ведения ИВД. Военная культура британской армии является критически важной для успешного усваивания уроков проведенных контрповстанческих операций, особенно на фоне нелюбви армии к формализованной доктрине. Прагматическая гибкость на базисе «кампания за кампанией» становится неизбежной на фоне отсутствия кодифицированного стратегического руководства*.

Можно сказать, что усвоение уроков КПО для британской армии — это исторически непрерывный «ад-хок» процесс. Передача уроков, особенно на протяжении поздней колониальной эпохи, происходила, в большей своей части, во время развертывания личного состава, который нес с собой остаточные понятия наилучшей операционной практики, базирующейся на предыдущем опыте. Зачастую такой опыт оказывался старомодным или неподходящим для других ТВД. На фоне отсутствия авторитетной доктринальной основы уверенность и доверие к устаревающему личному опыту[†] особенно ярко проявлялись среди старших офицеров¹⁰⁹.

Кроме того, в доминировавшем в военном мышлении холодной войны мировоззрении, ориентированном на технологии и ядерное оружие, ИВД не представлялись релевантной формой, требующей значительных интеллекту-

* Исключением может служить опубликованный в октябре 2009 года. Устав. **British Army Field Manual (FM). Countering Insurgency**, Vol. 1 Pt. 10, Army Code 71876, October 2009. 1 November 2014. <http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/16_11_09_army_manual.pdf>

† Например, использование кенийского опыта капитана (позднее генерала и сэра) Фрэнка Китсона в Северной Ирландии.

альных усилий для осмысления. Несмотря на большой боевой опыт, ИВД оказались на глубокой периферии британской стратегической мысли. В военных кругах Запада существует мнение, что интерес к ИВД является «временной прихотью», и возврат к будущим конвенциональным войнам является неизбежным*. В любом случае, имеется необходимость адаптироваться к двойному использованию военной силы и охвату обеих форм военных действий, когда определенная гибкость, необходимая при ИВД, совмещается с традиционной боевой подготовкой к интенсивным боевым действиям¹¹⁰.

Британские военные пропитаны образовательным подходом к контрповстанческим операциям

По общему мнению, ИВД — это уникальная форма ведения войны, сбивающая с толку сложными стратегическими проблемами и требующая способности к быстрой тактической адаптации. Обучение и подготовка к ИВД представляет собой критически сложную проблему, с которой сталкиваются практически все армии. Как следствие, в военной среде существует недоверие к возможности создать релевантную систему боевой подготовки. ИВД требуют гораздо более высокого уровня образования, который позволил бы адаптироваться и сформировать отклик на иррегулярные угрозы. Такое образование предполагает повышенное внимание к военной истории, знакомство со стратегическими и тактическими успехами и провалами прошлого, а также понимание иррегулярных угроз среды безопасности XXI века.

С данной точки можно говорить о регрессе британской системы военного образования. Несмотря на большое количество курсов по ИВД в военных колледжах, ряд индикаторов говорят о том, что британская система должна пройти большой путь, прежде чем ИВД станут неотъемлемым элементом военного образования. Проведенное в 2009 году исследование среди 114 офицеров Объединенного командно-штабного колледжа видов ВС (**Joint Services Command and Staff College**) показало, что более чем 2/3 из них «не имеют знаний по фундаментальным контрповстанческим принципам», и «среди молодых офицеров имеется недостаток в общем понимании военной доктрины, на основе которой выстраиваются типы операций, проводимые в Афганистане».

Однако обучение контрповстанческим и прочим типам ИВД невозможно без базисного понимания природы иррегулярной активности. Это затратный по времени процесс, требующий внимания не только к кинетическим, но и к некинетическим элементам образования. Военные должны приобрести множество знаний и навыков, овладеть императивами культурной чувствительности и интеллектуальности, приобретающих статус ключевых инструментов командира, действующего в операционной среде ИВД. Не-

* Хорошим ответом ярым сторонникам контрповстанческих операций в среде американских военных, которые предлагают сфокусировать боевую подготовку в армии на ИВД, может служить работа **Gentile, Gian**. “Freeing the Army from the Counterinsurgency Strait-Jacket,” *Joint Forces Quarterly (JFQ)*, Vol. 58, No.3, 2010, pp. 121–122.

достаточность таких качеств объясняет, в некоторой степени, провалы и некорректное поведение британских вооруженных сил в Ираке¹¹¹.

Ирак является зенитом 60 лет обучения современным контрповстанческим кампаниям

В апреле 2008 года премьер-министр Ирака Нури аль-Малики вывел британские войска из операции по освобождению Басры, лишив их ответственности за восстановление ситуации в ключевом городе, являвшемся центром зоны британского контроля на юго-востоке. Оскорбительный жест, призванный показать ослабление веры в британскую компетентность в КПО. В сентябре 2007 года стремясь обеспечить мирный вывод британских войск с оперативной базы чрезвычайных операций (**Contingency Operating Base**) в аэропорте Басры, британцы пошли на переговоры с повстанцами Армии Махди шиитского лидера Муктада аль-Садра (**Muqtada al-Sadr**). Было достигнуто соглашение, что британские войска будут выведены из города, а захваченные повстанцы освобождены. Выполнение предусловий было расценено как слабость британцев, склонившихся перед требованиями Муктада аль-Садра. Провал британских войск был особенно неприятен на фоне последовавшего относительного успеха вооруженных сил США и Ирака, позволившего уменьшить потенциал Армии Махди в Басре¹¹².

Поведение британских вооруженных сил привело к срыву планов американского военного командования. В середине 2007 года генерал Джек Кейн открыто критиковал поведение британцев, утверждая, что они «сорвали планы» ценой «освобождения» британских войск. Хилари Синнот (**Hilary Synnott**), ведущий британский политический координатор по Ираку на ранней фазе повстанческого движения, предупреждал, что «превозношение достоинств британского подхода... (по контрповстанческой борьбе на южном Ираке. — Прим. Р.А.) предполагало, что британцы могут управлять такими вызовами лучше, чем США...». Это раздражало американских командующих, которые «демонстрировали замечательную чувствительность в этом вопросе»¹¹³.

Значительная роль в дебатах принадлежала британскому историческому опыту, в особенности в Северной Ирландии, который был интерпретирован американцами и британцами как полезный для Ирака. Оптимистические ожидания успешности британских вооруженных сил не только влияли на общую атмосферу, но поощряли ревнивое восприятие американской военной культуры в реалиях иррегулярных военных действий в Ираке¹¹⁴. Разногласия между британцами и американцами, возможно, имели корни в организационной структуре и природе коалиции. Среди британских военных сформировалось мнение, что американцы ведут себя как сюзерены всего Ирака и ограничивают возможности британцев формировать независимые военно-гражданские решения в зоне ответственности на юго-востоке, не давая применить сугубо британские методы решения проблем. По мнению британского офицера, «британская военная политика была сбита с толку и страдала, так как должна была обслуживать американцев»¹¹⁵.

Однако такая интерпретация упускает из виду тот факт, что контрповстанческая кампания в Ираке была уникальной и чуждой британскому историческому опыту. Операционная среда конфликта, организация коалиции, политические ограничения и международные связи повстанцев — все говорило в пользу того, что многолетняя вера в компетентность британцев в ИВД должна быть поставлена под сомнение. Достижения Великобритании в Ираке не соответствовали ожиданиям 2003 года, а миссию британских военных вряд ли можно успешной¹¹⁶.

Британцы могут проводить контрповстанческие операции в одиночку

Опыт в Ираке показывает, что британский политический истеблишмент против длительных военных кампаний, лежащих тяжелым бременем на бюджет. Кроме того, можно констатировать, что Великобритания не готова проводить в будущем иррегулярные кампании в одиночку. Статус младшего партнера по коалиции становится стратегической нормой, и война в Ираке стала первым таким опытом Великобритании в XXI веке. Во введении к «Зеленой книге»^{*} МО Великобритании от 2010 года тогдашний министр обороны Роберт Эйнсворт (**Robert Ainsworth**) открыто декларировал необходимость для британских военных планировать долгосрочные коалиционные обязательства: «Растущая глобализация связывает нашу безопасность с нашими союзниками. ...Поэтому мы должны увеличить кооперацию с нашими международными партнерами по обеспечению обороны более рационально и эффективно»¹¹⁷.

Для международного партнерства реальным вызовом эффективному функционированию коалиции становится внутривнутриполитическое упрямство ее членов, когда можно говорить о жесткой необходимости адаптировать правительственные структуры с целью сделать их более открытыми для взаимодействия и кооперации. Процессы должны затронуть внутренние аспекты государственной жизни, когда решается задача повышения уровня межведомственной кооперации, а также механизмы формирования коалиции. Также должно быть улучшено взаимодействие с институтами стран пребывания, где будут проводиться операции¹¹⁸.

Британцы не говорят с террористами

Маргарет Тэтчер в свое время, в характерно вызывающей форме, сделала известное заявление, что «мы не говорим с террористами», когда у нее спросили о возможности переговоров с Ирландской республиканской армией (ИРА). Вокруг высказывания вырос миф, что диалог с оппонентами не играл роли в британской практике урегулирования. Однако в течение

^{*} «Зеленая книга» (**Green Paper**) — британский правительственный жаргон, правительственная публикация, в которой излагаются предложения для всеобщего обсуждения. В данном случае это сборник материалов по военному строительству.

трех лет беспорядков в Ирландии в 1969 году британское правительство вело прямые закрытые переговоры с ИРА и санкционировало непрямые переговоры через посредников. Первые секретные переговоры с ИРА имели место, когда лидер лейбористской партии Гарольд Вильсон (**Harold Wilson**), с разрешения премьер-министра Эдварда Хита (**Edward Heath**), пошел на встречу с руководством Временного ИРА (**Provisional IRA**) во время посещения Дублина в марте 1972 года. Наиболее значительный секретный контакт имел место в Лондоне 7 июля 1972 года во время встречи секретаря Северной Ирландии Уильяма Уайтлоу (**William Whitelaw**) с шестью лидерами ИРА, которые были доставлены вертолетом Королевских ВВС Великобритании¹¹⁹. Со временем данный шаг стал рассматриваться как знак качества британского политического менеджмента, позволивший остановить рост кровавого насилия 70-х годов в Северной Ирландии.

Секретные переговоры не есть что-то уникальное и связанное только с Северной Ирландией. Они присутствуют практически во всех британских контрповстанческих кампаниях колониальной эпохи. В Малайе, например, в декабре 1955 года был создан закрытый канал связи с малайской коммунистической партией, действовавший через находящийся на границе с Таиландом город Балинг (**Baling**). Малайская коммунистическая партия выразила готовность прекратить борьбу, если будет объявлена амнистия ее членам и обеспечена политическая легитимность на следующих выборах. Условия были приняты, однако позже правительственная делегация под руководством премьер-министра Тунку Абдул Рахмана (**Tunku Abdul Rahman**) отказалась от взятых на себя обязательств. Как следствие, переговоры были прерваны без достижения какого-либо согласия. Тем не менее, само проведение такой встречи демонстрирует способность британцев обеспечить управляемый политический процесс урегулирования конфликта, опирающийся на закрытые каналы. Стиль, который затем можно было видеть в Северной Ирландии в 70-е годы и в переговорах с Армией Махди в 2007 году¹²⁰.

«Сердца и разум» и «минимум силы» являются
сакральными элементами британского способа
ведения контрповстанческих операций

В фокусе контрповстанческих операций находится местное население, и военные планы должны принимать во внимание и формулироваться в терминах его защиты. Как следствие, понятие «минимум силы» является важным элементом контрповстанческой концепции Великобритании, от которого, однако, она на практике постоянно отходила. Имеющее долгую историю мнение, что британские контрповстанческие кампании традиционно базируются на стремлении завоевать умы и сердца местного населения, должно рассматриваться как миф колониальной эпохи, и Великобритания часто позволяла себе жестокое отношение к задержанным и повстанцам.

Пример задержания без суда и следствия подозреваемых в причастности к ИРА между 1971 и 1975 гг. может служить примером такого поведения.

Структуры НБ применяли по отношению к задержанным так называемые «пять методов» допросов, отточенные в колониальную эпоху. Историографические исследования показывают, что также регулярно применялись избивания и вынесение смертных приговоров¹²¹. «Пять методов» были кодифицированы «Объединенным комитетом по разведке» (**Joint Intelligence Committee**) в 1965 году в рапорте «Объединенная директива по военному допросу во время проведения заморских внутренних операций по безопасности» (**Joint Directive on Military Interrogation in Internal Security Operations Overseas**)¹²². Другими словами, жесткое отношение к заключенному, вне зависимости от того, виновен он или нет, было институционализировано в британской армии задолго до того, как аналогичные методы стали применять США в Ираке. Применение пыток во время задержания и допроса в Северной Ирландии оказалось контрпродуктивным. Получаемые таким образом результаты были незначительными, однако социальный и политический протест против жестокого обращения с заключенными стал катализатором еще большего насилия. История повторилась уже в Ираке, но в более жесткой форме¹²³.

Чрезвычайная ситуация в Малайе является образцовой, архетипичной контрповстанческой кампанией

Действия Великобритании в Малайе в 1948–1960 гг. часто рассматриваются исследователями и практиками, как яркий пример и даже архетип успешной контрповстанческой операции¹²⁴. Тем не менее, необходимо отдавать себе отчет, что достигнутый успех стал результатом действия комплекса факторов. В частности, следует отметить наблюдавшийся в те годы экономический рост и благоприятный международный контекст, связанный с окончанием Корейской войны. Как саркастически замечает Ричард Стаббс (**Richard Stubbs**), «нелегко организовать революцию, когда все работают»¹²⁵. Также следует отметить злоупотребление тактикой партизанской войны со стороны Малайской коммунистической партии на фоне практически полного отсутствия внешней поддержки оружием, логистикой, военными советниками и пр. Важнейшим условием проводимой в те годы Великобританией политики деколонизации было гарантированное согласие местного населения с условиями мира и независимости. Другими словами, успех стал не только следствием исключительно военного искусства, но плодом длительного политического курса, за которым стояла гранд-стратегия, академические и идеологические наработки¹²⁶.

В 1948 году британская армия в Малайе придерживалась конвенционального мышления Второй мировой войны, осуществляя широко зачистки джунглей, которые преимущественно оставались за партизанами. Джунгли Малайи, покрывающие около 80% территории страны, делали бесполезными традиционное вооружение и тактику. Британская монополия в воздухе мало что давала, хотя специальная авиадесантная служба (**Special Air Service**) стала применять при разворачивании войск тактику выбрасывания воздушно-

десантных подразделений. Однако конвенциональные методы ведения военных действий с плотным огнем оставались определяющими¹²⁷.

Положение оставалось таковым вплоть до мая 1950 года, пока не была разработана новая стратегия — «план Бриггса», в основе которого лежало хорошо забытое старое понимание, что повстанцев можно победить, если они будут отрезаны от поддерживающей базы. Цели можно было достичь через согласованную и систематическую кампанию по переселению сельских жителей из территорий, контролируемых повстанцами, тем самым лишая последних возможности различных видов обеспечения и рекрута новых бойцов. Были созданы новые поселения с необходимой инфраструктурой, а переселенцам предоставлялась земля для занятия сельским хозяйством. Хотя создание условий для переселенцев и кампания по завоеванию сердец и умов оценивались как центральный элемент стратегии, периметр поселений был обнесен заграждениями из колючей проволоки, а выезд из них жестко ограничен. Переселение сельского населения и создание изолированных поселений стали тем политическим фреймом, в рамках которого осуществлялись силовые действия и реализовывалась британская повестка в Малайе¹²⁸.

К середине 1951 года очистка зон от повстанцев через адаптацию стратегии «нефтяного пятна» проходила не очень успешно, и надежды политиков на военный успех таяли. Кампания получила новое дыхание после назначения новым объединенным военно-гражданским руководителем генерала сэра Джеральда Темплера (**Gerald Templar**). По прибытии в Малайю он поддержал основные элементы плана Бриггса и смог обеспечить эффективное его выполнение, дополнив ужесточением политики по отношению к повстанцам. Жесткие военные методы администрирования, к которым он тяготел будучи генералом, в ряде случаев приводили к негативной реакции. Некоторые поселения выражали возмущение касательно строгости продовольственного обеспечения, комендантского часа и арестов, которые практиковал Темплер, придерживаясь политики кнута и пряника. За годы руководства Темплера с 1952 по 1954 годы количество инцидентов с повстанцами упало с 500 до менее 10 в месяц¹²⁹. Однако оставалась большая проблема расширения и продолжения достигнутого успеха, который во многом опирался на личные качества генерала. Сплыв жесткого стиля управления и порой замысловатого взаимодействия с другими элементами инерционной государственной машины укрепляли доверие к Великобритании и позволяли проводить более когерентную контрповстанческую кампанию. По мнению Джона Нагла, «сложно переоценить воздействие, которое оказал Темплер... на курс «Чрезвычайной ситуации (в Малайе)»¹³⁰.

Однако существует также мнение о переоценке роли Темплера, высокая профессиональность и неистовый стиль которого стали воплощением успеха. Да, он существенно улучшил и модифицировал стратегию, разработанную и проводимую Бриггсом, однако достигнутые результаты были связаны не только с ним. Например, после анализа собственной стратегии

Малайской коммунистической партией в октябре 1951 года было принято решение об изменении тактики партизанских атак на политические институты, которое, однако, не реализовывалось до декабря 1952 года. Наступило временное затишье, и уровень насилия в стране резко упал (с 6000 инцидентов в 1951 году до 3700 в 1952 году). Достигнутый эффект, таким образом, оказывается связан не только с ролью Темплера, но и результатом изменения стратегии Малайской коммунистической партии¹³¹.

«Боевой устав 3–24, Контрповстанчество, Армии и Морской пехоты США» США, отмечает малайскую кампанию за «уроки, применимые для противоборства с любым повстанчеством»¹³². Тем не менее, они в целом преувеличены. Процесс выработки эффективной и результативной стратегии оказался затяжным и медленно развивающимся. Понадобилось 12 лет, чтобы добиться перелома и окончательной капитуляции. Официальное завершение восстания состоялось в 1960 году. По окончании кампании был подготовлен концептуальный документ, обобщающий опыт «малайской чрезвычайной ситуации», однако его применимость к будущим повстанческим движениям оказалась ограниченной¹³³.

Британские военные являются блестящими практиками контрповстанческих операций

Анализ действий британских вооруженных сил в операционной среде ИВД после Второй мировой войны показывает, что они медленно обучались и достаточно долго формировали адекватную стратегию. Это позволяло повстанцам использовать уязвимость и порой неадекватность британского подхода к проведению кампании. Несмотря на сформировавшееся мнение, Великобритания выглядела зачастую стратегически некомпетентной, выступая против организационно слабых повстанческих групп, имеющих слабую внутреннюю и внешнюю поддержку. Негативный иракский опыт, когда британские вооруженные силы столкнулись с хорошо организованным, подготовленным и жестким противником, который демонстрирует стратегическое поведение и обладает внутренней и внешней поддержкой, в этом смысле является показательным.

Сторонники британского пути могут заметить, что в середине XX века «британский подход достиг большего успеха, нежели какая-либо другая нация, которая сталкивалась с внутренним конфликтом. ...Алжир или Вьетнам тускнеют перед британским фактом»¹³⁴. Тем не менее, отсутствие катастрофических ошибок не должно оправдывать порой непозволительно долгую стратегическую инерцию, когда успехи Великобритании зачастую оказывались связаны со слабостью повстанцев. Стратегическая и тактическая подготовка и обеспечение Малайской народно-освободительной армии (**Malayan Races Liberation Army (MRLA)**), Мау мау (**Mau Mau**) в Кении и даже Ирландской республиканской армии не могут идти ни в какое сравнение с мощью, например, «Фронта национального освобождения Южного Вьетнама» (**National Liberation Front (NLF)**)¹³⁵.

Ценность британского опыта. Какие могут быть сделаны выводы из британского опыта проведения контрповстанческих операций? Анализ кампаний говорит о неэффективности британской разведки, когда она оказывалась не в состоянии спрогнозировать вспышку повстанчества. Да, существуют очевидные трудности, связанные с организацией агентурной разведки в повстанческих движениях, вырастающих из узких и закрытых сегментов общества, и британские разведывательные возможности не в состоянии предсказать появление повстанческой угрозы на суб-государственном уровне. Однако, будучи малоэффективной в вскрытии угрозы на этапе зарождения повстанчества, британская разведка оказывается в состоянии адаптироваться и стать эффективной на этапе проведения контрповстанческой кампании. Как только повстанчество распознано, роль, которую играют разведывательные службы и военная разведка, становится критически важной в последующем операционном и стратегическом успехе кампании¹³⁶.

Британский опыт в проведении ИВД от Малайи до Афганистана показывает, что, несмотря на весомость политических аспектов, эффективность военной составляющей остается решающей для достижения операционного и стратегического успеха контрповстанческой кампании. Если военные не в состоянии подавить военную активность повстанцев до приемлемого уровня, никакие политические меры не могут остановить ухудшение ситуации с безопасностью. При этом критически важным оказывается уровень внешней помощи и поддержки повстанческих групп. Отсутствие таковой приводит к остановке роста повстанческого движения и фатальным образом сказывается на его потенциале. Внешняя помощь и поддержка повстанцев оказывается более важным фактором, нежели уровень внутренней поддержки населения.

Британское мышление касательно ИВД оформляется, например, опытом Северной Ирландии, где военным была навязана доктрина военных действий малой интенсивности, опирающаяся на «приемлемый уровень насилия». Целое поколение британских офицеров оказалось эффективным в усмирении городского населения, но испытывало трудности в проведении жестких контрповстанческих операций, сопровождающихся усилиями по завоеванию умов и сердец населения не только в городе, но и регионе в целом. Колониальные успехи, особенно в Малайе, в комбинации с опытом Северной Ирландии, привели к формированию мнения, что британская армия в состоянии достичь успеха в ИВД и покорить субгосударственного противника, не идя на компромиссы по стратегическим вопросам. Опыт, который должен вызывать уважение и может быть использован военными других стран¹³⁷.

Однако поведение в Афганистане и Ираке запятнали репутацию британских сил. Опыт последних лет по-прежнему говорит о медленном усвоении уроков, особенно в Ираке. Вооруженные силы Великобритании неэффективно используют ресурсы и усилия и чересчур медленно адаптируются. Опыт, аккумулированный британцами после Второй мировой войны, предоставляет эмпирическую базу, которую необходимо использовать при проведении исследований ИВД. Высокая эффективность действий британ-

ских сил в XX веке не может рассматриваться как адекватный паттерн поведения в XXI веке, а провалы в Ираке показывают, что британские вооруженные силы должны пройти долгий путь, прежде чем восстановят мнение о высокой компетентности в проведении ИВД¹³⁸.

¹ Gray, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, p. 38.

² Huntington, Samuel P. *American Military Strategy. Policy Papers in International Affairs*, No. 28, Berkeley, CA: Institute of International Studies, University of California, 1986, p. 16.

³ Gray, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, p. 39.

⁴ Callwell, *Small Wars: A Tactical Textbook for Imperial Soldiers*; U.S. Marine Corps *Small Wars Manual*, United States Marine Corps, 1940, 1940; reprint, Manhattan, S: Sunflower University Press, 2004; Galula, *Counterinsurgency Warfare*; Taber, Robert. *War of the Flea: The Classic Study of Guerrilla Warfare* (1965; reprint, Washington, DC: Potomac Books, 2002; Mao Tse-tung. *On Guerrilla Warfare*. trans. Brigadier General Samuel B. Griffith, NY: Frederick A. Praeger, 1961; Trinquier, Roger. *Modern Warfare: A French View of Counterinsurgency*. 1961; reprint, Fort Leavenworth, KS: US Army Command and General Staff College, 1985; Kitson, Frank. *Low Intensity Operations: Subversion, Insurgency, Peacekeeping*. London: Faber and Faber, 1971; Lawrence, T. E. "Guerrilla Warfare," *Encyclopaedia Britannica*, 14th ed., 1929; reprint, London: Encyclopaedia Britannica, 1959, vol. 10, pp. 950–951.

⁵ Joes, Anthony James. *Guerilla Conflict Before the Cold War*. NY: Praeger, 1996; Joes, Anthony James. *Resisting Rebellion: The History and Politics of Counterinsurgency*. Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2006. Tilly, Charles. *The Vendee: A Sociological Analysis of the Counter-Revolution of 1793*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1964.

⁶ Griffith, Paddy. *The Art of War in Revolutionary France: 1789–1802*. London: Greenhill Books, 1998.

⁷ *Ibid.*, p. 260.

⁸ Secher, Reynald. *A French Genocide: The Vendee*. Paris: University of Notre Dame Press, 2003; Mayer, Arno J. *The Furies: Violence and Terror in the French and Russian Revolutions*. Princeton NJ: Princeton University Press, 2000.

⁹ Jones, Adam. *Genocide: A Comprehensive Introduction*. 2nd ed., NY: Routledge, 2010.

¹⁰ Lewis, Gwynne. *The Second Vendee: The Continuity of Counter-Revolution in the Department of the Gard, 1789–1815*. NY: Clarendon Press, 1978.

¹¹ Vacca, W. Alexander and Mark Davidson. "The Regularity of Irregular Warfare." *Parameters*, Vol. 41, No. 1, Spring 2011. 1 November 2014. <<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/Articles/2011spring/Vacca-Davidson.pdf>>

¹² Alexander, Don W. *Rod of Iron: French Counterinsurgency Policy in Aragon during the Peninsula War*. Wilmington, Del., 1985, p. 23.

¹³ Jones, Archer. *The Art of War in the Western World*. NY: Barnes&Noble, Inc., 1997, p. 359.

¹⁴ *Ibid.*, p. 359.

¹⁵ *Ibid.*, p. 360.

¹⁶ *Ibid.*, p. 365.

¹⁷ *Ibid.*, p. 366.

¹⁸ *Ibid.*, p. 367.

¹⁹ Howard, Michael. *The Franco-Prussian War: The German Invasion of France 1870–1871*. NY: MacMillan, 1962; Wawro, Geoffrey. *The Franco-Prussian War: The German Conquest of France in 1870–1871*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

²⁰ Vacca and Davidson, *The Regularity of Irregular Warfare*.

²¹ Forster, Stig. "Facing 'People's War': Moltke the Elder and Germany's Military Options after 1871." *Journal of Strategic Studies*, Vol. 10, No. 2, 1987, pp. 209–230.

²² Foley, Robert. *German Strategy and the Path to Verdun: Erich von Falkenhayn and the Development of Attrition, 1870–1916*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, pp. 14–37.

²³ Gat, Azar. *The Development of Military Thought: The Nineteenth Century*. NYk: Oxford University Press, 1992.

²⁴ Buchholz, Arden. *Hans Delbruck and the German Military Establishment: War Images in Con-*

flict. Iowa City, IA: University of Iowa Press, 1985.

²⁵ **Pakenham, Thomas.** *The Boer War.* NY: Random House, 1979.

²⁶ **Spies, S. B.** *Methods of Barbarism?: Roberts and Kitchener and Civilians in the Boer Republics, January 1900 — May 1902.* Cape Town: Human & Rousseau, 1977.

²⁷ **Vacca and Davidson,** *The Regularity of Irregular Warfare.*

²⁸ **Travers, Timothy H. E.** “The Offensive and the Problem of Innovation in British Military Thought, 1870–1915,” *Journal of Contemporary History*, Vol. 13, No. 3, July 1978, pp. 531–553; **Travers, Timothy H. E.** “Technology, Tactics, and Morale: Jean de Bloch, the Boer War, and British Military Theory 1900/1914,” *The Journal of Modern History*, Vol. 51, No. 2, June 1979, pp. 264–286.

²⁹ **Vacca and Davidson,** *The Regularity of Irregular Warfare.*

³⁰ **Arquilla, Insurgents, Raiders, and Bandits,** p. 127.

³¹ **Plutarch.** *The Lives of the Noble Grecians and Romans.* trans. **John Dryden,** Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1952, p. 433.

³² *Ibid.*, p. 128.

³³ **English, John A.** “Kindergarten soldier: The military thought of Lawrence of Arabia,” *Military Affairs*, Vol. 51, No. 1, January 1987, pp. 7–11.

³⁴ **Hart,** *Encyclopedia Britannica.*

³⁵ *Ibid.*

³⁶ **Lawrence, T.E.** *The Seven Pillars of Wisdom. A Triumph.* NY: Anchor Books, 1991, pp. 236. 1 November 2014. <http://www.social-sciences-and-humanities.com/PDF/seven_pillars_of_wisdom.pdf>

³⁷ *Ibid.*, p. 476.

³⁸ *Ibid.*, p. 192.

³⁹ **Payne, Robert.** *Lawrence of Arabia: A Triumph.* NY: Pyramid Books, 1962, p. 105.

⁴⁰ **Arquilla, Insurgents, Raiders, and Bandits,** p. 129.

⁴¹ **Barr, James.** *Setting the Desert on Fire: T.E. Lawrence and Britain's Secret War in Arabia, 1916–1918.* London: Bloomsbury, 2008, pp. 83, 162.

⁴² **Arquilla, Insurgents, Raiders, and Bandits,** pp. 129–130.

⁴³ **Barr, Setting the Desert on Fire,** pp. 201–206.

⁴⁴ **Arquilla, Insurgents, Raiders, and Bandits,** p. 130.

⁴⁵ **Lawrence, The Seven Pillars of Wisdom,** p. 344.

⁴⁶ **Hart, B. H. Liddell.** *Lawrence of Arabia.* NY: Da Capo, 1935, p. 384.

⁴⁷ **Lawrence, The Seven Pillars of Wisdom,** p. 193.

⁴⁸ **Arquilla, Insurgents, Raiders, and Bandits,** pp. 131–132.

⁴⁹ **Lawrence, The Seven Pillars of Wisdom,** p. 213.

⁵⁰ **Arquilla, Insurgents, Raiders, and Bandits,** p. 132.

⁵¹ *Ibid.*, p. 133.

⁵² *Ibid.*, p. 133.

⁵³ **Lawrence, The Seven Pillars of Wisdom,** p. 190.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 134.

⁵⁵ **Hart, Lawrence of Arabia,** p. 384.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 134.

⁵⁷ **Thomas, Lowell.** *With Lawrence in Arabia.* NY: Century Co., 1924, p. 171.

⁵⁸ **Hart, Lawrence of Arabia,** p. 380.

⁵⁹ **Lawrence, The Seven Pillars of Wisdom,** p. 4.

⁶⁰ **Wilson, Lawrence of Arabia,** p. 1084.

⁶¹ **Graves, T.E.** *Lawrence to his biographers,* p. 129.

⁶² **Arquilla, Insurgents, Raiders, and Bandits,** pp. 136–137.

⁶³ Цит. по **Barr, Setting the Desert on Fire,** p. 317.

⁶⁴ **English, Kindergarten soldier,** p. 7.

⁶⁵ **James, Lawrence.** *The golden warrior: the life and legend of Lawrence of Arabia.* NY: Skyhorse, 2008, p. 139.

⁶⁶ **Creasy, Edward Shepherd, Sir.** *The Fifteen Decisive Battles of the World: from Marathon to Waterloo.* London: H. Milford; New York: Oxford University Press, 1915. 1 November 2014. <<https://archive.org/details/15decisivebattle00crea>>

⁶⁷ **Napier, William F. P.** *History of the war in the Peninsula and the south of France: from the*

- year 1807 to the year 1814. New York : D. & J. Sadlier, 1800. 1 November 2014. <<https://archive.org/details/historyofwarinpe00napi>>
- ⁶⁸ **Mahan, Alfred Thayer.** *Influence of Sea-Power Upon History, 1660–1783*. Boston : Little, Brown and Company, 1890. 1 November 2014. <<https://archive.org/details/seanpowerinf00maha>>
- ⁶⁹ **Henderson, George F. R.** *Stonewall Jackson and the American civil war*. London: Longmans, Green, 1898. 1 November 2014. <<https://archive.org/details/stonewalljacks00hend>>.
- ⁷⁰ **English, Kindergarten soldier**, pp. 7–8.
- ⁷¹ **Hart, Encyclopedia Britannica**.
- ⁷² **English, Kindergarten soldier**, p. 8.
- ⁷³ **Ibid.**, p. 15.
- ⁷⁴ **Hart, Encyclopedia Britannica**.
- ⁷⁵ **English, Kindergarten soldier**, p. 15.
- ⁷⁶ **Ibid.**
- ⁷⁷ **Ibid.**
- ⁷⁸ **Ibid.**
- ⁷⁹ **Ibid.**
- ⁸⁰ **Ibid.**
- ⁸¹ **Ibid.**
- ⁸² **Ibid.**
- ⁸³ **Ibid.**
- ⁸⁴ **Ibid.**
- ⁸⁵ **English, Kindergarten soldier**, p. 15.
- ⁸⁶ **Ibid.**
- ⁸⁷ **Lawrence, The Seven Pillars of Wisdom**, p. 337.
- ⁸⁸ **Lawrence, T. E.** “The Evolution of a Revolt,” *The Army Quarterly*, Vol. 1, No. 1, October 1920, pp. 55–69.
- ⁸⁹ **Ibid.**, pp. 60–69.
- ⁹⁰ **Lawrence, The Seven Pillars of Wisdom**, p. 192.
- ⁹¹ **Hart, Encyclopedia Britannica**.
- ⁹² **Ibid.**
- ⁹³ **Ibid.**
- ⁹⁴ **Ibid.**
- ⁹⁵ **Guevara, Ernesto Che, B. Loveman and T. Davies (Ed.).** *Guerrilla warfare*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1985, pp. 3–4.
- ⁹⁶ **Ibid.**
- ⁹⁷ **Lawrence, The Seven Pillars of Wisdom**, pp. 4–5.
- ⁹⁸ **Ibid.**, p. 24.
- ⁹⁹ **Gray, Irregular Warfare One Nature, Many Characters**, pp. 47–48.
- ¹⁰⁰ **Aylwin-Foster, Nigel Brigadier.** “Changing the Army for Counterinsurgency Operations,” *Military Review*, Vol. 85. No. 6, November/December 2005, pp. 2–15.
- ¹⁰¹ **Mumford, Andrew.** *Puncturing the Counterinsurgency Myth: Britain and Irregular Warfare in the Past, Present, and Future*. Advancing Strategic Thought Series, Carlisle, PA: United States Army War College Strategic Studies Institute, September 2011. 1 November 2014. <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2011/ssi_mumford.pdf>
- ¹⁰² **Nagl, John.** *Learning to Eat Soup with a Knife: Counterinsurgency Lessons from Malaya and Vietnam*. New Ed., Chicago, IL: University of Chicago Press, 2005, p. xxii.
- ¹⁰³ **Mumford, Puncturing the Counterinsurgency Myth**, p. 2.
- ¹⁰⁴ **Thornton, Rod.** “Getting it Wrong: The Crucial Mistakes Made in the Early Stages of the British Army’s Deployment to Northern Ireland, August 1969 to March 1972,” *Journal of Strategic Studies*, Vol. 30, No. 1, 2007, pp. 73–107.
- ¹⁰⁵ **Kiszely, John Lieutenant-General Sir.** “Learning About Counterinsurgency,” *Military Review*, Vol. 84, No. 4, March-April 2007, pp. 6–7.
- ¹⁰⁶ **Mumford, Puncturing the Counterinsurgency Myth**, p. 3.
- ¹⁰⁷ **Ibid.**, p. 4.
- ¹⁰⁸ **Farrell, Theo.** “The Dynamics of British Military Transformation,” *International Affairs*, Vol.

84, No. 4, 2008, pp.777–807 at p. 783. 1 November 2014. <http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/International%20Affairs/2008/84_4farrell.pdf>

¹⁰⁹ **Strachan, Hew.** “British Counter-Insurgency from Malaya to Iraq,” *RUSI Journal*, Vol. 152, No. 6, December 2007, pp. 8–11 at p. 10.

¹¹⁰ **Mumford, Puncturing the Counterinsurgency Myth**, pp. 5–6.

¹¹¹ **Mumford, Puncturing the Counterinsurgency Myth**, p. 7.

¹¹² *Ibid.*, pp. 7–8.

¹¹³ **Synnott, Hilary.** “Statebuilding in Southern Iraq,” *Survival*, Vol. 47, No. 2, 2005, pp. 40–41.

¹¹⁴ **Foster, Changing the Army for Counterinsurgency**, pp. 2–15; **Garfield, Andrew.** “Succeeding in Phase IV: British Perspectives on the US Effort to Stabilize and Reconstruct Iraq,” *Foreign Policy Research Institute report*, September 2006; **Wither, James K.** “Basra's not Belfast: The British Army, ‘Small Wars’ and Iraq,” *Small Wars and Insurgencies*, Vol. 20, No. 3 and 4, 2009, pp. 611–635.

¹¹⁵ **Mumford, Puncturing the Counterinsurgency Myth**, p. 10.

¹¹⁶ *Ibid.*

¹¹⁷ **Ministry of Defence.** “Adaptability and Partnership: Issues for the Strategic Defence Review,” *Cm 7794*, Presented to Parliament by the Secretary of State for Defence By Command of Her Majesty, London, UK: The Stationery Office, February 2010, p. 6. 1 November 2014. <https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/35927/defence_green_paper_cm7794.pdf>

¹¹⁸ **Mumford, Puncturing the Counterinsurgency Myth**, p. 11.

¹¹⁹ *Ibid.*, pp. 11–12.

¹²⁰ *Ibid.*, pp. 12–13.

¹²¹ **Anderson, David.** *Histories of the Hanged: Britain's Dirty War in Kenya and the End of Empire*. London, UK: Orion, 2006; **Elkins, Caroline.** *Britain's Gulag: The Brutal End of Empire in Kenya*. London, UK: Jonathan Cape, 2005.

¹²² **Joint Intelligence Committee.** *Joint Intelligence Committee report: Joint Directive on Military Interrogation in Internal Security Operations Overseas*. The National Archives, Kew, London, UK, CAB 164/1175, February 17, 1965. Цит. по **Mumford, Puncturing the Counterinsurgency Myth**.

¹²³ **Mumford, Puncturing the Counterinsurgency Myth**, pp. 14–15.

¹²⁴ **Newsinger, John.** *British Counterinsurgency: From Palestine to Northern Ireland*. Basingstok, UK: Macmillan, 2002, p. 31; **Nagl, Learning to Eat Soup with a Knife**.

¹²⁵ **Stubbs, Richard.** *Hearts and Minds in Guerrilla Warfare: The Malayan Emergency, 1948–1960*. Singapore: Eastern Universities Press, 2004, p. 126.

¹²⁶ **Mumford, Puncturing the Counterinsurgency Myth**, p. 15.

¹²⁷ **Mumford, Andrew.** “Unnecessary or Unsung? The Utilisation of Airpower in Britain's Colonial Counter-Insurgency Campaigns,” *Small Wars and Insurgencies*, Vol. 20, No. 3, 2009, pp. 641–643.

¹²⁸ **Coates, John.** *Suppressing Insurgency: An Analysis of the Malayan Emergency, 1948–1954*. Boulder, CO: Westview Press, 1992, p. 93.

¹²⁹ **Ramakrishna, Kumar.** “Transmogrifying Malaya: The Impact of Sir Gerald Templer, 1952–54,” *Journal of Southeast Asian Studies*, Vol. 32, No. 1, 2001, pp. 29–92 at p. 79.

¹³⁰ **Nagl, Learning to Eat Soup with a Knife**, p. 89.

¹³¹ **Stubbs, Hearts and Minds in Guerrilla Warfare**, pp. 159–160.

¹³² *FM 3–24 and MCWP 3–33.5 Counterinsurgency*.

¹³³ **Mumford, Puncturing the Counterinsurgency Myth**, p. 18.

¹³⁴ **Mockaitis, Thomas R.** “The Phoenix of Counterinsurgency,” *Journal of Conflict Studies*, Vol. 27, No. 1, 2007, pp. 8, 11.

¹³⁵ **Mumford, Puncturing the Counterinsurgency Myth**, p. 19.

¹³⁶ *Ibid.*, p. 20.

¹³⁷ *Ibid.*, pp. 21–22.

¹³⁸ *Ibid.*, pp. 22–23.

ГЛАВА V

Теоретические и стратегические проблемы концептуализации вызовов национальной безопасности

5.1. Проблемы ошибочной концептуализации и категоризации вызовов национальной безопасности

Американское стратегическое мышление сегодня оперирует запутанным набором терминов и понятий неопределенного авторства. Замешательство и смятение в пространстве идей подпитывается путаницей и неразберихой в категориях войны и типах военных действий. В книге 2007 года Брайан Линн (**Brian Linn**) предлагает следующее жестко негативное суждение о концептуальном здоровье дебатов в военном сообществе: «Еще до глобальной войны с террором военное сообщество находилось в гуще резонансных дебатов касательно того, изменилась ли природа войны. Адвокаты предлагали проспекты блестящего будущего, апеллируя к «революции в военном деле», «военной трансформации», «новому американскому пути войны». ... Одни защищали релевантность военных философов, таких как Генри Жомини и Карл фон Клаузевиц, в то время как другие защищали то, что генерал Уэсли Кларк (**Wesley Clark**) назвал термином «современная война» — успешно ограниченные по географии, размаху, вооружению и эффектам военные действия. Дебаты, как и само военное сообщество, были переполнены модными терминами — асимметричный конфликт, война четвертого поколения, шок и трепет, доминирование на всем спектре — многие из которых быстро уходили»¹.

Ошибки в концепциях, о которых говорит Линн, могут быть относительно быстро исправлены, если будут осознаны, а лидеры, формирующие ключевое мнение, готовы перестроиться. Целью данного раздела является диагностирование причин теоретической, стратегической и концептуальной путаницы, а также формулировка возможных решений. Точку зрения и аргументацию можно свести к следующим четырем связанным утверждениям².

1. Систематизация по категориям (категоризация) вызовов НБ в качестве иррегулярных и традиционных (регулярных) является как концептуальной, так и эмпирической ошибкой, с далеко идущими негативными последствиями.

2. Бинарное различие вызовов НБ, как «иррегулярные» и «традиционные», углубляется последующим теоретизированием, опирающимся на ошибочную категоризацию.

3. Ошибка категоризации редуцирует стратегическую концептуализацию до хаотического состояния неуправляемости. Теоретики НБ оказываются не в состоянии распознать мощь общей теории стратегии, объединяющей все явления вне зависимости от выбранного способа категоризации. Сегодня можно говорить о зрелости и признанности в широких кругах стратегистов общей теории стратегии в гораздо большей степени, чем об общей теории государства, войны (и мира), командования и управления.

4. Существует неразрывное единство всей стратегической истории, как истории использования силы (вооруженных сил) или угрозы его использования для воздействия на противника. Теоретизирование вокруг подвидов стратегии, войны и военных действий является безопасным, если имеется ясное понимание, что концептуальный контекст теорий, описывающих тот или иной подвид (например, объясняющий иррегулярную войну или контрповстанческие операции), должен охватывать и объяснять явление в целом и весь вид. Каждая из войн уникальна, и, рассуждая о различных типах войны (военных действий), необходимо понимать и помнить, что речь идет об одном и том же феномене — войне. Детальная концептуализация и анализ не должны осуществляться при отсутствии ясного понимания, что выстраиваемая теория описывает явления, которые являются «зернами» целостной картины войны (и мира). Что происходит, когда непродуманная категоризация приводит к разработке изолированной креативной теории? Новое теоретизирование фактически вводит в обман, становясь источником безграмотности и безразличия к дисциплине, которая должна обеспечивать признание авторитета инклюзивной общей теории.

Методологии, позволяющие решить концептуальные проблемы, не могут быть простыми, и для начала необходимо признать и принять, что в государственных делах, войне и стратегии приходится иметь дело как с универсальными и вечными явлениями, так и сингулярными и множественными. В противном случае можно достаточно легко потерять равновесие, сталкиваясь с упрощенчеством и необразованностью в вопросах развития той или иной частной теории и концепции.

Уверенность в том, что все новые и пока незнакомые источники трудностей и угроз укладываются в надежную, опирающуюся на опыт многих поколений и культур общую теорию, является большой политической и стратегической ценностью. Да, всегда будет первый шок и оценки, что «это» событие, эпизод или угроза — нечто другое, порой радикально отличающееся от всего предыдущего. Более того, такие выводы могут быть объективной правдой. Однако историческая уникальность форм и деталей политических событий и стратегий не должна затемнять их видовую принадлежность.

Например, различия между такими эпизодами мировой политики, как соперничество между Великобританией и Германией перед Первой мировой войной, США и СССР во время Холодной войны или США и Китаем в наши дни, очевидны, и всегда надо быть осторожными и избегать риско-

ванных аналогий. Тем не менее, исторические проекции могут быть полезны для понимания неизбежности соперничества двух сверхдержав в XXI веке, а также природы китайско-американских отношений³.

Другим историческим примером, призванным проиллюстрировать важность общей теории стратегии, могут служить войны, которые велись за влияния или контроль над Афганистаном: Великобританией в 40-е и 70-е годы XIX века, 20-е и 30-е годы XX века; СССР в 80-е годы XX века; и США и страны НАТО уже в XXI веке. Хотя каждая из военных кампаний имела различный политический и стратегический контексты, присутствует непрерывность, связывающая все войны и военные действия в Афганистане в единую картину. Сущностное единство афганских войн может быть понято и объяснено в рамках общей теории стратегии.

Очевидно, что надо быть бдительными и, говоря о сущностном единстве, избегать упрощений и искажений редукционизма. Общая теория стратегии уменьшает авторитет концептуализации, разработанной для понимания отдельных стратегических явлений. Исторический опыт говорит в пользу того, что специализированная теория всегда оказывается ошибочной, если несет с собой угрозу целостности общей теории. В социальных науках теория, чаще всего, ограничивается описанием и объяснением явлений, легко соглашаясь с исключениями, которые мешают только некомпетентным теоретикам. Тем не менее, большое количество исключений вынуждает пересмотреть теорию или, при необходимости, разработать новую⁴.

Таким образом, дебаты в сообществе США по вопросам НБ свидетельствуют о многочисленных фактах путаницы, плохих определений ключевых терминов и, как следствие, недисциплинированной концептуализации, наносящей ущерб национальной безопасности страны. Несмотря на мощь материальных и прочих элементов национальной мощи, концептуальный компонент остается непозволительно слабым и нуждающимся в переосмыслении.

5.2. Теоретические вызовы использования термина иррегулярные военные действия

Вызовы и угрозы среды безопасности XXI века вынуждают академические круги, политиков и военных разрабатывать и применять новые термины и концепции, на основе которых формулируются и оцениваются опции реализуемой политики и стратегии. Понимание важности такого рода опций и выборов требует аккуратности в работе в терминами. С данной точки зрения широкое использование термина «ИВД» в официальных и неофици-

альных документах следует признать опасным трендом, которое может иметь серьезные последствия⁵.

ИВД, как явление, не имеют фиксированного характера, и иррегулярность конкретной кампании определяется специфическим историческим и культурным контекстом и обстоятельствами. Иррегулярность находится в ряду таких понятий, как «инь-ян», «линейный-нелинейный», «симметричный-асимметричный» конфликты, «прямой и непрямой» подход к стратегии⁶, определяемых через апеллирование к противоположному. И в этом смысле он уязвим, так как неявно включает в себя противоположное понятие и не имеет возможности быть ясным и четким. Чтобы дать определение ИВД, необходимо понять их самобытность, индивидуальный характер в каждом из случаев⁷.

Столкнувшись в XXI веке с тактикой, радикально отличающейся от конвенциональной, академическое и аналитическое сообщество пошло по пути создания новой категории, — «иррегулярные военные действия». Однако введение новой категории, расширяя концептуальный базис, создает дополнительные проблемы. ИВД, как термин, пытается придать тактической асимметрии стратегическое звучание. Тем не менее, хотя используемая сторонами тактика может быть различной, стратегические цели и задачи в войне остаются одинаковыми. Попытки предложить другой взгляд на военные действия и войну является как а-историчными, так и вводящими в заблуждение⁸.

Согласившись с тем, что стороны, придерживающиеся различной тактики и обладающие различными ресурсами, ведут военные действия (войну), которые являются «иррегулярными», исследователи и аналитики рискуют прийти к дедуктивным и индуктивным ошибкам, некоторые из которых рассмотрены ниже. ИВД в мировой военной истории оказываются несправедливо исключенными из процесса аккумуляции военных знаний и стратегических исследований, становясь сферой интересов одиночек. Слабые и ограниченные теории ИВД оставляют стратегистов концептуально безоружными, когда они сталкиваются с вызовами, которые не могут быть привязаны к существующим моделям и концепциям⁹.

Стратегические мыслители, даже такие блестящие, как Мольтке-старший, оказывались в затруднении, когда сталкивались с ИВД, обладающими неконвенциональной логикой. Не имея обобщенных моделей или концепций, стратегисты были вынуждены формулировать эффективные отклики, оставаясь в пределах конкретной кампании. По окончании военных действий нарабатанные тактические уроки ИВД оказывались изолированными от теоретического базиса военной науки, выстроенного на конвенциональных методах ведения войны. Это лишило будущие поколения военных и политиков возможности использовать опыт предыдущих ИВД при столкновении со схожими вызовами. Имеется настоятельная необходимость вывести из изоляции ИВД, которые должны быть интегрированы в широкое и гибкое тактическое и стратегическое понимание военных действий¹⁰.

5.2.1. Трудности в проведении иррегулярных военных действий регулярными силами

Хотя существует достаточно много гражданских исследователей военной стратегии, тактика остается доменом военных специалистов*. Тактика предполагает оперирование грубой военной силой и решение, в первую очередь, боевых задач. Военная мощь — это интегральный показатель, формирующийся множеством параметров, таких как население, уровень индустриализации, технологические возможности страны и пр. Однако учет только макропараметров не позволяет объяснить военные результаты¹¹. Кроме того, применение различных тактических методов позволяет изменить способы, при помощи которых генерируется военная мощь, опирающаяся на одну и ту же ресурсную базу¹². Как следствие, представляется логичным, когда противники стремятся получить преимущество, адаптируя тактические методы, позволяющие возместить, в определенной степени, недостаток других параметров военной мощи¹³.

Рассматривая концепцию ИВД, необходимо помнить, что речь идет о военных действиях, когда главное умение и мастерство сводится к уничтожению живой силы, разрушению физической базы противника. Кроме того, в сложной среде безопасности XXI века границы между миром и войной являются достаточно условными и пористыми[†]. Хотя главный вызов ИВД является стратегическим по своей природе, США предпочитают игнорировать стратегию, когда из политической сферы непосредственно обращаются к оперативному уровню и тактике¹⁴. Доминантный подход американской стратегической культуры может быть выражен словами фельдмаршала Мольтке, заявившего в 1871 году: «Стратегия способствует успеху каждого боестолкновения и стоит его. Требования к стратегии растут в тишине перед лицом тактической победы и адаптируют саму себя к новосозданной ситуации. Стратегия — это система приемов для достижения цели (**expedients**)»¹⁵.

В регулярных военных действиях солдаты знают, как вести противоборство и побеждать, а командиры — как ставить боевые задачи перед войсками. Иррегулярные военные действия выглядят по-другому, и привычная связь между тактическим и операционным военным мастерством со стратегическим успехом является неясной и тонкой. Вы можете нанести поражение иррегулярному противнику, но это не означает добиться победы. Победа в ИВД измеряется не только военными критериями.

Если рассматривать ИВД как политическую активность, то возникает проблема, при помощи какого военного или другого инструмента НБ могут быть достигнуты нужные политические эффекты? Это отнюдь не новые

* Заметным исключением может служить Стивен Байдл (**Stephen Biddle**). **Biddle, Stephen D.** *Military Power: Explaining Victory and Defeat in Modern Battle*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.

[†] См., например, **Арзуманян, Кромка хаоса**.

вопросы, и ИВД XXI века — это не новая форма ведения войны. Да, изменился контекст и среда безопасности, но, как предупреждает нас Эдвард Люттвак (**Edward Luttwak**), опция нетерроризирующих террористов (**out-terrorizing terrorists**) и ободряющей и воодушевляющей дисциплины, действующей через поколения серьезного страха, была открыта уже генералом Веспасианом (**Vespasian**), который преподавал евреям урок в 67 г. н.э., почему восстание против Рима является плохой идеей¹⁶.

Главные вызовы регулярных сил в ИВД являются стратегическими по своей природе. Да, военные операции и тактика могут стать ключом к успеху, однако они также могут причиной политических ошибок и провалов. Военные регулярных сил должны привыкнуть к тому, что ИВД, в основном, это политическая по своей природе холистическая активность. Однако основное ремесло солдата регулярных войск — это война, и они наилучшим образом подготовлены для противоборства с другими регулярными солдатами.

Необходимость участия в ИВД становится серьезным вызовом для военной культуры, когда конвенциональные силы вынуждены действовать методами, к которым они относительно плохо приспособлены. Осознание проблемы в данном случае не становится ключом к успеху, так как речь идет об одной армии, которую невозможно «перепрограммировать» только на ИВД, даже если представить, что такая ментальная хирургия возможна. Государству нужны вооруженные силы, которые в состоянии вести конвенциональные военные действия, даже если перед ними на текущий момент ставится задача быть эффективными в ИВД. Проблема, таким образом, является стратегической, а основным вызовом остается понимание эффектов, которые должны быть достигнуты, а также методов их достижения¹⁷.

Могут ли ИВД успешно вестись регулярными силами? Ответ — безусловно, да, и военная история дает множество примеров такой успешности. Теоретики склонны придавать определяющее значение структурным факторам и недооценивают человеческую размерность военной активности. Однако человеческий фактор играет важную роль в низкотехнологических военных действиях, каковыми преимущественно являются ИВД. Способность лидеров вести противоборство, политическая харизма и способность к стратегическому мышлению бесценны. Во всех типах военных действий моральный дух является наиболее важной составляющей эффективности, однако в длительном иррегулярном конфликте он становится в буквальном смысле решающим¹⁸.

Однако харизматичное и вдохновляющее руководство имеет также и обратную сторону в виде ошибок, являющихся следствием глупости и некомпетентности. Многие кампании, которые могли бы быть выиграны, были проиграны благодаря бездарному руководству. Как говорит Клаузевиц, любая война — регулярная или иррегулярная — это дуэль, а также противоборство обучающихся институтов¹⁹. На войне все совершают ошибки, и не все из них являются фатальными. Ход войны в конечном счете определяется тем, какая из сторон обучается и адаптируется быстрее.

Хотя армия должна отказаться от большинства доктринальных документов по проведению регулярных военных действий, чтобы получить возможность стать эффективными в ИВД, это не означает отказа от существенных элементов и черт регулярности. Армия — это легитимный военный институт, находящийся в распоряжении политического руководства и гражданских властей. Хотя участие в ИВД требует новых программ боевой подготовки, реорганизации и переоснащения регулярных сил, оно не может требовать их превращения в иррегулярные. Регулярные вооруженные силы являются лицом порядка и стабильности и должны выглядеть и вести себя соответствующим образом²⁰.

Возможна ли в такой ситуации разработка каких-либо теоретических основ ИВД? Да, и можно привести ряд доводов в пользу такого утверждения. Хотя каждая иррегулярная кампания является уникальной, они имеют общие свойства, что делает возможной и необходимой разработку доктрины²¹. Более эффективное применение иррегулярных методов военного противоборства требует внимательного изучения исторических примеров, как успешных, так и неудачных кампаний и их последствий. Военная наука располагает большим корпусом классических текстов и ярких исторических эпизодов для организации такой работы.

Доктрина ИВД, безусловно, должна опираться на общую теорию войны и стратегии, рассматривая применение известных законов, сформулированных классиками военной мысли. Клаузевиц утверждал, что «первым и наиболее далеко идущим актом суждения, который должен сделать государственный деятель и командующий, это установить через опыт [вместе с политикой] тип войны, в которую они вовлечены; не ошибаться с этим, не пытаться изменить ее в нечто, что чуждо ее природе»²².

Так как в фокусе иррегулярных кампаний находится население, применение вооруженных сил после окончания активной фазы противоборства должно быть сведено к минимуму. Усилия военных в операционной среде ИВД должны координироваться со стороны центрального политического руководства. Подчиняясь гражданским властям, вооруженные силы оперируют в фоновом режиме, обеспечивая общую стабильность и безопасность, которая позволяет органам правопорядка выполнять свои функции.

Действительной проблемой сегодняшнего дня является непонимание вызовов иррегулярных кампаний. Сложность заключается в том, чтобы убедить военные и политические институты изменить свое поведение в операционной среде ИВД, понимая при этом, что существующая институциональная, стратегическая и политическая культуры будут сопротивляться такого рода инновациям²³.

Важно также понимать, что иррегулярные кампании могут быть успешными, если это позволяет контекст конфликта. Стратегист и высшее военно-политическое руководство не имеют права предполагать, что иррегулярная кампания, как и любой другой тип войны, обязательно будет успешной, а преследуемые цели — достижимыми. Не все задачи выполни-

мы, даже для одаренного и удачливого стратега и лидера. Иррегулярные кампании Запада в Ираке и Афганистане в XXI веке служат ярким примером кампаний, которые не могут быть успешными. Практическая стратегия требует прагматизма. Вне зависимости от того, является ли ожидаемый конфликт регулярным, иррегулярным или гибридным, необходимо добиваться победы с приемлемыми потерями и затратами²⁴.

5.2.2. Проблемы использования термина «иррегулярные военные действия»

Термин «ИВД» нельзя считать безобидной неточностью. Его использование приводит к негативным эффектам при планировании, проведении и оценке военных действий, а также их понимании политическими деятелями. Проблемы возникают и с военной историографией. Исследователи оказываются не в состоянии извлекать и использовать опыт предыдущих военных кампаний, которые рассматриваются как «иррегулярные».

Исследования политических психологов показали, что используемые для описания явления термины влияют на способы, при помощи которых формируются и оцениваются опции и потенциальные решения²⁵. Вербальные метафоры предполагают и стимулируют когнитивную эвристику. Модифицируя известную цитату Виттгенштейна «'Я' есть мой мир, и границы моего языка определяют границы моего мира», можно сказать, что описание нетрадиционных тактик и операций как «иррегулярных» ограничивает способность подготовиться к ним и извлечь уроки из предыдущего опыта²⁶.

Термин «ИВД» предполагает их различение и оформление в оппозиции к регулярным военным действиям. Современная доктрина США идет еще дальше, выделяя «конвенциональные», «регулярные» и «традиционные» военные действия как «по существу синонимичные»²⁷ (**essentially synonymous**). Такое понимание ясно оформляет «иррегулярные» военные действия, как нечто отличающееся от «нормальных» военных операций. «Иррегулярность» предполагает редкость, однако военная история недвусмысленно свидетельствует, что ИВД сложно назвать чем-то исключительными. Рассмотренный в предыдущей главе опыт европейских государств показывает, что достаточно часто традиционные военные кампании используют на определенном ТВД или фазе иррегулярные тактики. Различение между регулярными и иррегулярными военными действиями оказывается нечетким, так как тактические принципы, лежащие в основе обоих типов военных действий, оказываются схожими²⁸.

Кроме того, «иррегулярность» предполагает, что речь идет о редком, аномальном явлении, что делает проблематичным систематичное его изучение. «Иррегулярность» также предполагает меньшую важность. Как следствие, ИВД, будучи вторичными и вспомогательными, не могут претендовать на то же внимание, ресурсы и пр., что и регулярные. Такой взгляд обесценивает осмысление и понимание ИВД²⁹.

Дедуктивные ошибки. Дедуктивные ошибки, связанные с использованием термина ИВД, оказываются связаны с неспособностью исследователей перейти от обобщенного концептуального уровня к использованию полученных результатов для планирования будущих конфликтов. Если конфликт иррегулярен, он «выпадает» из общей теории войны и стратегии, оказываясь на «свалке военной истории».

Ряд исследователей считают, что иррегулярный аспект присутствует во всех войнах. Например, Стивен Биддл (**Stephen Biddle**) и Джеффри Фридман (**Jeffrey Friedman**), анализируя ливанскую кампанию 2006 года, показывают, как Хезболла умело использовала различные тактики континуума, сформированного обоими полюсами военных действий, — регулярными и иррегулярными³⁰. Привязанность только к одному из полюсов не позволяет оценить все эффекты применяемых Хезболлой тактических методов. Армия обороны Израиля была ориентирована на применение тактических методов одного из полюсов и оказалась не в состоянии выстроить адекватный отклик на вызов Хезболлы, использующей весь континуум тактических методов.

Другим следствием дедуктивной ошибки становится разрыв между войной и политикой. Клаузевиц ясно показывает, что война ведется политическими акторами, преследующими политические цели и задачи. В ИВД политика зачастую оказывается на втором плане, так как исследователи фокусируются на тактических вызовах. В операционной среде ИВД военные становятся ревностными защитниками своей автономии, ссылаясь на тактическую целесообразность, которая позволяет исправить ошибки политиков и гражданской администрации. Переговоры и прочие методы политических коммуникаций применяются с трудом и становятся проблематичными.

Когда Бисмарк, сталкиваясь с продолжающимся французским сопротивлением в 1871 году, потребовал начать переговоры, Мольтке ответил: «...имеет значение только военная точка зрения. Политическая точка зрения принимается во внимание лишь постольку, поскольку она не требует того, что было бы невозможно достигнуть военным путем»³¹. Бисмарк защищал необходимость ведения переговоров, в то время как Мольтке намеревался разрушить основы французской государственности и сопротивления, прибегнув к уничтожению населенных пунктов и фермерских хозяйств³².

Можно говорить о своего рода иронии, когда анализ ИВД приводил к рекомендациям командующим выбрать курс действий, который подходит идеальному типу тотальной войны Клаузевица. Концептуальный разрыв связей между войной и политикой в ИВД приводит к тому, что чисто военные решения оказываются неограниченно разрушительными. В случае Вандеи (**Vendee**) спланированная жестокость республиканской армии зашла так далеко, что регион был переименован в **Venge** (от «мсть» (**vengeance**))³³. Ряд историков считают, что подавление восстания в Вандее стало первым геноцидом по отношению к европейскому народу, осуществленному после наступления эпохи Просвещения³⁴. Во время второй фазы франко-прусской войны Мольтке предложил войну на уничтожение

(**Exterminationkrieg**), целью которой должно было стать гражданское население и ресурсные центры Франции³⁵. Во время бурской войны британская армия применяла систематическое и тщательное уничтожение фермерских хозяйств и переселение гражданского населения в лагерь³⁶.

Индуктивные ошибки. Индуктивные ошибки заключаются в неспособности теоретиков связать отдельные случаи ИВД в общую теорию, положения и принципы которой позволили бы оформить уроки прошлого и сформулировать параметры будущих иррегулярных конфликтов. В такой ситуации любой ретроспективный анализ оказывается, с одной стороны, эпизодическим, с другой — оторванным от общей теории стратегии. Теоретическое познание отрывается от нарратива, что не позволяет конвертировать уроки иррегулярной активности в постепенно аккумулирующиеся знания, формирующие базис социально-экономических, военно-политических и стратегических исследований ИВД³⁷.

Краткий анализ ряда иррегулярных конфликтов в предыдущих главах показал, что практически каждая из кампаний на первом этапе отходила от «классики», когда заново выучивались уроки, которые должны были быть усвоены в теории. Появление массовых армий во время французской революции привело к формированию концепции конвенциональных войн Нового времени (наполеоновских войн). Однако развивающиеся параллельно восстание в Вандее, вторая фаза франко-прусской войны и др. оказались в «примечаниях» военной теории и стратегии. Паттерн, который можно наблюдать практически во всех иррегулярных кампаниях, в том числе и после Второй мировой войны³⁸.

Поскольку такие кампании рассматривались как иррегулярные, считалось не нужным обобщать и извлекать уроки из операций и даже документировать их. Если такие попытки и предпринимались, они привязывались аналитически к «регулярным» войнам, становясь источником исследований военных историков, но не теоретиков войны и стратегии. Как следствие, теория «регулярных» военных действий развивалась изолированно, без влияния «иррегулярных», что наносило ущерб пониманию войны как целостного явления. Исследования «регулярных» военных действий все более отрывались от актуального опыта войны, в то время как «иррегулярные» войны страдали от отсутствия теории и теоретического осмысления³⁹.

В случае бурской войны попытки инкорпорировать опыт ИВД в общее понимание войны, скорее, нанесли урон британской военной доктрине. Бурры ясно показали, что рассредоточенные формирования пехоты, оперирующие малыми группами и использующие местность, могут оставлять подготовленные позиции и затем наносить решающие удары по войскам противника. В британских работах по теории войны, опубликованных в 1900–1914 гг., обсуждалась «тактика буров». Однако работы были призваны объяснить, почему данный опыт не применим к тактическим проблемам современной пехоты или кавалерии⁴⁰.

Тактика инфильтрации буров позже сформировала базис германской тактики **Stosstruppen**, разрушившей открытую статичную войну на запад-

ном фронте во время Первой мировой войны⁴¹. Способность буров защищать территории небольшими силами и на плотном пространстве поставила в свое время британцев в затруднительное положение и вызвала растерянность в среде исследователей⁴². Участникам Первой мировой войны потребовалось два года, прежде чем они начали использовать тактические наработки буров. Тактика эластичной защиты важных точек, а не статичная защита массовых линий не применялась до 1916 года. Открытый порядок атаки (**open order attack**) не применялся вплоть до конца 1917⁴³. Эффективность данных тактик отмечалась в 1902 году, после окончания второй бурской войны, однако они были изолированы от общего корпуса тактических приемов и не рассматривались в качестве применимых в большой войне на европейском ТВД⁴⁴.

5.3. Стратегические проблемы категориального аппарата для классификации вызовов национальной безопасности*

Неотъемлемым элементом профессиональной этики стратега является неприязнь к отвлеченному теоретизированию и заточенность на достижение успеха, вне зависимости от первоначальных теоретических установок. Стратегисты прагматичны и предпочитают отклонять опции, которые несут с собой сомнительную выгоду в незнакомой и непредсказуемой среде. Тем не менее, академические и официальные круги склонны разрабатывать и использовать изощренные концепции, категории и понятия, призванные обеспечить как можно более детальную картину рассматриваемого явления. Можно говорить о своего рода любви к категориям и субкатегориям, создающей иллюзию интеллектуального контроля над реальностью. Естественное и объяснимое поведение, если принять во внимание, что мышление человека является категориальным⁴⁵.

Исследователи и практики считают, что они в состоянии улучшить свое понимание сложного и разнообразного явления, такого как ИВД, если они смогут разработать как можно более точные определения, категории и субкатегории. Результатом зачастую становятся энциклопедические и крайне неудобные для применения на практике определения. Или же разрабатывается множество схожих терминов, обладающих своей спецификой и соответствующих тому или иному уникальному историческому и культурному контексту. Оба подхода в совокупности помогают справиться с объективной сложностью рассматриваемого явления, если не теряется чувство ме-

* Раздел подготовлен на основе монографии **Gray**, *Categorical Confusion? The Strategic Implications of Recognizing Challenges either as Irregular or Traditional*.

ры. Концептуальная изоэренность не должна приводить к потере целостной картины⁴⁶.

Четкое бинарное различие регулярных и иррегулярных военных действий, будучи удобным, вызывает проблемы и вряд ли является возможным. Когда американское военное сообщество вводило понятие иррегулярности, оно стремилось к простоте. Однако более органичным представляется холистический подход к стратегии и военной активности. Усилия, направленные на формирование пары понятий (регулярные — иррегулярные военные действия), не должны быть чрезмерными и затратными. Необходимо помнить, что предметом и субъектом исследования является война и военные действия, имеющие неизменную природу. Чересчур большая увлеченность формами войны может привести к стратегическим ошибкам⁴⁷.

5.3.1. Контексты проблемы применительно к сообществу НБ США

По мнению ряда исследователей, американская военная культура склонна к теоретизированию в сфере НБ, которое обходится дорого национальной и международной безопасности. Речь идет о культурном феномене, который опирается и легитимируется предположением, что такая активность и возникающие дебаты в своей основе являются благотворными. Нельзя сказать, что это ошибочное предположение или заблуждение. Проблемы и трудности связаны с количеством теорий, их характером и тем, как они выстраиваются. Можно вспомнить некоторые из таких дебатов. Например, ядерное сдерживание в холодной войне, революция в военном деле и трансформация военной сферы в 90-е годы, контртерроризм и ИВД в 2000-е. Все они имели приблизительно одну и ту же динамику развития и подчинялись скорее логике и грамматике конкуренции и соперничества, профессионального карьерного роста, нежели научного познания⁴⁸.

Как уже говорилось ранее, большие масштабы и разнообразие — это объективная особенность США. Американское общество склонно к чрезмерности, и ее институты значительно шире своих аналогов в других странах, особенно в сфере НБ, человеческий и институциональный масштаб которых уникален. Как заметил Самуэль Хантингтон: «США — это большое, громоздкое, плюралистическое, изобильное, либеральное, демократическое, индивидуалистическое, материалистическое (если не гедонистическое), технологически в высшей степени изоэренное общество. Наша военная стратегия должна стремиться, а на самом деле обязана быть выстроена на этих фактах. Способ, при помощи которого мы воюем, необходимым образом будет отражать образ нашей жизни»⁴⁹.

В отличие от большинства стран, США имеет большое количество военных теоретиков и стратегистов, находящихся в жесткой конкуренции. Американский рынок стратегических и военных идей и концепций НБ гораздо

больше, чем где-либо. В США имеется множество рабочих мест и возможностей для такой карьеры, фонды для проведения теоретических исследований. Глобальный статус США требует большого количества исследователей, занимающихся теорией НБ, войны и стратегии, а склонность американской военной культуры к теоретизированию рассматривается как ресурс для национального преимущества на мировой арене.

Тысячи талантливых американцев соперничают за внимание и награды на открытом рынке идей в сфере политики, стратегии, НБ и войны. Соперничество порождает волны концепций и предложений, которые переживают взлет, спад и уход, пока вновь не появятся через несколько лет, возможно, оформленные другим языком. Начиная с 50-х годов, разработка стратегических теорий и концепций стала бизнесом в США, развитие которого поощряется общественным беспокойством, правдоподобными и не очень ожиданиями. Это индустрия с мозговыми трестами, центрами, институтами, советами, форумами и пр., интеллектуальная и карьерная динамика в которой поощряет инновации⁵⁰.

Противоборство идей и концепций в американских стратегических дебатах обычно заходит чересчур далеко. Дебаты проходят быстро и зачастую используют в качестве доказательной базы неадекватные ссылки и выборки из исторического опыта. Подбор и оформление подходящих исторических аргументов для нужд стратегической теории требует значительных усилий. Исторические проекции, удовлетворяющие требованиям новых теорий, должны были быть выстроены и не являются интегральной частью военной истории⁵¹.

К счастью для теоретиков НБ, не все инновации служат основанием для идентификации действительных вызовов. С другой стороны, не все теоретики обладают хорошей подготовкой в области стратегии, а многие из официальных лиц, других потребителей стратегической теории не в состоянии определить, какой из предлагаемых блестящих концептуальных продуктов содержит подлинную стратегическую мудрость⁵².

Как уже говорилось выше, в социальных науках теория чаще всего в состоянии обеспечить объяснение и интерпретацию рассматриваемых явлений. Чтобы теория стратегии могла объяснить, что произошло или происходит, почему выбран и применяется тот или иной военный инструмент для достижения желательных результатов, необходимо понимание предмета стратегии. Теория не делает стратегию работающей и не становится работой, но ее наличие позволяет стратегам-практикам учиться и быть в состоянии понять, что они делают и почему⁵³.

Хотя частная стратегическая теория может быть хорошей и необходимой, большое число таких скорее приносит вред, нежели пользу. И в этом смысле американский опыт является критически важным. Многие из стран не проводят и не нуждаются в публичных стратегических дебатах, а официальные лица могут не выступать по стратегическим темам. С данной точки зрения система НБ США, в рамках которой множество политических и государственных институтов вовлечены на конкурентной основе в пла-

нирование и реализацию политики национальной безопасности, является уникальной по количеству и качеству создаваемых теоретических, доктринальных и прочих документов. Национальная культура — политическая, стратегическая, военная — изменяется во времени, однако данный вывод не должен затемнять силу культурной инерции, позволяющей обеспечить непрерывность изменений*.

Критики аргумента важности культурной составляющей спокойно могут выиграть, подчеркивая серьезную слабость культурного анализа. Однако в своем рвении они, скорее, наносят вред теориям социальных наук⁵⁴. Достаточно легко быть критичным, рассматривая неудачные стратегические теории или рассуждая об отсутствии таковых. Задача заключается в том, чтобы быть конструктивным и выявлять тип и характер теории, которая выполняет свою роль и должным образом обеспечивает необходимые функции.

В силу ряда причин американские стратегические и военные убеждения, подходы и привычки именно таковы и нуждаются в соответствующей культурной оценке. Необходимо понимать, что США останутся таковыми, каковыми они являются, и требование концептуальных реформ можно считать, в некотором смысле, наивным и непрактичным. Однако хорошая теория и теоретизирование могут улучшить состояние дел в области стратегии и повлиять на лиц, имеющих возможность воздействовать на ситуацию в сфере НБ. Это роль стратегического наставника, задача и функции которого, по мнению Клаузевица, иметь возможность отметить некоторые из трендов, теоретических и концептуальных разработок, как вредные и сдерживающие развитие стратегического понимания⁵⁵.

Важным следствием применения плохой или посредственной стратегической теории являются трудности, которые испытывают ее потребители при идентификации и работе со стратегическими проблемами. С появлением и распространением все новых и новых идей и теорий (или зачастую отечественных заново старых) основное значение предмета стратегии начинает ускользать. Способность сохранить понимание неуловимой сущности стратегии, разглядеть ее за новым жаргоном исследователей, участвующих в современных стратегических дебатах, достаточно сложная задача. Профессиональные навыки эксперта и исследователя в сфере НБ должны включать свободное владение и использование «модных умных словечек», используемых на рынке идей. Употребление только здоровой рафиниро-

* О концепции культурной инерции см., например, **Johnson, Jeannie L. and Matthew T. Berrett.** “Cultural Topography: A New Research Tool for Intelligence Analysis,” *Studies in Intelligence*, Vol. 55, No. 2, June 2011, p. 1. О культурной размерности стратегии см., например, **Sondhaus, Lawrence.** *Strategic Culture and Ways of War*, Abingdon, MA: Routledge, 2006; **Johnson, Jeannie L., Kerry M. Kartchner, and Jeffrey A. Larsen (Eds.)**, *Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction: Culturally Based Insights into Comparative National Security Policymaking*, NY: Palgrave Macmillan, 2009; **Echevarria II, Antulio J.** “American Strategic Culture: Problems and Prospects,” in **Hew Strachan and Sibylle Scheipers (Eds.)**. *The Changing Character of War*, Oxford, UK: Oxford University Press, 2011; **Colin S. Gray.** *Perspectives on Strategy*. Oxford: Oxford University Press, May 2013, Chap. 3.

ванной пищи, исключение из рациона «специй» вряд ли можно оценивать как правильный и благотворный шаг.

Страна с глобальными амбициями и ответственностью нуждается в живых публичных дебатах по стратегии, которые имеют собственную динамику и порой выходят далеко за пределы проблем и тревог реального мира. Одним из требований к стратегической теории является создание контекста, в рамках которого она может быть понята и усвоена. В этой своей части стратегическая теория служит скорее узким нуждам самой теории, нежели политики и практической стратегии. Теория о войне, как теория, подпитывает саму себя, и, как предупреждал Клаузевиц, такова природа войны, обеспечивающая саму себя. Политика является целью войны, но это, определенно, не ее природа⁵⁶.

Таким образом, сообщество НБ США сталкивается с серьезной проблемой недостатка качества (но не количества) в концептуальном образовании, а также советников и консультантов, которые были бы в состоянии обеспечить понимание происходящего для потребителей стратегической продукции. Главный источник проблем — структурный. Индустрия стратегических концепций имеет устойчивое финансирование исследований, а также долго созревающую и почти что самодостаточную интеллектуальную среду. Проблема нуждается в рассмотрении в исторической перспективе сквозь призму других больших дебатов, таких как стратегия ядерного сдерживания, революция в военном деле, трансформация военной сферы и пр.

Решающий аргумент в пользу необходимости такой работы связан с тем, что обычно военное сообщество США чрезмерно интеллектуализирует вызовы и проблемы, с которыми сталкивается. Главенствующей культурой остается построение теорий, оперирующих непересекающимися жесткими категориями, когда предметная область концептуально оказывается деконструированной на четко выделяемые небольшие темы исследований. Большая картина целостного понимания и осмысления заменяется креативными конструкциями специфических форм и проекций⁵⁷. Например, оценивая главный концептуальный продукт 50-х и начала 60-х годов — теорию ограниченной войны, важно понять, действительно ли была создана концепция, смысл которой отражен в двух словах приблизительно равного веса, или речь идет о специфической концепции войны, в которой прилагательное используется в качестве модификатора⁵⁸.

Когда не связанные политическими ограничениями исследователи пытаются понять незнакомый предмет, они следуют за своим воображением. При отсутствии практического опыта о реальности лишенная эмпирической наглядности логика оказывается достаточной, чтобы объяснить структуру предмета. Когда «правит» логика, креативная энергия высокоинтеллектуальных людей создает впечатляющие интеллектуальные артефакты, которые являются как памятниками разуму, так и атакой на разум и здравый смысл. Лестница эскалации конфликта Германа Кана (**Herman Kahn**) с ее 44 шагами — это впечатляющий инструмент, помогающий понять структурную динамику конфлик-

та⁵⁹. Можно понять Кана, который не был смущен воображаемым, то есть сконструированным, характером теоретической лестницы, чего нельзя сказать о должностных лицах и других пользователях.

В достойном похвалы поиске более глубокого понимания предмета исследования теоретики вряд ли в состоянии избежать искушения добиться большего и лучшего понимания через углубление в предмет. Однако рано или поздно они замечают, что результатом усилий стала потеря некоторых важных для понимания и осмысления предмета моментов, которые можно схватить только при целостном взгляде. Выражаясь метафорически, ученые оказываются не в состоянии избежать тумана теории⁶⁰.

5.3.2. Стратегические проблемы существующей системы классификации вызовов национальной безопасности

Теоретические и эмпирические исследования правомочности систематизации вызовов НБ по двум категориям показывают, что имеет место более фундаментальное и, следовательно, более опасное заблуждение. В конечном счете американские стратегические дебаты развернулись вокруг трех концептуальных тем (опций), рассматриваемых ниже⁶¹.

1. Сфера НБ США — бинарна. Вызовы и угрозы НБ ранжируются по двум категориям — иррегулярные и традиционные (регулярные). Предполагается, что два концептуальных тента покрывают весь диапазон угроз и возможностей. Иррегулярные вызовы исходят, в основном, от негосударственных политических акторов, а традиционные — от государств. Характер вызовов и угроз в значительной степени диктуется природой и характером возможностей акторов. Доминирующим военным стилем иррегулярных акторов является партизанская тактика и рейдовая стратегия.

2. Вызовы и угрозы НБ систематизируются по трем категориям. Следуя тринитарному принципу Юлия Цезаря и его известному высказыванию — «Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части»^{*}, а также вслед за многими стратегическими мыслителями прошлых веков, вызовы и угрозы систематизируются по трем категориям: иррегулярные, традиционные (регулярные, конвенциональные) и гибридные[†]. Придерживаясь троичности, последователи данной точки зрения считают, что для покрытия всего спектра вызовов и угроз НБ XXI века необходимо развернуть еще один — третий концептуальный тент.

3. Выделение гибридной категории создает проблемы. Возможно, это не так очевидно, но создание третьей (гибридной) концептуальной катего-

^{*} Gallia est omnia divisa in partes tres (лат.).

[†] В монографии «Мост стратегии» Колин Грей посвящает проблеме Приложение D «Потенциальные триединства: четырнадцать ключевых элементов (отмычек) теории для стратегиста». Gray, Colin. *The Strategy Bridge*, Oxford: Oxford University Press, September 2010, Appendix D, “Potent Trinities: Fourteen Skeleton Keys of Theory for the Strategist,” pp. 278–283

рии является значительным продвижением вперед, по сравнению с бинарным различием. Тем не менее, анализ выявляет ряд серьезных проблем. Например, как новый, так и старый стратегический опыт говорит в пользу гораздо большего количества категорий. Кроме того, анализ выявляет не ошибочность гибридного тезиса, но скорее такую фундаментальную корректность, что он бросает вызов попытке сдержать его в пределах отдельной категории и собственного концептуального тента*.

Как и асимметрия или нелинейность, гибридность на самом деле является свойством явления как такового. Гибридность, как и асимметрия или нелинейность, не является чем-то исключительным в стратегической истории, но типичным свойством соперничества. Как следствие, в фундаменте стратегической теории гибридности появляются фатальные трещины, когда невозможно выделить отчетливо гибридные вызовы и угрозы, войны, стратегии, стили военных действий и пр. Гибридность оказывается разлита везде, что делает сложным создание концепции, которая была бы аналитически полезной.

Таким образом, можно говорить о вызове официальной системе категоризации и проблеме ее фундаментальной необоснованности. Имеется не две, три или 23 категории, но только одна. Постулат, который призван показать, что категоризация, вне зависимости от того, насколько она хорошо проработана, скорее запутывает, нежели проясняет общую картину. Речь не идет о том, чтобы придерживаться концептуально расхолаживающей гомогенизации, скорее наоборот. Намерение добиться высокой степени обобщенности и охватить типы вызовов и откликов в рамках общего явления, интеллектуально дисциплинирует, становясь руководством при разработке аналитически и исторически оправданного инструмента практической стратегии.

Рассмотрение проблемы категоризации в сфере НБ сводится к рассмотрению концептуального выбора между следующими схемами:

- выделение двух категорий вызовов — иррегулярных и традиционных;
- выделение трех категорий вызовов — иррегулярных, гибридных и традиционных; и

* Концептуальные основы гибридности наиболее полно раскрываются у Фрэнка Хоффмана. См., например, recent writings provide the best entrée into the strategic conceptual world of postulated hybridity. From a healthy choice of offerings, see his **Hoffman, Frank G.** "Future Threats and Strategic Thinking," *Infinity Journal*, Vol. 1, No. 4, 2011, pp. 17–21. 1 November 2014. <https://www.infinityjournal.com/article/34/Future_Threats_and_Strategic_Thinking/> Как неологизмы, так и междисциплинарные заимствования ключевых определяющих концепций должны приниматься с осторожностью (последние в особенности). Идеи, заимствованные из одной дисциплины и для своих нужд, могут принести вместе с собой некоторые популярные значения и интерпретации, которые могут вводить в заблуждение. Гибридность является уважаемой идеей в биологии и зоологии, которая отражает возможность смешения различных видов, результатом которого становятся новый вид растений или животных. Когда понятие переносится в стратегию, она означает войну и военные действия смешанного по типам происхождения. Словари не определяют проценты отличительных штаммов для идентификации нового вида. Это, казалось бы, педантичная точка зрения может быть важной для стратегических исследований, так как военная активность многих конфликтов будет с трудом соответствовать только одному или двум типам в теоретическом диапазоне выбора типа военных действий.

- выделение одной категории, когда категоризация вызовов отрицается.

Отказ от категоризации становится следствием признания, что попытки выделения радикально различающихся видов вызовов ведет к непреднамеренным негативным последствиям в виде ослабления концептуального понимания сферы НБ в целом. Функционирование сообщества НБ становится историей плохого понимания стратегии и поколений реформаторов, склонных теоретизировать.

По мнению Колина Грея, небольшая историческая перспектива XXI века оставляет мало шансов, что американское стратегическое поведение, следствием которого стали военные кампании в Ираке, Афганистане и «долгая война» против «абстрактного существительного «террор», может оцениваться как компетентное — как в вопросах разработки теории и концепций, так и практики»⁶². В этих условиях любая концептуализация, поощряющая ошибочные стратегические идеи, должна быть безжалостно заклеена⁶³.

Является неблагодарным делом убеждать теоретиков, что малое количество теории порой может объяснить больше стратегических явлений, нежели большое. Способность теоретизировать являлась критически важным во все времена, о чем убедительно говорит Клаузевиц. Тем не менее, чересчур рьяные усилия довольно скоро приводят к резкому сокращению эффективности концептуального пространства, которое оказывается оккупированным стратегической теорией⁶⁴. Даже если согласиться с Брайаном Линном, что военные интеллектуалы не смогли обеспечить убедительное концептуальное описание современной войны, большое количество теорий не может рассматриваться в качестве решения⁶⁵. Проблема сообщества НБ США заключается в том, что общая теория стратегии, сама по себе, не является ее доминантой, следствием чего становится утеря способности постигать стратегическую историю.

Так как идеи являются мощным ресурсом влияния на стратегическое поведение, важно, чтобы они причиняли как можно меньший вред. Какой бы притягательной и блестящей ни являлась теория, в данном случае уместна аналогия с медициной и принципом «не навреди». Это может быть достаточно проблематичным для теоретиков стратегии, которые, исходя из лучших побуждений, стремятся к стройным теоретическим построениям.

Однако стратегия — это не эlegantность языка, искусность метода или креативность концепции. Стратегия — это практическая активность, которая, в первую очередь, должна принимать во внимание возможность реализовать предлагаемые решения. Технически совершенное оружие, может стать, будет невозможно применить в полевых условиях, если оно требует навыков использования и обслуживания, которыми не обладают войска. Стратегическая и военная теория может оказаться фатально непригодной для практического применения⁶⁶.

Тезисы и аргументы, приведенные ниже, призваны показать, каким образом стратегическая теория может быть сопряжена с анализом вызовов и проблем в сфере НБ.

1. Идентификация и оценка вызовов не всегда очевидна. Где вы оказываетесь, когда встаете, и что происходит в следующий момент, во многом зависит от того, где вы считаете, что вы сидите. Так звучит одно из расширенных и часто некорректно цитируемых принципов теории бюрократической политики*. Идея «вызовов НБ», потенциально, может привести к опустошению концептуального поля. Было бы серьезным упущением полагать, что вызовы НБ всегда могут быть надежно выявлены соответствующей системой мониторинга.

Вопрос, как быть, когда вызов не является вызовом, но чем-то другим, находится в фокусе внимания исследователей. Даже если происходящие события однозначно определяются как вызов, понимание того, что это означает и каким образом необходимо реагировать, не есть тривиальная задача. В ряде случаев ответы на вопросы могут быть сформулированы и реализованы реагирующей стороной (жертвой). Однако стратегический контекст формируемого отклика в этом случае будет отличаться от тех случаев, когда выбора — реагировать или не реагировать — нет, и речь идет об экзистенциальных вызовах. И тем не менее, даже в случае экзистенциальных вызовов чаще всего, имеется возможность выбора политического и стратегического курсов⁶⁷.

Концепция вызовов НБ позволяет «нарезать кубиками» общее исследовательское пространство, то есть разделение исследовательского поля может быть вариативным и где-то даже произвольным. Выше уже говорилось о проблематичности принятой категоризации вызовов как иррегулярных, гибридных и традиционных (регулярных). Оставив на время в сторону проблему категоризации, привлечем внимание к потенциальной хрупкости центрального термина концепции — «вызовам», с которым могут соперничать несколько других. Например, негативную интерпретацию явления могут отобразить следующие возможные альтернативы: угрозы (**threats**), опасности (**dangers**), риски (**risks**), концептуальные угрозы (**menaces**), тревоги (**anxieties**)[†] и др. Позитивная интерпретация вызовов убедительно охватывается термином «возможности».

Понятия и термины, выбираемые для описания ситуации, во многом оформляют восприятие. Нюансы использования того или иного термина, его интерпретация и семантическая нагрузка зависят от среды и контекста, в котором он используется, и представляют собой распределение по континууму от потенциальной или концептуальной угрозы (**menace**) до экзистенциальной опасности. Один и тот же термин может быть применен для описания ситуации вокруг Мюнхенского сговора, Перл-Харбора, террористической атаки 9/11 и русско-грузинской войны 2008 года⁶⁸.

* Классическая работа по теме. **Halperin, Morton H., Priscilla A. Clapp.** *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington, DC: The Brookings Institution, 1974, 2nd Edition 2006. 1 November 2014. <http://www.untag-smd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_1/BUREAUCRACY%20Bureaucratic%20Politics%20and%20Foreign%20Policy.pdf>

[†] Стоит отметить, что английский язык в данном случае позволяет выделять нюансы, которые достаточно сложно отразить в русском языке.

Так как речь идет о множестве понятий и терминов, используемых для описания стратегических событий, возникает проблема классификации. Систем классификации может быть много, наиболее очевидной является классификация вызовов:

- по типу — например, иррегулярные, гибридные и традиционные;
- по серьезности потенциальных последствий, ранжированных по шкале, — от потенциальных до экзистенциальных;
- по вероятности инцидента, происшествия;
- по временным рамкам (текущие, неотвратимые, кратко- и среднесрочные, отдаленные); и
- по степени осмысления и постижения — например, вера, что понимаешь явление в деталях или в целом.

Классификация может быть проведена на основе, ставших известными, понятий Дональда Рамсфельда: «известное неизвестное» (**known unknown**), «неизвестное известное» (**unknown known**) и парализующее своей неведомостью «неизвестное неизвестное» (**unknown unknown**)⁶⁹.

Всегда существует множество проблем, вызывающих беспокойство, и жизненно важно понимать, насколько большим оно должно быть и насколько оно оправданно. Каким должен быть отклик, когда сталкиваешься с предметом беспокойства, и что предпринимается потом. Ответы на данные вопросы достаточно редко бывают ясными и однозначными.

2. Ранжирование вызовов НБ является скорее искусством, нежели наукой, а его результаты обычно оспариваются. Однозначное ранжирование вызовов НБ по одной шкале или хотя бы категоризация по характеру представляется маловероятным. Только в популистских целях, например, во время избирательной кампании или в массмедиа, когда игнорирование контекста и исторической перспективы является нормой, можно обнаружить такие оценки. И точно так же, как военные идеи и концепции имеют тенденцию доминировать над военным инструментарием, так и политическая жизнь является руководящей для стратегической истории⁷⁰. Тем не менее, вызовы НБ, идентифицированные в качестве таковых, обычно требуют наличия врагов и враждебных намерений.

Когда идентификация врага становится невозможной или расплывается, как это имело место в российско-американских политических и стратегических отношениях в 90-е и 2000-е, годы, на первый план выходит латентная, но объективная угроза, например, сил ядерного сдерживания. На первый взгляд КНР обладает большим потенциалом, чтобы восприниматься как враждебная США сверхдержава XXI века, хотя всесторонняя стратегическая оценка (**strategic net assessment**) не говорит в пользу такого вывода. Относительная слабость КНР в каждом из доменов глобального общего пространства (**global commons**) — земле, море, воздухе, космосе и киберпространстве — в контексте геополитики говорит, что Китай, будучи предсказуемо грозным, не сможет взять на себя функции СССР.⁷¹

Анализ стратегической истории позволяет говорить о своего рода иронии, так как наиболее часто встречающимися и постоянными (и в этом смысле регулярными и традиционными) вызовами сегодня являются именно иррегулярные. Ведение боевых действий против негосударственных акторов, наиболее часто встречающийся в наши дни тип военных действий, редко бывает популярной активностью*. Общественный энтузиазм касательно контрповстанческих или контртеррористических операций является нетипичным внутривнутриполитическим контекстом для американского стратегического поведения. Тем не менее, раз за разом ее лидеры выбирают именно ИВД в качестве военно-стратегического отклика на вызовы НБ.

Вашингтон с трудом справляется с контекстами внутривнутриполитической жизни, в рамках которых вызовами НБ являются не те явления, которые идентифицируются в качестве таковых. Террористическая атака 9/11 была тактически экстраординарной, но она не смогла вызвать стратегические изменения, хотя выбранный американской стороной отклик и курс действий сделал все, чтобы это произошло. Следующие друг за другом эффекты от террористических атак, включая угрозы применения ОМП, могут стать летальными для экономической и политической стабильности страны, если атакуемая сторона впадает в панику и формирует неблагоприятный отклик, приводящий к разрушению собственного политического дома.

Огромный ущерб, причиненный экономике США за последнее десятилетие, стал результатом не блестящей гранд-стратегии Аль-Каиды, но плохого финансового управления и отсутствия компетентного политического руководства. Ущерб, который могла бы причинить Аль-Каида и аффилированные с ней структуры Америке и международному порядку, слабо сопоставим с возможностями США наносить вред самой себе. Является достаточно глубокой и тонкой стратегической истиной, что в большинстве конфликтов победитель нуждается в значительной и небрежной помощи со стороны своих врагов. Компетентная стратегическая теория и благоразумные практические стратегии не игнорируют испорченную природу человека, акторов и институтов. Они принимают устойчивые реалии вездесущего несовершенства человека, равно как постоянство случая и трения⁷².

Ошибки в политике и стратегии на малом масштабе чаще всего классифицируются как иррегулярные, в то же время на большом масштабе — как регулярные (традиционные), вне зависимости от природы акторов или частоты. Можно привести пример ядерной угрозы, последствия которой должны расцениваться как фатальные и экзистенциальные как в физическом, так и политическом смысле. Военные действия с применением ядерного оружия на любом масштабе и в рамках любой стратегии представляются крайне редкими и в высшей степени маловероятными. Это во всех

* Соответствующей литературы очень много. Применительно к американскому обществу см., например, **Stuart, Reginald C.** *War and American Thought: From the Revolution to the Monroe Doctrine*. Kent, OH: The Kent State University Press, 1982.

смыслах экстраординарная и иррегулярная военная активность. Теоретически выглядит не вполне разумным и логичным называть регулярными военные действия, которые имели место только один раз — в 1945 году. Применение нескольких ядерных зарядов с целью вызвать страх — одна из классических стратегий терроризма — также позволяет говорить об иррегулярности, если исходить из природы актора, ведущего военные действия.

Однако классификация войны с применением ядерного оружия как иррегулярной неприемлема, и это вопрос концептуальной и политической рассудительности и осмотрительности. Здравый смысл присваивает таким военным действиям высочайшую позицию на спектре конфликтов. Ядерная война должна быть «большой войной», а не «малой», как ее понимает и классифицирует, например, Чарльз Коллуэл и позднее ССН США⁷³.

Уже в начале 50-х ведущие американские теоретики стратегии были убеждены, что ядерные силы должны рассматриваться как регулярные, обладающие, как минимум, весом и статусом конвенциональных сил⁷⁴. Если принять во внимание, что тогда будущие военные действия, ожидалось, будут иметь не только сдерживающую, но и активную ядерную составляющую, представлялось логичным рассматривать ядерное оружие, как элемент конвенциональных военных действий.

Тем не менее, в 50-е годы ядерный и иррегулярный конфликты находились в вынужденном стратегическом браке. Ожидалось, что ядерная война вынудит армии вести наземные сражения в партизанском стиле. Рассредоточение войск должно было помочь избежать ядерного удара со стороны противника. Появление термоядерного оружия в середине 50-х годов и достижение ядерного баланса между СССР и США, ставшее следствием советского технологического искусства, изменили термины стратегической аргументации, оформив ядерное сдерживание в непривычных терминах обоюдной угрозы. Будет не совсем некорректно говорить об этом периоде военной истории в терминах концепции гибридной войны. Тем не менее, военные действия, предусматривающие партизанские рейды в сочетании с ядерным оружием, безусловно, могут быть отнесены к этой концепции.

Существуют достаточно устойчивые системы классификации, которые трудно назвать полезными для политики и стратегии. По мнению Колина Грея, внимательное изучение популярных и официальных классификаций показывает, что они скорее вводят в заблуждение, нежели помогают. Долгосрочные теоретические усилия по разработке категориального аппарата содержат серьезные недостатки, однако «стремление категоризировать и очистить, после моды викторианских энтомологов идентифицировать новые виды насекомых, является неотразимым и, в некоторых отношениях, достойным похвалы, как стремление достичь лучшего понимания». В этих условиях общая теория стратегии начинает играть жизненно важную роль⁷⁵.

С некоторой долей преувеличения можно сказать, что многие из широких концептуальных категорий в современном интеллектуальном арсенале являются опасно пористыми и вводящими в заблуждение. Яркими приме-

рами такого рода концепций и категорий могут служить ограниченная, иррегулярная, регулярная, гибридная войны, конвенциональное сдерживание в ядерном контексте. Каждая из данных категорий обладает потенциалом ввести в заблуждение и возможностью поощрять ошибочное мышление. Причем трудности связаны не только и не столько с самими концепциями, как таковыми, но их недопониманием и следствием вульгаризации и фамильярного с ними обращения.

Ограниченная война, будучи войной, является политически мотивированным поведением. Заявление, что существуют ограниченные войны, предполагает существование также и неограниченных, когда выделение нескольких типов войн потенциально приводит к ложному антагонизму. Однако главным является поощрение возможного заблуждения, когда только некоторые войны начинают рассматриваться как политически мотивированное поведение. В реальности все войны являются частью политической жизни, а природа военных действий предполагает также собственную логику и динамику, которые могут диктовать свои условия политической сфере.

Иррегулярная, регулярная и гибридная войны являются еще более проблематичными. Данные концепции не являются эмпирически ошибочными, скорее наоборот. В зависимости от предпочитаемых определений случаи иррегулярности, регулярности и гибридности присутствуют во многих, если не в большинстве войн. С точки зрения современного военного планировщика такое положение дел является недопустимым. Кроме того, такое положение дел с большой долей вероятности ведет к ошибочной гипотезе, что в XXI веке США должны быть готовы вести боевые действия в иррегулярных, регулярных и гибридных войнах. Даже если сформулировать корректнее, что США должны быть готовы вести военные действия иррегулярно, регулярно или гибридным способом, тезис представляется ошибочным, так как рассматривает будущие войны и их доминантные характеристики как фиксированные⁷⁶.

Конвенциональное сдерживание и конвенциональная война в ядерном контексте также являются стратегически выразительной, но опасной идеей, опирающейся на крайне ненадежные предположения. Не имеет значения, как долго конвенциональная война останется неядерной в ее традиционном значении. Если она ведется одной или несколькими сторонами, обладающими ядерным оружием или коалициями, в состав которых входят ядерные державы, появляется ядерная размерность враждебности.

Наличие ядерного контекста ставит под риск чистоту концепции конвенциональной войны, которая не может рассматриваться в качестве стратегической правды и не должна быть предметом веры. Концептуальная чистота и ясность категории конвенциональной войны между ядерными государствами является крайне проблематичной. В стратегической литературе с конца 50-х до середины 60-х годов основательно дебатировалась тема, могут ли НАТО и Варшавский договор вести неядерную войну в Европе⁷⁷?

3. Адаптация эксклюзивных категорий вызовов может нанести вред военному планированию. Вызовы будущего не являются непреодолимыми для компетентных стратегических аналитиков и теоретиков. Проблемы оказываются связаны со стремлением разработать эксклюзивную систему категорий, охватывающую все эмпирические явления. Необходимо расстаться с предположением, что будущие вызовы, в значительной степени, известны или познаваемы, — тезис, который делает возможным и позволяет ввести концептуальную классификацию явлений.

Сложно дискутировать с точкой зрения, что выбранный стратегический курс влияет на процесс разработки концептуального аппарата. Также очевидно, что категоризация будущих вызовов оказывает значительное влияние на строительство вооруженных сил и системы НБ в целом. Тем не менее, необходимо отметить две принципиальных типа неопределенности, один из которых может быть минимизирован, но не исключен⁷⁸.

Первая неопределенность была концептуально схвачена бывшим МО США Дональдом Рамсфельдом понятиями «известная неизвестность» (**known unknowns**) и «неизвестная неизвестность» (**unknown unknowns**)⁷⁹. Колин Грей предлагает добавить третье, возможно более сильное понятие — «известное, которое ошибочно классифицируется в качестве такового» (**the knowns that are falsely classified as such**). Оно призвано отобразить случаи, когда явления, воспринимаемые как известные, то есть понимаемые и объяснимые, со временем должны оцениваться, как неизвестные и непознанные. Данные понятия формируют своего рода триединство, использование которого для формирования ограничений, накладываемых на веру и доверие к тем или иным концептам и идеям, позволяет легко идентифицировать и избежать опасных последствий применения теоретических конструкций. Все методологии улучшения планирования НБ стремятся компенсировать невозможность познания того, что является непознаваемым.

Будущее остается неизвестным, пока оно не реализуется, переставая при этом быть будущим, и «завтра никогда не наступает». Тем не менее, будучи компетентными в точных науках, военные упорствуют в ссылках на «предсказуемое будущее» (**foreseeable future**) — термин, который является невозможным с научной точки зрения*.

Чтобы избежать неопределенности и двусмысленности, необходимо понимать, что будущее не может быть предсказуемым. Будущие события невозможно надежно предсказать или хотя бы прогнозировать, относясь к ним, как познаваемым. Ситуацию не могут облегчить изощренные средства и методы разведки и анализа, так как речь идет о методологической проблеме. На ход истории влияет чересчур большое количество факторов, чтобы можно было говорить о надежном моделировании и прогнозировании. Это не означает, что представляющее интерес для стратегистов будущее должно восприниматься как мистерия. Очевидно, что вызовы будущего мо-

* См. Арзумян, *Кромка хаоса*, pp. 252–254.

гут быть выявлены и, в некоторой степени, нейтрализованы, но не исключены или уверенно обойдены. В такой ситуации важной мерой устойчивости системы НБ, сталкивающейся с множеством вызовов и угроз, становится концептуальное благоразумие и дальновидность (**conceptual prudence**).

Второй тип неопределенности вызовов будущего исключает надежную классификацию, порождая ряд вопросов. Каким образом можно осмыслять вызовы, чтобы оказаться в состоянии облечь достигнутое понимание в логически связные концепции, позволяющие встретить вызовы нового века? Должны ли вызовы объединяться, комбинироваться и агрегироваться или же аналитически различаться, рассекаяться, идентифицируя множество типов угроз и возможностей, которые будет стремиться описать стратегическая теория?

Если подытожить. Возможно и желательно ли вводить систему категорий, различая, например, иррегулярные, традиционные и гибридные вызовы будущего? Является ли допустимым заниматься планированием сферы НБ, в рамках концептуальной или эмпирической системы категорий? И если ответ утвердительный, то остается классический вопрос стратегии — «ну и что?». Что необходимо предпринять, каким образом стратегическая теория должна обращаться с данным выводом, и какие действия должны быть предприняты? Является фундаментальной ошибкой предполагать, что отклики на вызовы того или иного типа должны быть аналогичного типа. Отклик на иррегулярные вызовы может быть регулярным, равно как и наоборот⁸⁰.

Будет неблагоприятно рассматривать категории вызовов, как эксклюзивные (исключающие). Закрытость в данном случае может стать причиной сползания к жестким авторитарным конструкциям и, как следствие, негативным последствиям. С одной стороны, две или три категории являются чересчур исключающими и замкнутыми, чтобы схватить всю сложность и богатство стратегического исторического опыта, с другой — более чем достаточными, чтобы ввести в заблуждение и стать причиной сильных и ложных выводов и заключений.

Например, вызовы, связанные с иррегулярными методами и средствами, не нуждаются в том, чтобы быть идентифицированы, как иррегулярная война. Стороны конфликта могут использовать различные методы и средства*, а война и военные действия в XXI веке не следуют кодексу рыцарских турниров. Не пренебрегая соображениями законности и нравственности в стратегической этике, тем не менее, неблагоприятно предполагать, что имеются характеристически иррегулярные, традиционные или гибридные вызовы. Система категорий остается привилегией стратегической и военной специализации и ценой за возможность обеспечить адаптацию и взаимозаменяемость⁸¹.

Система категорий ложится дополнительным грузом на понимание вызовов будущего сообществом НБ. Планировщики вынуждены не только стремиться

* Интересное обсуждение проблематики можно найти в работе **Barnett, Roger W.** *Asymmetrical Warfare: Today's Challenge to U.S. Military Power*. Washington, DC: Brassey's, 2003.

понять то, что является непознаваемым и неясным, — будущие вызовы, — но и классифицировать свое понимание. То, что так и останется до конца не познанным, должно быть привязано к концептуально исключаящим классам системы категорий. Сообщество НБ, вглядываясь в якобы предсказуемое будущее и осуществляя выбор между двумя или тремя категориями вызовов, может выбрать одну из них в качестве «лучшего выбора». Развитие системы НБ и военной организации государства будет склоняться к подготовке откликов в «побеждающей» категории вызовов, что неминуемо нанесет ущерб готовности к другим, которые воспринимаются как менее вероятные.

Блезненные последствия категоризации остаются настолько предсказуемыми, насколько и непредсказуемыми, и у страны есть возможность благоразумно подготовиться к будущему, избегая исключаящего выбора из концептуального каталога вызовов. Имеется необходимость в холистическом видении стратегического контекста и адаптивности для подготовки отклика на неизвестные вызовы среды безопасности. Такой подход и политика по необходимости опираются на гранд-стратегию, которая оперирует всеми элементами национальной мощи⁸².

4. Проблемы стратегического соперничества. Хотя отклики на вызовы формируются стратегией, действующей на оперативный уровень и тактику, они не должны определяться военным доменом. Когда концепции рассматривают иррегулярные, традиционные или гибридные вызовы, легко забыть, что как существительное, так и прилагательное в данном случае являются проблематичными.

Объективно, вызов таков, каков он есть, вне зависимости от объективных причин, его вызвавших, или желаний и предпочтений исследователей или планировщиков. Субъективно существует некоторое разграничение касательно идентификации вызовов. Тезис, что будущее включает как иррегулярные, так и традиционные вызовы, поощряет заманчиво убедительный, но ложный довод, что необходимы два типа вооруженных сил для формирования эффективного отклика на каждый из типов вызовов. Переводя взгляд от существительного к прилагательному — иррегулярный, традиционный или гибридный, — оно характеризует, в том числе, тактические схемы и выбор противника. Однако идентификация вызовов и формирование откликов не должны быть в зависимости от тактического стиля противника⁸³.

Идентификация проблем по категориям является концептуальной ошибкой и причиной крайне опасных стратегических и тактических ошибок. Каждый вызов (угроза или возможность) является уникальным и определяется множеством важных деталей. Кроме того, он должен рассматриваться, в первую очередь, как политическое явление. Именно политическая жизнь, определяемая политикой, может потребовать применения вооруженных сил, когда гранд-стратегия инициирует военную размерность национальной мощи.

Можно в очередной раз воздать должное древнекитайской военной философии и Сунь Цзы, подчеркивающему важность знания противника и, что не менее важно, самого себя. Категоризация поощряет тактическое мышление и

практику и фокусируется скорее на способах ведения боевых действий противником, нежели стратегической эффективности ведения войны и политических целях. И, вновь обращаясь к древнекитайской военной философии, Сунь Цзы советует отдавать преимущество удару по стратегии противника, а не его силам⁸⁴. Повстанцы и террористы, ведущие ИВД, это способ, позволяющий стратегии противника быть успешной в обеспечении политических целей войны. Нанесение тактического поражения жизненно важно, однако в лучшем случае это крайне дорогой и длительный путь к победе, в худшем — выбор, который не позволяет достичь победы за приемлемую цену.

Приведенные выше доводы не должны интерпретироваться как рекомендация использовать способы ведения военных действий, асимметричные противнику, тем не менее необходимо быть готовым к этому. Нельзя подходить к проблемам политики и гранд-стратегии в рамках бинарной или тринитарной системы категорий вызовов. Замешательство, вызываемое такой категоризацией, поощряет плохую стратегию и тактику. В качестве примера можно сослаться на тезисы, что в рамках ИВД ВВС играют скромную роль, а тяжелая бронетехника не подходит для разворачивания в населенных пунктах. Два примера утверждений, являющихся следствием категоризации, которые на практике оказались несостоятельными⁸⁵.

Необходимо избегать применения концептуальных категорий вызовов, войны и стратегий, которые поощряют шаблонные отклики на выбранный противником тактический стиль поведения. Не отрицая необходимость использования непропорциональной силы, например, в ответ на террористический акт, надо понимать, что возможны случаи, когда отклик на террористический вызов должен быть в основном политическим. Выбираемая тактика должна определяться складывающимся контекстом и гранд-стратегией, через которую происходит достижение политических целей.

Возможны случаи, как это было в США во время Перл-Харбора или атаки 9/11, когда общественность требует, не просто нанести поражение врагу, но покарать, желательно непропорционально. Клаузевиц был прав, включая народные эмоции (примордиальное насилие, ненависть и враждебность) в свою тринитарную теорию войны⁸⁶. Государство может только управлять и направлять на базисе общественного консенсуса, который обычно требует, чтобы вторая ипостась триединства Фукидида «страх, гордость и интерес» уважалась⁸⁷. Стратегическая этика должна иметь моральные основы⁸⁸. Когда общество находит себя серьезно оскорбленным, государство обязано предпринимать действия по восстановлению оскорбленной «гордости» народа.

Постижение мира стратегии в терминах иррегулярных, традиционных или гибридных вызовов ставит концептуальный контекст, воспринимаемый сквозь методологические линзы категорий, в привилегированное положение, что является ошибкой. Если будущее постулируется в концептуальном контексте категорий, интеллектуально сконструированный контекст почти неизбежно будет доминировать над тем, что контекстуализируется — в данном случае вызовами НБ⁸⁹.

5.3.3. Общая теория стратегии и проблема категориального аппарата для классификации вызовов национальной безопасности

Все планы являются теориями, так как имеют целью объяснить, как действия намерены произвести желаемые эффекты. В реалиях НБ стратегические планы могут потерпеть неудачу, когда они тестируются на предмет соответствия предикату «стратегический». Это происходит, если они не обосновывают убедительным образом, как определенные военные средства, примененные выбранным способом, будут приводить к стратегическим или политическим эффектам. Другим словами, стратегия — это не просто цели, способы и средства (**ends, ways, and means**), но сознательные усилия, призванные соединить три элемента в триединстве. Триединство целей, способов и средств является фундаментальным, но может быть дополнено ограничением: предлагаемая стратегическая концепция не должна быть настолько трудной, чтобы ею было сложно овладеть и применить на практике.

Существует большая трудность, связанная с практикой военной стратегии, которая не может быть обойдена. Логика триады стратегии проста, однако действительные трудности связаны с тем, что «цели» в триаде являются политическими и далекими от военного поведения. Момент, которым зачастую пренебрегают. Трудности заключаются в характерной природе войны и политической жизни и тем, как они объединяются в единое пространство политики. Неправильное понимание связи войны и политической жизни приводит к ошибкам, которые Майкл Гендель (**Michael Handel**), отчасти не совсем корректно, трактует как «сведение стратегии к тактике» (**tacticization of strategy**)⁹⁰. На самом деле, когда (тактическая) военная активность становится тупиковой по отношению к политическим целям, стратегия не сводится к тактике (**tacticized**), но просто отсутствует, что, однако, не означает отсутствие стратегических эффектов⁹¹.

Клаузевиц проводит четкое и даже эмоциональное различие между военной мощью и политическими целями. Вся известная военная история от Ганнибала во второй Пунической войне до военной карьеры Наполеона и ошибок немецких, израильских и американских военных в XX веке говорит о крайней важности проведения различия между военными действиями и преследуемыми целями. Антулио Эчеваррия (**Antulio Echevarria**), рассматривая проблему, делает ее более контрастной и говорит о «способе (пути) войны» (**way of war**) и «способе (пути) сражения» (**way of battle**)^{*}

Заблуждение исследователей и практиков достаточно легко понять. Тот же Клаузевиц, безусловно, соединяет войну с политикой. Да, война — это насилие, и применение силы легитимируется политической жизнью (или политикой) и для политической жизни (политики). Однако тот факт, что

^{*} **Echevarria II, Antulio J. *Toward an American Way of War*. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2004. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files/pub374.pdf>>. См. более подробно в **Арзуманян, Кромка хаоса**.**

война — это о политической жизни (политике), не означает, что она является политикой (политической жизнью). Даже если кто-то отважится доказать, что война — это вооруженная или насильственная политическая жизнь (политика), это не будет означать объединение и слияние двух сфер.

Рассматривая «удивительное триединство» теории войны Клаузевица, необходимо быть осторожным и не позволять третьему элементу — случаю — становиться авторитарным и подавляющим два других. Хотя война, безусловно, о политике, она также о страсти и эмоциях народа, а также об искусстве и фортуна командующих и вооруженных сил. Достаточно часто политика и случай оказываются менее ответственными за принятие решения сражаться, нежели общественные эмоции⁹².

Правильная стратегическая теория может помочь военной практике понять ее роль и предоставить инструменты, позволяющие проверить структурную адекватность предлагаемой стратегии. В конечном счете, только практический опыт и применение стратегии в полевых условиях позволяет понять, были ли уместны предположения касательно взаимодействий внутри стратегической триады между политическими целями, способами и средствами.

Критерии успешной теории Уинтона. Элегантное объяснение природы и функций стратегической теории было дано офицером сил специального назначения Джеральдом Уинтоном (**Harold Winton**)⁹³. По мнению Уинтона теория должна:

- определять предмет;
- вводить категории, что означает «разбить поле исследования на ее составляющие части»;
- объяснить, «что является душой теории»;
- соединить «поле исследования с другими связанными полями в универсуме»; и
- предвидеть и предчувствовать, а не предсказывать будущее.

По мнению Колина Грея, данные критерии, «рассматриваемые и применяемые как целое, являются эвристически бесценным концептуальным инструментом, который помогает обойти ошибки и замешательство, связанные с категоризацией».

Теория должна определить свой предмет, но это не такая простая задача, как можно было бы ожидать. Например, Фрэнк Хоффман во введении хорошо аргументированного исследования «Конфликты в XXI веке: восход гибридной войны» формулирует далеко идущее утверждение: государство в конфликтах последнего времени оказалось втянуто в гибридные войны и асимметричные контексты, в которых нет ясного различия между солдатами и гражданским населением, организованным насилием, террором, преступностью и войной⁹⁴.

Хоффман частично прав, однако он признает, что гибридность не есть новая характеристика конфликта. Проблемы с концепцией гибридной войны заключаются в том, что она поощряет креативного теоретика пойти на шаги, которые ведут его в болото инклюзивности и некоторой формы эн-

циклопедизма. Концепция оказывается чересчур широкой и включает различные типы военных действий, террористические методы, неразборчивое насилие и принуждение, в том числе и криминальное⁹⁵.

В своем исследовании предмета гибридных войн Хоффман правильно отмечает ошибки и заблуждения ряда альтернативных концепций и усилий по категоризации конфликтов, например, войн четвертого поколения, новых войн, неограниченной войны. Тем не менее, убеждая в достоинствах гибридного подхода, Хоффман и другие указывают неправильный путь концептуализации войн. Концепция гибридной войны, с одной стороны, оказывается чересчур инклюзивной, чтобы быть аналитически полезной. С другой — подталкивает к некоторой эксклюзивности, чтобы оправдать предикат «гибридный», позволяющий справиться со сложностью исторической реальности.

Тем не менее, необходимо понимать, что каждая из категориальных систем обладает некоторой ценностью, и ни одна из них не является полностью ошибочной. Такой вывод представляется адекватным и приемлемым, если не упускать из виду, что усилия теоретиков стратегии по разработке новых систем могут вводить в заблуждение. Открывая новые типы стратегического поведения и создавая новые концептуальные конструкции, необходимо помнить, что они являются подвидами или вариантами одной и той же активности и реальности — войны. Если война определяется как использование организованного насилия для достижения политических целей, система категорий не может исключить из рассмотрения те или иные основания классификации. Например, насколько организованным является насилие, что является, а что не является политическими целями, и пр. Хорошая система должна добиться баланса между инклюзивностью и эксклюзивностью, позволяющего достичь концептуально ясного и основополагающего понимания связи между политической жизнью и организованным насилием⁹⁶.

Порой усилия по улучшению стратегической теории как объясняющего явления инструмента переступают пределы, приводя к противоположным результатам, и проблема зачастую оказывается связана с напрасной (и в этом смысле ошибочной) концептуализацией. Общеизвестно, что наиболее важной функцией стратегической теории является помощь практикам стратегии в понимании своего предмета. Теория объясняет явления на основе общих принципов, подгоняя бесконечное многообразие деталей и исторических эпизодов к некоторому подвиду и типу, который, тем не менее, принадлежит одному виду.

Если выразиться метафорически, война — это сложное явление, которое может выглядеть как гибридная, иррегулярная или традиционная, в зависимости от точки зрения исследователя. Необходимо поощрять усилия по осмыслению и постижению отдельных эпизодов войны в различных терминах, занимаясь «картографией» локальной культурной местности. Однако нельзя забывать, что каждый отдельный конфликт, так или иначе, находится под широким тентом войны, проводимой государством, исходя из целей политики. Не имеет значения, является ли конфликт в большей сте-

пени иррегулярным или традиционным. Если он удовлетворяет определению войны (например, Клаузевица), — это война, а общая теория стратегии охватывает все типы конфликтов, вне зависимости от их типологии культурной топографии⁹⁷.

Приведенные выше принципы являются критически важными, так как позволяют дисциплинировать дискурсы касательно военного и прочего насильственного поведения. В качестве примера можно сослаться на необходимость адаптировать стратегические усилия, чтобы суметь подготовить эффективный отклик на актуальные вызовы современности, которые могут быть оформлены, например, как регулярные, иррегулярные или гибридные войны. В любом случае речь идет о войнах, и они должны вестись стратегически.

Стратегические теории говорят в пользу того, что война является универсальной константой и развивающимся на протяжении всей истории нарративом⁹⁸. Однако угроза войны и организованного насилия, будучи постоянной, изменчива по форме, методам и средствам проведения. Можно сделать еще один шаг и заявить, что на протяжении тысячелетий развивались не только материальная часть и способы концептуализации войны, но также политически детерминированные цели конфликтов. Тем не менее, как уже говорилось ранее, триада Фукидида, — «страх, гордость и интерес», — достаточно полно определяет неизменные мотивы войны.

Можно с уверенностью сказать, что на сегодняшний день имеется являющаяся предметом постоянного уточнения и улучшения зрелая общая теория стратегии, опираясь на которую стратеги могут разрабатывать функциональные, региональные и локальные стратегии, которые требует высокая политика. Каждая из частных стратегий должна развиваться в едином концептуальном контексте, который формируют объединенные общенациональные концепции, а также теории войны и общей стратегии. Такой подход защищает креативные теории от самих себя, позволяя им не перенапрягаться, в стремлении объяснить, каковы отличия между гибридными войнами, военными действиями в космосе, ядерной войной и т.д. По аналогии, каждый из военных имеет свою специализацию, при этом оставаясь солдатом отечества⁹⁹.

5.4. Выводы и рекомендации

Термин «ИВД» позволяет наглядно увидеть, насколько опасной может быть ошибочная концептуализация вызовов НБ. Разрабатывая концепт ИВД, исследователи вынуждены отличать его от регулярных военных действия. Дедуктивно, они оказываются неспособны применить общий корпус знаний о военных действиях к специфической ситуации. Речь идет, например, о неспособности правильно оценить и манипулировать политическими преимуще-

ществами, ошибках в понимании политических целей противника и пр. Индуктивно, исследователи оказываются неспособны расположить конкретную кампанию в корпус общих знаний о войне. Болезненные уроки и опыт не становятся частью общего понимания военных действий и войны¹⁰⁰.

Проведенный в данной главе анализ призван помочь в интеллектуальном упорядочивании проблемы вызовов НБ и выстроен на основе критериев логичности, правдоподобия и полезности, но не эмпирической корректности. Например, не существует научных критериев, которые позволили бы идентифицировать войну как гибридную или утверждать, что речь идет о революции в военном деле. Насколько гибридность той или иной войны должна быть глубокой, чтобы она могла получить данный статус, или насколько радикальными должны быть изменения в военном деле, чтобы можно было говорить о революции?

Тот факт, что анализируются концепты, не означает, что материальная составляющая предмета исследований является несущественной. Предмет исследования значит не меньше, чем способы, при помощи которых достигается мир стратегии и, как следствие, интеллектуальный порядок, который решено улучшить. Такая концептуализация и упорядочение играет критическую роль в стратегическом образовании и стратегических действиях¹⁰¹.

В начале исследования был приведен четырехчастный аргумент, который утверждал:

- является ошибкой вводить категории и классифицировать вызовы как иррегулярные или традиционные;
- добавление еще одной категории стратегических явлений — гибридной — не позволяет качественно улучшить ситуацию;
- путь к концептуальному здоровью лежит в возвращении к объединенной теории стратегии, охватывающей искусство управления государственными делами, войну и собственно стратегию;
- разработка отдельной практической теории для определенного вызова (географии, технологии, интенсивности и пр.) может быть интеллектуально надежной, если происходит в рамках общей теории стратегии.

Учитывая тот факт, что предмет исследований данной главы является теоретическим, порой даже абстрактным, будет уместным сформулировать некоторые выводы и рекомендации¹⁰².

1. Ясность определений имеет большое значение. Может быть модным и даже целесообразным использовать нечеткие понятия, такие как «сложный» или «ограниченный», однако цена, которую придется заплатить за замешательство при столкновении с изощренными концептами, вероятнее всего, будет большой и тяжелой. До известной степени, сложность является структурной реальностью всех стратегических усилий, но поможет ли это в понимании войны? Использование популярных прилагательных демонстрирует владение профессиональной экспертизой, но несет с собой риск размывания того, что должно быть ясным.

2. *Энциклопедизм в определениях должен быть нейтрализован.* Детализация важна, но не в определениях. Социальная наука терпима к исключениям в своих теориях и зачастую удовлетворяется объяснениями, которые покрывают большую часть случаев, но не все. В определении стратегических концепций большее количество деталей неизбежно приводит к меньшей ясности и, как следствие, меньшему пониманию. Бритва Оккама должна рассматриваться как важный инструмент теоретиков стратегической концептуализации.

3. *Теории и концепции имеют практические последствия.* Стиль стратегического мышления не диктует жестко способы концептуализации вызовов и интеллектуальный порядок возможных откликов. Однако теории и концепции оказывают влияние на восприятие и интерпретацию событий и находят выражение в доктрине, которая оформляет поведение. Конечно, стратегическое поведение должно быть адаптивным, чтобы быть в состоянии адекватно отражать реальность, однако зачастую это не так. Стратегическая и военная культура могут и должны изменяться, но конкретно в каждый момент времени они должны помочь сформировать действие, доктринально организованное и направляемое влиятельными стратегическими концепциями.

4. *Общая теория стратегии обучает и помогает в разработке частных теорий.* Общая теория стратегии обеспечивает концептуальные основы разрабатываемых частных теорий. Например, практики КПО стремятся разработать концепции, которые используют способы и средства, подходящие предмету, — в данном случае иррегулярной военной реальности. Теоретические усилия, фокусирующиеся на Афганистане, сводятся к разработке концепции, которая включает, но не ограничивается контрповстанческой активностью. Кроме того, она будет отличаться от концепций, разработанных для других регионов и кампаний. Однако в любом случае все предпринимаемые усилия должны концептуально располагаться в контексте общей теории стратегии.

С некоторой долей убедительности можно сказать, что нет новых этапов стратегической истории, но только один, бесконечно меняющийся, контекст. Хотя стратегическая история всегда в движении, ее главные нарративы постоянны, и именно поэтому Сунь-Цзы, Фукидид и Клаузевиц остаются базисом для образования в области государственного управления и стратегии.

5. *Классификация вызовов по категориям в зависимости от вкуса и моды может иметь печальные последствия.* Тем не менее, когда такая классификация неизбежна, потенциал возможного вреда можно минимизировать контекстуализацией. Например, сегодня имеется насущная необходимость в понимании и концептуализации кибермощи для объяснения явления лицам, которые должны ее использовать. Однако данный процесс не может развиваться исключительно в рамках цифровой реальности. Теория и концепция кибермощи должна разработать как «грамматику» кибервоенных действий, так и обеспечить совместимость с общей теорией стратегии, в рамках которой оформляются все стратегические усилия. Для каждого отдельного стратегического случая должны быть разработаны частные адаптабельные стра-

тегии, которые являются манифестациями общего понимания и интерпретации стратегии в рамках общей теории.

6. *Неблагоразумная классификация по категориям поощряет сведение стратегии к тактике и игнорирование стратегии.* Эксклюзивные категории стратегических вызовов обладают серьезным потенциалом введения в заблуждение. Намереваясь вести традиционную конвенциональную войну, можно столкнуться с иррегулярными военными действиями, когда победа на первом этапе мало что дает. Подготовка к проведению иррегулярной войны и рассредоточение войск делает их незащищенными против традиционных методов ведения военных действий. Готовность вести гибридные войны позволяет охватить весь диапазон угроз и опасностей, однако данный тип войны аналитически нечеток.

Военное образование должно донести до своего сообщества, что войны и военные действия редко могут быть сведены к чистым опциям, эксклюзивным интеллектуальным типам. Так как креативность талантливых теоретиков, стремящихся к карьерному росту, невозможно остановить, меньшее, что можно сделать, это ограничить вред, который они наносят сами себе, навязывая и утверждая концептуальную дисциплину общей теории стратегии.

7. *Будущее остается неопределенным, когда возможно множество вызовов и угроз.* В такой ситуации неблагоприятно применять концептуальную структуру, которая ограничивает способность понимать и готовить эффективный отклик на вызовы, которые оказались недооцененными. Попытки классифицировать вызовы по нескольким эксклюзивным категориям, оправдать создание фиктивных концептуальных перегородок должны быть признаны опасными. Для теоретика и стратега, который имеет добротное образование, владеет историей войны и стратегии, погружен в общую теорию стратегии, в курсе текущего состояния интеллектуальной моды, категориальная концептуализация становится не нужной.

Необходимо стремиться победить в войне, а не иррегулярной, традиционной, гибридной или асимметричной войне. Военные усилия должны восприниматься как один из элементов гранд-стратегии. И так как гранд-стратегия является инструментом государственного управления и политики, она должна принимать во внимание и опираться на поддержку общества. Успех войны в значительной своей части зависит от политики и ее принятия со стороны общества. Довольно часто характер вызова и формируемого отклика, как его понимают политики, не совпадает с оценками общества, что может представлять серьезную опасность.

¹ Linn, Brian McAllister. *The Echo of War: The Army's Way of War*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007, pp. 1–2.

² Gray, Colin S. *Categorical Confusion? The Strategic Implications of Recognizing Challenges either as Irregular or Traditional*. Carlisle, PA: United States Army War College Strategic Studies Institute, pp. 3–4. 1 November 2014. <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2012/ssi_gray.pdf>

³ *Ibid.*, pp. 4–5.

⁴ *Ibid.*, pp. 5–6.

⁵ Vacca and Davidson, *The Regularity of Irregular Warfare*.

- ⁶ Hart, B. H. Liddell. *Strategy: The Indirect Approach*. London: Faber and Faber, 1967.
- ⁷ Gray, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, p. 43.
- ⁸ Vacca and Davidson, *The Regularity of Irregular Warfare*.
- ⁹ *Ibid.*
- ¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹ Singer J. David and Paul Diehl (Ed.), *Measuring the Correlates of War*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1991.
- ¹² Biddle, *Military Power*.
- ¹³ Vacca and Davidson, *The Regularity of Irregular Warfare*.
- ¹⁴ Gray, Colin S. "The American Way of War: Critique and Implications," in Anthony D. McIvor (Ed.) *Rethinking the Principles of War*. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 2005, pp. 13–40.
- ¹⁵ Moltke, Helmuth Graf von. *Moltke on the Art of War: Selected Writings*. Daniel J. Hughes (Ed.), trans. Daniel J. Hughes and Harry Bell, Novato, CA: Presidio Press, 1993, p. 47.
- ¹⁶ Luttwak, Edward N. "Dead End: Counterinsurgency Warfare as Military Malpractice," *Harper's Magazine*, Vol. 314, No. 1881, February 2007, pp. 33–42.
- ¹⁷ Gray, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, p. 43.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. 49.
- ¹⁹ Nagl, *Learning to Eat Soup with a Knife*.
- ²⁰ Gray, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, p. 50.
- ²¹ FM 3–24 and MCWP 3–33.5 Counterinsurgency.
- ²² Clausewitz, *On War*, pp. 88–89.
- ²³ Gray, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, pp. 50–51.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 51.
- ²⁵ Baron, Jonathan. *Thinking and Deciding*, 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2000); Khong, Yuen Foong. *Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Declarations of 1965*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.
- ²⁶ Vacca and Davidson, *The Regularity of Irregular Warfare*.
- ²⁷ U.S. Department of the Army. *Army Special Operations Forces Unconventional Warfare, Army Field Manual (FM) 3–05.130*. Washington, DC: U.S. Department of the Army, September 30, 2008, pp. 1–4 to 1–5. Устав был заменен FM 3–05 в декабре 2010 года. 1 November 2014. <<http://fas.org/irp/doddir/army/fm3-05-130.pdf>>
- ²⁸ Biddle Stephen and Jeffrey A. Friedman. *The 2006 Lebanon Campaign and the Future of Warfare: Implications for Army and Defense Policy*. Carlisle, PA: US Army Strategic Studies Institute, September 2008. 1 November 2014. <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2008/ssi_biddle-friedman.pdf>
- ²⁹ Vacca and Davidson, *The Regularity of Irregular Warfare*.
- ³⁰ Biddle and Friedman, *The 2006 Lebanon Campaign and the Future of Warfare*, p. 24.
- ³¹ Moltke, Helmuth von. "The Campaign of 1870–1871," in Daniel J. Hughes. *Moltke on the Art of War: Selected Writings*. Novato, CA: Presidio Press, 1993, p. 39.
- ³² Howard, *The Franco-Prussian War*, pp. 436–437.
- ³³ Griffith, *The Art of War in Revolutionary France*.
- ³⁴ Secher, *A French Genocide*.
- ³⁵ Forster, *Facing 'People's War'*; Foley, *German Strategy and the Path to Verdun*.
- ³⁶ Pakenham, *The Boer War*.
- ³⁷ Vacca and Davidson, *The Regularity of Irregular Warfare*.
- ³⁸ *Ibid.*
- ³⁹ *Ibid.*
- ⁴⁰ French, John D. P. Field Marshall Sir. "Preface" in General Friedrich von Bernhardi. *Cavalry*. trans. Major G. T. M. Bridges, A. Hilliard (Ed.). London: George H. Doran Company, 1914); Haig, Douglas. *Cavalry Studies: Strategic and Tactical*. London: Hugh Rees, 1907.
- ⁴¹ Gudmundsson, Bruce I. "A Lesson from the Boers," *Military History Quarterly*, Vol. 1, No. 4, Summer 1989; Gudmundsson, Bruce I. *Storm Troop Tactics: Innovation in the German Army, 1914–1918*. New York: Praeger, 1989.
- ⁴² Echevarria, Antulio J. *After Clausewitz: German Military Thinkers Before the Great War*. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2000, pp. 94–120.

- ⁴³ **Lupfer, Timothy T.** *The Dynamics of Doctrine: The Change in German Tactical Doctrine During the First World War*. Leavenworth Papers, No. 4, Fort Leavenworth, KS: Combat Studies Institute, U.S. Army Command and General Staff College, 1981. 1 November 2014. <<http://www.ir63.org/Downloads/Leavenworth-Papers-Tactical-Doctrine.pdf>>
- ⁴⁴ **Vacca and Davidson**, *The Regularity of Irregular Warfare*.
- ⁴⁵ **Gray**, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, pp. 36–37.
- ⁴⁶ *Ibid.*, p. 37.
- ⁴⁷ *Ibid.*, p. 45.
- ⁴⁸ **Gray**, *Categorical Confusion*, pp. 6–7.
- ⁴⁹ **Huntington**, *American Military Strategy*, p. 13.
- ⁵⁰ **Gray**, *Categorical Confusion*, p. 11.
- ⁵¹ *Ibid.*, pp. 6–7.
- ⁵² *Ibid.*, p. 11.
- ⁵³ **Gray, Colin.** *Schools for Strategy: Teaching Strategy for 21st Century Conflict*. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, November 2009. 1 November 2014. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB947.pdf>>
- ⁵⁴ **Porter, Patrick.** *Military Orientalism: Eastern War Through Western Eyes*. London, UK: C. Hurst, 2009; **Echevarria**, *American Strategic Culture*.
- ⁵⁵ **Gray**, *Categorical Confusion*, pp. 9–10.
- ⁵⁶ *Ibid.*, pp. 10–11.
- ⁵⁷ *Ibid.*, p. 12.
- ⁵⁸ **Rosen, Steven Peter.** “Vietnam and the American Theory of Limited War,” *International Security*, Vol. 7, No. 2, 1982, pp. 83–113.
- ⁵⁹ **Kahn, Herman.** *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. NY: Praeger, 1965.
- ⁶⁰ **Gray**, *Categorical Confusion*, p. 13.
- ⁶¹ *Ibid.*, pp. 14–16.
- ⁶² *Ibid.*, p. 17.
- ⁶³ **U.S. House of Representatives, Committee on Armed Services, Subcommittee on Oversight and Investigations.** *Another Crossroads? Professional Military Education Two Decades After the Goldwater-Nichols Act and the Skelton Panel*. Committee Print 111–4, Washington, DC: U.S. Government Printing Office, April 2010, pp. 49–93. 1 November 2014. <http://democrats.armedservices.house.gov/index.cfm/files/serve?File_id=d4748d4a-b358-49d7-8c9a-aa0ba6f581a6>
- ⁶⁴ **Clausewitz**, *On War*, Chap. 2, “On the Theory of War.”
- ⁶⁵ **Linn**, *The Echo of Battle*, pp. 1–2, 233–243.
- ⁶⁶ **Gray**, *Categorical Confusion*, pp. 18–19.
- ⁶⁷ *Ibid.*, pp. 19–20.
- ⁶⁸ *Ibid.*, pp. 20–21.
- ⁶⁹ **Rumsfeld, Donald.** *Known and Unknown: A Memoir*. NY: Sentinel, 2011, pp. xiii–xv.
- ⁷⁰ **Lynn, John A.** *Battle: A History of Combat and Culture*. Boulder, CO: Westview Press, 2003; **Gray**, *Perspectives on Strategy*.
- ⁷¹ **Gray**, *Categorical Confusion*, pp. 21–22.
- ⁷² *Ibid.*, pp. 23–24.
- ⁷³ **Callwell**, *Small Wars*, p. 21.
- ⁷⁴ **Rose, John P.** *The Evolution of U.S. Army Nuclear Doctrine, 1945–1980*. Boulder, CO: Westview Press, 1980; **Bacevich, Andrew J.** *The Pentomic Era: The U.S. Army between Korea and Vietnam*. Washington, DC: National Defense University Press, 1986; **Linn**, *The Echo of Battle*, Chap. 6.
- ⁷⁵ **Gray**, *Categorical Confusion*, pp. 25–26.
- ⁷⁶ *Ibid.*, p. 26.
- ⁷⁷ **Brodie, Bernard.** *Escalation and the Nuclear Option*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966.
- ⁷⁸ **Gray**, *Categorical Confusion*, pp. 28–32.
- ⁷⁹ **Rumsfeld**, *Known and Unknown*.
- ⁸⁰ **Gray**, *Categorical Confusion*, p. 30.
- ⁸¹ **Gray, Colin S.** “Strategic Thought for Defence Planners,” *Survival*, Vol. 52, No. 3, June–July 2010, pp. 159–178.

- ⁸² **Gray**, *Categorical Confusion*, p. 33.
- ⁸³ *Ibid.*, p. 34.
- ⁸⁴ **Sun Tzu**. *The Art of War*, p. 77.
- ⁸⁵ **Gray, Colin S.** “Understanding Airpower: Bonfire of the Fallacies,” *Strategic Studies Quarterly*, Vol. 2, No. 2, Winter 2008, pp. 43–83; 1 November 2014. <<http://www.au.af.mil/au/ssq/2008/Winter/gray.pdf>>
- Johnson, David E., M. Wade Markel, and Brian Shannon.** *The 2008 Battle of Sadr City. Occasional Paper*, Santa Monica, CA: RAND, Arroyo Center, 2011, p. 18. 1 November 2014. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2011/RAND_OP335.pdf>
- ⁸⁶ **Clausewitz**, *On War*, p. 89.
- ⁸⁷ **Thucydides.** *The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to The Peloponnesian War.* **Robert B. Strassler (Ed.)**, NY: The Free Press, 1996, p. 43.
- ⁸⁸ **Coates, A. J.** *The Ethics of War*. Manchester, UK: Manchester University Press, 1997; **Coker, Christopher.** *Ethics and War in the 21st Century*. Abingdon, UK: Routledge, 2008.
- ⁸⁹ **Gray**, *Categorical Confusion*, pp. 36–37.
- ⁹⁰ **Handel, Michael I.** *Masters of War: Classical Strategic Thought*. 3rd Ed., London, UK: Frank Cass, 2001, pp. 353–360.
- ⁹¹ *Ibid.*, p. 37.
- ⁹² **Gray**, *Categorical Confusion*, p. 39.
- ⁹³ **Winton, Harold R.** “An Imperfect Jewel: Military Theory and the Military Profession,” *The Journal of Strategic Studies*, Vol. 34, No. 6, December 2011, pp. 853–877. 1 November 2014. <<http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/01402390.2011.583389>>
- ⁹⁴ **Hoffman**, *Conflict in the 21st Century*, p. 11.
- ⁹⁵ *Ibid.*, p. 14.
- ⁹⁶ **Gray**, *Categorical Confusion*, pp. 41–42.
- ⁹⁷ *Ibid.*, p. 42.
- ⁹⁸ **France, John.** *Perilous Glory: The Rise of Western Military Power*. New Haven, CT: Yale University Press, 2011.
- ⁹⁹ **Gray**, *Categorical Confusion*, pp. 43–44.
- ¹⁰⁰ **Vacca and Davidson**, *The Regularity of Irregular Warfare*.
- ¹⁰¹ **Gray**, *Categorical Confusion*, pp. 44–45.
- ¹⁰² *Ibid.*, pp. 45–49.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Будущее иррегулярных военных действий

Военная история недвусмысленно говорит об опасности «подготовки к прошлой войне», которая частично является следствием ошибочного допущения о неизменности природы противников и используемой ими стратегии и тактики. С данной точки зрения представляется важным понять, что представляют собой иррегулярные вызовы и акторы в кратко- и среднесрочной перспективе¹. Иррегулярные вызовы международной среды безопасности, вероятнее всего, будут исходить от негосударственных акторов, а также стран, целенаправленно или непреднамеренно порождающих такие вызовы. Все больше вызовов будет связано с киберпространством, и акторы, использующие иррегулярную активность, будут широко использовать возможности Сети для проведения операций, координации усилий и коммуникаций, контроля и управления, сбора разведывательных данных, а также финансирования, пропаганды, рекрутирована новых членов и их подготовки².

6.1. Основные черты иррегулярных военных действий

Макс Бут и ряд других исследователей выделяют следующие основные черты, свойственные иррегулярным военным действиям и войнам, которые будут актуальны в будущем.

Иррегулярные военные действия стары как мир и являются исторической нормой. До появления древних государств и империй племенные войны представляли собой иррегулярные военные действия с обеих сторон. Относительно новой, наблюдаемой в Месопотамии 5000 лет назад, можно считать форму войны, когда иррегулярные акторы вступают в противоборство с конвенциональными силами. Таким образом, говорить о данном типе военных действий как «иррегулярных» является некорректным. Большинство государств и народов знают, что такое разруха и опустошение, являющиеся следствием набегов племен, и ИВД — это, скорее, норма вооруженного конфликта. Многие из современных государственных границ и государств являются результатом военных действий между регулярными армиями и повстанцами³.

Иррегулярные военные действия не особый — «восточный» — способ войны, но универсальная форма конфликта, часто применяемая слабой стороной.

Благодаря успеху китайских и вьетнамских национально-освободительных движений во второй половине XX века, сложилось мнение, что истоки иррегулярных форм войны восходят к Сунь-Цзы и другим китайским и индийским военным философам. Считалось, что тактика, которой придерживались асы ИВД в XX веке, чужда западным военным теоретикам, таким как Клаузевиц. В реальности древнекитайские и индийские армии были ближе к конвенциональным и напоминали римские легионы. Склонность к иррегулярным формам борьбы имели, скорее, номадические племена Внутренней Азии, Пакистана, Афганистана, для которых ИВД были способом жизни.

Некоторые тяготеющие к ИВД племенные народы, такие как турки, арабы и монголы, оказались в состоянии перейти к конвенциональным армиям для защиты созданных империй. Исторический опыт говорит, что государства и народы достаточно редко выбирают ИВД, которые являются «последней надеждой» для народов, которые чересчур слабы, чтобы создать регулярные армии. И точно так же терроризм является формой борьбы и последней надеждой для тех, кто слаб, чтобы создать партизанские силы⁴.

В иррегулярных военных действиях большая роль принадлежит культуре. Это справедливо для всех войн, но для ИВД данный фактор играет критически важную роль. Так как ИВД предполагают достижение поддержки или лояльности населения, верования, культурные и духовные ценности, ожидания и предпочтительное поведение последнего становятся влиятельными факторами. Если вы не вживаетесь в культуру страны, не знаете верования и ценности народа, то не в состоянии достичь результатов в его убеждении, за исключением случайных успехов. Действия военных, администрации и прочих заинтересованных сторон на фоне такого незнания способны принести больше вреда, чем пользы⁵.

Иррегулярные военные действия как недооцениваются, так и переоцениваются. До окончания Второй мировой войны важность ИВД в целом недооценивалась. Так как иррегулярный противник отказывался вступать в открытое противоборство, он не получал того уважения, которого был достоин. Тем не менее, начиная как минимум с атак варваров на Рим, они всегда обладали способностью унижать великие империи.

После окончания Второй мировой войны маятник качнулся в другую сторону, и повстанческие движения и иррегулярные акторы стали восприниматься как непобедимые. Такое мнение сложилось во многом благодаря успехам Мао Цзэдуна, Хошимина, Фиделя Кастро. Тем не менее, военная история говорит, что такие движения, зачастую способные воевать в течение многих лет и причинять большой ущерб, редко достигают своих целей. Террористы достигают успеха еще реже.

Базы данных, собранные Максом Бутом по 443 повстанческим движениям, начиная с 1775 года, показывают, что повстанцы достигли успеха только в 25,2% случаях, проигрывали в 63,8%, и в 1% случаев была достигнута ничья. Однако историография меркнет перед ярким образом и культом повстанцев, таких как Че Гевара. Начиная с 1945 года, норма побед пов-

станцев действительно выросла и достигла 39,6%, однако контрповстанческие операции, все же, достигали успеха в 51,1% случаев. Данные показатели можно считать «подогнанными» в пользу повстанцев, так как ряд продолжающихся активных движений не имеет шансов победить. Более реальная оценка ситуации после второй мировой войны приводит к падению коэффициента побед повстанцев до 23,2% и росту успеха контрповстанческих кампаний до 66,1%⁶.

Повышение роли общественного мнения. Наиболее важные изменения в ИВД и успехи повстанческих движений после 1945 года западные военные теоретики связывают с изменившейся ролью общественного мнения. Это, в свою очередь, связывается с повышением уровня образования, развитием коммуникаций, массмедиа и появлением влиятельных международных неправительственных организаций. Стивен Мец, указывая на значение стратегической эффективности в ИВД, пишет, что «повстанчество, в конце концов, является вооруженным театром»⁷, и большинство стратегистов соглашались с ним. В совокупности все такого рода факторы подавляют волю государств проводить затяжные контрповстанческие кампании, особенно за пределами собственной территории, и повышают шансы повстанцев выжить после болезненных поражений.

Термин «общественное мнение» впервые появился в 1776 году и сыграл большую роль в переговорах и окончании конфликта между Великобританией и американскими колониями. Греческие повстанцы в 1820-е годы использовали общественное мнение Запада, симпатии и поддержку таких влиятельных лиц, как лорд Байрон, для мобилизации западных правительств на поддержку своего движения. Аналогичную роль общественное мнение сыграло и в войне Кубы против Испании в 1890-е годы, Алжира против Франции в 1950-е годы. Впечатляющей была роль общественного мнения во Вьетнамской войне, когда США потерпели поражение не на поле боя, но у себя дома. Аналогичное развитие событий можно видеть в наши дни в Ираке и Афганистане⁸.

Иррегулярные военные действия апеллируют к культурным, политическим и военным качествам, которые не являются доминирующими в западной (американской) военной культуре. Американская военная культура отдает предпочтение наступательности, агрессивности, захвату и удержанию инициативы и обеспечению большого темпа операций. Через комбинацию маневра и огня противнику, как можно быстрее, наносится поражение, и он уничтожается. Идея, что время может быть оружием, является чужеродной для военной культуры США, и такой взгляд не приветствуется.

Однако в ИВД противник из третьего мира, проигрывая в боевой мощи, не пытается нанести военное поражение развитым странам. Тактика и стратегия иррегулярных акторов направлены на нивелирование превосходства в огневой мощи конвенциональных сил Запада. Как следствие, в ИВД военные технологии значат гораздо меньше, чем в конвенциональном конфликте, и большую роль приобретают невоенные технологии. Как сказал Лоуренс Аравийский: «Печатный станок — величайшее оружие в вооружении современ-

ного командира, командующего». Сегодня Сеть заменила печатный станок, но само понимание мощи массмедиа остается справедливым⁹.

Подавляющая конвенциональная мощь США исключает появление настолько опрометчивых противников, которые выведут танковые армии против вооруженных сил Запада. Маловероятно, чтобы будущие противники повторили ошибки азиатских и африканских властителей XIX века, которые пытались бороться против европейских завоевателей преимущественно западными методами войны, которыми последние владели несравненно лучше¹⁰. Более вероятным представляется использование иррегулярных подходов, когда более слабая сторона стремится использовать фактор времени. Майкл Коллинз (**Michael Collins**), руководивший кампанией Ирландской республиканской армии против Великобритании в 1919–1921 гг., Во Нгуен Зиап и др. использовали фактор времени, когда победа становилась не следствием достижения решающей победы в сражении, но пересиливания противника¹¹.

Применение массового террора и жестокости в контрповстанческих кампаниях оказывается малопродуктивным, особенно если кампания проводится за рубежом. Опирающиеся на крайнюю жестокость стратегии работают от случая к случаю и, чаще всего, когда у повстанцев отсутствует поддержка извне. Революционная Франция была успешной в жестоком подавлении восстания Вандеи в 1790-е годы. Как писал один республиканский генерал: «У меня нет ни одного заключенного, чтобы меня упрекали. Я уничтожаю их всех». Однако гораздо чаще они проваливаются. Та же Франция не смогла достичь аналогичного успеха и подавить восстание рабов в Гаити под предводительством «Черного Спартака» Туссена Лувертюра (**Toussaint L'Ouverture**). Даже в древнем мире, где не было движения за права человека и массмедиа, империи понимали, что умиротворение своенравного населения должно включать как кнут, так и пряник. Участие в **Pax Romana** давало выгоды, и империя завоевывала терпимость местного населения не только силой оружия, но предлагая «хлеба и зрелищ», строя дороги, акведуки и, что важнее всего, обеспечивая безопасность от набегов кочевых племен и бандитов¹².

Завоевание умов и сердец. Стратегия «завоевания умов и сердец»^{*} часто оказывается успешной. Однако она может привести к проблемам, если действия предпринимаются на основе поверхностных суждений или оценок. Термин может вводить в заблуждение, если относиться к нему, как к составянию за популярность, победа в котором обеспечит успех иррегулярной кампании в целом. Тот факт, что развитые страны Запада не выбирают крайнюю жестокость, не означает, что они не должны использовать методы военного подавления в ИВД. Эффективная иррегулярная кампания включает намного больше элементов, чем только «завоевание умов и сердец». В жесткой реальности ИВД население, в большинстве случаев, принимает сторо-

^{*} Фраза британского генерала, сэра Генри Клинтона (**Henry Clinton**) времен американской революции, популяризованная генералом, сэром Джеральдом Темплером (**Gerald Templar Sir**) во время «малайской чрезвычайной ситуации»

ну правительства, если это представляется менее страшным и опасным выбором, нежели поддержка повстанцев.

Успешная политика, ориентированная на население, должна включать непрерывное военное присутствие и дислокацию на длительный срок гарнизонных войск в населенных пунктах. Периодические карательные операции будут давать временные результаты или проваливаться, даже если проводятся с крайней жестокостью, так как местное население будет знать, что повстанцы вернутся, как только уйдут солдаты¹³. Политика завоевания любви и благодарности населения через строительство школ, организацию медицинского обеспечения и прочих общественных услуг должна дополнять, а не пытаться заменить военную силу в качестве основного инструмента проведения контрповстанческой кампании.

Большинство иррегулярных кампаний являются затяжными. В среднем с 1775 года иррегулярные кампании длились семь лет и стали более затяжными — около десяти лет — после 1945 года. Хотя длительность конфликтов становится источником недовольства по обе стороны, попытки сократить кампании приводят к противоположным результатам. США пытались сделать это на первых этапах войн во Вьетнаме и Ираке. На первом этапе Иракская кампания опиралась на конвенциональную мощь и должна была быстро подавить повстанческое движение и достичь того, что Джон Пол Ванн (**John Paul Vann**), известный военный советник во Вьетнаме, правомерно осуждал как «быстрые, поверхностные результаты». Стратегия начала пересматриваться только после того, как была потеряна надежда на быструю победу¹⁴.

Соблазнительной версией стратегии «быстрой победы» является уничтожение или нейтрализация руководства повстанческого движения, к которой регулярно прибегают США и Израиль, применяя воздушные удары. Такая стратегия порой дает неплохие результаты. Однако военная история говорит о множестве случаев, когда уничтожение лидеров приводило к усилению движения. Например, Хезболла после потери своего лидера в результате израильской воздушной атаки в 1992 году стала только сильнее. Целенаправленное уничтожение руководства является эффективным инструментом, если он интегрирован в более широкие усилия, призванные отделить повстанцев от населения. Если такие рейды проводятся в изоляции, то они оказываются эффективны настолько же, насколько эффективной является стрижка газона. Организации чаще всего самоорганизуются и восстанавливаются¹⁵.

6.2. Тренды и стратегии противодействия иррегулярным вызовам

Тренды иррегулярных вызовов

Можно говорить о следующих трендах, связанных с иррегулярными вызовами, которые будут актуальны в среде безопасности XXI века:

- широкое использование гибридных подходов к военным действиям, как государственными, так и негосударственными акторами;
- распространение технологий и продолжающаяся научно-техническая и информационная революции будут приводить к появлению сверхсильных и высокомотивированных малых групп и личностей (**Super-Empowered Groups and Individuals**);
- зависимость развивающихся стран от передовых технологий будет приводить к расширению списка целей, которые будут атаковаться акторами, использующими иррегулярную активность¹⁶.

В совокупности данные тренды приводят к тому, что иррегулярные акторы — вне зависимости от того, идет ли речь об использующих иррегулярную стратегию и тактику непризнанных государствах, повстанческих движениях, новых экстремистских организациях, террористических и криминальных сетях или даже отдельных сверхсильных и высокомотивированных личностях и малых группах, — будут аккумулировать все возрастающую разрушительную мощь, представляя собой угрозу глобальной системе безопасности.

Гибридные подходы. Сталкиваясь с подавляющим доминированием, иррегулярные противники адаптируются, применяя стратегию и тактику, использующие уязвимости и слабости развитых стран и нейтрализующие их преимущество в вооружении и военной технике¹⁷.

В 1999 году Народная армия Китая разработала концепцию «неограниченных военных действий», в рамках которой становилось возможным смешивать военные и прочие технологии, комбинировать финансовые и кибератаки с военными действиями и политическим давлением. Тем самым признавалось, что в новых условиях только военные методы и оружие уже недостаточны, чтобы доминировать на поле боя. Новый принцип войны, сформулированный китайскими теоретиками, звучал следующим образом: «применять не только вооруженные силы, чтобы принудить противника следовать нашей воле, но, скорее, использовать все средства, военные и невоенные, летальные и нелетальные, чтобы принудить противника принять наши интересы»¹⁸.

В складывающихся условиях термин «гибридный» все чаще используется для описания угроз среды безопасности, характерной чертой которой становится размывание границ между различными формами, способами и средствами ведения войны. По мнению Колина Грея «первое свойство (будущих военных действий. — Прим. Р.А.), которое мы можем предсказать с уверенностью, это то, что категории военных действий становятся размытыми и будут и далее размываться»¹⁹. Макс Бут замечает: «Границы между «регулярными» и «иррегулярными» военными действиями размываются. Даже негосударственные группы имеют возрастающий доступ к типам вооружения, которые ранее были исключительной прерогативой государства. А государства все больше обращаются к неконвенциональным стратегиям, чтобы ослабить... американскую мощь»²⁰.

Гибридные подходы характеризуются адаптивным смешиванием множества форм военных действий, а также военных и невоенных средств. Хотя термин «гибридный» формально не определен в доктрине, гибридные подходы кратко описываются в «Четырехлетнем прогнозе МО США» от 2010 года и «Объединенной операционной среде» (**Joint Operating Environment**) Командования объединенных сил США от 2010 года. Он оказывается полезным для понимания разворачивающихся трендов в характере конфликтов, а также стратегических и операционных рисков, создаваемых государственными и негосударственными акторами.

Иррегулярные акторы используют гибридные подходы, смешивая иррегулярные тактики, конвенциональную боевую подготовку и дисциплину, высокотехнологические системы оружия, терроризм и криминальную активность для достижения поставленных целей и задач. Они могут оперировать на многих аренах и применять стратегии, предполагающие оркестрирование нескольких элементов национальной мощи, гуманитарной помощи, социального давления, экономического развития, а также креативное использование глобальных массмедиа²¹.

Часто цитируемым примером успешного применения гибридного подхода является Хезболла, сделавшая в войне против Израиля 2006 года упор на «искусный баланс между конвенциональным и неконвенциональным в военной стратегии, тактике, оружии и организации»²². Хезболла хорошо изучила своего противника и эффективно адаптировалась, применив гибридный подход для противостояния Армии обороны Израиля. Комбинируя малозаметный партизанский стиль с методами боевой подготовки, свойственными конвенциональным вооруженным силам и государственным акторам, она оказалась способна достичь примечательного успеха²³. Хезболла — это пример негосударственного актора, использующего гибридный подход, который может быть применен и другими негосударственными акторами и государствами, обращающимися к адаптивному смешиванию конвенциональных, террористических, криминальных и других разрушающих методов и средств.

Применяющие гибридные подходы иррегулярные акторы демонстрируют способность эффективно справляться с задачами различной сложности на различных этапах и уровнях и аренах противоборства. Они применяют широкий спектр политической, экономической, социальной и информационной активности в соединении с военной на стратегическом, операционном и тактическом уровнях войны, а также прочих аренах противоборства. Такие акторы могут иметь сильные религиозные, политические, экономические и социальные связи с населением, как это имеет место быть с Хезболлой и ливанскими шиитами. Они также могут использовать современные военные возможности и передовые технологии, а также различные методы затяжной повстанческой активности, результатом чего становятся конфликты, обладающие чертами как конвенциональных, так и иррегулярных военных действий²⁴.

Сверхсильные и высокомотивированные малые группы и личности. Новые технологии позволяют сверхсильным и высокомотивированным малым

группам и личностям демонстрировать успешную иррегулярную активность на уровне государственных акторов, — тренд, который будет только усиливаться в будущем. Они опасны тем, что государства могут использовать таких акторов для «вытаскивания каштанов из огня чужими руками», предоставляя в их распоряжение конвенциональные военные возможности²⁵.

Информация по опасным технологиям, которую пытаются контролировать правительства, быстро распространяется. В 2009 году Счетная палата США сделала вывод, что «чувствительные военные технологии и технологии двойного применения могут быть легко и легально куплены у производителей, находящихся на территории США, и легально экспортированы без обнаружения террористами и в государства-изгои»²⁶.

Технологии двойного применения используются не только для усиления боевых, но и коммуникационных и разведывательных возможностей. Благодаря Интернету и широко доступным методам шифровки, обладающая небольшими финансовыми возможностями группа может создать закрытую «малую сеть» глобального масштаба, доступ к которой можно осуществлять из любой доступной точки входа в Интернет.

Таким образом, как и предсказывали китайские военные теоретики Цяо Лян и Ван Сянсуи более 10 лет назад, «проснувшись утром, некоторые люди обнаружат с удивлением, что ряд тонких и добрых вещей приобрели наступательные летальные свойства»²⁷. Экспоненциальный рост мощи компьютеров и коммуникационных возможностей, быстрое распространение информации, в том числе и через социальные сети, превращают сверхсильные и высокомотивированные малые группы и личностей в угрозу среде безопасности. Такие акторы в состоянии причинять значительный ущерб, исходя из идеологических, криминальных и прочих мотивов и целей.

Новые цели атак для иррегулярных акторов. Хотя технологические инновации усиливают операционные возможности государств, они также создают новые уязвимости. Например, система глобального позиционирования сокращает циклы целеполагания, но она также делает войска более уязвимыми к помехам или специальным мероприятиям противника, результатом которых может стать дезориентация, открытие дружественного огня или огня по гражданскому населению и пр. Кроме того, в будущих ИВД противник может использовать наступательную стратегию и тактику, нанося огневые или информационные удары, целью которых является общественное мнение атакуемого общества. Такие операции могут затруднить или сделать невозможным развертывание экспедиционных сил на ТВД или ограничить свободу действий на нем²⁸.

Например, Хезболла смогла взломать компьютерные системы Армии обороны Израиля перед вторжением в Ливан в 2006 году. Атака началась через небольшую южно-техасскую кабельную кампанию, кабельного провайдера пригорода Вирджинии и серверов веб-хостинга в Дели, Монреале, Бруклине и Нью-Джерси. В ноябре 2009 года неизвестная сторона смогла получить старые системы защиты брандмауэров (**firewalls**) и устройств ко-

дирования компьютерных сетей Центрального командования США и находилась внутри его сетей на протяжении нескольких дней²⁹.

Атакуя компьютерные системы развитых стран, будущие иррегулярные противники смогут наносить ущерб, не подвергаясь опасности оказаться под ответным огнем. Более того, иррегулярные акторы могут организовать стратегическую атаку, выводя из строя критическую инфраструктуру больших городов и разрушая жизненно важные службы государств. Учитывая потенциальную неопределимость источника таких атак, только самой угрозы ее проведения может быть достаточно, чтобы привести к изменениям стратегии и тактики потенциальной жертвы. И если государства, такие как Китай или Россия, можно сдерживать от попыток такого поведения, благодаря экономическим и прочим рычагам влияния, негосударственные акторы и отдельные личности требуют разработки и применения специфических стратегий и тактик³⁰.

Стратегии противодействия иррегулярным вызовам

Доктринальные документы США не определяют понятие «стратегии ИВД». ОКБД ИВД более основательно подходит к проблеме, однако она фокусируется на проведении вооруженными силами США объединенных операций, то есть военных стратегиях, но не гранд-стратегии, выделяя контрповстанческие и повстанческие стратегии³¹.

Контрповстанческие стратегии. Можно говорить о двух больших контрповстанческих стратегиях США³².

ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА НАСЕЛЕНИЕ СТРАТЕГИЯ. Изложенная в «Боевом уставе 3–24, Контрповстанчество, Армии и Морской пехоты США» и других источниках, стратегия обобщает опыт контрповстанческих операций. Опыт контрповстанческой активности последних десятилетий говорит, что внешней стороне сложно сделать местное правительство легитимным в глазах населения и заставить его провести необходимые политические изменения. Кроме того, развертывание большого воинского контингента, на чем настаивает данная стратегия, не всегда оказывается успешным решением.

НЕПРЯМАЯ СТРАТЕГИЯ. Непрямая стратегия фокусируется на использовании института советников, обучении, экипировке и поддержке местных вооруженных сил и сил безопасности. Хотя она не исключает тактическое руководство вооруженными силами и силами безопасности страны пребывания, непрямая стратегия стремится избегать прямого вовлечения военнослужащих США в боестолкновения и исторически обеспечивается силами специального назначения и разведывательными службами. Усилия США по оказанию помощи Филиппинам в 1950-е годы, Таиланду в 1960-е годы и Колумбии в 1990-е и 2000-е годы можно считать относительно успешными примерами применения непрямой стратегии.

Повстанческие стратегии. США могут вовлекаться в поддержку повстанческих движений, вероятнее всего, опираясь на одну из двух стратегий.

МАОИСТСКАЯ ПОВСТАНЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ. Традиционная стратегия, в рамках которой США, например, поддерживали моджахедов Афганистана в

1979–1990-е годы против СССР. Стратегия опирается на часть населения и стремится навязать непомерные расходы правительству³³. Хотя маоистская стратегия наносит удары по правительственным силам и сетям поддержки, ее основная цель — изнурение, но не нанесение решающего военного поражения в конвенциональных сражениях. Как заметил Мао, целью является истощить противника и подчинить: «Когда партизаны встречают сильного противника, они отходят. Когда противник наступает и продвигается вперед; изводи его, когда он стоит; нападай на него, когда он слаб; преследуй его, когда он отступает и отходит. В партизанской стратегии тылы, фланги и другие уязвимые точки противника являются его жизненными точками, и они должны беспокоиться, атаковаться, рассеиваться, изнуряться и уничтожаться»³⁴. Хотя стратегия Мао была предназначена для сельского населения, она может быть адаптирована к условиям городского повстанчества.

Маоистская стратегия состоит из трех пересекающихся фаз. Первая включает организацию политических и военных структур повстанцев среди населения. Как замечает Мао: «Главное свойство партизанских операций — это их зависимость от способности народа самостоятельно организовываться в батальоны и другие формирования»³⁵. Одна из главных целей во время первой фазы — убедить, через кооптацию или принуждение, как можно больше народа вовлечься в движение.

Когда повстанцы обеспечивают себе поддержку народа и добиваются первых военных успехов, они входят в вооруженную и самую длинную фазу, в рамках которой ведется партизанская война, захватывающая все большие территории³⁶. Порой лидеры повстанцев, достигая военного успеха, поддаются искушению ускорить темп истории, стремясь достичь политических целей через быструю военную победу. Однако довольно часто такое высокомерие и несдержанность приводят к военному и политическому поражению³⁷.

Новые победы, если они имеют место быть, могут привести к деморализации и дезертирству правительственных войск и началу третьей фазы, когда повстанцы переходят к мобильным конвенциональным атакам на большом масштабе с целью нанести поражение противнику и добиться коллапса правительства³⁸.

КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ ПОВСТАНЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ. Данная стратегия реализовалась США против Талибан с 2001 года³⁹. Она включает две первые фазы стратегии Мао и фокусируется на конвенциональных военных действиях против правительства. Стратегия включает военное противоборство для захвата и уничтожения вооруженных сил противника с целью достижения контроля над его активами — населением, территорией, городами или жизненно важными индустриальными и коммуникационными центрами. Конечной целью является военная победа, достигаемая через решающее сражение или серию сражений, в рамках которых уничтожаются физические возможности противника оказывать сопротивление. Военные действия продолжаются до тех пор, пока одна из сторон не согласится с поражением или не будет найдено политическое решение⁴⁰.

6.3. Концепции и исторические уроки асов иррегулярных военных действий

Как государственные, так и негосударственные акторы в войнах XXI века будут широко использовать иррегулярные методы ведения военных действий. Вывод, который, помимо всего прочего, требует внимательного изучения опыта асов прежних иррегулярных кампаний. Победа и успех в будущих конфликтах с большей вероятностью будет склоняться в пользу той стороны, которая покажет глубокое понимание и способность использовать такой опыт.

Концепции иррегулярных военных действий

Джон Аркилла говорит о пяти связанных парах концепций, которые будут формировать отклики на иррегулярные вызовы среды безопасности XXI века⁴¹.

Трансформация и интеграция. Концепции описывают альтернативные возможности строительства вооруженных сил, включающих иррегулярные компоненты. Концепция трансформации предполагает глубокое реформирование вооруженных сил, в результате которой они одинаково успешно проводят как регулярные, так и иррегулярные военные действия. Структура частей и подразделений при этом оказывается ближе к сетевым силам. Несмотря на притягательность идеи трансформации вооруженных сил, на практике она реализовывалась достаточно редко*.

Гораздо чаще применяется интеграция, когда происходит соединение в рамках единых вооруженных сил конвенциональных и иррегулярных частей и соединений. Элементы такого военного строительства сил Запада можно было наблюдать в Ираке и Афганистане, где тактические формирования ССН были интегрированы и проводили свои рейды в координации с действиями конвенциональных сил.

В качестве исторического примера успешной интеграции можно сослаться и на опыт Лоуренса Аравийского, иррегулярная активность которого поддерживалась британской военно-морской мощью, а проводимые рейды, при необходимости, координировались с продвижением регулярных сил. Результатом стали блестящие победы над Османской армией, до этого наносившей чувствительные поражения британцам в сражениях при Галлиполи, в Палестине и Месопотамии.

Более современные примеры интегрированных иррегулярных и конвенциональных вооруженных сил дает Вьетнам и генерал Во Нгуен Зиап. Смешивая регулярные и иррегулярные методы ведения военных действий, генерал в конечном счете сумел нанести поражение французским, а затем и американским вооруженным силам. Сегодня «Исламское государство»,

* Примеры таких вооруженных сил известны в истории. В частности, Джон Аркилла ссылается на опыт национально-освободительной борьбы США в XVIII веке. *Arquilla, Insurgents, Raiders, and Bandits*, p. 215.

Аль-Каида и аффилированные с ними группировки проводят как быстрые рейды, так и обладающие конвенциональными чертами затяжные операции против правительственных сил в Сирии, Ираке и Афганистане.

Тем не менее, исторический опыт говорит, что модель трансформации дает лучшие результаты по сравнению с интеграцией. Вооруженные силы, организованные как для проведения иррегулярных операций, так и регулярных, могут эффективно противостоять как конвенциональным, так и традиционным военным угрозам*. Тот факт, что трансформация встречается редко в военной истории, не означает, что данную модель строительства вооруженных сил следует исключить из рассмотрения, считает Джон Аркилла. Качественное повышение эффективности вооруженных сил, когда удавалось обеспечить трансформирование вооруженных сил не позволяет списывать со счетов данную модель⁴².

Нарративы и государственное строительство. История успешных ИВД за последние 150 лет говорит о важности объединяющего нарратива (или идеологии), подвигающего людей к действию. Все успешные лидеры понимали, что способность проводить успешные иррегулярные кампании во многом зависит от существования сильной идеологии, которая в данном случае играет гораздо более важную роль, чем при конвенциональной войне. Повстанцы никогда не будут хорошо сражаться, если они не уважают высшее командование и не верят всем сердцем в общее дело. Это приводит к разительным различиям в социальной динамике при сравнении конвенциональных и иррегулярных войн⁴³.

Очень часто такой общенациональный нарратив, реальный или вымышленный, связывается с освобождением Отчизны. Его наличие становится основой для настойчивости в борьбе, результатом которой в конечном счете становится победа. Зачастую нарратив касается необходимости восстановить национальное государство. В ряде случаев борьба с оккупационными силами становится важным элементом процесса государственного строительства. Лоуренс Аравийский использовал обаяние государственности в качестве яркого образа для рекрутирования бойцов и обеспечения поддержки арабских племен. Идея «нации» была движущей и в концепции генерала Во Нгуен Зиапа.

Мощь нарратива «государственности» и «нации» столь велика, что в ряде случаев уже лидеры контрповстанческих кампаний могут попытаться использовать его для нанесения поражения повстанцам. Примером такого рода может служить контрповстанческая кампания Запада в Ираке в 2007–2008 гг., когда жесткое сопротивление суннитских племен было частично нейтрализовано в обмен на гарантии, что участие в борьбе против сил Аль-Каиды приведет к выводу американских сил и даст возможность участвовать в государственном строительстве. Башар Асад сумел нейтрализовать угрозу курдского восстания и присоединения курдских племен к террори-

* См. Приложение 1.

стическим группировкам предоставлением курдской общине Сирии гарантий автономии и государственности

Таким образом, ИВД, в отличие от бандитизма, общего криминального поведения и пр., нуждаются в нарративе. Для повстанческого движения он становится источником духовного и/или политического вдохновения, и стороне, ведущей контрповстанческую борьбу, сложно противопоставить что-то адекватное большой идее. Здесь в данном случае имеет место асимметрия контекста, и все, что можно противопоставить лозунгам повстанцев, это предпринимать действия, которые приводят к трещинам в идеологической базе повстанческого движения⁴⁴.

Глубокие удары и атаки на инфраструктуру. Принято считать, что тактическая мобильность является критически важной для успеха, а местность оказывает сильное влияние на проведение иррегулярной кампании. Однако успешные ИВД и опыт асов говорят о необходимости учитывать нюансы. Например, мобильность должна мыслиться скорее в относительных, нежели абсолютных терминах, когда критически важным является способность двигаться и действовать быстрее противника. Проблема мобильности является не такой острой, если ИВД протекают на сложном ландшафте, таком как джунгли или высокие горы, холодный или жаркий климат⁴⁵.

С появлением железнодорожного транспорта и телеграфных коммуникаций в середине XIX века иррегулярные акторы получили новые возможности по нанесению урона полевым армиям. Во время Первой мировой войны Лоуренс Аравийский сполна использовал рейды для нанесения урона противнику, но не столь большого, чтобы заставить силы противника уйти с передовых постов, которые становились чересчур дорогими для удержания. После Лоуренса Аравийского глубокие рейды, совмещаемые с атаками на транспорт и коммуникационную инфраструктуру, использовались как форма ИВД, но чаще всего не оказывали стратегического воздействия.

Сети и рои. В организационном смысле сеть характеризуется доминированием горизонтальных связей между множеством узлов или подразделений. Сеть предполагает большую автономию частей в боевой обстановке, но с сохранением принципа централизованного иерархического командования и управления, концентрирующегося на большом масштабе, а не тактических деталях*. Рой — это способ ведения боя множеством малых подразделений, которые атакуют противника и другие цели одновременно с различных направлений. Попытки реализовать роевой подход на доктринальном уровне приводит к появлению большого количества проблем⁴⁶. Как координировать рой? Каким образом массировать военные усилия и избежать опасности быть разгромленным по частям? Каким образом оценивать эффективность предпринятых усилий?

Наиболее успешные практики ИВД соединяли доктрину роевых атак с высокоцентрализованной организационной структурой. Например, во вре-

* См. Приложение 1.

мья Второй мировой войны успех Тито в Югославии стал во многом следствием его способности разглядеть необходимость применения тактики роя в масштабах страны. Широко рассредоточенные силы югославских партизан имели приказ проводить атаки на территориях, оккупированных немецкими и итальянскими войсками и коллаборационистами. Тито продолжал следовать выбранной тактике, даже когда регулярные силы противника проводили большие наступательные операции против партизан.

Способность Тито действовать таким образом объяснялась, в том числе, и тем, что применяемая партизанами роевая тактика была выкована дома и вызывала ужас у противника. Это не была регулярная кампания, которую можно было завершить привычным образом, и Тито не победил бы, если не был бы готов доверять подчиненным командирам различной национальности, хотя некоторые из них были против него. Несмотря на все такого рода риски, Тито понимал, что мощь, которую можно будет аккумулировать благодаря делегированию власти на нижние уровни повстанческой сети, намного превышает потенциальные проблемы⁴⁷.

После Второй мировой войны генерал Гиап использовал схожую тактику общенационального роя, — вначале против французских вооруженных сил, затем американских. Как и Тито, Гиап уделял большое внимание делегированию власти на нижние уровни командной иерархии и сети, охватывающей весь Вьетнам. Французские и американские вооруженные силы на первом этапе оказались в состоянии выработать эффективный отклик на роевую тактику. Французский отклик сводился к комбинированию сил гарнизонного типа и малых подразделений рейнджеров, американский отдавал предпочтение малым «ротам комбинированного действия» (**combined action platoons**), состоявшим из нескольких десятков солдат и действовавшим самостоятельно. Как только французские силы обратились к большим наступательным конвенциональным операциям, а американские к «войне больших подразделений», они начали проигрывать⁴⁸.

Кооптация и инфильтрация. Это одни из наиболее важных принципов ИВД, выработанных западной военной стратегией в XIX веке. Кооптация широко использовалась США в противоборстве против индейских племен. Хотя есть соблазн свести успехи американских сил к преимуществу в оружии, история говорит о другом. Благодаря контрабандным поставкам оружия индейцы порой были вооружены не хуже и даже лучше, чем военные США, не говоря уже о мобильности. Именно поэтому Джордж Крук (**George Crook**) пришел к идее кооптации, — необходимости убеждения некоторых из бывших врагов перейти на сторону США. В результате Крук, располагая небольшими силами, сумел за относительно короткий срок подчинить племена апачи, чего не смогли сделать до него другие, располагавшие несравненно большими силами и в течение многих лет военных действий⁴⁹.

Данная практика встречается и у других асов ИВД. Тито прибегал к кооптации, рекрутируя в свои ряды итальянских солдат-антифашистов, которые пополняли ряды уже существующих партизанских отрядов. Тито не

пытался использовать такие кадры в качестве разведчиков, диверсантов для заброски на территорию, контролируемую противником, и инфильтрации в ряды противника (**infiltrators**). Наиболее полно идеи кооптации и инфильтрации использовал Фрэнк Китсон в Кении против движения «Мау Мау» в 50-е годы XX века. Псевдобанды Китсона не только рекрутировали бывших бойцов Мау Мау (кооптация), но передвигались по зоне боевых действий и действовали как повстанцы, занимаясь разведывательной деятельностью в пользу британцев (инфильтрация). Иногда также проводились рейды и устраивались засады против отрядов Мау Мау⁵⁰.

Исторические уроки асов ирегулярных военных действий

Если и есть что-то объединяющее в истории успешных лидеров ИВД, то это устойчивость и гибкость перед лицом поражения. Если карьера военного, участвующего в конвенциональных сражениях, может представлять собой череду впечатляющих побед, командиры ирегулярных сил проходят через неоднократные и тяжелые поражения⁵¹. Цезарь, вероятно, только несколько раз физически выживал на поле боя за всю свою длинную карьеру, Наполеон был командующим свыше десяти лет, не опускаясь до борьбы на поле боя. Из командующих традиционными сражениями только карьера Фридриха Великого проходила очень близко с полем боя.

Однако лидер ирегулярных сил, за спиной которого непрерывная цепь побед, это большая редкость, и поведение Фридриха для них — это скорее норма. Вьетнамские ирегулярные формирования, возглавляемые Во Нгуен Зианом, были неоднократно разбиты сначала французскими, затем американскими вооруженными силами. Однако в конечном счете он нанес поражение французам, и за 20 с лишним лет борьбы привел к коллапсу режим, поддерживаемый уже американцами.

Довольно часто трудности и препятствия, которые приходится преодолевать ирегулярным лидерам, бывают связаны с социальными, организационными или техническими ограничениями. Франциско Мина (**Francisco Mina**), получивший известность в испанско-португальскую войну 1807–1813 гг., вначале встречал снобистское к себе отношение со стороны испанских дворян, которые старались возглавить испанское сопротивление на расстоянии. Однако в конечном счете они сделали его генералом, проводящим партизанские операции. Денис Давыдов с трудом получил разрешение сформировать хотя бы небольшой отряд для проведения рейдерских атак глубоко в тылу наполеоновских войск в Отечественной войне 1812 года. В конечном счете он достиг успеха и внес значительный вклад в окончательную победу.

Упрямство перед лицом поражений и других, казалось бы, неразрешимых проблем сочеталось у асов ИВД с жестокостью. Однако только таким образом можно было остановить рост неуправляемых полевых командиров и криминальных лордов. Пример руководства повстанческим движением Франциско Мины в этом смысле можно считать архетипичным, когда систематическое уничтожение восставших партизанских командиров позволя-

ло ему сохранять контроль и управление над повстанческим движением. Лоуренс Аравийский порой также демонстрировал безжалостность, когда принимал личное участие в казни представителей ряда арабских племен, чтобы предотвратить вспышку кровавых межплеменных разборок. Это позволило сократить количество дезертиров и предотвратить капитуляцию перед турецкими войсками.

Будущие асы иррегулярных военных действий. Кто из лидеров XXI века может претендовать в будущем на статус асов ИВД? Может ли Усама бин Ладен получить ранг аса? Атака 9/11, а также живучесть Талибана говорят в пользу такого вывода. Тем не менее, Усама бин Ладен, подчеркивая важность тщательно создаваемой сети, испытывал большие проблемы с расширением прав и возможностей своих сторонников для обеспечения быстрого операционного темпа. Хотя Аль-Каида и его сторонники проводят множество атак, она пока не смогла освоить и устойчиво применять концепцию роя. По мнению Джона Аркиллы — это ограничение, в гораздо большей степени, чем другие факторы, будет препятствовать тому, чтобы рассматривать Усаму бин Ладена как одного из асов ИВД⁵².

Сказанное справедливо и для военных США. За исключением разворачивания физической сети малых передовых постов в провинции Анбар в Ираке 2007–2008 гг., которые дополнялись социальной сетью связей с вождями и бойцами племен, американские войска накопили сравнительно небольшой опыт использования Сети. Среди высших военных лидеров можно упомянуть генералов Дэвида Пэтреуса и Стэнли МакКристалла, которые смогли добиться значительных успехов, применяя концепции сети и роя. Однако достигнутые успехи и принципы, на которых они были достигнуты, на последней стадии иракской кампании были отодвинуты в сторону. Подход, выбранный для Афганистана в последние годы, больше походит на «войну больших подразделений» во Вьетнаме, нежели применение концепций сети и роя с аналогичным успехом.

Таким образом, ни один из лидеров, рассмотренных выше, не смог устойчиво комбинировать сетевые организационные формы с роевой тактикой. Что касается применения других концепций, то результаты также неоднозначные. Усама Бин Ладен стремился осуществить полную трансформацию своих сил, в то время как Запад сконцентрировался, менее успешно, на попытке интеграции конвенциональных и иррегулярных возможностей и сил. Перед США сегодня стоит серьезная проблема общенационального нарратива и стратегии государственного строительства. Нарратив Аль-Каиды по восстановлению халифата на сегодняшний день тоже не стал доминирующим для исламского мира. Ни одна из противоборствующих сторон не смогла нанести серьезный урон инфраструктуре другой. Аль-Каида имеет физическую «тихую гавань» в Вазиристане и близка к созданию еще одной на Ближнем Востоке. Она также создала виртуальную гавань в киберпространстве. Обе стороны имеют надежную базу для кооптации, но ни одна из них не использует в должной мере инфильтрацию.

И если лидеры главных акторов глобальной войны с террором, вероятнее всего, не тянут на ранг асов ИВД, можно говорить еще об одном кандидате, — Хасане Насралла и Хезболла. За последние десятилетия Хезболла и его лидер смогли выдвинуть Израиль из Ливана, в том числе, и через полную трансформацию вооруженных сил, осуществленную на основе концепций роя и сети. Это позволило отразить наступление Израиля в войне 2006 года. В терминах нарратива и государственного строительства Насралла также сумел показать, что является асом. Мощь его организации выросла до такой степени, что она стала играть ключевую роль в ливанском правительстве. Он также оказывается успешным в применении кооптации для расширения своей организации, но пока что не демонстрировал способность наносить глубокие удары, которые могли бы представлять серьезную угрозу инфраструктуре Израиля или других стран. Однако Насралла явно демонстрирует способность обучаться и в будущем может достичь статуса аса ИВД, которым не обладал Усама бин Ладен или какой-либо американский кандидат⁵³.

6.4. Будущее иррегулярных военных действий

Несмотря на повсеместность и вездесущность ИВД, важность данной формы военных действий игнорировалась военной наукой, что приводило и будет приводить к чувствительным поражениям акторов, использующих только конвенциональные методы борьбы. Военная история США полна примеров проваленных попыток адаптироваться к «малым войнам», несмотря на значительный опыт⁵⁴. По мнению ряда исследователей, есть вероятность, что провалы в Ираке и Афганистане приведут к тому, что некоторая часть военного сообщества США начнет принижать роль и значение ИВД. Джон Нагл в своем исследовании по контрповстанческим операциям ссылается на такое поведение после Вьетнамской войны: «Вместо того, чтобы прямо признать факт, что армейская контрповстанческая доктрина потерпела неудачу во Вьетнаме, армия решила, что США не должны далее вовлекаться в контрповстанческие операции»⁵⁵.

Чтобы избежать в будущем чувствительных провалов, военные и политики нуждаются в адекватной оценке силы и слабости ИВД. Опыт по проведению ИВД должен быть обобщен и использован для подготовки к иррегулярным вызовам будущего*. ИВД практически всегда являются разнообразными

* См., например, **Connable, Ben and Martin C. Libicki.** *How Insurgencies End.* Santa Monica, CA: RAND, 2010; **Paul, Christopher, Colin P. Clarke, and Beth Grill.** *Victory Has a Thousand Fathers: Sources of Success in Counterinsurgency.* Santa Monica, CA: RAND, 2010.

и сложными по форме. Нанесение военных поражений иррегулярному противнику желательно, но не существенно. Критически важным является политическая победа и делегитимизация противника. Иррегулярная война, как и любая другая, это политика, и только политическая размерность придает смысл и значение военным действиям. При проведении конвенциональных военных действий, как минимум для солдат на поле боя, политические резоны отступают на второй план, пока решаются военные проблемы. Однако при ИВД чисто военное решение отсутствует, и военные действия предполагают достижение политических эффектов, которое разворачиваются в обществе, в умах и сердцах населения, представляющего собой действительное поле борьбы и решений.

Должны ли все иррегулярные акторы рассматриваться как угрожающие безопасности и национальным интересам страны? Безусловно нет. И точно так же не все новые экстремистские организации представляют собой угрозу, а криминальная активность стара, как мир. После известного предупреждения президента США Джона Куинси Адамса (**John Quincy Adams**), сделанного почти 200 лет назад, что Америка «не должна идти за рубеж в поисках монстров, которые должны быть уничтожены»⁵⁶, квалификация самого факта существования иррегулярных акторов как угрозы для национальной безопасности может привести к стратегическому перенапряжению сил.

Таким образом, дебаты между ведущими военными теоретиками и практиками конвенциональных и иррегулярных военных действий, продолжающиеся, как минимум, с середины XVIII века, можно считать законченными на нынешнем этапе. Иррегулярные военные действия стали доминирующей формой войны в XXI веке и это тревожный вывод. При этом следует остерегаться проведения чересчур строгих различий между конвенциональными и иррегулярными военными действиями. Большинство войн в XXI веке включают в себя элементы обоих типов военных действий и будут протекать как гибридные. Также не стоит считать маловероятными широкомасштабные регулярные войны между великими державами. Чересчур большая сосредоточенность на ИВД может отвлечь внимание от не менее, а может быть, и более серьезных проблем безопасности на международной арене⁵⁷.

Сталкиваясь с иррегулярными вызовами, вслед за Колином Греем можно говорить о принципе формирования отклика, который можно назвать оптимистическим: «Делайте большие дела достаточно правильно, так как малые ошибки обычно могут быть подогнаны»⁵⁸. Предпринимая те или иные шаги, надо относиться к ним без сожаления, так как, возможно, ошибки окажутся незначительными и могут быть скорректированы.

¹ USJFCOM *Irregular Warfare Center*, *Irregular Adversaries and Hybrid Threats*, p. 23.

² Jones, *The Future of Irregular Warfare*, p. 2.

³ Boot, Max. "The Guerrilla Myth: Lessons of Insurgency We Seem Unable to Learn," *The Wall Street Journal*, 18 January. 2013. 1 November 2014. <<http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424127887323596204578243702404190338>>

⁴ *Ibid.*

- ⁵ Gray, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, pp. 43–44.
- ⁶ Boot, *The Guerrilla Myth*.
- ⁷ Metz, *Learning from Iraq*, p. 44.
- ⁸ Boot, *The Guerrilla Myth*.
- ⁹ *Ibid.*
- ¹⁰ Boot, *The Evolution of Irregular War*.
- ¹¹ Gray, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, p. 45.
- ¹² Boot, *The Guerrilla Myth*.
- ¹³ Boot, *The Evolution of Irregular War*.
- ¹⁴ *Ibid.*
- ¹⁵ Boot, *The Guerrilla Myth*.
- ¹⁶ USJFCOM Irregular Warfare Center, *Irregular Adversaries and Hybrid Threats*, pp. 23.
- ¹⁷ *Ibid.*, pp. 24.
- ¹⁸ Liang and Xiangsui, *Unrestricted Warfare*, p. 7.
- ¹⁹ Gray, Colin S. *Another Bloody Century: Future Warfare*. London, UK: Weidenfeld and Nicolson, 2006.
- ²⁰ Boot, Max. *War Made New: Technology, Warfare and the Course of History, 1500 to Today*. NY: Penguin Group (USA) Inc., 2006, p. 472.
- ²¹ USJFCOM Irregular Warfare Center, *Irregular Adversaries and Hybrid Threats*, p. 24.
- ²² Saad-Ghorayeb, Amal. “The Hizbollah Project: Last War, Next War,” *OpenDemocracy.net*, 13 August, 2009. 1 November 2014. <<https://www.opendemocracy.net/article/the-hizbollah-project-last-war-next-war>>
- ²³ *Ibid.*
- ²⁴ USJFCOM Irregular Warfare Center, *Irregular Adversaries and Hybrid Threats*, pp. 26.
- ²⁵ *Ibid.*, p. 27.
- ²⁶ Kutz, Gregory D. “Military and Dual-Use Technology: Covert Testing Shows Continuing Vulnerability of Domestic Sales for Illegal Export,” testimony before the *Subcommittee on Oversight and Investigations, Committee on Energy and Commerce*, House of Representatives, June 4, 2009, p. 5. 1 November 2014. <<http://www.gao.gov/assets/130/122657.html>>
- ²⁷ Liang and Xiangsui, *Unrestricted Warfare*, p. 7.
- ²⁸ USJFCOM Irregular Warfare Center, *Irregular Adversaries and Hybrid Threats*, p. 28.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ U.S. Department of Defense. *IW JOC, Version 2.0*
- ³² Jones, *The Future of Irregular Warfare*, pp. 6–7.
- ³³ Tse-Tung Mao, *On Guerrilla Warfare*, pp. 32–33.
- ³⁴ *Ibid.*, p. 46.
- ³⁵ *Ibid.*, p. 51.
- ³⁶ Jones, *The Future of Irregular Warfare*, pp. 7–8.
- ³⁷ Gray, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters*, pp. 44–45
- ³⁸ O’Neill, Bard E. *Insurgency and Terrorism: From Revolution to Apocalypse*, Second Edition, Washington, DC: Potomac Books, 2005, p. 50.
- ³⁹ Lacquer, Walter. *Guerrilla Warfare: A Historical and Critical Study*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1998.; Arreguin-Toft, Ivan. *How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict*. NY: Cambridge University Press, 2005, pp. 30–31.
- ⁴⁰ Arreguin-Toft, *How the Weak Win Wars*, pp. 30–31.
- ⁴¹ Arquilla, *Insurgents, Raiders, and Bandits*, pp. 214–220.
- ⁴² *Ibid.*, p. 216.
- ⁴³ *Ibid.*
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 217.
- ⁴⁵ *Ibid.*
- ⁴⁶ Arquilla, John and David Ronfeldt. *Swarming and the Future of Conflict*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, DB-311-OSD, 2000. 1 November 2014. <http://www.rand.org/pubs/documented_briefings/DB311/>;
- Edwards, Sean J. A. *Swarming and the Future of Warfare*. Santa Monica, CA: RAND Corpora-

- tion, 2005. 1 November 2014. <http://www.rand.org/pubs/rgs_dissertations/RGSD189/index.html>;
- Arquilla, John.** “The New Rules of War: The U.S. Military Needs to Adopt a Network-Centric Vision of Warfare,” *Foreign Policy*, March/April 2010. 1 November 2014. <http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/02/22/the_new_rules_of_war>
- ⁴⁷ **Arquilla, Insurgents, Raiders, and Bandits**, pp. 218–219.
- ⁴⁸ *Ibid.*, p. 219.
- ⁴⁹ *Ibid.*, p. 220.
- ⁵⁰ *Ibid.*
- ⁵¹ *Ibid.*, pp. 213–214.
- ⁵² *Ibid.*, p. 221.
- ⁵³ *Ibid.*, p. 222.
- ⁵⁴ **Boot, *The Evolution of Irregular War*.**
- ⁵⁵ **Nagl, *Learning to Eat Soup with a Knife***, p. 207.
- ⁵⁶ **Adams, John Quincy.** “Speech to the U.S. House of Representatives on Foreign Policy, July 4, 1821” *Miller Center of Public Affairs*. University of Virginia. 1 November 2014 <<http://millercenter.org/president/speeches/speech-3484>>
- ⁵⁷ **Gray, *Irregular Warfare One Nature, Many Characters***, pp. 54–55.
- ⁵⁸ *Ibid.*, p. 39.

Приложение

П1. Применение мультимасштабного анализа сложных систем при рассмотрении сетевых сил и противоборств*

П1.1. Введение

Война может интерпретироваться как столкновение сложных адаптивных систем, для описания которой используется парадигма нелинейности. Становление сложного мышления и науки сложности позволяет дополнить традиционный аналитический базис военной науки нелинейными методологиями. В условиях сложных конфликтов и гибридной войны классический анализ боевых возможностей вооруженных сил, основывающийся на оценке масштаба, огневых возможностей соединений большого масштаба, оказывается недостаточным и должен быть дополнен оценкой сложности как самих вооруженных сил, так и операционной среды в целом. Анализ усложняется тем, что масштаб и сложность не являются независимыми параметрами. При использовании одних и тех же организационных принципов увеличение сложности сил и средств на одном масштабе может быть достигнуто за счет его уменьшения на других.

Рассматриваемый в данной статье мультимасштабный анализ сложных систем (МАСС), опирающийся на профайл сложности, позволяет понять, каким образом взаимосвязаны масштаб и сложность. МАСС, обеспечивая формальный подход к противоборству, дает возможность оценить возможности и ограничения боевого состава и организационной структуры вооруженных сил и обеспечивает базис для понимания сетцентричных и сетевых организационных форм. Критически важным оказывается проблема распределенной координации, командования и управления вооруженными силами, без отхода от принципа иерархичности.

В статье проводится различие между двумя типами сетевого поведения и активности, иллюстрирующее различные подходы к сетевым операциям. Первый опирается на агентов сетевого действия, аналогами которых в природе могут служить иммунная и роевые системы. Второй предполагает использование сетевых организационных форм в системе командования и управления и призван дополнить организационные принципы общевойско-

* Материал приложения основан на: *Гриняев С.Н., Шевченко А., Арзуманян Р.В.* Применение мультимасштабного анализа сложных систем при сетевых взаимодействиях // Государственная служба. 2012. № 5 (73). С. 62-66.

вых формирований. Примером в данном случае может служить нейромышечная система высших млекопитающих.

Профайл сложности и МАСС позволяют оценить сложность сил и средств на каждом из масштабов боевых действий и для различных типов местности. Силы и средства, профайл сложности которых соответствует профайлу местности и конфликта, обладают большими шансами быть эффективными в противоборстве. Необходимость быть эффективным по всем диапазонам масштабов, на которых разворачивается противоборство, требует достижения компромисса по сложности на различных масштабах.

Подход, рассматривающий победу в сражении в терминах обеспечения большего масштаба привлекаемых сил и средств, следует признать менее эффективным, нежели тот, что учитывает также параметр сложности воинских формирований и операционной среды на каждом из масштабов противоборства. В боевых действиях равных по прочим параметрам сил и средств шансы на победу выше у стороны, обладающей большей сложностью. Параметр массивования сил и средств на требуемом масштабе, используемый для прогнозирования результатов противоборства в простом конфликте, оказывается недостаточным при оценке сложных конфликтов на сложной местности. Понимание данного факта приводит к необходимости разработки методологий, позволяющих учитывать параметр сложности сил и средств на различных масштабах.

П1.2. Сложность и масштаб. Основные понятия

Сложность задачи может быть выражена числом неправильных способов ее решения на каждый правильный. Чем больше вероятность неправильного выбора, тем выше сложность задачи. Способность системы справиться со стоящими перед ней задачами и осуществить правильный выбор диктуется, в том числе, законом необходимого многообразия, который соотносит сложность задачи со сложностью системы. «Закон необходимого разнообразия» Уильяма Эшби гласит: «Чтобы управление системой было возможно, разнообразие управляющих действий должно быть не меньше разнообразия возмущений на входе в систему»*. Порой в качестве вариации закона Эшби упоминается теорема Конана — Эшби (**Conant — Ashby Theorem**): «Каждый хороший регулятор системы должен содержать представление этой системы»†. Существует и альтернативная формулировка, данная Стэффордом Биром (**Stafford Beer**): «Адекватное управление может быть обеспечено только в том случае, если разнообразие системы управления, по крайней мере, не меньше, чем разнообразие управляемой им ситуации. Чем больше раз-

* **Ashby, William Ross.** *An Introduction to Cybernetics.* London: Chapman and Hall. 1957, pp. 83–99. 1 November 2014. <<http://pespmc1.vub.ac.be/books/introcub.pdf>>

† **Skyttner, Lars.** *General systems theory: Ideas and applications.* Singapore, London, Hong Kong, River Edge, NJ: World Scientific Publishing Co., 2001, p. 96.

нообразии возможных действий системы управления, тем больше разнообразие отклонений, которое она будет в состоянии компенсировать». Другими словами, только разнообразие может компенсировать разнообразие, или только на основе сложности можно адекватно реагировать на сложные вызовы. Закон позволяет объяснить, почему решение сложной задачи возможно только системами, обладающими необходимой сложностью.

Сложность системы может также быть выражена через количество информации, необходимое для ее описания. В этом случае сложность системы будет зависеть также от масштаба, на котором она рассматривается. Описание системы на нижних уровнях иерархии (микроуровне) требует гораздо больше информации (система обладает большей сложностью), нежели на верхних (макроуровне).

Сказанное справедливо и для вооруженных сил и военной организации государства в целом. Не обладая достаточной сложностью, военная организация государства, система НБ в целом окажутся не в состоянии сформировать адекватный отклик на сложные угрозы, осуществлять противоборство в сложных конфликтах. Примером сложной военно-политической задачи могут служить боевые действия против хорошо замаскированного иррегулярного противника, разворачивающиеся на сложной местности. Или необходимость одновременного нанесения удара высокоточными системами оружия по множеству хорошо замаскированных и защищенных целей различной природы, распределенных по большей площади.

Другим важным параметром является масштаб сил и средств, который должен соответствовать масштабу решаемых боевых задач. Масштаб воинского формирования соотносится с количеством подразделений, частей и соединений, управление которыми осуществляется из центра боевого управления. Оценивая сложность воинского формирования на некотором уровне организационно-штатной структуры (уровне иерархии) или масштабе, в расчет принимаются нижестоящие соединения, части и подразделения, но не вышестоящие. Например, при оценке масштаба полка в расчет будут приниматься воинские формирования тактических подразделений (батальоны (дивизионы), роты (батареи), взводы, отделения (расчеты) и пр.), но не тактических соединений (дивизии, бригады родов войск и пр.) или оперативно-тактических объединений (армейские корпуса и пр.).

Аналогичным образом можно говорить и о масштабе задач, который определяется, в том числе, масштабом сил и средств, привлекаемых для ее решения. Порой боевая задача может быть сведена к решению ряда подзадач определенного масштаба. В этом случае общий масштаб задачи не превышает масштаба сил и средств, необходимых для решения наиболее сложной подзадачи. Простейшим примером такого разбиения может служить разне-

* Beer, Stafford Anthony. *Cybernetics and Management*. London: English University Press, 1959; Beer, Stafford Anthony. *Brain of the Firm: The Managerial Cybernetics of Organization*. Chichester, New-York: J. Wiley, 1981.

сенное по времени распределение огневых средств по множеству однородных целей. Очевидно, что данная задача качественно отличается от одновременного распределения огня по множеству неоднородных целей.

Масштаб и сложность сил и средств противоборствующих сторон взаимосвязаны и зависят также от характеристик пространства боя, в частности, местности. Дополнительные ограничения привносятся внешними по отношению к противоборству факторами, такими как решения политического руководства, складывающийся международный контекст и пр.

П1.3. Профайл сложности и мультимасштабный анализ сложных систем

Мультимасштабный анализ сложных систем опирается на понятие «профайл сложности». Профайл сложности, представляя собой функцию сложности от масштаба, позволяет понять, как изменяется сложность системы с изменением масштаба рассмотрения. Профайл сложности отвечает на вопрос: «при имеющихся ограничениях по масштабу, какова сложность (количество возможных действий) системы, превышающая данный масштаб, и каким образом она (сложность) зависит от данных ограничений по масштабу»*. Сложность, как говорилось выше, также может быть выражена через количество информации, необходимое для описания системы.

Применительно к вооруженным силам профайл позволяет получить не только качественные, но и количественные оценки сложности воинских формирований на каждом из уровней организационной структуры (масштаба). Для более наглядного понимания профайла сложности и методов его использования для анализа сил и средств с различной организационно-штатной структурой рассмотрим три схематических примера (Рис. 1).

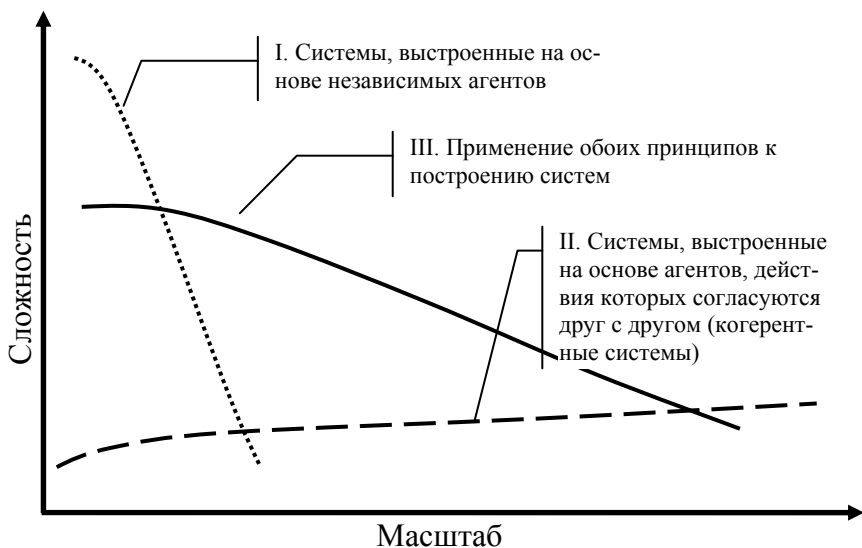
Первый пример (I) соответствует воинским формированиям, состоящим из отдельных (независимых) тактических подразделений малого масштаба. Независимость увеличивает сложность на малом масштабе (микроуровне), так как каждое из подразделений в состоянии действовать самостоятельно. В этих условиях попытки дать описание действий каждого из подразделений потребуют большого количества информации. Однако с увеличением масштаба (на макроуровне) количество информации, необходимое для описания таких сил и средств, резко уменьшается.

Примером могут служить малые тактические подразделения войск специального назначения, способные после получения боевой задачи действовать автономно и не нуждающиеся в координации своих действий на высших уровнях командования. Попытки вышестоящего командования осуществлять

* **Bar-Yam, Yanner.** *Complexity of Military Conflict: Multiscale Complex Systems Analysis of Littoral Warfare, Multiscale Representation Phase II, Task 2: Multiscale Analysis of Littoral Warfare.* Report to Chief of Naval Operations Strategic Studies Group, April 21, 2003, p. 4. 1 November 2014. <http://www.necsi.edu/projects/yaneer/SSG_NECSI_3_Litt.pdf>

непосредственное командование и управление действиями каждого из подразделений является сложной и даже невыполнимой задачей. Однако на большом масштабе и макроуровне командование и управление такими группами — это относительно простые задачи.

РИСУНОК 7. Профайл сложности систем, выстроенных на различных организационных принципах

Вторым примером (II) могут служить традиционные общевойсковые воинские формирования, сложность которых на всех масштабах приблизительно одинакова. Командиры каждого из уровней организационной структуры командуют примерно одинаковым количеством частей и подразделений (командир бригады ставит боевую задачу командирам батальонов, не вдаваясь в детали, каким образом батальоны будут ее выполнять, командир батальона ставит задачу командирам рот и т.д.)

Третий пример (III) представляет собой случай воинского формирования со смешанной организационной структурой, использующего различные типы систем командования и управления. Как следствие, с увеличением масштаба сложность вооруженных сил уменьшается не так быстро, как это имеет место в первом случае.

Оценивая сложность сил и средств на определенном масштабе, принимают во внимание действия воинского формирования на данном уровне иерархии и выше, но не ниже. Например, при оценке боевых возможностей тактической части (полка, отдельного батальона (дивизиона) родов войск и пр.) по участию в боевых действиях полкового и бригадного уровня в рас-

чет не принимаются ее боевые возможности на уровне тактических подразделений, но учитываются возможности на уровне тактических соединений и оперативно-тактических объединений.

В общевойсковых воинских формированиях сложность на малом масштабе растет вместе с ростом количества малых тактических подразделений (огневых групп, взводов, рот), на большом — с ростом числа больших тактических подразделений (батальонов), тактических частей и выше. Это означает, что профайл сложности зависит от количества воинских формирований на каждом из уровней организационно-штатной структуры вооруженных сил. Однако он также зависит от того, насколько независимы отдельные элементы внутри организационно-штатной структуры (бойцы в отделении, отделения в взводе, взводы в роте и т.д.). Увеличение количества независимых боевых единиц на некотором уровне организационной структуры воинского формирования приводит к увеличению сложности на данном масштабе и ее уменьшению на более высоком. Например, создание отдельных батальонов увеличивает сложность сил и средств на уровне тактических подразделений (батальонном уровне), но уменьшает ее в звене тактических частей и соединений (бригадном уровне и выше). Важно подчеркнуть, что при формировании профайла сложности воинского формирования на определенном масштабе (уровне организационной структуры) в расчет принимаются *все* подразделения и части данного уровня. Например, при формировании профайла сложности на масштабе «взвод» учитывается общее количество взводов в воинском формировании, а не только в отдельной роте.

Профайл сложности и МАСС в целом могут быть использованы и применительно к местности, операционной среде в целом, позволяя получить оценки боевых возможностей сил и средств на различных уровнях противоборства. Каждая боевая задача для своего решения требует соответствующих усилий и достаточной сложности на каждом из масштабов, на которых разворачивается противоборство. Большая сложность на требуемом масштабе сама по себе не гарантирует эффективности сил и средств, однако недостаточная сложность, даже при высокой боеспособности, не позволит решить поставленные задачи.

Форма для функции. В ряде исследований показано, что для систем, состоящих из одного и того же количества элементов, но с различной организационной структурой и принципами управления, площадь под кривыми профайла сложности одинакова*. Это означает, что профайл может быть использован для сравнения сил и средств с различными организационно-штатными структурами, типами систем командования и управления и пр. Комбинирование требования достаточной сложности на требуемых масштабах с утверждением, что площадь под профайлом сложности не зависит от формы кривой, приводит к важному выводу. Организационная структура и система командования и управления представляют собой компромисс

* **Bar-Yam, Yanner.** *Dynamics of Complex Systems.* Reading, MA: Addison-Wesley, 1997. 1 November 2014. <<http://necsi.org/publications/dcs/Bar-YamReadings.pdf>>

боевых возможностей сил и средств на различных масштабах, выражением которого может служить профайл сложности.

Компромисс эффективности и способности действовать на различных масштабах можно продемонстрировать на примере крупного хищника и человека. Скорость и сила человека, передвигающегося на двух ногах, гораздо меньше показателей животного тех же размеров. Однако появление рук позволило человеку оперировать малыми объектами и выполнять тонкие работы на малом масштабе. Руки стали компромиссом, который позволил человеку быть эффективным, в определенных границах, как в задачах большого, так и малого масштабов.

Приведенный пример иллюстрирует фундаментальный принцип сложных систем, который можно сформулировать как «форма для функции» или «структура обслуживает функцию». Применительно к строительству вооруженных сил его можно сформулировать следующим образом: масштаб и сложность боевых задач (функции) определяют масштаб и сложность воинских формирований (боевой состав и организационную структуру сил и средств, в том числе и систему командования и управления).

Формируя боевой состав и организационную структуру воинского формирования, важно задаваться вопросом, на каком масштабе, для какой местности и при выполнении каких задач она должна показать наибольшую эффективность. Когда ставится вопрос эффективности различных организационных форм командования и управления, например, иерархического или распределенного сетевого, необходимо понимать, что сами по себе структуры не являются хорошими или плохими. Чтобы сравнение приобрело смысл, следует задать вопрос, каковы масштаб и сложность операционной среды, конфликтов и боевых задач, которые должны решать воинские формирования.

Так как увеличение сложности на малых масштабах приводит к ее уменьшению на больших, организационно-штатная структура вооруженных сил должна отражать особенности будущих конфликтов. Необходимо четко понимать, на каком масштабе и на какой местности планируется применять создаваемые воинские формирования, в каких условиях будут протекать боевые действия. Силы и средства, созданные и обученные для участия в широкомасштабных боевых действиях, не будут эффективны в конфликтах малой интенсивности, протекающих на сложной местности. Справедливо и обратное. Силы и средства, созданные для участия в сложных конфликтах на сложной местности, и характеризующиеся большой степенью автономности отдельных частей и подразделений, не подходят для конфликтов большого масштаба.

Мультимасштабный анализ местности. Мультимасштабный анализ позволяет оценить поведение сложных систем, связывая структуру и методы управления системой с ее функциональными возможностями. МАСС может быть применен как для анализа сил и средств, — своих и противника, — так и боевых задач и местности. Речь, таким образом, идет о метрике, позволяющей оценивать сложность и эффективность всех элементов пространства боя. Подтверждением адекватности мультимасштабного анализа

является получаемый в его рамках вывод, эмпирическое подтверждение которого хорошо известно военной истории и науке: масштаб сил и средств должен соответствовать масштабу боевой задачи. МАСС позволяет сформулировать еще одно требование, которое не так очевидно: сложность системы должна быть не меньше сложности задачи на каждом из масштабов.

Военная организация государства, его вооруженные силы являются результатом эволюции и, аккумулируя в себе военный опыт, обладают определенным уровнем сложности. Кроме того, боевой состав и организационная структура сил должны учитывать требования местности, в которой предполагается проведение будущих кампаний, а также состояние противника. Профайл сложности позволяет выделить различные типы местностей и вооруженных сил, систематизировав их по масштабу, зависящему от него сложности.

Рассмотрим в качестве примера два типа местностей. Океан и море по своей однородности могут быть отнесены к самому простому и крупному масштабу местности на Земле. Однородность океана, отсутствие разнообразной и тонкой шкалы сложности и масштаба позволяет создавать военные группировки большого масштаба. Авианосная ударная группа на сегодняшний день является самой крупной по масштабу военной организационной структурой. Серьезной проблемой военно-морского противоборства на большом масштабе оказываются угрозы, исходящие от малоразмерных судов и подводных лодок, а также таких систем оружия, как БПЛА, крылатые ракеты, мины и пр. Большие корабли оказываются уязвимы при столкновении с высокой сложностью на малом масштабе, например, атакой малыми и маневренными судами*. Действуя на малом масштабе, такие средства позволяют нанести удар большим количеством и из разных точек. Для нейтрализации угроз на малом масштабе в состав авианосных ударных групп включаются соответствующие корабли, в том числе и малые суда.

Простота и большой масштаб открытого моря и океана резко контрастируют со сложностью и присутствием различных масштабов прибрежной зоны. Естественная сложность прибрежной линии, как местности, сложная береговая инфраструктура, созданная человеком (береговая система обороны, порты, прибрежные города и пр.), формируют дополнительные требования к военно-морским силам. Проблема противоборства больших и малых судов (столкновение различных масштабов) сохраняется и даже усиливается, так как в прибрежной зоне размер судов уменьшается. Следствием сложности местности становится уменьшение мобильности боль-

* Например, во время проведения Ираном широкомасштабной военной игры «Великий пророк V» (**Great Prophet V**) в апреле 2010 года, в которой принимали участие ВМС, сухопутные силы, ВВС и подразделения специального назначения, ВМС КСИР продемонстрировали трудно обнаруживаемые радаром «ультрабыстрые» катера. На фоне мерцающих вод Персидского залива на воду было спущено 300 катеров для роевой атаки, которая поддерживала высадку десанта на один из атакуемых кораблей. **Peterson, Scott**. "Iran war games begin with new 'ultra fast' speed boats," *The Christian Science Monitor*, April 22, 2010. 1 November 2014. <<http://www.csmonitor.com/World/Middle-East/2010/0422/Iran-war-games-begin-with-new-ultra-fast-speed-boats>>

ших судов. С другой стороны, маленькие суда и подводные бойцы могут легко маневрировать, оставаясь незамеченными.

Разнообразный масштаб и сложность, специфичные условия прибрежной зоны хорошо известны морской пехоте, боевой состав и организационная структура которой делают возможным выполнение боевых задач на основе распределенного управления небольшими группами. Бойцы морской пехоты известны высокой индивидуальной подготовкой, оснащены разнообразным вооружением и военной техникой, экипировкой, что позволяет формировать специализированные воинские формирования различного масштаба, способные эффективно функционировать в сложной среде.

Важно понимать, что сложная местность создает всего лишь контекст, который может быть использован всеми сторонами противоборства, если они готовы использовать его преимущества и недостатки. Военная история полна примеров, когда небольшое, но хорошо вооруженное, экипированное и подготовленное формирование на сложной местности оказывалось в состоянии вести противоборство с превосходящим его по численности противником.

П1.4. Иерархические и распределенные принципы управления сложными системами

Одним из результатов применения профайла сложности становится вывод об ограниченности иерархической системы командования и управления*. В жестких иерархических системах принятие решений во многом зависит от лица, находящегося на вышестоящем уровне иерархии. Например, командир воинского формирования принимает решения по боевому применению подчиненных ему частей и подразделений. Как следствие, эффективность как системы командования и управления в целом, так и конкретных решений оказывается ограничена возможностями командира, в том числе его способностью справляться со сложной обстановкой и задачами. Человек, как вид, ограничен в возможностях количественной обработки информации, числа каналов, по которым он в состоянии одновременно поддерживать коммуникации, и пр.

Иерархические системы, позволяющие реализовать координированное поведение на большом масштабе, имеют ограничения по эффективности, накладываемые сложностью. Например, иерархические системы командования и управления эффективны для решения задачи увеличения масштаба сил и средств, но не сложности. Вследствие фундаментальных ограничений (закон необходимого многообразия) иерархические организации оказываются неэффективны при формировании отклика на вызовы, сложность которых превышает сложность организации. Сложные конфликты, протекающие на сложной местности, требуют дополнения традиционных иерархических систем командования и управ-

* **Bar-Yam**, *Dynamics of Complex Systems*; **Bar-Yam, Yanner**. "Unifying Principles in Complex Systems," in **Roco, M. C. and W. S. Bainbridge**, (Eds) *Converging Technology (NBIC), for Improving Human Performance*. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers (currently Springer), 2003. 1 November 2014. <http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf>

ления альтернативными. Примером неиерархического подхода к построению систем могут служить сетевые структуры (например, мозг человека), сложность которых несравненно больше, нежели сложность отдельного элемента (нейрона). Хотя сетевая структура сама по себе не гарантирует, что она будет иметь сложность большую, нежели сложность отдельных элементов.

Эволюцию методов управления можно наблюдать на примере современного общества и процессов глобализации, вынуждающих отойти от иерархических управляющих структур и широко использовать сетевые. Таким образом, появление сложного мышления и Сети, сетевых и сетецентричных концепций войны, концепций гибридной и сложных войн, проводимых в операционной среде иррегулярных войн, является объективным откликом на качественное усложнение в XXI веке среды безопасности и общества в целом*.

Хотя методы распределенного управления могут помочь справиться с некоторыми из проблем традиционного иерархического управления, они сами по себе не ведут к созданию эффективных систем. Возможно, выходом могли бы послужить эволюционные методы, механизмы функционирования и развития сложных адаптивных систем, такие как самоорганизация, позволяющие системе адаптироваться и формировать отклик на вызовы среды, решать поставленные задачи†. Военная организация государства может служить ярким примером эволюционного подхода к формированию отклика на сложные вызовы.

Однако эволюционные механизмы являются «медленными» по своей природе. Порой время, являясь критическим ресурсом, существенно ограничивает возможности эволюционного подхода к совершенствованию вооруженных сил и военной организации государства, вынуждая обратиться к революционным, которые также могут быть описаны в рамках теории сложных адаптивных систем. При этом важно понимать, что дополнением и альтернативой иерархии является не анархия и хаос, как порой видится ситуация традиционными военными кругами, но другой порядок, опирающийся на парадигму нелинейности и теорию сложных адаптивных систем‡.

Для лучшего понимания различных типов распределенного управления сложными системами и того, каким образом они могут быть применены в вооруженных силах, рассмотрим два типа биологических систем — иммунную§ и нейромышечную**. Иммунная система состоит из достаточно автономных агентов, способных действовать самостоятельно. Определенная степень координации активности и функциональная специализация достигается через прямую коммуникацию агентов между собой и взаимодействие со средой. Нейромышечная система состоит из подсистем двух типов, — нерв-

* Арзуманян, *Кромка хаоса*.

† *Ibid.*

‡ *Ibid.*

§ Cohen I. R. and L. A. Segel (Eds.). *Design Principles of the immune system and other distributed autonomous systems*. New York: Oxford University Press, 2001.

** Bar-Yam, *Dynamics of Complex Systems*, chs. 2, 3; Anderson, J. A. and E. Rosenfeld (Eds.) *Neurocomputing*. Cambridge, MA: MIT Press 1988; Bishop, Christopher M. *Neural Networks for Pattern Recognition*. New-York: Oxford University Press 1995.

ной, позволяющей управлять активностью на основе распределенной сети управления, и мышечной, которая в состоянии демонстрировать синхронизированное (когерентное) поведение костно-мышечного аппарата.

Профайл сложности позволяет увидеть, что иммунная система, будучи сложной и распределенной, действует на малом масштабе (микроуровне). Сложность становится следствием независимости агентов, которые не агрегируются в мета-агенты для действий на большем масштабе. Иммунная система функционирует непрерывно, и ее активность не зависит от фактора времени и не координируется из какого-либо управляющего центра. Нейромышечная система действует на большом масштабе (макроуровне), и демонстрируемое ею сложное координированное поведение достигается за счет распределенного сетевого управления мышечной подсистемой. Способность демонстрировать сложное поведение на макроуровне приводит к зависимости от фактора времени и ограничению количества одновременно выполняемых действий.

Различаются и среды. Иммунная система функционирует в хорошо защищенной и относительно стабильной внутренней среде организма. При этом как угрозы (стимулы), так и отклик (ответная реакция) разворачиваются на микроуровне. Нейромышечная система реагирует на стимулы внешней среды, причем масштаб, на котором формируется отклик, может превышать размеры организма. Таким образом, обе системы демонстрируют сложное поведение, будучи выстроены на различных организационных принципах, диктуемых масштабом, выполняемыми задачами и средой функционирования.

Рассмотренные выше системы могут служить примером того, как организационная структура и принципы управления системой становятся результатом компромисса эффективности и сложности на различных масштабах. Система, спроектированная для демонстрации сложного поведения на большом масштабе в непредсказуемой внешней среде, радикально отличается от системы, демонстрирующей сложное поведение на малом масштабе и в стабильной среде.

Применим рассмотренный выше пример биологических систем к силам и средствам, участвующим в сложных конфликтах на сложной местности.

П1.5. Военное противоборство и Сеть

Широко используемое в социальной и военной сферах понятие Сети требует внимательно к себе отношения и четкого понимания функций, которые она должна обеспечить. В рамках данной статьи представляется важным различить два типа сетевой активности. Первый относится к системам, выстроенным как сеть агентов, каждый из которых способен демонстрировать автономное, в той или иной степени, поведение. Второй — относится к системам, которые используют Сеть при подготовке, принятии и реализации решений, формирующих общесистемное поведение. Первый тип систем можно назвать системами распределенного действия автономных агентов, второй — системами с распределенным управлением общесистемными действиями.

Системы первого типа эффективны, если необходимо обеспечить параллельное выполнение большого числа локальных задач на малом масштабе, второго — для решения ограниченного множества задач на большом масштабе. Эффективная военная организация в XXI веке должна использовать оба типа систем, что требует четкого понимания различий между ними. Боевой состав и организационная структура сил, использующих тот или иной тип сетевой активности, будут различаться, требуя применения различных метрик для оценки эффективности и пр. Приведенные выше примеры иммунной и нейромышечной систем, используемые и далее в качестве аналогии, демонстрируют данные различия.

Агенты сетевого действия (networked action agents). Иммунная система состоит из различного типа агентов (клеток), обладающих сенсорными рецепторами, осуществляющих коммуникацию друг с другом и способных в рамках иммунной реакции атаковать чужеродные агенты (антигены). Это хорошая аналогия систем, в которых вся цепь — наблюдение, оценка обстановки, выработка и принятие решения и действие (НОРД-цикл)^{*} находится внутри каждого из агентов, а координация и распределенное управление в системе в целом является результатом взаимодействия между агентами. В этом случае можно говорить о системах, выстроенных на основе агентов, способных к сетевым действиям, или агентов сетевого действия. Помимо иммунной системы аналогом такого рода систем могут служить рой и роевые системы[†].

Для военных систем в качестве агента могут выступать тактические подразделения и даже отдельные бойцы. Критичным параметром, позволяющим говорить об отдельном агенте, является независимость при оценке обстановки, планировании и выполнении действий, то есть автономность агента. Кроме того, тактическое подразделение, как агент, может состоять из бойцов с одинаковой выучкой, специализацией, вооружением, то есть быть гомогенным или гетерогенным. Боевые возможности и масштаб усилий агентов могут быть расширены через локальную координацию действий с другими. Причем координация в каждом из случаев оказывается уникальной и диктуется боевой задачей, особенностями конфликта, своеобразием местности и операционной среды в целом. Кроме того, так как методы координации оказываются связаны с возможностями и функциями агентов, действующих на малом масштабе, задача координации требует понимания, каким образом формируются паттерны локального координированного поведения. Важно понимать, что формирование таких паттернов отличается от более сложного тактического планирования. Речь идет о простых паттернах, таких как рой, формирующихся в результате локального обмена информацией по относительно простым протоколам.

^{*} Описание НОРД-цикла можно найти в Приложении 1. **Арзуманян, Кромка хаоса.**

[†] **Arquilla, John and David Ronfeldt.** *Swarming and the Future of Conflict*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, DB-311-OSD, 2000. 1 November 2014. <http://www.rand.org/pubs/documented_briefings/DB311/>; **Edwards, Sean J. A.** *Swarming and the Future of Warfare*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2005. 1 November 2014. <http://www.rand.org/pubs/rgs_dissertations/RGSD189/index.html>;

Определение понятия «агент» позволяет перейти к рассмотрению сети агентов, которые также могут быть разделены на гомогенные и гетерогенные. Гомогенная сеть состоит из множества агентов, обладающих одинаковыми боевыми возможностями и использующих одни и те же протоколы коммуникации, механизмы координации усилий и пр. Причем внутренняя структура самого агента, входящего в сеть, в данном случае является несущественной, и он может состоять как из гомогенных, так и гетерогенных субагентов, объединенных в ту или иную организационную структуру. Гетерогенная сеть, соответственно, состоит из множества разнородных агентов. Ограничение анализа рассмотрением только гомогенной сети является некорректным, и та же иммунная система является гетерогенной и включает различные типы клеток.

Необходимо различать гетерогенный агент и гетерогенную сеть. Гетерогенный агент может состоять из субагентов различного типа и остается функционирующей единицей до решения поставленной задачи. Примером могут служить тактические подразделения войск специального назначения, включающие бойцов с различными воинскими специальностями, вооружением, экипировкой и пр. Внутренняя структура агента может быть довольно развитой и жесткой, будучи чувствительной к потере отдельного субагента. Потеря одного или нескольких бойцов в малом тактическом подразделении может значительно понизить его боевые возможности.

Гетерогенная сеть функционально может состоять из тех же элементов, что и гетерогенный агент. Различия связаны со способом взаимодействия и степенью автономности агентов в каждом из случаев. Если в случае гетерогенного агента субагенты ограничены в своих возможностях взаимодействия с другими агентами, в гетерогенной сети взаимодействия более независимы и диктуются требованиями среды и выполняемой задачи. Более слабая степень координации и независимость позволяет обеспечить большую выживаемость и устойчивость в случае потери или появления новых агентов. Система в целом оказывается более устойчивой, а решение поставленной задачи достигается за счет обеспечения необходимой плотности агентов различных типов, способных координировать усилия.

Таким образом, при рассмотрении сети и сетевого поведения необходимо учитывать и различать масштаб, на котором проводится анализ. Организационная структура системы на том или ином иерархическом уровне может быть реализована на основе гомогенной или гетерогенной сетей, выстроенных на основе гомогенных или гетерогенных агентов.

Агенты распределенного действия (distributed action agents). Такие агенты координируют действия через локальный горизонтальный обмен и коммуникации для достижения нужного масштаба усилий. При этом подключение к решению задачи новых агентов диктуется целесообразностью. Причем заранее определить, в каких формах будет проявляться эмергентное коллективное поведение, является невозможным. Формируемый паттерн локального поведения становится результатом самоорганизации агентов, взаимодействующих друг с другом и средой, а не организационных

усилий в рамках иерархических форм управления. Попытки глобального управления паттерном активности будет тормозить локальную адаптацию агентов и делает систему неэффективной. Сами механизмы самоорганизации и демонстрация эмергентного поведения зачастую выглядят как мистереия и чудо, однако они могут быть исследованы через изучение механизмов самоорганизации и адаптации в сложных адаптивных системах*.

Ключевым механизмом координации усилий и формирования эмергентного поведения агентов распределенного управления являются локальные коммуникации. Тем не менее, надо понимать как возможности, так и ограничения данных механизмов. Когда необходимо обеспечить эффективное взаимодействие на большом масштабе, агенты должны обладать опытом практической координации усилий, приобретаемым через тренировку, как это имеет место в рамках боевой подготовки в общевойсковых формированиях. Такая координация не может быть достигнута только за счет самоорганизации, но является, скорее, результатом эволюционной селекции и опыта, который должен изучаться для создания эффективного паттерна коллективного поведения.

Таким образом, правила, определяющие локальное поведение и формирующие общий паттерн, могут быть относительно простыми и принципиально отличаются от методов и организационных форм управления общевойсковыми формированиями. Такие паттерны и правила не в состоянии обеспечить разнообразие и сложность структур, функций и поведения, свойственные живым системам, военной организации государства. И тем не менее, координация, выстроенная на локальных взаимодействиях, является механизмом, позволяющим демонстрировать эффективные действия на малом масштабе в условиях сложной местности. На большом масштабе он должен быть дополнен организационными формами иерархического управления.

Сетевое решение для согласованных целевых действий (networked decision coherent targeted acts). Аналогия нейромышечной системы может быть полезной при проектировании систем, в которых выработка и принятие решения опирается на сети распределенного управления (нейросети), а реализация решений и действия на большом масштабе — на основе более жестких подсистем, аналогичных мышечной. Такой подход позволяет совместить большую сложность, обеспечиваемую, в том числе, и применением сетевых организационных форм при выработке и принятии решений, с большим масштабом и избирательностью предпринимаемых действий. Сложность позволяет добиться того, что каждое из действий, выполняемое в определенный момент времени на том или ином масштабе, может быть выверенным и успешно осуществленным. Ограничения накладываются только на количество одновременно выполняемых действий.

Данный подход успешно используется в концепциях сетецентричных войн и позволяет понять, каким образом организационные формы управления общевойсковыми формированиями могут быть дополнены сетевыми и распре-

* См. Арзумян, *Кромка хаоса*.

деленными, позволяя им быть более эффективными в сложных конфликтах. Возможности общевойсковых формирований концентрировать боевую мощь и оперировать на большом масштабе не всегда должны использоваться на максимальном диапазоне, так же как возможности и мощь нейромышечной системы соизмеряются с решаемой задачей. Порой выверенное во времени легкое касание рукой, позволяющее направить процессы в нужном направлении, является более эффективным методом воздействия, нежели применение большой силы. Такой подход к расширению тактических возможностей общевойсковых формирований становится естественным продолжением централизованного планирования и управления, где централизация, однако, уже не предполагает только иерархичность и можно говорить о концепции централизованного командования с распределенным управлением.

П1.6. Выводы

Традиционная конвенциональная война предполагает противостояние вооруженных сил большого масштаба, для победы в котором необходимо обеспечить соответствующий масштаб усилий. Сложные конфликты и гибридные войны характеризуются противостоянием вооруженных сил как большого, так и малого масштабов, протекающих в сложной операционной среде. Применение методов и аналитического инструментария, разработанных для сопровождения и оценки противостояний на большом масштабе, в этом случае оказывается проблематичным.

Например, в отличие от операций общевойсковых сил на большом масштабе сложные конфликты на сложной местности делают проблематичным отображение динамики противостояния на картах боевых действий. Даже если диспозиция войск в целом может быть отображена на карте, остаются формирования, небольшие боевые группы и даже отдельные бойцы, действия которых не поддаются планированию и сопровождению. Они могут вести локальные боевые действия в любом из направлений, существенно меняя общую картину противостояния.

Боевой состав и организационная структура сил, которые могут быть эффективны в таком противостоянии, должны позволять проведение боевых действий отдельными тактическими подразделениями и даже бойцами, осуществляющими локальное взаимодействие и координацию усилий. Ключевыми направлениями военных исследований при этом становятся боевой состав и организационная структура формирований, система командования и управления, формы ведения военных операций и пр.

Военный опыт, в том числе и новый, показывает, что победа в сложном конфликте и гибридной войне не может быть достигнута на основе стратегий традиционной войны, и она не может быть сведена к тактике и тактическим задачам. Для достижения успеха в таком противостоянии организационная структура вооруженных сил, боевая выучка, ВиВТ и пр. должны

позволять использование автономных тактических подразделений на малом масштабе и сложной местности, сохраняя при этом возможность проведения боевых действий на большом масштабе.

Боевой состав и возможности своих сил и средств на каждом из масштабов противоборства должен превосходить аналогичные показатели противника, что требует выверенного баланса масштаба и сложности. Специфика и сложность местности должны получить свое отражение в боевом составе и организационной структуре формирований, призванных оперировать на ней.

Традиционные общевойсковые формирования большого масштаба позволяют концентрировать боевую мощь на требуемом направлении и предназначены для противоборства на большом масштабе и относительно простой местности. Для конфликтов малого масштаба на сложной местности боевой состав и организационная структура сил должны строиться на основе малых тактических подразделений и менее жесткой системы командования и управления, предполагающей способность и возможность частей действовать автономно. Преимущество в сложных конфликтах принадлежит вооруженным силам, боевой состав и организационная структура которых предполагает проведение боевых действий тактическими подразделениями с относительно слабой координацией, а не традиционными, призванными действовать на большом масштабе.

Проведенный в статье анализ показывает, что невозможно построить универсальную организационную структуру вооруженных сил, которая была бы одинаково эффективна для различных военных конфликтов, масштаба и местности. Одни и те же силы не могут эффективно воевать как в традиционных конвенциональных конфликтах большого масштаба, так и сложных, разворачивающихся, в том числе, и на малом масштабе. Любая организационная структура вооруженных сил отражает эволюционный путь развития и представляет собой компромисс, позволяющий быть эффективными в конфликтах на некотором диапазоне масштаба и сложности.

Военное строительство, предполагающее создание сил и средств, которые обладают достаточной сложностью на всем диапазоне масштабов потенциальных конфликтов, следует признать наиболее перспективным. Такое строительство может выстраиваться как эволюция общевойсковых формирований в сторону сил специального назначения и сетевых сил. Силы специального назначения, способные действовать как небольшими тактическими подразделениями и отдельными бойцами, так и в составе больших тактических подразделений, частей и соединений, могут служить примером вооруженных сил, способных эффективно действовать на различных масштабах и местности.

Продолжение данного процесса и интеграция военных усилий со всеми элементами национальной мощи государства, эффективная координация действий государства на всех аренах противоборства может стать ключом для построения военной организации государства и сферы НБ в целом, которые окажутся в состоянии успешно противостоять вызовам турбулентной среды безопасности XXI века.

Литература

1. **Aboul-Enein, Basil and Youssef Aboul-Enein.** “A Theoretical Exploration of Lawrence of Arabia's Inner Meanings on Guerrilla Warfare.” *Small Wars Journal*. July 5, 2011. Web. 1 July 2014. <<http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/804-aboul-enein.pdf>>
2. **Abualrub, Jalal.** *Muhammad ibn Abdil Wahhab: his life-story and mission*. Madinah Publishers and Distributors, 2003.
3. **Ackerman, Bruce.** “Generals Shouldn't Disagree Publicly with the Commander in Chief.» *The Washington Post*, 3 October. 2009. <<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/10/02/AR2009100203939.html>>
4. **Adams, John Quincy.** “Speech to the U.S. House of Representatives on Foreign Policy, July 4, 1821” *Miller Center of Public Affairs*. University of Virginia. <<http://millercenter.org/president/speeches/speech-3484>>
5. **Alexander, Don W. Rod of Iron: French Counterinsurgency Policy in Aragon during the Peninsula War.** Wilmington, Del., 1985.
6. **Allardice, Robert R. and Kyle Head.** “The Coalition Air Force Transition Team: Rebuilding Iraq's Air Force,” *Air & Space Power Journal*, Vol. 21, No. 4, Winter 2007. <<http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj07/win07/allardice.html>>
7. **Allison, Graham and Philip Zelikow** *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. 2nd ed., NY: Longman, 1999.
8. **Anderson, David.** *Histories of the Hanged: Britain's Dirty War in Kenya and the End of Empire*. London, UK: Orion, 2006.
9. **Anderson, J. A. and E. Rosenfeld (Eds.)** *Neurocomputing*. Cambridge, MA: MIT Press 1988.
10. **Arquilla, John and David Ronfeldt.** *Swarming and the Future of Conflict*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, DB-311-OSD, 2000.12 January 2011. <http://www.rand.org/pubs/documented_briefings/DB311/>
11. **Arquilla, John.** “The New Rules of War: The U.S. Military Needs to Adopt a Network-Centric Vision of Warfare,” *Foreign Policy*, March/April 2010. 12 January 2011. <http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/02/22/the_new_rules_of_war>
12. **Arquilla, John.** *Insurgents, Raiders, and Bandits: How Masters of Irregular Warfare Have Shaped Our World*. Chicago, IL: Ivan R Dee, 2011.
13. **Arreguin-Toft, Ivan.** *How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict*. NY: Cambridge University Press, 2005.
14. **Asprey, Robert.** *War in the shadows: The Guerrilla in history*. Lincoln, NE: Universe of Nebraska Press, 2002.
15. **Atkinson Simon and James Moffat.** *The Agile Organization: From Information Networks to Complex Effects and Agility*. Washington, DC: CCRP Publications Series, 2005, p. 164, <http://www.dodccrp.org/publications/pdf/Atkinson_Agile.pdf>.
16. **Aydin Mustafa and Sinem Acikmese,** “Identity-based Security Threats in a Globalized World: Focus on Islam,” in **Hans Günter Brauch, et al. (Ed.)** *Globalization and Environmental Challenges*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2008, pp. 413–420.
17. **Aylwin-Foster, Nigel Brigadier.** “Changing the Army for Counterinsurgency Operations,” *Military Review*, Vol. 85, No. 6, November/December 2005, pp. 2–15.

18. **Bacevich, Andrew J.** *The Pentomic Era: The U.S. Army between Korea and Vietnam*. Washington, DC: National Defense University Press, 1986.
19. **Bar-Yam, Yanner.** "Unifying Principles in Complex Systems," in **Roco, M. C. and W. S. Bainbridge, (Eds)** *Converging Technology (NBIC) for Improving Human Performance*. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers (currently Springer), 2003. 1 November 2014. <http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf>
20. **Bar-Yam, Yanner.** *Complexity of Military Conflict: Multiscale Complex Systems Analysis of Littoral Warfare, Multiscale Representation Phase II, Task 2: Multiscale Analysis of Littoral Warfare*. Report to Chief of Naval Operations Strategic Studies Group, April 21, 2003, p. 4. 1 March 2012. <http://www.necsi.edu/projects/yaneer/SSG_NECSI_3_Litt.pdf>
21. **Bar-Yam, Yanner.** *Dynamics of Complex Systems*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1997. 1 March 2012. <<http://necsi.org/publications/dcs/Bar-YamReadings.pdf>>
22. **Barnes, Fred.** "How Bush Decided on the Surge," *The Weekly Standard*, Vol. 13, No. 20, Feb 4, 2008. <<http://www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/014/658dwgrn.asp>>
23. **Barnett, Roger W.** *Asymmetrical Warfare: Today's Challenge to U.S. Military Power*. Washington, DC: Brassey's, 2003.
24. **Barnett, Thomas.** *The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century*. NY: Putnam, 2004.
25. **Baron, Jonathan.** *Thinking and Deciding, 3rd ed.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
26. **Barr, James.** *Setting the Desert on Fire: T.E. Lawrence and Britain's Secret War in Arabia, 1916–1918*. London: Bloomsbury, 2008.
27. **Bates, James A (Ed.)**. "The War on Terrorism: Countering Global Insurgency in the 21st Century," *JSOU Strategic Studies Department*, Hurlburt Field, FL: Joint Special Operations University 2005. <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2005/0512_jsou-report-05-8.pdf>
28. **Bauer, Michael.** "Training the Iraqi Air Force: Lessons from a U.S. C-130 Advisory Mission," *Policy Focus*, 73, Washington, D.C.: The Washington Institute for Near East Policy, August 2007, pp. 5–6. <<http://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/pubs/PolicyFocus73Initial.pdf>>
29. **Beckett Katherine and Steve Herbert.** "Dealing with Disorder: Social Control in the Postindustrial City," *Theoretical Criminology*, Vol. 12, No. 1, 2008 pp. 5–30 <http://faculty.washington.edu/kbeckett/articles/Theoretical_Criminology.pdf>
30. **Beebe, Kenneth.** "The Air Force's Missing Doctrine: How the US Air Force Ignores Counterinsurgency," *Air and Space Power Journal*, Vol. 30, No. 1, Spring 2006. p. 32.
31. **Beer, Stafford Anthony.** *Brain of the Firm: The Managerial Cybernetics of Organization*. Chichester, New-York: J. Wiley, 1981.
32. **Beer, Stafford Anthony.** *Cybernetics and Management*. London: English University Press, 1959.
33. **Belasco, Amy.** *The Cost of Iraq, Afghanistan, and Other Global War on Terror Operations Since 9/11*. Washington, DC: Congressional Research Service, March 29, 2011. July 2014. <<http://fas.org/sgp/crs/natsec/RL33110.pdf>>
34. **Beyerchen Alan D.** "Clausewitz, Nonlinearity and the Unpredictability of War," *International Security*, Vol. 17, No. 3, Winter 1992, pp. 59–90. <<http://www.clausewitz.com/readings/Beyerchen/CWZandNonlinearity.htm>>
35. **Biddle Stephen and Jeffrey A. Friedman.** *The 2006 Lebanon Campaign and the Future of Warfare: Implications for Army and Defense Policy*. Carlisle, PA: US Army

- Strategic Studies Institute, September 2008. <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2008/ssi_biddle-friedman.pdf>
36. **Biddle, Stephen D.** *Military Power: Explaining Victory and Defeat in Modern Battle*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.
37. **Birtle, Andrew J.** *U.S. Army Counterinsurgency and Contingency Operations Doctrine 1860 -1941*. Washington, D.C.: United States Army Center of Military History, 2004.
38. **Bishop, Christopher M.** *Neural Networks for Pattern Recognition*. New-York: Oxford University Press 1995.
39. **Bond, Margaret S.** *Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States*. USAWC Strategy Research Project, Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College March 2007. <<http://handle.dtic.mil/100.2/ADA468398>>
40. **Boot, Max.** “The Evolution of Irregular War.” *Foreign Affairs*. 5 Feb. 2013. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/138824/max-boot/the-evolution-of-irregular-war>>.
41. **Boot, Max.** “The Guerrilla Myth: Lessons of Insurgency We Seem Unable to Learn,” *The Wall Street Journal*, 18 January. 2013. <<http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424127887323596204578243702404190338>>
42. **Boot, Max.** “The New American Way of War,” *Foreign Affairs*, Vol. 82, No. 4 July/August 2003, pp 41–58. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/58996/max-boot/the-new-american-way-of-war>>
43. **Boot, Max.** *War Made New: Technology, Warfare and the Course of History, 1500 to Today*. NY: Penguin Group (USA) Inc., 2006.
44. **Borum, Randy.** “Understanding the Terrorist Mind-Set,” *FBI Law Enforcement Bulletin*, Vol. 72, No. 7, July 2003, pp. 7–10. <<https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/grants/201462.pdf>>
45. **Borum Randy and Michael Gelles.** “Al-Qaeda’s Operational Evolution: Behavioral and Organizational Perspectives,” *Behavioral Sciences and the Law*, Vol. 23, 2005, pp. 467–83. <http://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1539&context=mhlp_facpub>
46. **Borum, Randy.** “Seven Pillars of Small War Power.” *Military Review*, Vol. 91, No. 4, 2011, pp. 35–45. <http://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=mhlp_facpub>
47. **Bowden, Anna.** “The Economic Cost of Maritime Piracy,” *One Earth Future Working Paper*, December 2010. <<http://oneearthfuture.org/sites/1earthfuture.org/files//documents/publications/The-Economic-Cost-of-Piracy-Full-Report.pdf>>
48. **Bowman, Steve and Catherine Dale.** “War in Afghanistan: Strategy, Military Operations and Issues for Congress,” *Congressional Research Service*, Report 7–5700, 3 December 2009, p. 8. <<http://www.fas.org/sgp/crs/row/R40156.pdf>>
49. **Bracken, Paul.** “Reconsidering Civil-Military Relations,” in , **Don M. Snider and Miranda A. Carlton (Ed.)** *U.S. Civil-Military Relations: In Crisis Or Transition?* Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies, 1995, pp. 145–146.
50. **Brafman, Ori, and Beckstrom, Rod A.** *The Starfish and the Spider: The Unstoppable Power of Leaderless Organizations*. NY: Penguin Group. 2007.
51. **Brewer, Marilyn B.** “The Psychology of Prejudice: Ingroup Love or Outgroup Hate?” *Journal of Social Issues*, Vol. 55, No. 3, 1999, pp. 429–444.
52. **British Army Field Manual (FM).** *Countering Insurgency*, Vol. 1 Pt. 10, Army Code 71876, October 2009. <http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/16_11_09_army_manual.pdf>
53. **Brodie, Bernard.** *Escalation and the Nuclear Option*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966.

54. **Brodie, Bernard.** *War and Politics*. New York: Macmillan, 1973.
55. **Bromley, David G.** "Social and Cultural Elements of Radical Organizations," in **T. Robbins and S. Palmer (Eds.)** *Millennium, Messiahs, and Mayhem: Contemporary Apocalyptic Movements*. London: Routledge 1997, pp. 31–46.
56. **Brozenick, Norman J.** *Another Way to Fight: Combat Aviation Advisory Operations*. Maxwell AFB, AL: Air University, 2002. <<http://www.dtic.mil/get-tr-doc/pdf?AD=ADA420700>>
57. **Brush, Stephen G.** "Dynamics of Theory Change in the Social Sciences: Relative Deprivation and Collective Violence," *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 40, No. 4, 1996, pp. 523–45.
58. **Buchholz, Arden.** *Hans Delbruck and the German Military Establishment: War Images in Conflict*. Iowa City, IA: University of Iowa Press, 1985.
59. **Bull, Hedley.** *The Anarchical Society*. London: Macmillan, 1977.
60. **Burgess, Mark, Neil Ferguson, and Ian Hollywood.** "From Individual Discontent to Collective Armed Struggle: Personal Accounts of the Impetus for Membership or Non-Membership in Paramilitary Groups," in **William Andrews Myers (Ed.)** *The Range of Evil: Multidisciplinary Studies of Human Wickedness*, Oxford, UK: Interdisciplinary Press, 2006, pp. 29–39. <<http://www.inter-disciplinary.net/publishing-files/idp/eBooks/Range%20v1.5.pdf>>
61. **Burk, James.** "Theories of Democratic Civil-Military Relations," *Armed Forces and Society*, Vol. 29, No. 1, 2002, pp. 7–29.
62. **Bush, George W.** "National Security Presidential Directive/Nspd-44," ed. *Office of the President of the United States*, The White House, 2005. pp. 2–3.
63. **Callwell, Charles E.** *Small Wars: A Tactical Textbook for Imperial Soldiers* (1906; repr., Novato, CA: Presidio Press, 1990).
64. **Camarena, Mark J.** *In Search of a New Type of Army: Nation Building and Occupation*. Fort Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies, U.S. Army Command and General Staff College, 2004. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/sam/nation_bldg_camarena.pdf>
65. **Campbell, Jennifer D. and Abraham Tesser.** "Self-Evaluation Maintenance Processes in Relationships," **Steve Duck and Daniel Perlman (Ed.)**. *Understanding Personal Relationships: An Interdisciplinary Approach*. Beverly Hills, CA: Sage, 1986, pp. 107–135.
66. **Casey, G. W. General.** "An interview with George W. Casey, Jr.," *Joint Force Quarterly (JFQ)*, Issue 52 1st Quarter, 2009 pp. 15–19. <<http://ndupress.ndu.edu/portals/68/Documents/jfq/jfq-52.pdf>>
67. **Cassidy, Robert M.** *Counterinsurgency and the Global War on Terror: Military Culture and Irregular War*. Westport, CT: Praeger Security International, 2006. p. 2.
68. **Cerny, Philip G.** "Neomedievalism, Civil War and the New Security Dilemma: Globalisation as Durable Disorder," *Civil Wars*, Vol. 1, No. 1, 1998, pp. 36–64 <<http://www.pols.boun.edu.tr/uploads%5Cfiles%5C1086.pdf>>
69. **Childers, Erskine.** *War and the Arme Blanche*. London: Edward Arnold, 1910.
70. **Cialdini, Robert B. and Maralou E. de Nicholas.** "Self-Presentation by Association," *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 57, No. 4, 1989. pp. 626–631.
71. **Cialdini, Robert B. et al.** "Basking in Reflected Glory: Three (Football) Field Studies," *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 34, No. 3, 1976, pp. 366–375. <<http://www.bps.org.uk/system/files/images/cialdinietal1976.pdf>>
72. **Clausewitz, Carl von.** *On War*. trans. **Peter Paret and Michael Howard**, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1976.
73. **Coates, A. J.** *The Ethics of War*. Manchester, UK: Manchester University Press, 1997;

74. **Coates, John.** *Suppressing Insurgency: An Analysis of the Malayan Emergency, 1948–1954.* Boulder, CO: Westview Press, 1992.
75. **Cohen, Eliot A.** *Supreme Command: Soldiers, Statesmen, and Leadership in Wartime.* New York: The Free Press, 2002.
76. **Cohen, Eliot, Conrad Crane, Jan Horvath, and John Nagl.** “Principles, Imperatives, and Paradoxes of Counterinsurgency,” *Military Review*, March–April 2006, pp. 49–53 <<http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/milreview/cohen.pdf>>;
77. **Cohen I. R. and L. A. Segel (Eds.).** *Design Principles of the immune system and other distributed autonomous systems.* New York: Oxford University Press, 2001.
78. **Coker, Christopher.** *Ethics and War in the 21st Century.* Abingdon, UK: Routledge, 2008.
79. **Coll, Steve.** “The General's Dilemma,” *The New Yorker*, September 8, 2008. <http://www.newyorker.com/reporting/2008/09/08/080908fa_fact_coll>
80. **Connable, Ben and Martin C. Libicki.** *How Insurgencies End.* Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2010;
81. **Conway, James T. (Gen., Commandant of the U.S. Marine Corps), Gary Roughea (Adm., Chief of Naval Operations), and Thad W. Allen (Adm., U.S. Coast Guard).** “Cooperative Strategy for the 21s Century,” *International Seapower Symposium*, Newport, R.I., Oct 17, 2007. <<http://www.navy.mil/maritime/MaritimeStrategy.pdf>>
82. **Coons, Kenneth C. Jr and Glenn M. Harned.** “Irregular Warfare is Warfare,” *Joint Force Quarterly (JFQ)*, Issue 52 First Quarter, 2010, p. 97.
83. **Corbett, Steve and Michael J. Davidson.** “The Role of the Military in Presidential Politics,” *Parameters* Vol. 39, No. 4, Winter, 2009, pp. 63–64, <<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/Articles/09winter/corbett%20and%20davidson.pdf>>
84. **Cordesman, Anthony H.** “Victory and Violence in Iraq: Reducing the Irreducible Minimum,” *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, February 25 2008. <http://csis.org/files/media/csis/pubs/080227_irreducible.minimum.final.pdf>
85. **Coxe, William.** *Memoirs of John, Duke of Marlborough , duke of Marlborough, with his original correspondence: collected from the family records at Blenheim, and other authentic sources; illustrated with portraits, maps and military plans.* London : Printed for Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1820. <<https://archive.org/details/memoirsofjohnduk06coxeiala>>
86. **Creasy, Edward Shepherd, Sir.** *The Fifteen Decisive Battles of the World: from Marathon to Waterloo.* London: H. Milford; New York: Oxford University Press, 1915. <<https://archive.org/details/15decisivebattle00crea>>
87. **Crenshaw, Martha.** “An Organizational Approach to the Analysis of Political Terrorism,” *Orbis*, Vol. 29, No. 3, 1985, pp. 465–89.
88. **Crenshaw, Martha.** “The Subjective Reality of the Terrorist: Ideological and Psychological Factors in Terrorism,” in **Robert O. Slater and Michael Stohl (Ed.)** *Current Perspectives on International Terrorism.* Hampshire: Macmillan, 1988.
89. **Cronin, Patrick and Hans Binnendijk.** *Civilian Surge: Key to Complex Operations.* Washington, D.C.: National Defense University, 2008, p. 6.
90. **Danan, Liora and Hunt Alice.** *Mixed Blessings: US Government Engagement with Religion in Conflict-Prone Settings.* Centre for Strategic and International Studies (CSIS), Washington, DC, August 2007. <http://csis.org/files/media/csis/pubs/070820_religion.pdf>
91. **Davis, Arthur D.** “Back to the Basics: An Aviation Solution to Counterinsurgent Warfare,” *The Wright Flyer Papers*, No. 23, Maxwell AFB, AL: December 2005. <<http://handle.dtic.mil/100.2/ADA444383>>;

92. **Davis, Vincent.** *Civil-Military Relations and the Not-quite Wars of the Present and Future*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, 1996. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubid=323>>
93. **Dawson, Lorne L.** *Comprehending Cults: The Sociology of New Religious Movements*. Toronto: Oxford University Press, 1998.
94. **Decker, G. H. General.** "Special Warfare: A Progress Report," *Small Wars Journal*, March 11, 2009. July 2014. <<http://smallwarsjournal.com/documents/swpart1.pdf>>
95. **DeNardo's, James.** *Power in Numbers: The Political Strategy of Protest and Rebellion*. Princeton: Princeton University Press, 1985.
96. **Desch, Michael C.** "Bush and the Generals," *Foreign Affairs*, Vol. 86, No. 3, May/June 2007. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/62616/michael-c-desch/bush-and-the-generals>>
97. **Desch, Michael C.** *Civilian Control of the Military: The Changing Security Environment*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1999.
98. **Dewind, Brandon L.** *Civil-Military Relations: From Vietnam to Operation Iraqi Freedom*. Fort Leavenworth, Kansas: U.S. Army School of Advanced Military Studies, 2009. <<http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA505011>>
99. **Diamond, Larry and Marc F. Plattner.** "Introduction," in **Larry Diamond and Marc F. Plattner (Eds.)** *Civil-Military Relations and Democracy*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press, 1996. p. xii;
100. **Dillon, Michael.** "The Security Of Governance," in **Wendy Larner and William Walters (Ed.)** *Global Governmentality: Governing International Spaces*. London: Routledge, 2004, pp. 76–96.
101. **Dorn, A. Walter and Michael Varey.** "The Rise and Demise of the 'Three Block War,'" in *Canadian Military Journal*, Vol. 10, No. 1, October, 2009. <<http://www.journal.forces.gc.ca/vol10/no1/07-dornvarey-eng.asp>>
102. **Dressler, Jeffrey A.** *Afghanistan Report 6: The Haqqani Network, From Pakistan to Afghanistan*. Washington DC, Institute for the Study of War, October 2010. <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/Haqqani_Network_Compressed_0.pdf>
103. **Drury, John and Steve Reicher.** "Collective Action and Psychological Change: The Emergence of New Social Identities," *British Journal of Social Psychology*, Vol. 39, 2000, pp. 579–604 <<http://www.st-andrews.ac.uk/itsold/papers/public/miscellaneous/printingproblems/Idchange-webct.doc>>
104. **Drury, John and Steve Reicher.** "Explaining enduring empowerment: A comparative study of collective action and psychological outcomes," *European Journal of Social Psychology*, Vol. 35, 2005, pp. 35–58 <http://www.uni-kiel.de/psychologie/issp/doc_upload/drury_reicher.pdf>
105. **Dunigan, Molly et al.** *Characterizing and exploring the implications of maritime irregular warfare*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, MG1127, 2012. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2012/RAND_MG1127.pdf>
106. **Echevarria II, Antulio J.** "American Strategic Culture: Problems and Prospects," in **Hew Strachan and Sibylle Scheipers (Eds.)**. *The Changing Character of War*, Oxford, UK: Oxford University Press, 2011.
107. **Echevarria II, Antulio J.** *Toward an American Way of War*. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2004. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub374.pdf>>
108. **Echevarria, Antulio J.** *After Clausewitz: German Military Thinkers Before the Great War*. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2000.
109. **Edwards, Sean J. A.** *Swarming and the Future of Warfare*. Santa Monica, CA:

- RAND Corporation, 2005.12 January 2011. <http://www.rand.org/pubs/rgs_dissertations/RGSD189/index.html>;
110. **Eliade, Mircea.** *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion.* **W.R. Trask**, trans., San Diego, CA: Harvest/HBJ, 1987.
111. **Elkins, Caroline.** *Britain's Gulag: The Brutal End of Empire in Kenya.* London, UK: Jonathan Cape, 2005.
112. **Ellsworth, James B.** "Sysadmin: Toward Barnett's Stabilization and Reconstruction Force," *The Land Warfare Papers*, No. 57, Arlington, VA: The Association of the United States Army Institute of Land Warfare, September 2006. <http://www.ausa.org/SiteCollectionDocuments/ILW%20Web-ExclusivePubs/Land%20Warfare%20Papers/LWP_57.pdf>
113. **Ellwood, Robert.** *Politics of Myth.* Albany: State University of New York Press, 1999. Цит. по Lauder, Religion and Resistance.
114. **England, Gordon.** *Military Support for Stability, Security, Transition, and Reconstruction (SSTR) Operations.* DoD Directive 3000.05, November 28, 2005.
115. **English, John A.** "Kindergarten soldier: The military thought of Lawrence of Arabia," *Military Affairs*, Vol. 51, No. 1, January 1987, pp. 7–11.
116. **Evans, Ernest.** "Ethnicity and Politics," *World Affairs*, Vol. 160, No. 1, Summer 1997.
117. **Farrell, Theo.** "The Dynamics of British Military Transformation," *International Affairs*, Vol. 84, No. 4, 2008, pp.777–807 at p. 783. <http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/International%20Affairs/2008/84_4farrell.pdf>
118. **Feaver, Peter D.** "The Civil-Military Problematique: Huntington, Janowitz, and the Question of Civilian Control," *Armed Forces and Society*, Vol. 23, No. 2, Winter, 1996, p. 150. <<http://respaldo.fcs.edu.uy/enz/licenciaturas/cpolitica/tallerfuerzasarmadas/Feaver%201996%20The%20civil%20military%20problematique.doc>>
119. **Feaver, Peter D.** "The Right to be Right: Civil-Military Relations and the Surge," Paper presented at the *International Studies Association Conference*, New Orleans, LA, February 20, 2010.
120. **Feaver, Peter D.** *Armed Servants: Agency Oversight, and Civil-Military Relations.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.
121. **Federal News Service,** Comments of Mario Mancuso, Deputy Assistant Secretary of Defense for Special Operations and Combating Terrorism, Hearing of the Terrorism and Unconventional Threats Subcommittee of the House Armed Services Committee, Subject: Irregular Warfare Roadmap, September 27, 2006, September 30, 2006
122. **Felson, Richard B. and James T. Tedeschi.** *Aggression and Violence: Social Interactionist Perspectives.* Washington, DC: American Psychological Association, 1993.
123. **Finer, Samuel E.** *The Man on Horseback: The Role of the Military in Politics.* NY: Praeger, 1962.
124. **Fisher, Louis.** "Judicial Review of the War Power," *Presidential Studies Quarterly*, Vol. 35, No. 3, 2005, pp. 466–495. <<http://www.constitutionproject.org/documents/judicial-review-of-the-war-power/>>
125. **Fisher, Robert J. and Kirk Wakefield,** "Factors leading to group identification: A field study of winners and losers," *Psychology and Marketing*, Vol. 15, No. 1, January 1998, pp. 23–40.
126. **Flynn, Michael T., Rich Juergens and Thomas L. Cantrell.** "Employing ISR: SOF Best Practices," *Joint Force Quarterly (JFQ)*, Issue 52, 1st Quarter, 2008. <http://www.dtic.mil/doctrine/docnet/courses/intelligence/intel/jfq_50_art-2.pdf>
127. **Foley, Robert.** *German Strategy and the Path to Verdun: Erich von Falkenhayn and the Development of Attrition, 1870–1916.* Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

128. **Foreign Policy Magazine and Fund for Peace.** «The Failed States Index 2013.» *Foreign Policy*. <http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/06/24/2013_failed_states_interactive_map>
129. **Forster, Stig.** “Facing ‘People’s War’: Moltke the Elder and Germany’s Military Options after 1871,” *Journal of Strategic Studies*, Vol. 10, No. 2, 1987, pp. 209–230.
130. **Foster,** *Changing the Army for Counterinsurgency*, pp. 2–15; **Garfield, Andrew.** “Succeeding in Phase IV: British Perspectives on the US Effort to Stabilize and Reconstruct Iraq,” *Foreign Policy Research Institute report*, September 2006.
131. **France, John.** *Perilous Glory: The Rise of Western Military Power*. New Haven, CT: Yale University Press, 2011.
132. **French, John D. P. Field Marshall Sir.** “Preface” in **General Friedrich von Bernhardi.** *Cavalry*. trans. **Major G. T. M. Bridges, A. Hilliard (Ed.)**. London: George H. Doran Company, 1914);
133. **Friedman, Thomas L.** *The World Is Flat: A Brief History of the 21st Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005.
134. **Galula, David.** *Counterinsurgency Warfare: Theory and Practice Westport*. Connecticut: Praeger Security International, 1964.
135. **Gat, Azar.** *The Development of Military Thought : The Nineteenth Century*. NYK: Oxford University Press, 1992.
136. **Gates, Robert M.** “A Balanced Strategy,” *Foreign Affairs*, Vol. 88, No. 1, January-February, 2009.
137. Generation Kill. A Conversation With Stanley McChrystal,” *Foreign Affairs*, 11 February 2013. <<http://www.foreignaffairs.com/discussions/interviews/generation-kill>>.
138. **Gentile, Gian.** “Freeing the Army from the Counterinsurgency Strait-Jacket,” *Joint Forces Quarterly (JFQ)*, Vol. 58, No.3, 2010, pp. 121–122.
139. **Gibson, Christopher P. and Don M. Snider** “Civil-Military Relations and the Potential to Influence: A Look at the National Security Decision-Making Process,” *Armed Forces and Society*, Vol. 25, No. 2, 1999.
140. **Goldschmied, Nadav P. and Joseph A. Vandello.** “The Advantage of Disadvantage: Underdogs in the Political Arena,” *Basic and Applied Social Psychology*, Vol. 31, No. 1, 2009, pp. 24–31.
141. **Graham, Stephen.** *Cities Under Siege: The New Military Urbanism*. London: Verso, 2010.
142. **Graves, Robert, Lawrence, T E and B. H. Liddell Hart.** *T.E. Lawrence to his biographers Robert Graves and Liddell Hart*. Two volumes, Special Limited Edition, January 1, 1938.
143. **Gray, Colin S.** *Perspectives on Strategy*. Oxford: Oxford University Press, May 2013.
144. **Gray, Colin S.** “Irregular Warfare One Nature, Many Characters,” *Strategic Studies Quarterly*, Winter, 2007. <<http://www.au.af.mil/au/ssq/2007/Winter/gray.pdf>>
145. **Gray, Colin S.** “Strategic Thought for Defence Planners,” *Survival*, Vol. 52, No. 3, June-July 2010, pp. 159–178.
146. **Gray, Colin S.** “The American Way of War: Critique and Implications,” in **Anthony D. McIvor (Ed.)** *Rethinking the Principles of War*. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 2005, pp. 13–40.
147. **Gray, Colin S.** “Understanding Airpower: Bonfire of the Fallacies,” *Strategic Studies Quarterly*, Vol. 2, No. 2, Winter 2008, pp. 43–83.; <<http://www.au.af.mil/au/ssq/2008/Winter/gray.pdf>>
148. **Gray, Colin S.** *Another Bloody Century: Future Warfare*. London, UK: Weidenfeld and Nicolson, 2006.

149. **Gray, Colin S.** *Categorical Confusion? The Strategic Implications of Recognizing Challenges either as Irregular or Traditional*. Carlisle, PA: United States Army War College Strategic Studies Institute. <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2012/ssi_gray.pdf>
150. **Gray, Colin.** *Irregular Enemies and the Essence of Strategy: Can the American Way of War Adapt?* Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2006. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub650.pdf>>
151. **Gray, Colin.** *Schools for Strategy: Teaching Strategy for 21st Century Conflict*. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, November 2009. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB947.pdf>>
152. **Gray, S. Colin** *The Strategy Bridge*, Oxford: Oxford University Press, September 2010.
153. **Griffith, Paddy.** *The Art of War in Revolutionary France: 1789–1802*. London: Greenhill Books, 1998.
154. **Grynkewich, Alexis.** “Welfare as Warfare: How Violent Non-State Groups Use Social Services to Attack the State,” *Studies in Conflict & Terrorism*, Vol. 31, No. 4, 2008, pp. 350–370.
155. **Gudmundsson, Bruce I.** “A Lesson from the Boers,” *Military History Quarterly*, Vol. 1, No. 4, Summer 1989.
156. **Gudmundsson, Bruce I.** *Storm Troop Tactics: Innovation in the German Army, 1914–1918*. New York: Praeger, 1989.
157. **Guevara, Ernesto Che, B. Loveman and T. Davies (Ed.)**. *Guerrilla warfare*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1985.
158. **Hackett, Winthrop (Ed.)**. *Lieutenant General Sir John, The Profession of Arms*. Center for Military History Publication 70–18, Washington, D.C.: United States Army Center for Military History, 1966. <http://www.history.army.mil/html/books/070/70-18/cmhPub_70-18.pdf>
159. **Hadar, Leon T. et al.** “In the Wake of War: Geostrategy, Terrorism, Oil and Domestic Politics,” *Middle East Policy*, Vol. 10, No. 1, 2003, pp. 1–28.
160. **Haig, Douglas.** *Cavalry Studies: Strategic and Tactical*. London: Hugh Rees, 1907.
161. **Halperin, Morton H., Priscilla A. Clapp.** *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington, DC: The Brookings Institution, 1974, 2nd Edition 2006. <http://www.untagsmd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_1/BUREAUCRACY%20Bureaucratic%20Politics%20and%20Foreign%20Policy.pdf>
162. **Handel, Michael I.** *Masters of War: Classical Strategic Thought*. 3rd Ed., London, UK: Frank Cass, 2001.
163. **Harbom, Lotta, Stina Hogbladh and Peter Wallensteen.** “Armed Conflict and Peace Agreements,” *Journal of Peace Research*, Vol. 43, No. 5, 2006, pp. 617–631.
164. **Harbom, Lotta, Stina Hogbladh, and Peter Wallensteen.** “Armed Conflict and Peace Agreements,” *Journal of Peace Research*, Vol. 43, No. 5, 2006.
165. **Harik, Judith Palmer.** *Hezbollah: The Changing Face of Terrorism*. London: I.B. Tauris, 2006.
166. **Hart, B. H. Liddell.** *Lawrence of Arabia*. NY: Da Capo, 1935.
167. **Hart, B. H. Liddell.** *Strategy: The Indirect Approach*. London: Faber and Faber, 1967.
168. **Harvey Claudia and Mark Wilkinson.** “The Value of Doctrine: Assessing British Officers’ Perspectives,” *RUSI Journal*, Vol. 154, No. 6, 2009, pp. 24, 27.
169. **Haslam, S. Alexander et al.** “The Group as a Basis for Emergent Stereotype Consensus,” *European Review of Social Psychology*, Vol. 8, No. 1, 1997, pp. 203–39. <http://www.researchgate.net/publication/233107831_The_Group_as_a_Basis_for_Emergent_Stereotype_Consensus/file/9c960525dbb77b2074.pdf>

170. **Hassan, Hussein D.** *Iraq: Milestones since the Ouster of Saddam Hussein* (RS22598). Washington, DC: Congressional Research Service, 2007.
171. **Hatch, Mary Jo and Ann L. Cunliffe.** *Organization Theory: Modern, Symbolic, and Postmodern Perspectives*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2006.
172. **Headquarters Department of the Army and Headquarters Marine Corps Combat Development Command, Department of the Navy (joint publication).** *Field Manual 3–24 and Marine Corps Warfighting Publication 3–33.5, Counterinsurgency*. Washington, DC: Headquarters Department of the Army, 15 December 2006. <<http://usacac.army.mil/cac/repository/materials/coin-fm3–24.pdf>>
173. **Headquarters, AFDDEC/DD.** *Air Force Doctrine Document (AFDD) 2–3: Irregular Warfare*. Department of Defense: U.S. Government Printing Office, August 2007. <<http://fas.org/irp/doddir/usaf/afdd2–3.pdf>>
174. **Headquarters, Department of the Army.** *Intelligence, Field Manual (FM) 2–0*, Washington, DC, May 2004. <<http://www.scribd.com/doc/213490441/FM-2–0-Intelligence>>
175. **Heifetz, Ronald A.** *Leadership without Easy Answers*. Cambridge, MA: Belknap Press, 1994.
176. **Henderson, George F. R.** *Stonewall Jackson and the American civil war*. London: Longmans, Green, 1898. <<https://archive.org/details/stonewalljackso01hend>>.
177. **Herbst, John E. (Ed.)**. “Stabilization and Reconstruction Operations: Learning from the Provincial Reconstruction Team Experience,” *Coordinator for Office of Reconstruction and Stabilization*, U.S. Department of State, 2007.
178. **Herspring, Dale R.** *The Pentagon and the Presidency: Civil-Military Relations from FDR to George W. Bush*. Lawrence, Kan.: University Press of Kansas, 2005.
179. **Hewitt, J. Joseph, Jonathan Wilkenfeld, and Ted Robert Gurr.** *Peace and Conflict 2010*. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2010.
180. **Hewstone, Miles, Mark Rubin, and Hazel Willis.** “Intergroup Bias,” *Annual Review of Psychology*, Vol. 53, 2002, pp. 575–604. <http://www.researchgate.net/publication/11603902_Intergroup_bias/file/d912f508862c6ad593.pdf>
181. **Hoffman, Bruce.** “Does Our Counter-Terrorism Strategy Match the Threat?” Testimony presented before the Committee on International Relations Subcommittee on International Terrorism and Nonproliferation, United States House of Representatives, Washington, D.C. Santa Monica, CA: RAND Corporation, CT-250–1, September 2005, p. 11–12. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/testimonies/2005/RAND_CT250–1.pdf>
182. **Hoffman, Frank G.** “Dereliction of Duty Redux,” *E-Notes*, Washington, D.C., Foreign Policy Research Institute, October 15, 2007. <<http://www.fpri.org/articles/2007/11/dereliction-duty-redux>>
183. **Hoffman, Frank G.** “Future Threats and Strategic Thinking,” *Infinity Journal*, Vol. 1, No. 4, 2011, pp. 17–21. <https://www.infinityjournal.com/article/34/Future_Threats_and_Strategic_Thinking/>
184. **Hoffman, Frank G.** “Small Wars Revisited: The United States and Nontraditional Wars,” *The Journal of Strategic Studies*, Vol. 28, No. 6, December 2005, pp. 913–940.
185. **Hoffman, Frank G.** *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid War*. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007, pp. 8–9. July 2014. <http://www.potomac institute.org/publications/Potomac_HybridWar_0108.pdf>
186. **Hoffman, Frank G.** Neo-Classical Counterinsurgency, *Parameters*, Vol. 37, No. 2, Summer 2007, pp. 71–87. <<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/articles/07summer/hoffman.htm>>
187. **Hoffman, Frank.** “Principles for the Savage Wars of Peace,” in **Anthony McIvor.** *Rethinking the Principles of War*. Annapolis: Naval Institute Press, 2006, pp. 299–322.

- <http://www.knowingemergencies.com/uploads/2/4/4/2/24428883/savage_wars_of_peace.pdf>
188. **Horowitz, M. C., & Shalmon, D. A.** The future of war and American military strategy. *Military Strategy, Orbis*, Vol.53, Spring 2009, pp. 300–318.
189. **Howard, Michael.** *The Franco-Prussian War: The German Invasion of France 1870–1871*. NY: MacMillan, 1962; Wawro, Geoffrey. *The Franco-Prussian War: The German Conquest of France in 1870–1871*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
190. **Hunter, J. D.** “The New Religions: Demodernization and the Protest against Modernity,” in **B. Wilson (Ed.)** *The Social Impact of New Religious Movements*. NY: The Rose of Sharon, 1981, pp. 1–19.
191. **Huntington, Samuel P.** *American Military Strategy. Policy Papers in International Affairs, No. 28*, Berkeley, CA: Institute of International Studies, University of California, Berkeley, 1986.
192. **Huntington, Samuel P.** *The Soldier and the State*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1957.
193. **Huysmans, Jef, Andrew Dobson, and Raia Prokhovnik** *The Politics of Protection: Sites of Insecurity and Political Agency*. London: Routledge, 2006.
194. **Jacobs, Garry and Harlan Cleveland** “Social development theory,” *International Commission on Peace and Food (ICPF)*, November 1 1999. <http://www.icpd.org/development_theory/SocialDevTheory.htm>
195. **Jaffe, Greg.** “Obama Wanted a Petraeus. Buyer Beware,” *Washington Post*, October 11, 2009. <<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/10/09/AR2009100902568.html>>
196. **Jahanbakhsh, F.** “Religious and Political Discourse in Iran: Moving Towards Post-Fundamentalism,” *Brown Journal of World Affairs*, Vol. 9, No. 2, Winter/Spring, 2003, pp. 243–254.
197. **James S. and Wray R. Johnson Corum.** *Airpower in Small Wars: Fighting Insurgents and Terrorists*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2003.
198. **James, Lawrence.** *The golden warrior: the life and legend of Lawrence of Arabia*. NY: Skyhorse, 2008.
199. **Janowitz, Morris.** *The Professional Soldier, A Social and Political Portrait*. NY: Free Press, 1960.
200. **Jeffries, Stuart.** “The Man who gave Che to the World.” *The Observer*, May 27, 2001. <<http://www.theguardian.com/world/2001/may/27/cuba.stuartjeffries>>
201. **Joel, Anthony James.** *Guerilla Conflict Before the Cold War*. NY: Praeger, 1996.
202. **Joel, Anthony James.** *Resisting Rebellion: The History and Politics of Counterinsurgency*. Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2006.
203. **Johnson, David E., M. Wade Markel, and Brian Shannon.** *The 2008 Battle of Sadr City. Occasional Paper*, Santa Monica, CA: RAND Corporation, Arroyo Center, 2011, p. 18. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2011/RAND_OP335.pdf>
204. **Johnson, Jeannie L. and Matthew T. Berrett.** “Cultural Topography: A New Research Tool for Intelligence Analysis,” *Studies in Intelligence*, Vol. 55, No. 2, June 2011.
205. **Johnson, Jeannie L., Kerry M. Kartchner, and Jeffrey A. Larsen (Eds.)**, *Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction: Culturally Based Insights into Comparative National Security Policymaking*, NY: Palgrave Macmillan, 2009.
206. **Johnson, Neil F.** “Complexity in Human Conflict,” in *Managing Complexity: Insights, Concepts, Applications*, **Dirk Helbing (Ed)**, Heidelberg: Springer, 2008, pp. 303–320.
207. **Johnson, Neil.** “Complexity in Human Conflict,” in *Understanding Complex Systems* Heidelberg: Springer, 2008, pp. 303–320.
208. **Johnson, Wray R.** “Ends Versus Means: The 6th Special Operations Squadron

- and the Icarus Syndrome,” *Air & Space Power Journal*, 2 December 2000. <<http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/coj/cc/WJohnson.html>>
209. **Joint Intelligence Committee.** *Joint Intelligence Committee report: Joint Directive on Military Interrogation in Internal Security Operations Overseas*. The National Archives, Kew, London, UK, CAB 164/1175, February 17, 1965.
210. **Joint Staff Joint Force Development (J-7).** *United States Joint Force Assessment for Irregular Warfare*. 2013, p. 7.
211. **Joint Warfighting Center.** *Irregular Warfare Special Study*. Norfolk, Washington D.C.: U.S. Joint Forces Command, August 4, 2006. <<http://www.history.navy.mil/library/online/irregwarfarespecialstudy.htm>>
212. **Jomini, Antoine Henri de.** *The Art of War*. 1838; reprint, Novato, CA: Presidio Press, 1992.
213. **Jones, Adam.** *Genocide: A Comprehensive Introduction*. 2nd ed., NY: Routledge, 2010.
214. **Jones, Archer.** *The Art of War in the Western World*. NY: Barnes&Noble, Inc., 1997
215. **Jones, G. Seth.** *The Future of Irregular Warfare*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, CT-374, March 2012. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/testimonies/2012/RAND_CT374.pdf>
216. **Juergensmeyer, Mark.** *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. Berkeley: University of California Press, 2000.
217. **Kahn, Herman.** *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. NY: Praeger, 1965.
218. **Kaldor, Mary.** *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. 3rd edition (first edition: 1999; 2nd edition: 2006), Cambridge: Polity Press. 2013.
219. **Kelling, George and Catherine Coles.** *Fixing Broken Windows: Restoring Order And Reducing Crime in Our Communities*. NY: Free Press, 1996.
220. **Kelly Justin and Michael J. Brennan** “The Leavenworth Heresy and Perversion of Operational Art,” *Joint Forces Quarterly (JFK)*, Issue 56, 1st Quarter 2010, p. 109–116. <<http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a515164.pdf>>
221. **Kelly, Justin and Michael J. Brennan.** *Alien: How Operational Art Devoured Strategy*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2009. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files/pub939.pdf>>
222. **Kennedy, Hugh.** *Mongols, Huns, and Vikings: Nomads at War*. London: Cassell, 2002.
223. **Kennedy, John F.** “Speech to the United States Army,” April 11, 1962, as reprinted in *Special Warfare: An Army Specialty*. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1962. Цит. по **Olson, A** *Balanced Approach to Irregular Warfare*
224. **Khatab, Sayed.** *The Political Thought of Sayyid Qutb: The Theory of Jahiliyyah*. London and New York: Routledge Studies in Political Islam, 2006.
225. **Khong, Yuen Foong.** *Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Declarations of 1965*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.
226. **Kilcullen, David.** “Countering Global Insurgency,” *Small Wars Journal*, 2004. <<http://www.smallwarsjournal.com/documents/kilcullen.pdf>>
227. **Kilcullen, David.** “Counterinsurgency Redux,” *Survival*, Vol. 48, No. 4, Winter 2006–2007, pp. 111–130. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/uscoin/counterinsurgency_redux.pdf>
228. **Kilcullen, David.** “Religion and Insurgency,” *Small Wars Journal*, May 2007. <<http://smallwarsjournal.com/blog/religion-and-insurgency>>
229. **Kilcullen, David.** *Counterinsurgency*. NY: Oxford University Press, May 19, 2010.
230. **Kilcullen, David.** *The Accidental Guerilla*. New York: Oxford University Press, 2009.
231. **King, Gary and Christopher J.L. Murray.** “Rethinking Human Security,” *Political Science Quarterly*, Vol. 116, 2002, pp. 585–610. <<http://euroakadeemia.ee/materjalid/King%20Murray%20-%20Rethinking%20Human%20Security.pdf>>.

232. **Kiper, Richard L.** “Future of Irregular Warfare (IW) in the Army,” *Information Paper*, Fort Leavenworth, KS: Army Irregular Warfare Center, 2013, p. 7–9;
233. **Kiras, James D.** *Special Operations and Strategy: From World War II to the War on Terrorism*. London: Routledge, 2006.
234. **Kissinger, Henry.** “The Vietnam Negotiations,” *Foreign Affairs*, Vol. 48, No. 2, January 1969.
235. **Kiszely, John Lieutenant-General Sir.** “Learning About Counterinsurgency,” *Military Review*, Vol. 84, No. 4, March-April 2007, pp. 6–7.
236. **Kitson, Frank.** *Low Intensity Operations: Subversion, Insurgency, Peacekeeping*. London: Faber and Faber, 1971.
237. **Kobi, Michael.** “The Dilemma Behind the Classical Dilemma of Civil Military Relations: The ‘Discourse Space’ Model and the Israeli Case during the Oslo Process,” *Armed Forces and Society*, Vol. 33, No. 4, 2008, pp. 518–522.
238. **Kostelnik, Edward A.** *Airmen First: Shaping the Expeditionary Air Force for Counterinsurgency*. Thesis, Naval Postgraduate School, Monterey, California, September 2006. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/nps/kostelnik_eaf_coin_sep06.pdf>
239. **Kotter, John P.** *Power and Influence: Beyond Formal Authority*. NY: The Free Press, 1985.
240. **Krepinevich Andrew F. Jr.** “How to Win in Iraq,” *Foreign Affairs*, Vol. 84, No. 5, September/ October 2005, pp. 87–104. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/61024/andrew-f-krepinevich-jr/how-to-win-in-iraq>>
241. **Krulak, Charles C., Gen. USMC.** “The Strategic Corporal: Leadership in the Three Block War.” The Commandant’s Page, *Marines Magazine*, January 1999. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/usmc/strategic_corporal.htm>
242. **Krulak, Charles C., Gen. USMC.** “The Three Block War: Fighting in Urban Areas.” *Vital Speeches of the Day*. Vol 64, No 5, New York, December 15, 1997, pp. 139–142.
243. **Kruzel, J. J.** “Stability Operations Require More U.S. Focus, Gates Says,” *DefenseLink News*, April 2009. <<http://www.defenselink.mil/news/newsarticle.aspx?id=53930>>
244. **Kutz, Gregory D.** “Military and Dual-Use Technology: Covert Testing Shows Continuing Vulnerability of Domestic Sales for Illegal Export,” testimony before the *Subcommittee on Oversight and Investigations, Committee on Energy and Commerce*, House of Representatives, June 4, 2009. <<http://www.gao.gov/assets/130/122657.html>>
245. **Lacquer, Walter.** *Guerrilla Warfare: A Historical and Critical Study*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1998.
246. **Lamb, C. J.** “Prepared Statement of Christopher J. Lamb Before the Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities Subcommittee on Implementing the Global War on Terror “Overcoming Interagency Problems,” *House Armed Services Committee, U.S. House of Representatives*, March 15, 2006. <http://www.globalsecurity.org/security/library/congress/2006_h/060315-lamb.pdf>
247. **Laqueur, Walter.** “Postmodern Terrorism,” *Foreign Affairs*, Vol. 75, No. 5, September/October 1996, pp. 24–36. <<http://www.foreignaffairs.com/articles/52432/walter-laqueur/postmodern-terrorism-new-rules-for-an-old-game>>.
248. **Larson, Eric V. et al.** *Foundations of Effective Influence Operations: A Framework for Enhancing Army Capabilities*. MG-654, Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG654.pdf>
249. **Larson, Eric V. et al.** *Understanding Commanders' Information Needs for Influence Operations*. MG-656, Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG656.pdf>
250. **Larson, Eric V., Derek Eaton, Brian Nichiporuk, Thomas S. Szayna.** *Assess-*

- ing *Irregular Warfare. A Framework for Intelligence Analysis*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008.
251. **Lauder, Matthew A.** *Religion and Resistance: Examining the Role of Religion in Irregular Warfare*. Defence R&D, Canada, Toronto, March 2009. <<http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a501625.pdf>>
252. **Lawrence, T.** "Twenty-seven Articles," *Arab Bulletin*, 20 August 1917. <http://www.telstudies.org/writings/works/articles_essays/1917_twenty-seven_articles.shtml>
253. **Lawrence, T. E.** "Guerrilla Warfare," *Encyclopaedia Britannica*, 14th ed., 1929; reprint, London: Encyclopaedia Britannica, 1959, vol. 10, pp. 950–951.
254. **Lawrence, T. E.** "The Evolution of a Revolt," *The Army Quarterly*, Vol. 1, No. 1, October 1920, pp. 55–69.
255. **Lawrence, T.E.** *The Seven Pillars of Wisdom. A Triumph*. NY: Anchor Books, 1991. <http://www.social-sciences-and-humanities.com/PDF/seven_pillars_of_wisdom.pdf>
256. **Leebaert, Derek.** *To Dare and to Conquer: Special Operations and the Destiny of Nations, from Achilles to Al Qaeda*. NY: Little, Brown and Company, 2006.
257. **Lewis, Gwynne.** *The Second Vendee: The Continuity of Counter-Revolution in the Department of the Gard, 1789–1815*. NY: Clarendon Press, 1978.
258. **Liang, Qiao and Wang Xiangsui.** "Unrestricted Warfare: Assumptions on War and Tactics in the Age of Globalization," trans. *Foreign Broadcast Information Service*, Beijing: People's Liberation Army Literature and Arts Publishing House, February 1999.
259. **Liang, Qiao and Wang Xiangsui.** *Unrestricted Warfare: China's Master Plan to Destroy America*. Panama City: Pan American Publishing Company, 2002.
260. **Lichbach, Mark Irving.** "An evaluation of 'does economic inequality breed conflict' studies," *World Politics*, Vol. 41, No. 4, 1989, pp. 431–71.
261. **Lilla, Mark.** *The Stillborn God: Religion, Politics, and the Modern West*. NY: Alfred A Knoff, 2007.
262. **Linn, Brian McAllister.** *The Echo of War: The Army's Way of War*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.
263. **Locher, James R. III.** "Taking Stock of Goldwater-Nichols," *Joint Force Quarterly (JFQ)*, Issue 13, Autumn 1996, pp. 9–17. <<http://www.dtic.mil/doctrine/jfq/jfq-13.pdf>>
264. **Luckabaugh, Robert, E. Fuqua, J. Cangemi, and C. Kowalski.** "Terrorist Behavior and US Foreign Policy: Who Is the Enemy? Some Psychological and Political Perspectives," *Psychology*, Vol. 34, No. 2, 1997, pp. 1–15.
265. **Lupfer, Timothy T.** *The Dynamics of Doctrine: The Change in German Tactical Doctrine During the First World War*. Leavenworth Papers, No. 4, Fort Leavenworth, KS: Combat Studies Institute, U.S. Army Command and General Staff College, 1981. <<http://www.ir63.org/Downloads/Leavenworth-Papers-Tactical-Doctrine.pdf>>
266. **Luttwak, Edward N.** "Dead End: Counterinsurgency Warfare as Military Malpractice," *Harper's Magazine*, Vol. 314, No. 1881, February 2007, pp 33–42.
267. **Lynn, John. A.** *Battle: A History of Combat and Culture*. Boulder, CO: Westview Press, 2003.
268. **Mack, Andrew.** "Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict," *World Politics*, Vol. 27, No. 2, January 1975, pp. 175–200. <http://people.reed.edu/~ahm/Courses/Reed-POL-359-2011-S3_WTW/Syllabus/EReadings/10.1/10.1.Mack1975Why-Big-Nations.pdf>
269. **Mahan, Alfred Thayer.** *Influence of Sea-Power Upon History, 1660–1783*. Boston: Little, Brown and Company, 1890. <<https://archive.org/details/seanpowerinf00maha>>
270. **Mancuso, Mario.** "Statement by Mr. Mario Mancuso, Deputy Assistant Secretary of Defense for Special Operations and Combating Terrorism, Before the 109th Congress,

Committee on Armed Services, Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities,” United States House of Representatives, September 27, 2006. <<http://www.dod.mil/dodge/olc/docs/TestMancuso060927.pdf>>

271. **Manwaring, Max.** *Shadows of Things Past and Images of the Future: Lessons for the Insurgencies in Our Midst*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2004. <<http://www.carlisle.army.mil/ssi/pdf/PUB587.pdf>>;

272. **Mapping Militant Organizations.** *Haqqani Network*, Stanford University, July 23, 2012. <<http://www.stanford.edu/group/mappingmilitants/cgi-bin/groups/view/363>>

273. **Marsella, Anthony J.** “Terrorism: Reflections on Issues, Concepts, and Directions,” in **Fathali Moghaddam and Anthony J. Marsella (Ed.)** *Understanding Terrorism: Psychosocial Roots, Consequences, and Interventions*, Washington, DC: American Psychological Association, 2003, pp. 11–48.

274. **Marshall, Monty G. and Benjamin R. Cole.** *Global Report 2014: Conflict, Governance, and State Fragility*. Center for Systemic Peace, Vienna, May 2014. Web. 7 July 2014. <<http://www.systemicpeace.org/globalreport.html>>

275. **Maslow, Abraham H.** *Motivation and Personality*, 3rd ed., revised by **R. Frager, J. Fadiman, C. McReynolds, and R. Cox**, NY: Harper & Row, 1987.

276. **Matthews, Lloyd J.** *The Political-Military Rivalry for Operational Control in U.S. Military Actions: A Soldier's Perspective* Carlisle, PA: United States Army War College Strategic Studies Institute, 1998. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/download.cfm?q=309>>

277. **Mattis, James N. and Frank Hoffman.** “Future Warfare: The Rise in Hybrid Wars,” *Proceedings*, November 2005, pp. 18–19

278. **Maxwell, David.** “Unconventional Warfare Does Not Belong to Special Forces,” *War on the Rocks*, August 12, 2013. <<http://warontherocks.com/2013/08/unconventional-warfare-does-not-belong-to-special-forces/>>

279. **Mayer, Arno J.** *The Furies: Violence and Terror in the French and Russian Revolutions*. Princeton NJ: Princeton University Press, 2000.

280. **McChrystal Stanley A. and Tom Brokaw** “HBO History Makers Series with Stanley McChrystal (Transcript),” *Council on Foreign Relations*, 6 October 2011. <<http://www.cfr.org/afghanistan/hbo-history-makers-series-stanley-mcchrystal/p26157>>

281. **McChrystal, Stanley A.** “It Takes a Network: The New Frontline of Modern Warfare,” *Foreign Policy*, March/April 2011, p. 1–6. <http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/02/22/it_takes_a_network>.

282. **McChrystal, Stanley General.** *My Share of the Task: A Memoir*. US: Portfolio Trade, 28 January, 2014.

283. **McCormick, G. H.** *Seminar in Guerrilla Warfare*. CA, Monterey: Naval Postgraduate School. July 2008.

284. **McCormick, G.H., S.B. Horton, and L.A. Harrison.** “Things fall apart: The end-game dynamics of internal wars,” *Third World Quarterly*, Vol. 28, No. 2, 2007, pp. 327–328.

285. **McGinnis, Lee Phillip and James W. Gentry.** “Underdog Consumption: An Exploration into Meanings and Motives,” *Journal of Business Research*, Vol. 62, No. 2, 2009, pp. 191–199 at p. 192. <<http://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=marketingfacpub>>

286. **McMaster, H. R.** *Dereliction of Duty: Johnson, McNamara, the Joint Chiefs of Staff, and the Lies that Led to Vietnam*. NY: Harper Collins, 1997.

287. **McMichael, W. H.** “Mattis: Hybrid skills a must in future wars,” *ArmyTimes*, June 1, 2009. <http://www.armytimes.com/news/2009/06/military_mattis_futurewar_060109w/>

288. **McMichael, W. H.** “Shorter Afghan Tours — But More Of Them,” *Army Times*, May 2009, p. 8.
289. **McRaven, Future of U.S. Special Operations Forces.**
290. **McRaven, William H.** “Future of U.S. Special Operations Forces: Ten Years After 9/11 and Twenty-Five Years After Goldwater — Nichols,” hearing before a subcommittee of the House Armed Services Committee, *Congressional Record*, 22 September 2011, p. 4. <http://fas.org/irp/congress/2011_hr/sof-future.pdf>
291. **Metz, Steven and Raymond Millen** “Insurgency and Counterinsurgency in the 21st Century: Reconceptualizing Threat and Response,” *Special Warfare*, Vol. 17, February 2005, pp. 6–21
292. **Metz, Steven and Raymond Millen.** *Insurgency and Counterinsurgency in the 21st Century: Reconceptualizing Threat and Response.* Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College 2004. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub586.pdf>>
293. **Metz, Steven.** *Learning from Iraq: Counterinsurgency in American Strategy.* Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, January 2007.
294. **Metz, Steven.** *The Future of Insurgency.* Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College, 1996, 10 December 1993. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=344>>
295. **Michaels, Jim.** “Al-Qaeda in Iraq Relying More on Heists,” *USA Today*, September 7, 2010, p. 7.
296. **Miles, Lloyd.** *Back to the Future: Constabulary Forces Revisited.* USAWC Strategy Research Project, Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, 2002.
297. **Miller, John R.** “George Washington’s Tear Jerker,” *The New York Times*, February 14 2010, <<http://www.nytimes.com/2010/02/15/opinion/15miller.html>>
298. **Miller, Richard M.** *Funding Extended Conflicts: Korea, Vietnam, and the War on Terror.* Westport, CT: Praeger Security International, 2007.
299. **Mitchell Katharyne and Katherine Beckett** “Securing the Global City: Crime, Consulting, Risk, and Ratings in the Production of Urban Space,” *Indiana Journal of Global Legal Studies*, Vol. 15, No. 1, 2008, pp. 75–99 <<http://www.repository.law.indiana.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1367&context=ijgls>>
300. **Mitchell, Katharyne.** “Ungoverned Space: Global Security and the Geopolitics of Broken Windows,” *Political Geography*, Vol. 29, 2010, pp. 289–97.
301. **Mitchell, Richard P.** *The Society of the Muslim Brothers.* London: Oxford University Press, 1993.
302. **Mockaitis, Thomas R.** “The Phoenix of Counterinsurgency,” *Journal of Conflict Studies*, Vol. 27, No. 1, 2007.
303. **Mockaitis, Thomas R.** “Winning Hearts and Minds in the ‘War on Terrorism,’” *Small Wars & Insurgencies*, Vol. 14, Spring 2003, pp. 21–38.
304. **Mockaitis, Thomas R.** *British Counterinsurgency, 1919–60.* New York: St. Martin’s Press, 1990.
305. **Mockaitis, Thomas R.** *The Iraq War: Learning from the Past, Adapting to the Present, and Planning for the Future.* Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, 2007. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub754.pdf>>
306. **Moghaddam, Fathali M.** “The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration,” *American Psychologist*, Vol. 60, No. 2, 2005, pp. 161–169.
307. **Moltke, Helmuth Graf von.** *Moltke on the Art of War: Selected Writings.* **Daniel J. Hughes (Ed.),** trans. **Daniel J. Hughes and Harry Bell,** Novato, CA: Presidio Press, 1993.

308. **Moltke, Helmuth von.** "The Campaign of 1870–1871," in **Daniel J. Hughes.** *Moltke on the Art of War: Selected Writings.* Novato, CA: Presidio Press, 1993.
309. **Monroe, George M.** "The Rebirth of the Outback Air Force," *Armed Forces Journal*, 1 February 2008. <<http://www.armedforcesjournal.com/the-rebirth-of-the-outback-air-force/>>
310. **Moodie, Michael.** "Conflict Trends in the 21st Century," *Joint Force Quarterly*, Vol. 53, No. 2, 2009, pp. 19–27.
311. **Morgenstein, Jonathan and Eric Vickland.** "The Global Counterinsurgency: America's New National Security Foreign Policy Paradigm," *Small Wars Journal*, February 18, 2008. <<http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/the-global-counter-insurgency>>
312. **Moseley, T. Michael General.** "CSAF White Paper — the Nation's Guardians: America's 21st Century Air Force," Washington, D.C.: Headquarters U.S. Air Force, 2007. <http://www.au.af.mil/au/awc/awgate/af/csaf_white_ppr_29dec07.pdf>
313. **Moten, Matthew.** *The Army Officer's Professional Ethic: Past, Present, and Future.* Carlisle, PA: U.S. Army War College Strategic Studies Institute, 2010. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB966.pdf>>
314. **Mumford, Andrew.** "Unnecessary or Unsung? The Utilisation of Airpower in Britain's Colonial Counter-Insurgency Campaigns," *Small Wars and Insurgencies*, Vol. 20, No. 3, 2009, pp. 641–643.
315. **Mumford, Andrew.** *Puncturing the Counterinsurgency Myth: Britain and Irregular Warfare in the Past, Present, and Future.* Advancing Strategic Thought Series, Carlisle, PA: United States Army War College Strategic Studies Institute, September 2011. <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2011/ssi_mumford.pdf>
316. **Mumm, Nicholas.** "Irregular Warfare," Information paper, *HQDA G-35 DAMOSSO*, 2013.
317. **Nagl, John A.** *Institutionalizing Adaptation: It's Time for a Permanent Army Advisor Corps.* Future of the U.S. Military Series, Washington, DC: Center for a New American Security, June 2007. <http://www.cnas.org/files/documents/publications/Nagl_AdvisoryCorp_June07.pdf>
318. **Nagl, John, Don Snider, and Tony Pfaff.** *Army Professionalism, the Military Ethic, and Officership in the 21st Century.* Carlisle, PA: U.S. Army War College Strategic Studies Institute, 1999. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=282>>
319. **Nagl, John.** *Learning to Eat Soup with a Knife: Counterinsurgency Lessons from Malaya and Vietnam.* New Ed., Chicago, IL: University of Chicago Press, 2005.
320. **Napier, William F. P.** *History of the war in the Peninsula and the south of France: from the year 1807 to the year 1814.* New York : D. & J. Sadlier, 1800. <<https://archive.org/details/historyofwarinpe00napi>>
321. **Neal, Derrick J.** "Do We Really Understand What Is Meant by Transformational Change for Defence?," *Defence Studies*, Vol. 6, No. 1, March 2006, pp. 76–90.
322. **Newsinger, John.** *British Counterinsurgency: From Palestine to Northern Ireland.* Basingstok, UK: Macmillan, 2002.
323. **Nielsen, Suzanne C.** *Political Control Over the use of Force: A Clausewitzian Perspective.* Carlisle, PA: U.S. Army War College Strategic Studies Institute, 2001. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub349.pdf>>
324. **North Atlantic Treaty Organization.** *Allied Joint Publication 1 (AJP-1) Allied Joint Doctrine.* Mons, Belgium: Headquarters NATO, 21 December 2010. <https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/33694/AJP01D.pdf>
325. **O'Connell, Robert and John S. White.** "NGIC: Penetrating the Fog of War," *Military Intelligence Professional Bulletin*, April-June 2002, pp. 14–18.

- <<http://www.thefreelibrary.com/NGIC%3A+Penetrating+the+fog+of+war.-a084903372>>
326. **O'Neill, Bard E.** *Insurgency and Terrorism: From Revolution to Apocalypse*, Second Edition, Washington, DC: Potomac Books, 2005.
327. **Obama, Barack H.** *National Security Strategy*. Washington, DC: The White House, May 2010, p. 14.
328. **Olson, Eric T. Admiral U.S. Navy.** "A Balanced Approach to Irregular Warfare," *The Journal of International Security Affairs*, No. 16, Spring 2009.
329. **Olson, Eric T. Admiral.** "A Balanced Approach to Irregular Warfare," *JINSA*, No. 16, Spring, 2009.
330. **Olson, Eric T. Admiral.** "U.S Special Operations: Context and Capabilities in Irregular Warfare," *Joint Force Quarterly (JFQ)*, Issue 56, First Quarter, 2010, pp. 64–70.
331. **Osborne, Joseph E.** "Beyond Irregular Warfare: A Strategic Concept for Countering Irregular Adversaries and Engagement in Complex Security Environments," *Small Wars Journal*, 2009. <<http://smallwarsjournal.com/mag/docs-temp/184-osborne.pdf>>
332. **Osborne, Joseph.** *Beyond Irregular Warfare: A Strategic Concept for Countering Irregular Adversaries and Engagement in Complex Security Environments*. *Small Wars Journals*, February, 2009. <<http://smallwarsjournal.com/mag/docs-temp/184-osborne.pdf>>
333. **Ostlund, William B.** "Irregular Warfare: Counterterrorism Forces in Support of Counterinsurgency Operations," *The Land Warfare Papers*, No. 91, The Institute of Land Warfare, September 2012. <http://www.ausa.org/publications/ilw/ilw_pubs/landwarfarepapers/Documents/LWP_91_web.pdf>
334. **Owens, Mackubin Thomas.** "Rumsfeld, the Generals, and the State of U.S. Civil-Military Relations," *Naval War College Review*, Vol. 59, No. 4, Autumn 2006, pp. 68–80. <http://www.iskran.ru/cd_data/disk2/rr/042.pdf>
335. **Painter, David J. Mark C. Weaver and Scott C. White.** *Reorganizing for Irregular Warfare*. Thesis, Naval Postgraduate School, Monterey, California, December 2009. <<http://handle.dtic.mil/100.2/ADA514365>>
336. **Pakenham, Thomas.** *The Boer War*. NY: Random House, 1979.
337. **Paul, Christopher, Colin P. Clarke, and Beth Grill.** *Victory Has a Thousand Fathers: Sources of Success in Counterinsurgency*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2010.
338. **Pavlos, Andrew. J.** *The Cult Experience*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1982.
339. **Payne, Robert.** *Lawrence of Arabia: A Triumph*. NY: Pyramid Books, 1962.
340. **Pedersen, Richard.** "Irregular Warfare: Operational Theme or Full Spectrum Operation?" *Small Wars Journal*, 2009. <<http://smallwarsjournal.com/mag/docs-temp/210-pedersen.pdf>>
341. **Perito, Robert M.** "The U.S. Experience with Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan," *Afghan Experience Project*, Washington, DC: United States Institute of Peace, 1 October 2005. <<http://www.peacekeepingbestpractices.unlb.org/pbps/Library/US%20experience%20in%20Afghanistan.pdf>>
342. **Perlmutter, Amos and Valerie Plave Bennett (Eds.).** *The Political Influence of the Military: A Comparative Reader*. New Haven, CT: Yale University Press, 1980.
343. **Peters, Ralph.** "Politically Correct War: US Military Leaders Deny Reality," *The New York Post*, 18 October 2006. <http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2006/1012/pete/peters_pcwar.html>
344. **Peters, Ralph.** *Wars of Blood and Faith: The Conflicts That Will Shape the 21st Century*. Mechanicsburg, PA: Stackpole Books, 2007.
345. **Peterson, Scott.** "Iran war games begin with new 'ultra fast' speed boats," *The Christian Science Monitor*, April 22, 2010. 1 November 2014. <<http://www.csmonitor.com/World/Middle-East/2010/0422/Iran-war-games-begin-with-new-ultra-fast-speed-boats>>

346. **Pfiffner, James P.** "Policy-Making in the Bush White House," *Issues in Governance Studies*, No. 21, October, 2008. <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2008/10/31%20bush%20pfiffner/1031_bush_pfiffner.pdf>
347. **Plutarch.** *The Lives of the Noble Grecians and Romans*. trans. **John Dryden**, Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1952.
348. **Porta, Donatella Della.** "Political Socialization in Left-Wing Underground Organizations: Biographies of Italian and German Militants," *International Social Movement Research*, Vol. 4 1992, pp. 259–290.
349. **Porta, Donatella Della.** *Social Movements, Political Violence, and the State: A Comparative Analysis of Italy and Germany*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
350. **Porter, Patrick.** *Military Orientalism: Eastern War Through Western Eyes*. London, UK: C. Hurst, 2009.
351. **Priest, Dana.** *The Mission: Waging War and Keeping Peace with America's Military*. NY: Norton, 2003, p. 24.
352. **Ramakrishna, Kumar.** "Transmogrifying Malaya: The Impact of Sir Gerald Templer, 1952–54," *Journal of Southeast Asian Studies*, Vol. 32, No. 1, 2001, pp. 29–92.
353. **Rapley, John.** "The New Middle Ages," *Foreign Affairs*, Vol. 83, No. 3, 2006, pp. 95–103 <http://www.ecusd7.org/ehs/ehsstaff/jparkin/Academics/Medieval_World_History/Introduction/Rapley-The_New_Middle_Ages.pdf>.
354. **Rashid, Ahmed.** *Taliban*. NY: Yale University Press, 2010.
355. **Ray, James Lee and Bruce Russett.** "The Future as Arbiter of Theoretical Controversies: Predictions, Explanations and the End of the Cold War," *British Journal of Political Science*, Vol. 26, No. 4, 1996, pp. 441–470. <<https://my.vanderbilt.edu/jamesle ray/files/2014/01/FUTURE-AS-ARBITER.pdf>>
356. **Read, Robyn Colonel.** "Irregular Warfare and the US Air Force: The Way Ahead," *Air and Space Power Journal*, Vol. 21, No. 4, Winter 2007, pp. 42–52. <<http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj07/win07/read.html>>
357. **Record, Jeffrey.** "External Assistance: Enabler of Insurgent Success," *Parameters*, Vol. 36, No. 3, Autumn 2006, pp. 36–49. <<http://www.carlisle.army.mil/usawc/Parameters/06autumn/record.pdf>>
358. **Record, Jeffrey.** *The U.S. Isn't Good at Winning or Supporting Irregular Warfare*. Washington, DC: Cato Institute, 19 October 2006. <http://www.cato.org/pub_display.php?pub_id=6723>.
359. **Remarks** by Assistant to the President for Homeland Security and Counterterrorism John Brennan at CSIS," *The White House, Office of the Press Secretary*, May 26, 2010. <<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-assistant-president-homeland-security-and-counterterrorism-john-brennan-csi>>
360. **Ricks, Thomas E.** *The Gamble*. New York: Penguin, 2009.
361. **Rid, Thomas.** "The Nineteenth Century Origins of Counterinsurgency Doctrine." *Journal of Strategic Studies*, Vol. 33, Issue 5, 2010, pp. 727–758. <<http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01402390.2010.498259#U7-iVOCJmSo>>
362. **Riesebrodt, Martin.** *Pious Passion: The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran*. **D. Reneau**, trans, Berkeley: University of California Press, 1993.
363. **Robbins, Thomas.** "Religious Movements and Violence: A Friendly Critique of the Interpretive Approach," *Nova Religio*, Vol. 1., No. 1, 1997, pp. 13–29.
364. **Rose, John P.** *The Evolution of U.S. Army Nuclear Doctrine, 1945–1980*. Boulder, CO: Westview Press, 1980.
365. **Rosen, Steven Peter.** "Vietnam and the American Theory of Limited War," *International Security*, Vol. 7, No. 2, 1982, pp. 83–113.

366. **Rosenfeld, Jean E.** “The Justus Freeman Standoff: The Importance of Analysis of Religion in Avoiding Violent Outcomes,” in **Catharine L. Wessinger (Ed.) Millennium, Persecution, and Violence: Historical Cases.** Syracuse: Syracuse University Press, 2000, pp. 323–344.
367. **Rubenstein, Richard E.** *Alchemists of Revolution: Terrorism in the Modern World.* NYk: Basic Books, 1987.
368. **Rumsfeld, Donald.** *Known and Unknown: A Memoir.* NY: Sentinel, 2011.
369. **Saad-Ghorayeb, Amal.** “The Hizbollah Project: Last War, Next War.” *OpenDemocracy.net*, 13 August, 2009. <<https://www.opendemocracy.net/article/the-hizbollah-project-last-war-next-war>>
370. **Sacolick, Bennet S. Brigadier General.** “Character and the Special Forces Soldier.” *Special Warfare*, Vol. 22 No. 1, 2009, pp. 8–9.
371. **Sacolick, Bennet S. Brigadier General.** “SOF vs. SOF-like.” *Special Warfare*, Vol. 22, No. 4, April 2009, pp. 9–10. <<https://ronna.apan.org/Lists/Submitted%20Content/Attachments/3256/Special%20Warfare%20Magazine%20Enlisting%20Afghanistan%27s%20Tribes.pdf>>
372. **Sandoz, John.** “Institutionalizing an ‘Irregular Warfare’ Focus in the Navy: Imperative for Confronting Irregular Challenges,” *Small Wars Journal*, 24 August 2011. <<http://smallwarsjournal.com/sites/default/files/842-sandoz.pdf>>
373. **Saul, John R.** “A New Era of Irregular Warfare?,” *Canadian Military Journal*, Vol. 5, No. 4, 2004.
374. **Sawyer, David A.** “The Joint Doctrine Development System,” *Joint Forces Quarterly (JFQ)*, Winter 1996–1997, pp. 36–39
375. **Scales Robert H. Jr.** “Culture-Centric Warfare,” US Naval Institute *Proceedings*, Vol. 130, No. 10, October 2004, pp. 32–36. <http://www.military.com/NewContent/0,13190,NI_1004_Culture-P1,00.html>.
376. **Schimmel, Jeff et al.** “Running from the Shadow: Psychological Distancing from Others to Deny Characteristics People Fear in Themselves,” *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 78, No. 3, 2000, pp. 446–462. <<http://www.psych.ualberta.ca/~jschimmel/PersonalTemplate/schimmel2000runningfromshadow.pdf>>
377. **Schmitt, Eric and Thom Shanker.** *Counterstrike: The Untold Story of America’s Secret Campaign Against Al Qaeda.* NY: Times Books, Henry Holt and Company, 2011.
378. **Scott, James M.** “Interbranch Rivalry and the Reagan Doctrine in Nicaragua,” *Political Science Quarterly*, Vol. 112, No. 2, 1997, pp. 237–239.
379. **Secher, Reynald.** *A French Genocide: The Vendee.* Paris: University of Notre Dame Press, 2003.
380. **Sewall, Sarah.** “Modernizing U.S. Counterinsurgency Practice: Rethinking Risk and Developing a National Strategy,” *Military Review*, Vol. 86, September-October 2006, pp. 107–109. <http://www.hks.harvard.edu/cchrp/Sewall%20-%20military%20review%2010_2006.pdf>;
381. **Shanker, Thom.** “Admiral Defends Use of Elite Unit in Calamitous Raid,” *New York Times* 30 August 2011. <<http://www.nytimes.com/2011/08/31/world/asia/31commander.html>>
382. **Shelley, Louise.** “The Nexus of Organized Crime and International Criminals and Terrorism,” *International Annals of Criminology*, Vol. 40(1–2), 2002, pp. 85–92.
383. **Singer J. David and Paul Diehl (Ed.),** *Measuring the Correlates of War.* Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1991.
384. **Skogan, Wesley.** *Disorder and Decline: Crime and the Spiral Decay in American Neighborhoods.* NY: Oxford University Press, 1990.
385. **Skyttner, Lars.** *General systems theory: Ideas and applications.* Singapore, London, Hong Kong, River Edge, NJ: World Scientific Publishing Co., 2001
386. **Smith, Dan.** “Trends and Causes of Armed Conflict,” in **Berghof.** *Handbook for*

- Conflict Transformation*. Berlin: Berghof Research Center for Constructive Conflict Management, 2000, <<http://www.berghof-handbook.net/cf.htm>>
387. **Smith, Heather J. and Daniel J. Ortiz**. “Is It Just Me? The Different Consequences of Personal and Group Relative Deprivation,” in **Iain Walker and Heather J. Smith (Ed.)**. *Relative Deprivation: Specification, Development and Integration*, Cambridge: Cambridge University Press, 2002, pp. 91–118.
388. **Smith, Rupert**. *The Utility of Force: The Art of War in the Modern World*. New York: Vintage Books, 2005.
389. **Snider, Don M. and Gayle L. Watkins**. “The Future of Army Professionalism: A Need for Renewal and Redefinition,” *Parameters*, Vol. 30, No. 3, Autumn 2000, pp. 5–20. <<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/articles/00autumn/snider.htm>>
390. **Snider, Don M., Paul Oh, and Kevin Toner**. *The Army's Professional Military Ethic in an Era of Persistent Conflict*. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, United States Army War College, 2009. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB895.pdf>>
391. **Snyder, C.R., MaryAnne Lassegard, and Carol E. Ford**, “Distancing after Group Success and Failure: Basking in Reflected Glory and Cutting Off Reflected Failure,” *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 51, No. 2, 1986, pp. 382–388.
392. **Snyder, Neil N.** *Political Generals in Irregular War: A Necessary Evil or Just Plain Evil*. Fort Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies, Army Command and General Staff College, 2010.
393. **Sondhaus, Lawrence**. *Strategic Culture and Ways of War*, Abingdon, MA: Routledge, 2006.
394. **Spies, S. B.** *Methods of Barbarism?: Roberts and Kitchener and Civilians in the Boer Republics, January 1900 — May 1902*. Cape Town: Human & Rousseau, 1977.
395. **Statement of Brigadier General Otis G. Mannon**. U.S. Air Force, Deputy Director, Special Operations, J-3, Joint Staff, Before the 109th Congress Committee on Armed Services, Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities, United States House of Representatives, September 27, 2006.
396. **Statement of Vice Admiral Eric T. Olson**, Deputy Commander, United States Special Operations Command, Before the House Armed Services Committee, Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities, On Irregular Warfare, September 27, 2006. <<http://www.dodg/olc/docs/TestOlson060927.pdf>>
397. **Stevenson, William, Marshall Ecklund, Hun Soo Kim, and Robert Billings**. “Irregular Warfare: Everything Yet Nothing,” *Small Wars Journal*, December 2008. <<http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/irregular-warfare-everything-yet-nothing>>
398. **Strachan, Hew**. “British Counter-Insurgency from Malaya to Iraq,” *RUSI Journal*, Vol. 152, No. 6, December 2007, pp. 8–11 at p. 10.
399. **Strassler, Robert B. (Eds.)**. *The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to “The Peloponnesian War”*. Trans. **Richard Crawley**, New York: Free Press, 1996.
400. **Stuart, Reginald C.** *War and American Thought: From the Revolution to the Monroe Doctrine*. Kent, OH: The Kent State University Press, 1982.
401. **Stubbs, Richard**. *Hearts and Minds in Guerrilla Warfare: The Malayan Emergency, 1948–1960*. Singapore: Eastern Universities Press, 2004, p. 126.
402. **Sun Tzu**. *The Art of War*. Trans. by **S. B. Griffith** with a foreword by **Basil H. Liddell Hart**, London: Oxford University Press, 1963.
403. **Swain, Richard**. “Reflection on an Ethic of Officership,” *Parameters*, Vol. 37, No. 1, Spring, 2007, p. 8. <<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/articles/07spring/swain.pdf>>

404. **Synnott, Hilary.** "Statebuilding in Southern Iraq," *Survival*, Vol. 47, No. 2, 2005, pp. 40–41.
405. **Szayna Thomas S. (Ed.).** *Identifying Potential Ethnic Conflict: Application of a Process Model.* MR-1188, Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2000. <http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1188.html>
406. **Taber, Robert.** *War of the Flea: The Classic Study of Guerrilla Warfare* (1965; reprint, Washington, DC: Potomac Books, 2002).
407. **Tajfel, Henri and John C. Turner.** "The Social Identity Theory of Intergroup Behavior," in **Stepjen Worchel and William G. Austin (Ed.).** *The Social Psychology of Intergroup Relations.* Chicago: Nelson Hall, 1986, pp. 7–24; <http://www.sozialpsychologie.uni-frankfurt.de/wp-content/uploads/2011/10/Tajfel_Turner.pdf>
408. **Tarrow, Sidney.** *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
409. **Taylor Donald M. and Winnifred Louis.** "Terrorism and the Quest for Identity," in **Fathali Moghaddam and Anthony J. Marsella (Ed.)** *Understanding Terrorism: Psychosocial Roots, Consequences, and Interventions,* Washington, DC: American Psychological Association, 2003.
410. **Taylor, Max and John Horgan.** "A Conceptual Framework for Addressing Psychological Processes in the Development of the Terrorist," *Terrorism and Political Violence*, Vol. 18, 2006, pp. 585–601
411. **Thomas, Evan and John Barry.** "The Fight over How to Fight," *Newsweek*, March 24, 2008.
412. **Thomas, Lowell.** *With Lawrence in Arabia.* NY: Century Co., 1924.
413. **Thompson, Robert.** *Defeating Communist Insurgency: Experiences in Malaya and Vietnam.* Study in International Security, London: Chatto&Windus, 1966.
414. **Thornton, Rod.** "Getting it Wrong: The Crucial Mistakes Made in the Early Stages of the British Army's Deployment to Northern Ireland, August 1969 to March 1972," *Journal of Strategic Studies*, Vol. 30, No. 1, 2007, pp. 73–107.
415. **Thucydides.** *The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to The Peloponnesian War.* **Robert B. Strassler (Ed.),** NY: The Free Press, 1996.
416. **Tilford, Earl H. Jr.** *Setup: What the Air Force Did in Vietnam and Why.* Maxwell Air Force Base, AL: Air University Press, 1991.
417. **Tilly, Charles.** *From Mobilization to Revolution.* NY: McGraw-Hill, 1978. <<http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/50931/156.pdf>>;
418. **Tilly, Charles.** *Politics of Collective Violence.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003. <<http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/50863/83.pdf>>
419. **Tilly, Charles.** *The Vendee: A Sociological Analysis of the Counter-Revolution of 1793.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1964.
420. **Travers, Timothy H. E.** "Technology, Tactics, and Morale: Jean de Bloch, the Boer War, and British Military Theory 1900-1914," *The Journal of Modern History*, Vol. 51, No. 2, June 1979, pp. 264–286.
421. **Travers, Timothy H. E.** "The Offensive and the Problem of Innovation in British Military Thought, 1870–1915," *Journal of Contemporary History*, Vol. 13, No. 3, July 1978, pp. 531–553.
422. **Trinquier, Roger.** *Modern Warfare: A French View of Counterinsurgency.* 1961; reprint, Fort Leavenworth, KS: US Army Command and General Staff College, 1985.
423. **Tse-tung, Mao.** *On Guerrilla Warfare.* trans. **Brigadier General Samuel B. Griffith,** NY: Frederick A. Praeger, 1961;
424. **U.S. Army John F. Kennedy Special Warfare Center and School.** *Unconven-*

tional Warfare Definition Working Group. Fort Bragg, NC April 9, 2009.

425. **U.S. Department of Defense**, “Memorandum for Correspondents,” *Memorandum* No. 046-M, March 2, 1995.

426. **U.S. Department of Defense**. *Department of Defense Directive 3000.07: Irregular Warfare (IW)*. Washington D.C.: United States Department of Defense, 2008, pp. 2. <<http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/300007p.pdf>>

427. **U.S. Department of Defense**. *Department of Defense Directive 3000.07*. **U.S. Department of Defense**. *JOC, Version 2.0*, p. 17;

428. **U.S. Department of Defense**. *Irregular Warfare (IW) Joint Operating Concept (JOC)*. Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, January 2007.

429. **U.S. Department of Defense**. *Irregular Warfare (IW) Joint Operating Concept (JOC)*. Version 1.0, Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, September 2007. <http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/iw-joc_v1_2007.pdf>

430. **U.S. Department of Defense**. *Irregular Warfare (IW) Joint Operating Concept (JOC)*. Version 2.0, Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, May 17, 2010b.

431. **U.S. Department of Defense**. *Irregular Warfare: Countering Irregular Threats*. Washington, DC: U.S. Department of Defense, May 2010.

432. **U.S. Department of Defense**. *Joint Operating Concept, Irregular Warfare: Countering Irregular Threats, Version 2.0*. Washington D.C.: Department of Defense, 2010.

433. **U.S. Department of Defense**. *National Defense Strategy of the United States of America*. Washington, D.C., March 2005, pp. 2–4.

434. **U.S. Department of Defense**. *National Military Strategy of the United States of America: A Strategy for Today. A Vision for Tomorrow*. Washington, D.C., March 2005.

435. **U.S. Department of Defense**. *Quadrennial Defense Review Report*. Washington, D.C., 2006.

436. **U.S. Department of Defense**. *Quadrennial Defense Review Report*. Washington, D.C., February 2010. <http://www.defense.gov/qdr/images/QDR_as_of_12Feb10_1000.pdf>

437. **U.S. Department of Defense**. *Report on Progress and Stability in Afghanistan*. Washington, DC: U.S. Department of Defense, October 2011. July 2014. <http://www.defense.gov/pubs/pdfs/October_2011_Section_1230_Report.pdf>

438. **U.S. Department of Defense**. *Unified Command Plan*. Washington, DC: Department of Defense, 2009.

439. **U.S. Department of the Army**. *Army Doctrinal Publication (ADP) 3–0: Unified Land Operations*. Washington, DC: Government Printing Office, 10 October 2011. <http://armypubs.army.mil/doctrine/DR_pubs/dr_a/pdf/adrp3_0.pdf>

440. **U.S. Department of the Army**. *Army Special Operations Forces Unconventional Warfare, Army Field Manual (FM) 3–05.130*. Washington, DC: U.S. Department of the Army, September 30, 2008, pp. 1–4 to 1–5. <<http://fas.org/irp/doddir/army/fm3-05-130.pdf>>

441. **U.S. Department of the Army**. *Field Manual (FM) 3–24.2: Tactics in Counterinsurgency*. Washington, D.C.: Department of the Army, 2009. <http://armypubs.army.mil/doctrine/DR_pubs/dr_a/pdf/fm3_24x2.pdf>

442. **U.S. Department of the Army**. *Field Manual (FM) FM 3–24 and MCWP 3–33.5 Counterinsurgency*. Washington, D.C.: Department of the Army, 2012.

443. **U.S. Department of the Army**. *Field Manual 1: The Army*. Headquarters. Department of the Army. Washington, D.C., 14 June 2005. <http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/army/fm/1/fm1_2005.pdf>

444. **U.S. Department of the Army**. *Field Manual 6–22: Army Leadership*. Headquarters, Department of the Army, October 2006. <<http://fas.org/irp/doddir/army/fm6-22.pdf>>

445. **U.S. Department of the Army**. *FM 34–130. Intelligence Preparation of the Bat-*

- tlefield. Headquarters, Department of the Army Washington, DC, July 1994. <<http://fas.org/irp/doddir/army/fm34-130.pdf>>.
446. **U.S. Department of the Army.** *Stability Operations in an Era of Persistent Conflict*. Washington, DC: Headquarters, Department of the Army, 2008.
447. **U.S. House of Representatives, Committee on Armed Services, Subcommittee on Oversight and Investigations.** *Another Crossroads? Professional Military Education Two Decades After the Goldwater-Nichols Act and the Skelton Panel*. Committee Print 111-4, Washington, DC: U.S. Government Printing Office, April 2010. <http://democrats.armedservices.house.gov/index.cfm/files/serve?File_id=d4748d4a-b358-49d7-8c9a-aa0ba6f581a6>
448. **U.S. House of Representatives, House Armed Services Committee.** *National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2013: Report Together with Additional and Dissenting Views (to accompany H.R.4310) (H.Rpt. 112-479)*. Washington, DC: Government Printing Office, May 11, 2012. <<http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CRPT-112hrpt479/pdf/CRPT-112hrpt479.pdf>>
449. **U.S. Joint Chiefs of Staff.** *Joint Publication 1 (JP1), Doctrine for the Armed Forces of the United States*. Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, 25 March, 2013. <http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp1.pdf>
450. **U.S. Joint Chiefs of Staff.** *Joint Publication 1-02: Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms*. Washington, D.C.: Department of Defense, 12 April 2001. As Amended through 17 October 2008. <http://www.bits.de/NRANEU/others/jp-doctrine/jp1_02%2810-08%29.pdf>
451. **U.S. Joint Chiefs of Staff.** *Joint Publication 4-0 (JP 4-0) Joint Logistics*. Washington, DC: The Joint Staff, July 18, 2008. <http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp4_0.pdf>
452. **U.S. Joint Chiefs Staff.** *Joint Publication 3-0, Joint Operations*. Washington, DC: U.S. Department of Defense, 17 September 2006, Incorporating Change 1, 13 February 2008. <http://www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp3_0.pdf>
453. **U.S. Joint Forces Command Joint Irregular Warfare Center.** *Irregular Adversaries and Hybrid Threats. An Assessment*. July 12, 2011. <<http://info.publicintelligence.net/USJFCOM-IrregularThreats.pdf>>
454. **U.S. Marine Corps Combat Development Command.** *June 2006 Tentative Manual for Countering Irregular Threats: An Updated Approach to Counterinsurgency Operations*. Quantico, Va., June 7, 2006.
455. **U.S. Marine Corps** *Small Wars Manual*. United States Marine Corps, 1940, 1940; reprint, Manhattan, S: Sunflower University Press, 2004.
456. **U.S. Marine Corps.** "The Long War: Send in the Marines. A Marine Corps Operational Employment Concept to Meet an Uncertain Security Environment," Quantico, Va.: U.S. Marine Corps, 2008.
457. **U.S. Navy Vision for Confronting Irregular Challenges — Pursuing a Capability Balance for 21st Century Operations.** January 2010. <http://www.navy.mil/navydata/cno/CNO_SIGNED_NAVY_VISION_FOR_CONFRONTING_IRREGULAR_CHALLENGES_JANUARY_2010.pdf>
458. **U.S. State Department.** *Foreign Terrorist Organizations*. Washington DC: Bureau of Counterterrorism, September 28, 2012. <<http://www.state.gov/j/ct/rls/other/des/123085.htm>>
459. **UK Ministry of Defence.** "Adaptability and Partnership: Issues for the Strategic Defence Review," Cm 7794, Presented to Parliament by the Secretary of State for Defence By Command of Her Majesty, London, UK: The Stationery Office, February 2010.

<https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/35927/defence_green_paper_cm7794.pdf>

460. **United States Army John F. Kennedy Special Warfare Center and School.** *Unconventional Warfare Definition Working Group*. Fort Bragg, NC, April 9, 2009.

461. **United States Congress.** “§ 167. — Unified Combatant Command for Special Operations Forces,” Government Printing Office, 2010. <<http://www.gpo.gov/fdsys/granule/USCODE-2010-title10/USCODE-2010-title10-subtitleA-part1-chap6-sec168/content-detail.html>>

462. **United States Department of State Bureau of Political-Military Affairs.** *U.S. government Counterinsurgency Guide*. Washington, D.C.: Department of State. 2009. <<http://www.state.gov/documents/organization/119629.pdf>>

463. **US Army Irregular Warfare Center.** “Irregular Warfare: A Clear Picture of a Fuzzy Objective,” *Small Wars Journal*, October 22, 2013. <<http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/irregular-warfare-a-clear-picture-of-a-fuzzy-objective>>

464. **Uyar, Mesut and Edward J. Erickson.** *A Military History of the Ottomans: From Osman to Atatürk*. Santa Barbara, CA: Praeger Security International, 2009. <http://psi424.cankaya.edu.tr/uploads/files/Uyar%20and%20Erickson%20%28eds_%29,%20A%20Military%20Hist%20of%20the%20Ottomans.PDF>

465. **Vacca, W. Alexander and Mark Davidson.** “The Regularity of Irregular Warfare,” *Parameters*, Vol. 41, No. 1, Spring 2011. <<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/Articles/2011spring/Vacca-Davidson.pdf>>

466. **Valverde, Mariana and Michael Mopas,** “Insecurity and the Dream of Targeted Governance,” in **Wendy Larner and William Walters (Ed.)** *Global Governmentality: Governing International Spaces*. London: Routledge, 2004, pp. 233–250;

467. **Vandello, Joseph A., Nadav P. Goldschmied, and David A.R. Richards.** “The Appeal of the Underdog,” *Personality and Social Psychology*, Vol. 33, No. 12, 2007, pp. 1603–1616.

468. **Vick, Alan J. et al. (Eds.)** *Air Power in the New Counterinsurgency Era: The Strategic Importance of USAF Advisory and Assistance Missions*. RAND Corporation monograph series, edited by RAND Project Air Force. Santa Monica, CA: RAND Corporation, MG509, 2006. <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2006/RAND_MG509.pdf>

469. **Vinci, Anthony.** “The ‘Problems of Mobilization’ and the Analysis of Armed Groups,” *Parameters* Vol. 36, No. 1, U.S. Army War College Quarterly, Spring, 2006, pp. 49–62. July 2014. <<http://strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/parameters/articles/06spring/vinci.pdf>>

470. **Vinci, Anthony.** *Armed Groups and the Balance of Power*. NY: Routledge, 2009.

471. **Wallis, Roy.** “Three Types of New Religious Movements,” in **L. Dawson (Ed.)** *Cults in Context: Readings in the Study of New Religious Movements*. Toronto: Canadian Scholars’ Press, 1996, pp. 39–72.

472. **Webber, Craig.** “Reevaluating Relative Deprivation Theory,” *Theoretical Criminology*, Vol. 11, 2007, No. 1, pp. 97–120.

473. **Weems, Max C.** *An Air Force for the Long War and Beyond*. Air University, Air Command and Staff College, Maxwell Air Force Base, AL: Air University Press, 2008.

474. **Wellman, James K. Jr.** “Religion and Violence: Past, Present, and Future,” in **Wellman, James K. Jr (Ed.)**. *Belief and Bloodshed: Religion and Violence Across Time and Traditio*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2007.

475. **Wessinger, Catherine L.** *How the Millennium Comes Violently: From Jonestown to Heaven’s Gate*. NY: Seven Bridges Press, 2000.

476. **Wilner, Alex. S.** *An Evolution in Military Affairs: Civil-Military Relations in an Age of Unconventional Warfare & Catastrophic Terror*. 2005, p. 15. <<http://www.academia.edu>

2350222/An_Evolution_in_Military_Affairs_Civil-Military_Relations_in_an_Age_of_Unconventional_Warfare_and_Catastrophic_Terror>

477. **Wilson, James Q.** *Bureaucracy: What Government Agencies do and Why they do it*. NY: Basic Books, 1989.

478. **Wilson, Jeremy.** *Lawrence of Arabia: the Authorized Biography of T.E. Lawrence*. NY: Atheneum, 1990.

479. **Winton, Harold R.** “An Imperfect Jewel: Military Theory and the Military Profession,” *The Journal of Strategic Studies*, Vol. 34, No. 6, December 2011, pp. 853–877. <<http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/01402390.2011.583389>>

480. **Wither, James K.** “Basra's not Belfast: The British Army, ‘Small Wars’ and Iraq,” *Small Wars and Insurgencies*, Vol. 20, No. 3 and 4, 2009, pp. 611–635.

481. **Witte, Kim and Mike Allen.** “A Meta-Analysis of Fear Appeals: Implications for Effective Public Health Campaigns,” *Health Education and Behavior*, Vol. 27, No. 5, 2000, pp. 591–615. <<http://www.mnt.ee/public/Fear.pdf>>

482. **Woodward, Bob.** *The War within: A Secret White House History 2006–2008*. New York: Simon and Schuster, 2008.

483. **Xu, Yili. Mora L. Fiedler and Karl H. Flaming,** “Discovering the Impact of Community Policing: The Broken Windows Thesis, Collective Efficacy, and Citizens’ Judgment,” *Journal of Research in Crime and Delinquency*, Vol. 42, No. 2, 2005, pp. 147–186 <<http://www.sagepub.com/haganstudy/abstracts/pdfs/Xu.pdf>>

484. **Yingling, Paul.** “A Failure in Generalship,” *Armed Forces Journal*, May, 2007. <<http://www.armedforcesjournal.com/a-failure-in-generalship/>>

485. **Арзуманян, Р. В.** *Кромка хаоса. Парадигма нелинейности и среда безопасности 21 века*. Издательский дом «Регнум», Серия Selecta XIX, Москва, 2012. 600 стр.

486. **Иосиф Флавий.** Иудейская война / Пер. с древнегреч. М. Финкельберг и А. Вдовиченко. Под ред. А. Ковельмана. (Серия «Библиотека Флавиана»). М.: Мосты культуры — Иерусалим: Гешарим, 1992.

Список сокращений

АИП	— Американский институт предпринимательства (American Enterprise Institute)
БПЛА	— беспилотные летающие аппараты
ВС	— вооруженные силы
ИВД	— иррегулярные военные действия
КПО	— контрповстанческие операции
КСО	— Командование специальных операций
МО	— министерство обороны
НБ	— национальная безопасность
НЦНР	— национальный центр наземной разведки США
НЭО	— насильственные экстремистские организации
ОКБД ИВД	— Объединенная концепция ведения боевых действий в рамках ИВД
ОКНШ	— Объединенный комитет начальников штабов

Научное издание

Арзуманян Р.В.

Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения

**Теоретические и стратегические проблемы концептуализации,
религиозные и военно-политические отношения
в операционной среде иррегулярных военных действий**

*Под общей редакцией доктора военных наук,
профессора, генерал-лейтенанта
Михайловского А.Б.*

Подписано в печать 16.12.2014. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20,875. Уч.-изд. л. 23,18. Тираж 500 экз. Заказ № 164.

Центр стратегических оценок и прогнозов
<http://csef.ru/> 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д. 13, стр. 1

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД №00595